

Красноярские
краевые

XXI

Рождественские
образовательные
чтения

— 2021 —

Александр
Невский
запад и восток,
историческая память
народа

Г. КРАСНОЯРСК

Красноярская митрополия Русской Православной Церкви
Управление общественных связей Губернатора Красноярского края
Министерство образования Красноярского края
Главное управление образования администрации города Красноярска
Сибирский федеральный университет
Красноярский краевой институт повышения квалификации
и профессиональной переподготовки работников образования
Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Красноярский государственный аграрный университет
Дом дружбы народов Красноярского края
Красноярская региональная общественная организация
духовно-нравственного возрождения Сибири «Ладанка»
Автономная некоммерческая организация дополнительного профессионального
образования «Красноярский институт развития духовно-нравственной культуры»
Музейно-просветительский центр духовной
культуры Красноярского края «Касьяновский дом»

**XXI КРАСНОЯРСКИЕ КРАЕВЫЕ
РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ
ЧТЕНИЯ «АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ: ЗАПАД
И ВОСТОК, ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ НАРОДА»**

**Межрегиональная
научно-практическая
конференция**

(Красноярск, 20–22 января 2021 г.)
Материалы и доклады

**Сборник включен
в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**

Красноярск
Издательский дом «Восточная Сибирь»
2021

ББК 86.372.24 я 43
Р 62

По благословиению Высокопреосвященнейшего Пантелеимона,
Митрополита Красноярского и Ачинского

Р62 XXI Красноярские краевые Рождественские образовательные чтения «Александр Невский: Запад и Восток, историческая память народа». — Красноярск: ООО «Издательский дом «Восточная Сибирь», 2021. — 400 с.

В сборник включены доклады и материалы межрегиональной научно-практической конференции — XXI Красноярских краевых Рождественских образовательных чтений. Крупнейший в Красноярском крае ежегодный религиозно-общественный форум прошёл 20–22 января 2021 г. под почётным председательством митрополита Красноярского и Ачинского Пантелеимона. Тема XXI Чтений — «Александр Невский: Запад и Восток, историческая память народа». География участников: Красноярский край, город Москва, Республика Карелия, Иркутская, Новосибирская и Томская области, Ставропольский край. В рамках Чтений была проведена работа по направлениям: «Церковь и общество», «Церковь и образование», «Церковь и культура», «Церковь и история Приенисейской Сибири». Также была организована секция «Философия и теология».

УДК 27(082)
ББК 86.372.24 я 43

ISBN 978-5-903957-27-9

- © Архиерейский образовательный центр Красноярской епархии Русской Православной Церкви, 2021
- © Красноярская региональная общественная организация духовно-нравственного возрождения Сибири «Ладанка», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

XXI КРАСНОЯРСКИЕ КРАЕВЫЕ РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ЧТЕНИЯ

XXI Красноярские краевые Рождественские образовательные чтения.....	10
--	----

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ПОСЛАНИЯ 2021 ГОДА

Рождественское послание Патриарха Московского и всея Руси Кирилла	16
Рождественское послание Главы Красноярской митрополии Высокопреосвященнейшего Пантелеимона, Митрополита Красноярского и Ачинского	19

ОБРАЩЕНИЯ К УЧАСТНИКАМ XXI КРАСНОЯРСКИХ КРАЕВЫХ РОЖДЕСТВЕНСКИХ ЧТЕНИЙ

Приветственное слово председателя Оргкомитета Чтений — Главы Красноярской митрополии Митрополита Красноярского и Ачинского Пантелеимона.....	24
Приветственное слово Губернатора Красноярского края Александра Викторовича Усса	27

НАПРАВЛЕНИЕ

«ЦЕРКОВЬ И ИСТОРИЯ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ»

Баяндин В. И.

Первая мировая война: сибирские епархиальные ведомости о героях и защитниках Отечества	30
---	----

Болонкина Е. В.

Особенности социально-правового статуса духовенства Енисейской губернии (1822–1917 гг.)	48
--	----

Гавриленко Т. В.

Дорога на Терехтюль (в Михайловку) — 300 лет истории	60
--	----

<i>Сентябова М. В.</i> К вопросу о судьбе церкви Енисейской епархии в 1930-е — 1950-е гг.....	71
<i>Шушканова Е. А.</i> Общество святого Александра Невского в Красноярске (XIX — начало XX вв.)	83

НАПРАВЛЕНИЕ

«ЦЕРКОВЬ И ОБРАЗОВАНИЕ»

<i>Баринова С. Г.</i> О необходимости изучения теологии в высшем учебном заведении.....	94
<i>Бухарин Г. С.</i> Патриотическое воспитание в среднем профессиональном образовании: актуальные проблемы реализации	101
<i>Зубрева Е. В.</i> Влияние профессиональных компетенций педагога на выбор учащимися модуля ОРКСЭ.....	107
<i>Зубрева Е. В.</i> Особенности построения и методика работы с учебным пособием «Хрестоматия для уроков ОРКСЭ. Модуль „Православие“»	112
<i>Краснощекова Я. В.</i> Современные отечественные произведения о Древней Руси в системе внеклассного чтения учащихся.....	117
<i>Ломанов П. В.</i> Проблема формирования культурной толерантности у учащихся средней школы в процессе преподавания обществоведческих дисциплин	127
<i>Никифорова Л. В.</i> Проблемы и достижения духовно-нравственного воспитания в Красноярском педагогическом колледже № 1 имени М. Горького на отделении «Музыкальное образование»	137

НАПРАВЛЕНИЕ

«ЦЕРКОВЬ И ОБЩЕСТВО»

Доклад «Идти только вперёд, помнить, кто мы и откуда пришли: историческое будущее Отечества» на Пленарном заседании Чтений заместителя начальника Управления общественных связей Губернатора Красноярского края — советника руководителя Администрации Губернатора Красноярского края Виталия Богомазюка 146

Протоиерей Александр Садовьюк

Миссионерская деятельность православных монастырей Кубанской области во второй половине XIX — начале XX вв. 153

Тимофеева С. В.

К вопросу реализации духовно-просветительской линии в работе Народного университета 165

НАПРАВЛЕНИЕ

«ЦЕРКОВЬ И КУЛЬТУРА»

Батырова Ю. А.

Трансформация конфликта личности и социума в антиутопии XX века: от О. Хаксли до А. и Б. Стругацких 182

Бурыгина Т. С.

Об экуменических идеях в творчестве А. Дж. Кронина 195

Золотухина О. Ю.

Пушкин и Шекспир: осмысление творчества национальных гениев в христианском контексте 203

Логинова Т. Н.

Изучение русской и зарубежной литературы в контексте христианской культуры (из опыта внеклассной работы) 226

Найко Н. М.

Множественность отражений как фактор музыкальной организации в арии «Agnus Dei» из Мессы си минор Баха..... 245

Одереева С. В.

«Страстная седмица» Максимилиана Штейнберга 261

<u>Пацьорка Е. И.</u> Педагогические идеи Ф. М. Достоевского в контексте православной духовности (на материале «Дневника писателя» и эго документов).....	272
<u>Пономарёв В. В.</u> Красноярский композитор Михаил Петрович Ступницкий.....	280
<u>Тарасенко Д. Ю.</u> Символические значения цветка розы в поэзии Серебряного века	287
<u>Третьякова Е. В.</u> Изображение и разрешение школьного конфликта в подростковой литературе.....	296
<u>Тюрина С. А.</u> Речевые стратегии и тактики в проповедях иерея Геннадия Фаста	300
<u>Уминова Н. В.</u> Православная проблематика в современных произведениях читателя-подростка.....	309
<u>Федосеева Е. Р.</u> Ребёнок и война: крушение гуманизма (по роману В. Сёмина «Нагрудный знак „OST“»)	316
<u>Федченко А. В.</u> Герои-трикстеры в романе И. В. Бояшова «Танкист, или Белый Тигр».....	324
<u>Шаклеина Е. И.</u> Образ Спаса Нерукотворного в Приенисейской иконописи XVIII – начала XX века	332
<u>Шилова А. С.</u> Житие и антижитие в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: противопоставление образов старца Зосимы и Фёдора Павловича	344

СЕКЦИЯ

« ФИЛОСОФИЯ И ТЕОЛОГИЯ »

Бармашова Т. И.

«Русская идея» как теория и практика 354

Круглова И. Н.

Теология как метадискурс в современном гуманитарном знании: вызовы постсекуляризма..... 362

Кубасова Я. В.

Дарование и гениальность 370

Ломанов П. В.

Понимание религии в философской публицистике Вяч. И. Иванова..... 378

Подъяпольская А. В.

Воинская этика и принцип ненасилия в эпоху пандемии 385

ДЛЯ ЗАМЕТОК..... 398

**XXI КРАСНОЯРСКИЕ
КРАЕВЫЕ РОЖДЕСТВЕНСКИЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ЧТЕНИЯ**

XXI КРАСНОЯРСКИЕ КРАЕВЫЕ РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ЧТЕНИЯ

20–22 января в Красноярске состоялась межрегиональная научно-практическая конференция — XXI Красноярские краевые Рождественские образовательные чтения «Александр Невский: Запад и Восток, историческая память народа».

В этом году, в связи с эпидемической обстановкой конференция впервые прошла в смешанном формате, объединив очные и сетевые формы взаимодействия участников. Секции форума провели работу на онлайн-площадках [webinar.ru](https://www.webinar.ru) и Zoom, а также в красноярском Архиерейском доме, Государственной универсальной научной библиотеке и Доме искусств. Новый формат не уменьшил масштабов конференции — всего было заявлено более 180 докладов, в том числе от 5 докторов и 27 кандидатов наук, регистрацию на участие в конференции прошли более 500 человек, а трансляции секций конференции на Youtube к настоящему времени набрали более 900 просмотров — не считая тех участников, кто был непосредственно подключён к площадкам конференции.

Всего состоялось более 20 тематических секций и других мероприятий по направлениям: «Церковь и образование», «Церковь и общество», «Церковь и история Приенисейской Сибири» и «Церковь и культура». География конференции включила в себя Красноярский край, г. Москву, Республику Карелию, Ставропольский край, Новосибирскую, Томскую и Иркутскую области.

Открылись Чтения пленарным заседанием, которое состоялось на платформе [webinar.ru](https://www.webinar.ru). Собранных приветствовали: председатель оргкомитета форума Митрополит Красноярский и Ачинский Пантелеимон, Губернатор Красноярского края Александр Викторович Усс, епископ Минусинский и Курагинский Никанор (на момент публикации сборника — архиепископ Южно-Сахалинский и Курильский), епископ Норильский и Туруханский Агафангел и епископ Енисейский и Лесосибирский Игнатий.

Пленарные доклады представили: заместитель начальника

Управления общественных связей Губернатора Красноярского края — советник руководителя администрации Губернатора Красноярского края Виталий Иванович Богомазюк; кандидат исторических наук, заместитель директора по учебно-воспитательной работе средней школы № 12 города Красноярска Александр Петрович Дементьев; директор музея «Мемориал Победы» города Красноярска Татьяна Владимировна Ивлева.

Частью программы первого дня Чтений стали церемония награждения и презентация работ победителей регионального этапа Всероссийского конкурса «За нравственный подвиг учителя».

Также в первый день Чтений работу провели тематические секции. Участники секции «Философия и теология», которая прошла в красноярском Архиерейском доме, обсудили связь научного разума и религии. Педагоги из разных территорий края и красноярское духовенство поделились практиками совместной работы образовательных организаций и Церкви на секции «Взаимодействие системы образования и Православной Церкви». Также в первый день краевых Рождественских чтений работу провела секция «Тюремное служение Красноярской митрополии» направления «Церковь и общество».

Второй день Чтений начался с музыкальной секции направления «Церковь и культура», которая прошла в красноярском Доме искусств. В этот же день в Государственной универсальной научной библиотеке Красноярского края (ГУНБ) состоялась работа основной секции направления, одноимённой ему.

Также в ГУНБ обсудили различные аспекты церковной жизни в Енисейской губернии и Красноярском крае в разные временные периоды на секции «Церковь и история Приенисейской Сибири». На площадке для проведения вебинаров Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнёва состоялась секция «Церковь и общество», а на платформе Zoom прошла секция «Церковь и казачество».

Параллельно с этим на площадке webinar.ru прошли сразу четыре секции в рамках направления «Церковь и образование»: «Школьные рабочие программы воспитания: опыт разработки и перспективы

реализации», «Содержание и формы организации воспитательной деятельности», «Воспитание в условиях профессионального образования» и «Воспитание ребёнка дошкольного возраста (первая часть)». Отметим, что в этом году наибольшее количество заявок поступило именно в секцию, посвящённую дошкольному воспитанию, в связи с чем она была разделена на две части.

Последний день работы XXI Рождественских чтений начался с секций «Филология в христианском контексте: литературоведение» и «Воскресные школы Красноярской митрополии: воспитание, катехизация и воцерковление», которые прошли в Государственной универсальной научной библиотеке Красноярского края.

Завершающими мероприятиями всех Чтений стали ещё четыре секции направления «Церковь и образование» на площадке webinar.ru: «Герои и образцы нравственности в содержании учебного курса „Основы религиозных культур и светской этики“ (ОРКСЭ)», «Предметная область „Основы духовно-нравственной культуры народов России“ (ОДНКНР): практики реализации», «Педагогика приобщения к исторической памяти народа» и «Воспитание ребёнка дошкольного возраста (вторая часть)».

Основную программу Рождественских чтений в Красноярске предварила первая часть секции для воскресных школ, посвящённая в первую очередь работе на приходе.

Митрополит Красноярский и Ачинский Пантелеимон, председатель оргкомитета Чтений:

— Это прекрасное мероприятие, которое мы готовим целый год, не оставляет никого равнодушным и в новых условиях. Условиях необычных, но зато современные технические возможности позволяют нам говорить о серьёзных вещах, размышлять на эти темы, предлагать своё видение, задавать свои вопросы и пытаться давать ответы на все вызовы и запросы современности.

Господь — Начальник мира, всё начало разумного и прекрасного положено в Боге и от Бога. Господь дал человеку мудрость находить наиболее оптимальные условия, наиболее оптимальную возможность жить в разных состояниях общества, и самое главное

— дал человеку разум, возможность выживать и двигаться вперёд.

Андрей Бардаков, руководитель исполнительной дирекции Чтений, член Общественной палаты Красноярского края, директор Архиерейского образовательного центра Красноярской епархии:

— Несомненным плюсом дистанционного формата мероприятия является расширение географии участников. В таком формате очень легко работать с самыми разными точками нашего региона, невзирая на погодные условия, удалённость или какие-либо материальные, или временные трудности.

Из минусов, конечно, стоит отметить отсутствие возможности настоящего диалога: живого, не стеснённого, братского, чтобы проявить друг к другу любовь, уважение и почтение, которые всегда царят в духовном пространстве участников Чтений.

Наталья Ковтун, руководитель направления «Церковь и культура», член президиума Общества русской словесности, заместитель декана по научной работе филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева, профессор, доктор филологических наук:

— Традиционно аспиранты, магистранты и просто студенты начинают готовиться к Рождественским чтениям заранее. Конференций, связанных с такими областями гуманитарных знаний, как филология и литературоведение, в Красноярском крае очень мало. Огромный плюс Рождественских чтений в том, что здесь выступает много молодых участников, которые не ограничены в выборе тем.

Татьяна Садырина, модератор секции «Филология в христианском контексте», декан филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева, кандидат филологических наук, доцент:

— Следует сказать, что, несмотря на неожиданный формат наших Рождественских чтений, нам удалось провести полноценные, интересные, научные, образовательные Чтения. Очень хочется, чтобы всё, что мы обсуждали, стало достоянием учителей, и было использовано в работе. Мне кажется, что это выход на новый уровень возможностей просвещения, в самом высоком смысле — духовном — тех, кто работает с учащимися, и самих учащихся.

**РОЖДЕСТВЕНСКИЕ
ПОСЛАНИЯ 2021 ГОДА**

**РОЖДЕСТВЕННОЕ ПОСЛАНИЕ ПАТРИАРХА
МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ
КИРИЛЛА АРХИПАСТЫРЯМ, ПАСТЫРЯМ,
ДИАКОНАМ, МОНАШЕСТВУЮЩИМ И ВСЕМ ВЕРНЫМ
ЧАДАМ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ**

Возлюбленные о Господе архипастыри, всечестные пресвитеры и диаконы, боголюбивые иноки и инокини, дорогие братья и сестры!

Сердечно поздравляю всех вас со светлым праздником Рождества Христова. Ныне Церковь небесная и земная торжествует, радуясь пришествию в мир Господа и Спасителя нашего, возносит хвалу и благодарение Богу за Его милость и любовь к человеческому роду. С духовным трепетом вслушиваемся мы в слова песнопения: *«Христос рождается — славите! Христос с небес — срящите!»* (ирмос канона Рождеству Христову). С благоговением и надеждой взираем на Вифлеемскую пещеру, где в убогих яслях лежит в пеленах повитый Богомладенец.

Воистину днесь свершилась *«великая благочестия тайна: Бог явился во плоти, оправдал Себя в Духе, показал Себя ангелам»* (1 Тим. 3, 16). Невозможно до конца проникнуть умом в тайну Боговоплощения. Невозможно в полной мере постичь, как же Тот, Кто является источником жизни для всего существующего, согревается ныне дыханием животных! Создатель Вселенной смиряет Себя, принимая образ творения! Сын Божий становится Сыном Человеческим! *«Не исследуй, как это, — предупреждает святитель Иоанн Златоуст, — где хочет Бог, там побеждается порядок природы. Он восхотел, возмог, нисшел и спас. Всё повинуетя Богу. Сегодня рождается Сущий, и Сущий становится тем, чем Он не был. Будучи Богом, Он делается и человеком, не преставая быть Богом»* (Слово на Рождество Спасителя нашего Иисуса Христа).

Отмечая миротворительный праздник Рождества Христова, мы размышляем о его непреходящем значении для всего человечества. И это верно. Но важно осознавать ещё и личное измерение, которое имеет для каждого из нас тайна Боговопло-

щения, ведь неслучайно мы обращаемся в молитвах ко Господу, называя Его своим Спасителем.

Мы опытно знаем, что человек не способен сам преодолеть в себе зло, как бы настойчиво он ни старался это сделать. Грех, глубоко поразивший душу и повредивший человеческую природу, невозможно побороть никакими духовными практиками и психологическими тренингами. Лишь Бог способен исцелить и восстановить в первозданной красоте всего человека. *«Для чего же Господь облёкся плотию?»* — задаётся вопросом преподобный Ефрем Сирийский и отвечает: *«Для того, чтобы сама плоть вкусила радость победы и чтобы исполнилась и познала дары благодати..., дабы люди как бы на крыльях возносились к Нему и в Нем Одном находили упокоение»* (Толкование на Четвероевангелие. Гл. 1). Воплощение Христово освобождает от рабства греху и открывает путь ко спасению.

«Я свет, пришёл в мир, чтобы всякий, верующий в Меня, не оставался во тьме» (Ин. 12, 46), — свидетельствует Господь. Подобно яркой Вифлеемской звезде, приведшей к Богомладенцу Иисусу восточных мудрецов из далёких стран, мы, христиане, будучи истинными сынами и дочерьми света (Ин. 12, 36), призваны освещать этот мир светом веры (Мф. 5, 14), дабы окружающие, видя пример нашей стойкости и мужества, долготерпения и духовного благородства, великодушия и нелицемерной любви к ближним, *«прославили Бога в день посещения»* (1 Пет. 2, 12).

Сегодня, когда народы земли переживают непростое испытание новой болезнью, когда сердца людей охвачены страхом и тревогой за будущее, нам особенно важно усилить соборную и частную молитву, принеси Господу сугубый труд добродетели. Многие из наших братьев и сестёр из-за вредоносного поветрия лишены ныне возможности посещать храмы. Вознесём о них прошения милосердному Творцу, дабы Он обновил их душевные и телесные силы, даровал болящим скорейшее исцеление и ниспослал Свою помощь врачам и всем медицинским работникам, самоотверженно борющимся за их здоровье и жизни.

Будем помнить, что никакие проблемы не способны сломить дух человека, если он сохраняет живую веру и во всём полагается на Бога. А потому без ропота приемлем и постигшие нас испытания, *ибо, аще на Него надеяться будем, будет нам во освящение, яко с нами Бог* (чинопоследование Великого повечерия), как воспевает в эти святые рождественские дни Церковь Христова. Будем молиться, чтобы и убогую пещеру нашей жизни озарил нетленный свет Божества, чтобы и наше сокрушенное и смиренное сердце, как Вифлеемские ясли, с благоговением восприняло Пришедшего в мир Спасителя.

Не тесно Богу в сердце человека, если оно исполнено любви. *«Делатель любви будет сожителем Ангелов и со Христом воцарится»*, — свидетельствует преподобный Ефрем Сирийский (Слово о добродетелях и пороках, 3). Пусть святые дни праздника станут для нас особым временем для совершения добрых дел. Используем эту благодатную возможность и прославим Рождшегося Иисуса Христа, явив милосердие к ближним, оказав помощь нуждающимся, утешив скорбящих и, может быть, в первую очередь тех, кто страдает от коронавирусной инфекции или её последствий.

Да просветит Господь светом познания Своего народы земли, да благословит их миром и да поможет всем нам осознать общую ответственность за настоящее и будущее планеты. Да ниспослёт Родившийся Богомладенец любовь и согласие в наши семьи, да оградит молодёжь нашу да и всех нас от грехов и опасных ошибок. Ещё раз сердечно поздравляю вас, мои дорогие, со светозарным праздником Рождества Христова и желаю всем крепкого здоровья, неоскудевающей радости и щедрой помощи от Бога — Света истинного, Иже просвещает всякого человека, грядущего в мир (Ин. 1, 9). Аминь.

+КИРИЛЛ,
ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ
РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО 2020/2021
Г. МОСКВА

**РОЖДЕСТВЕННОЕ ПОСЛАНИЕ
ГЛАВЫ КРАСНОЯРСКОЙ МИТРОПОЛИИ
ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЕЙШЕГО ПАНТЕЛЕИМОНА,
МИТРОПОЛИТА КРАСНОЯРСКОГО И АЧИНСКОГО
КЛИРУ, МОНАШЕСТВУЮЩИМ, МИРЯНАМ И ВСЕЙ
БОГОХРАНИМОЙ ПАСТВЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ**

*Видев Зиждитель гиблема человека,
руками егоже созда, приклонив Небеса, сходит;
Сего же от Девы Божественныя
Чистыя всего осуществляет,
воистинну воплощся, яко прославися.
(канон Рождества Христова)*

Дорогие братья и сестры, возлюбленные христиане!

Как солнце светит, согревая и освещая мир, так души и сердца наши освещает Господь наш и Спаситель Иисус Христос Своим Рождеством. Рождественский свет стал для нас светом спасения от всего, губящего наши души.

Рождество Христово — это праздник ожидания, исполнения надежд, обновления мира, исходящего от Создателя Вселенной.

Господь пришел в мир негромко, неприметно, более чем скромно. Но свет Его явления в мир освещает жизнь людей вот уже более двух тысяч лет. И мы славим Его, потому что видим испытываемую Им необъяснимую человеческим языком любовь к нам, к людям. И в этой любви мы находим очищение, прощение и исправление нашим грехам.

Рождество 2021 года мы встречаем в непростых условиях. Грозное явление, в виде поветрия, пандемии, изменило нашу жизнь. Но это и Божественное откровение. О том, что Бог видит, оценивает состояние рода человеческого, и призывает к исправлению жизнью согласно Его заповедям и Его спасительным примерам, которые открываются в Рождестве Его Сына, Сына Божиего и человеческого Иисуса Христа.

Как верующие люди мы должны быть верными Господу. Все человеческие беды происходят от согрешений. Грех — результат отступления от Божественного пути и следования по ложному направлению, убивающему в людях всё светлое, нравственное и человеческое.

Апостол Павел предупреждает нас: *«Смотрите, братия, чтобы кто не увлек вас философиею и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу»* (Кол. 2:8). Так люди жили до Рождества Христова, но когда совершилось это великое событие, человечество приняло то, что Господь создал человека — творца добра, мира, любви.

«Посему, как вы приняли Христа Иисуса Господа, так и ходите в Нем» (Кол. 2:6). Следуя за Господом, мы обретаем духовную дисциплину, находим мужество в своих сердцах и твёрдость духа даже в самые сложные времена. Господь Иисус Христос укрепляет мужество веры и благословляет свободу в каждом верующем.

Человек есть дом Духа Святого. И когда в этом «доме» поселяется грех, порок — тогда и наступает погибель его. И только чистота духовная спасает, врачует и сохраняет его.

«Ибо призвал нас Бог не к нечистоте, но к святости» (1Фес. 4:7), пишет апостол Павел. Будем же эту святость хранить и умножать. Братья и сестры, берегите свои семьи, рожайте детей, воспитывайте и заботьтесь о них. Трудитесь, чтобы труд кормил вас, молитесь дома и в храме, не забывайте о Святых Таинствах, общайтесь друг с другом. Всё это способствует нашему спасению и переходу в жизнь вечную, когда придёт время.

Господь наш Иисус Христос Рождеством призывает нас к любви, миру, доброте, милосердию. *«Смотрите, чтобы кто кому не воздавал злом за зло; но всегда ищите добра и друг другу и всем»* (1Фес. 5:15).

Святой апостол Иоанн Богослов открывает нам тайну рождения Сына Божиего в Вифлееме: *«Он есть умилоствление за грехи наши, и не только за наши, но и за грехи всего мира»* (1Ин. 2:2).

Христос принес в падший мир людей отеческую Божественную любовь к человечеству. И да благословит нас Господь Рождествен-

ским светом, исполнением всех наших надежд и ожиданий, спасительным подвигом и глубокой радостью, что Христос посреди нас. И свет веры Христовой, воссиявший из убогой пещеры Вифлеема, не угасает в наших душах, в наших домах, в нашей жизни.

Пусть же милость Божия пребывает с нами, и ныне, и присно, и во веки веков.

С Рождеством Христовым!

+ПАНТЕЛЕИМОН,
МИТРОПОЛИТ КРАСНОЯРСКИЙ И АЧИНСКИЙ,
ГЛАВА КРАСНОЯРСКОЙ МИТРОПОЛИИ
РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО,
2020/2021 Г.

**ОБРАЩЕНИЯ
К УЧАСТНИКАМ
XXI КРАСНОЯРСКИХ КРАЕВЫХ
РОЖДЕСТВЕНСКИХ ЧТЕНИЙ**

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ОРГКОМИТЕТА ЧТЕНИЙ — ГЛАВЫ КРАСНОЯРСКОЙ МИТРОПОЛИИ МИТРОПОЛИТА КРАСНОЯРСКОГО И АЧИНСКОГО ПАНТЕЛЕИМОНА

— Братья и сестры, участники Красноярских краевых Рождественских образовательных чтений! Проходит это прекрасное мероприятие, которое мы готовим целый год и которое не оставляет никого равнодушным, в новых условиях. Условиях необычных, но зато современные технические возможности позволяют нам говорить о серьёзных вещах, размышлять на эти темы, предлагать своё видение, задавать свои вопросы и пытаться давать ответы на все вызовы и запросы современности.

Господь — Начальник мира, всё начало разумного и прекрасного положено в Боге и от Бога. Господь дал человеку мудрость находить наиболее оптимальные условия, наиболее оптимальную возможность жить в разных состояниях общества, и самое главное — дал человеку разум, возможность выживать и двигаться вперёд.

Главнейший вопрос среди всех народов Земли — кто мы? Откуда наше начало, и что мы обязаны сделать, чтобы сохранить себя, свою историю, свою память. И если рассуждать оторвано от действительности, в теории, то можно сделать много предположений, которые никогда не будут реализованы.

В этом году нам предложили удивительно ответственную тему. Именно, на мой взгляд, с вопросом — кто мы? В чём самовыражение нас сегодняшних и тех, кто будет завтра, как представителей народа с великой историей? Нам предложили имя, жизнь и подвиг святого благоверного великого князя Александра Невского.

Великая наследственность княжеского рода, незаурядная способность учитывать все обстоятельства в то сложнейшее время, когда Русь уже раскалывалась на Великую Русь восточную, а другая часть постепенно уходила под влияние инославных, но не теряя своей русскости. Это нынешние украинцы, беларусы и западные области России, которые сейчас в составе России, но когда-то были под влиянием Запада. И действительно, поставлен вопрос

«Александр Невский: Запад или Восток?». О религии ли это должно быть размышление? О верованиях и исповедании православных и католиков? Или же это должно быть размышление совокупно с духовными ценностями, которые формируют отношение к окружающему миру, к другим народам и культурам, и отношение к собственной культуре, своему достоинству и ценности родной земли.

XXI век стоит перед этими вызовами, этими вопросами. Мы видим, как обострились отношения Запада и Востока. И на моей памяти не было такого, чтобы не были обострёнными отношения между этими культурами. Их пытались сводить, порой даже религиозным насилием — открытая экспансия Запада, сначала католическая, затем протестантская. Пытались насаждать западную культуру и наши государи, как, например, великий император Пётр I.

А что же Александр Невский? Он противоположность всем этим высоким и благородным, но по-своему коварным личностям, которые пытались объединить Восток и Запад в некую семью народов. Это величайшие ошибки, кровавые ошибки, сопровождавшиеся истреблениями целых народов. И сегодня мы, как народ, как дети, я бы сказал, народов России, объединены одним словом «русские».

Но сегодня мы видим страшные, кровоточащие, гноящиеся раны искусственного разделения, превращённые в нормальную практику — это всё противостояние Востока и Запада. Было ли так во времена Александра Невского? Чем он руководствовался? Как верующий человек, я скажу просто — он был православным. У православного одна отчизна — жизнь вечная, Небеса Божии, которые начинаются на кусочке земли, которые называются отечеством, Родиной. И святой князь, тогда просто патриот и молодой человек, преданный сердцем Богу, с широким восприятием того единства культур и народов, проживавших на территории Киевской Руси, оказал категорический отпор силам Запада. Своим огромным талантом и интеллектом он побеждает недругов — цивилизацию, пошедшую против нашей, русской цивилизации.

И почти полвека он сохраняет Русь в мире, живёт в величайшем напряжении, своей политикой и дипломатией находя возможность хранить Русь в покое.

Оказывается, что было при Александре Невском и до него, сохранилось и в XXI веке. Нет Божией справедливости, прикрыто всё колокольным звоном инославных храмов, заявлениями как политиков, так и деятелей религии, а на самом деле — всё то же стремление уничтожить славянскую цивилизацию. Нам не нужно искать философов или политиков, нам следует брать пример и продолжать дело Александра Невского, Даниила Московского, отцов-подвижников Киево-Печерской Лавры, великого равноапостольного князя Владимира, Ефросиньи Полоцкой. У нас есть Илья Муромец и множество других имён. И вот это всё живёт в народной памяти, на юге и севере, какое бы не было наречие. Это память народа, это всегда вспоминается с благоговением, со слезами, и выражается великими богослужениями, с особым колоритом.

Никогда память Александра Невского не будет омрачена. Это один из наших маяков, ведущих и в царство Божие, и указывающих дорогу в будущее — к основательной, прочной, человеколюбивой жизни, в своей идентичности, присущей Востоку, русскому человеку и русским традициям. Только память народа и побуждает, на мой взгляд, лучшие умы народа, даёт энергию на новые научные подвиги, останавливает безумный поиск в фантазиях и несбыточных мечтаниях о лжегероизме народа. И да поможет нам Господь совершить наше дело и благословит наши Чтения, чтобы они были на пользу всякому, кто интересуется и проявляет внимание к современной жизни Церкви, митрополии, епархии, к сотрудничеству наших граждан на благо отчизны и народа. Божие благословение на всех вас.

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ГУБЕРНАТОРА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ АЛЕКСАНДРА ВИКТОРОВИЧА УССА

— Дорогие друзья! Я приветствую вас на открытии XXI Красноярских краевых Рождественских образовательных чтений. Этот форум стал нашей доброй традицией и, в то же время, авторитетной площадкой для диалога красноярского духовенства и интеллигенции. Поднимая актуальные темы в сфере образования и культуры, он занимает прочное место в духовной и общественной жизни края.

Минувший год прошёл в России под знаком юбилея Великой Победы. Он стал поистине годом памяти и славы нашего многонационального народа. И, подхватывая эстафету в 2021-м, эти Рождественские чтения посвящаются одному из самых выдающихся имён в отечественной истории — Александру Невскому.

С именем этого полководца, государственного деятеля, святого благоверного князя также связана великая победа. В её достижении особую роль сыграла духовная сила Русской Православной Церкви и единство народа, который в годину тяжких испытаний всегда демонстрирует стойкость, мужество и героизм. Для нас эти ценности незыблемы, а победы — бесспорны.

Но мы видим, какой ревизии подвергаются сегодня учебники истории во многих странах мира. Любые достижения России в науке, производстве, искусстве, культуре занижаются или вовсе сводятся к нулю. И разговор об истории не столько разговор о прошлом, сколько о будущем. В нашем отечестве накоплен огромный опыт предшествующих поколений, из которого нужно извлечь нравственные уроки, не повторяя ошибок прошлого.

Конечно, жизнь во всё вносит свои коррективы. Вот, по известным причинам, изменился и сам формат Рождественских чтений. Но я убеждён, что и на дистанции, на расстоянии, церковно-общественный диалог состоится. Все его участники внесут свой вклад в укрепление единства народов Красноярского края и помогут по-новому взглянуть на проблемы сохранения исторической памяти, на задачи патриотического воспитания

юного поколения. Эта совместная работа бесконечно важна. И я желаю всем её участникам по-настоящему значимых успехов и добрых дел на благо родного края.

НАПРАВЛЕНИЕ
«ЦЕРКОВЬ И ИСТОРИЯ
ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ»

УДК 94(571) «1914/1917»+355/359

Баяндин В.И.

кандидат исторических наук, доцент
кафедра отечественной
и всеобщей истории,
Новосибирский государственный
педагогический университет
г. Новосибирск
e-mail: ilan-sib@rambler.ru

Bayandin Vladimir I.
candidate of historical sciences,
associate professor
department of Russian
and global history,
Novosibirsk State Pedagogical
University
Novosibirsk
e-mail: ilan-sib@rambler.ru

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: СИБИРСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВЕДОМОСТИ О ГЕРОЯХ И ЗАЩИТНИКАХ ОТЕЧЕСТВА

World war I: Siberian dioceses statements about
heroes and defenders of the Fatherland

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о том, какую информацию получали читатели сибирских епархиальных ведомостей о событиях, связанных с Первой мировой войной. Представлены формы помощи сибиряков военнослужащим действующей армии, семьям солдат, которые были отправлены на фронт. Показано, какая помощь оказывалась беженцам, оказавшимся в Сибири в годы войны.

Abstract: The article deals with the question of the information readers of the Siberian diocesan gazette received about the events related to the First World War. Forms of assistance from Siberians to servicemen of the active army, families of soldiers who were sent to the front are presented. It is shown which assistance was provided to refugees who found themselves in Siberia during the war.

Ключевые слова: Первая мировая война, Сибирь, епархиальные ведомости, помощь военнослужащим и беженцам.

Keywords: First World War, Siberia, diocesan gazettes, assistance to servicemen and refugees.

Более века прошло со времени окончания Первой мировой войны, но события военных лет и последствия этой

войны притягивают к себе внимание как исследователей, так и тех, кто интересуется российской историей. На наш взгляд, интерес профессиональных историков во многом объясняется недостаточной изученностью событий военных лет советской историографией. Сначала Первая мировая война была, если так можно выразиться, заслонена событиями революционного 1917 года, затем масштабными событиями Гражданской войны и интервенции. Поэтому интерес исследователей к Первой мировой, в какой-то мере, является стремлением исправить прежде существующее пренебрежение к последней войне царской России, войне, которая подвела историческую черту под российской монархией. Несомненно, что свою роль сыграло и то, что достаточно широко во многих странах мира отмечалось 100-летие начала и окончания Первой мировой войны. Публикации в печатных изданиях, телевизионные передачи, научные конференции, публикации воспоминаний, документальных и научных сборников, разнообразные справочные издания — всё это позволило более глубоко изучить многие события военных лет. Но всё же ещё остаются слабо изученными некоторые вопросы и сюжеты, которые нуждаются во внимании со стороны исследователей. Несомненно, что появление новых публикаций позволяет современному читателю составить более полную и несомненно более объективную картину тех давно уже минувших лет.

В какой-то мере наше обращение к вопросу о публикациях, которые появлялись на страницах сибирских епархиальных ведомостей в годы Первой мировой войны, является попыткой разобраться в том, что могли узнать читатели этих, одних из самых массовых и самых распространенных среди жителей азиатской части империи, периодических печатных изданий.

Для нашего обзора и анализа были взяты официальные издания четырёх сибирских епархий: Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской за 1914–1917 гг. Следует отметить, что в названные годы Томские, Енисейские и Иркутские епархиальные ведомости выходили два раза в месяц, 1 и 15 числа,

таким образом в течение года издавалось 24 номера, а Тобольские епархиальные ведомости печатались четыре раза в месяц: 1, 8, 15 и 22 числа. Иногда печатались сдвоенные номера ведомостей. Каждый номер ведомостей состоял из двух частей: официального и неофициального, при этом неофициальная часть по своему объему значительно превосходила официальную. В официальной части номера были помещены: распоряжения, постановления, предписания центральных властей (Святейшего Синода) и местного руководства Церкви, архиепископа и консистории, а в неофициальной — наставления, проповеди, беседы священников, полезные советы по разным хозяйственным вопросам, а также литературные произведения и иногда информация, письма, просьбы из разных населенных мест епархии (уездных и волостных центров и отдельных селений). Некоторые номера епархиальных ведомостей не удалось найти в областных библиотеках Иркутска, Красноярска, Томска, Новосибирска, но большую часть номеров удалось найти и познакомиться с опубликованными материалами: статьями, письмами, обзорами деятельности, отчётами общественных организаций и пр.

Информацию, имеющую отношение к событиям Первой мировой войны, можно найти как в официальной, так и в неофициальной части епархиальных ведомостей.

Первое известие о начавшейся войне с Германией появилось в официальной части Тоб. Е. В. в августе 1914 г. Это был Манифест императора Николая II о начавшейся войне. В этом же номере Тоб. Е. В. появилась информация о молебствии в Зимнем дворце, после которого царь произнёс следующие слова: «С спокойствием и достоинством встретила наша Великая Матушка — Русь известия об объявлении нам войны. Убеждён, что с таким же чувством спокойствия мы доведём войну, какой бы она не была, до конца. Я здесь торжественно заявляю, что не заключу мира до тех пор, пока последний неприятельский воин не уйдёт с земли нашей...» [10, № 17, с. 286].

Из материалов этого же номера население губернии узнало,

что вечером 22 июля жители Тобольска устроили патриотическое шествие по городу, выслушали небольшую речь губернатора А. А. Станкевича и отправили телеграмму царю с выражением верноподданнических чувств [10, № 17, с. 287].

В августовских номерах всех сибирских епархиальных ведомостей был опубликован манифест о начале войны с Германией и, кроме того, в этом же номере печатались первые отклики сибиряков на начало войны с неприятелем.

Так, Томские Е. В. в августовском номере опубликовали текст царского манифеста и поместили небольшую заметку «От Томской духовной консистории» о событиях, связанных с началом войны в губернском городе. «Преосвященным Мефодием от 25 июля 1914 г. ... предложено, чтобы всюду по воскресеньям и праздничным дням, а также в будние дни, где совершается служба, после литургии совершаемы были молебствия о даровании победы Российскому христолюбивому воинству. В Томске по воскресеньям и праздничным дням будет совершаться молебен о даровании победы на городской площади пред Иверской часовней в 1 час дня» [12, № 15, с. 276].

А в следующем номере, вышедшем 15 августа, была напечатана Речь Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего Макария, митрополита Московского и Коломенского, по случаю начала войны с Германией. Следует отметить, что для многих жителей Томска и Томской губернии упоминание имени митрополита Макария вызывало повышенное внимание — свыше 20 лет он возглавлял Том-

Макарий Епископ Томский.

скую епархию, а до этого около 35 лет нёс службу в Алтайской духовной миссии [9, с. 197].

А в сентябрьском номере появилось послание Святейшего Синода в связи с вступлением России в войну. Среди подписавших это Послание был указан и епископ Иркутский и Верхотурский Серафим, который находился в эти дни в столице империи [10, № 18, с. 324–325].

В августовском номере Тоб. Е. В. в разделе официальных объявлений появилось подписанное губернатором объявление «Высочайше разрешено принимать в армию во всё время войны охотников в возрасте от 18 до 43 лет неопороченных по суду, способных к службе» [10, № 18, с. 329], («охотниками» именовали добровольцев, желающих поступить на военную службу — Б. В.). Следует отметить, что предыдущий раз набор добровольцев в сибирских военных округах был проведён в годы русско-японской войны в 1904–1905 гг. [1, с. 11].

Практически сразу после начала войны с Германией начинается кампания по сбору средств на нужды российского воинства. Так, согласно определению Святейшего Синода от 27–28 августа, состоящему под августейшим покровительством Великого Князя Михаила Александровича обществу Белого Креста предписывалось произвести сбор в церквях пожертвований на праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. [2, № 19, с. 293].

Пожалуй, одними из самых первых откликнулись жёны священнослужителей — в осенних номерах сибирских епархиальных ведомостей стали появляться сведения о создании общественных организаций — кружков дам лиц духовного ведомства в разных сибирских городах. Так, в Томской губернии такие общественные организации, кроме губернского центра, были созданы в Барнауле, Бийске, Каинске, Кузнецке, Мариинске и Ново-Николаевске. Лица, входящие в них, помимо денежных взносов организовали изготовление белья и постельных принадлежностей для нужд действующей армии, проводили разные мероприятия среди населения для активизации сбора

денежных поступлений и вещей, в которых нуждались российские военнослужащие.

Иркутское епархиальное начальство в сентябре 1914 года постановило предложить духовенству епархии отчислять 2 % из жалования и доходов в пользу раненых воинов и семейств нижних чинов, а равно отчислять на те же надобности по 2 % из доходов в пользу церкви [5, № 19, с. 204].

А в Енисейской губернии участники епархиального съезда, проходившего летом 1915 года, постановили увеличить с 1 сентября с. г. процентное отчисление с доходов и жалования духовенства Енисейской епархии, а также с доходов церковей на нужды войны до 5 % с назначением означенных отчислений:

- а) на обеспечение солдатских семейств;
- б) на нужды раненных и больных воинов;
- в) на открытие и содержание ... епархиальных приютов для детей воинов [3, № 20, с. 15].

В начале сентября 1914 г. в Тоб. Е. В. в разделе «епархиальная хроника» появилась краткая заметка о том, что «...2 августа Его Преосвященство отслужил в доме господина губернатора напутственный молебен по случаю проводов на войну сестёр милосердия местной общины Красного Креста» [10, № 22, с. 382]. А в октябрьском номере Тоб. Е. В. была опубликована заметка «Объединимся»: неизвестный автор сообщал, что 12 октября на общем собрании дам духовного звания под предводительством Его Преосвященства Епископа Анатолия для притока денежных средств решено 21 октября провести праздник День героев войны, на празднике будут продаваться миниатюры и открытки героев войны. Собранные средства планируется направить для оказания помощи беднейшим семьям прихожан, отправивших своих родных в действующую армию, и нуждающихся в поддержке со стороны общества [12, № 21, с. 21]. А в ноябрьском номере епархиальных ведомостей, автор, скрывший своё имя под инициалами А. П., поддержав это предложение, в свою очередь указал на необходимость расширить масштабы помощи, путём привлечения заинтересованных лиц из сибирских сёл и деревень. «... Не богата деревня деньгами, а сыта пирогами.

В ней помощь организовать проще всем, что есть у крестьянина: птицей, холстом, хлебом, такой способ практиковался по приходам в японскую войну: по предложению священника сельским сходом выбирались сборщики, которые разделив между собой село по улицам, в праздник собирали хлебом и холстом. Набранное взвешивалось, складировалось в отдельный амбар, потом продавалось на базаре уполномоченными или в местных лавках и деньги отсылались по назначению» [12, № 21, с. 239]. На страницах епархиальных ведомостей всё чаще стали появляться публикации о том, как сибиряки заботятся о семьях запасных нижних чинов, семьях, которые, отправив в действующую армию своих мужей и сыновей, оказались в весьма сложной экономической ситуации и остро нуждаются в помощи. В ноябре 1914 г. в Ени. Е. В. появилась небольшая заметка, рассказывающая о событиях в селе Каргино Енисейского уезда. «В помощь семьям запасных, в селе проведён сбор в пользу Красного Креста и пожертвование натурой белья и других вещей нашим воинам, находящимся в действующей армии...» [2, № 22, с. 227].

Если осенью 1914 года публикации, посвящённые войне, появлялись не регулярно, то в 1915 году ситуация заметно изменилась. Увеличивается количество публикуемых материалов, расширяется их тематика. Новым явлением было помещение писем из действующей армии. Чаще всего это были письма, адресованные родным и близким. И поэтому лишь небольшие фрагменты из писем, которые могли быть интересны читателю, попадали на страницы сибирских епархиальных ведомостей.

Так, в Тоб. Е. В. за 1915 год нам удалось обнаружить около десятка заметок, посвящённых продолжающейся войне. В основном это были письма из действующей армии, которые помещались в разделах под такими названиями: «Письма из армии», «Из писем из армии», «Письма с войны», «Около войны». Как правило, авторы писем, нижние чины и младшие офицеры, описывали военный быт, трудности окопной жизни, иногда сообщали об успехах, достигнутых в ходе боев с противником.

В письмах практически никогда не указывались районы во-

енных действий, почти нет упоминаний о населённых пунктах, изредка называются фамилии земляков, с которыми довелось служить или встретиться в действующей армии. В целом, больших публикаций в этих изданиях найти не удалось. Но всё же, на наш взгляд, следует выделить две публикации. Так, в сентябрьском номере журнала была напечатана небольшая заметка о торжественной выдаче крестьянской вдове Георгиевского креста, которым был награждён её погибший муж (*следует отметить, что до Первой мировой войны в российской армии отсутствовала практика награждения погибших воинов — Б. В.*).

Описываемое событие имело место в Долгоярской церкви, находящейся в Тобольском уезде, Тобольской губернии. В заметке сообщалось об участии представителей местных властей и отмечалось, что вдове будет назначена пожизненная пенсия [11, № 36, с. 552].

О другом подобном случае сообщалось в заметке напечатанной в Ени. Е. В.: «В храме села Абак Каинского уезда Енисейской губернии родителям воина Игнатия Шитикова, павшего на поле брани, был вручён Георгиевский крест...» [4, № 16, с. 17].

В епархиальных изданиях в 1915–1916 гг. стали появляться заметки о лицах, попавших в немецкий или австрийский плен, но сумевших из него бежать и добраться к своим. Одна из таких заметок была посвящена истории о двух рядовых, сумевших бежать из немецкого плена через территорию Голландии. Один из бежавших служил в 24 Сибирском стрелковом полку, второй являлся солдатом Нейшлотского полка. В плену им довелось пробыть около девяти месяцев. Никаких подробностей о нахождении в плену и о деталях побега в заметке не говорилось [11, № 43, с. 686].

С этой заметкой перекликается другая, которая была помещена в Том. Е. В., «Письмо с войны псаломщика взятого на военную службу», в котором он рассказывал как попал в плен, но смог бежать, о том, что несколько раз был ранен и уже награждён знаком Георгия [13, № 9, с. 407].

Иногда до Сибири доходили письма тех, кто оказался в плену у неприятеля. В мартовском номере Тоб. Е. В. за 1916 г. сообщалось: «Находящийся в австрийском плену священник села Суздальского Барнаульского уезда Томской епархии Георгий Громов в частном, полученном 8 мая, открытом письме просит передать Пасхальный привет через епархиальные ведомости духовенству 42 округа и всем знакомым» [14, № 12, с. 427].

Из небольшой заметке журнала Том. Е. В. от 1 мая 1915 г. читатели могли узнать о помощи, которую оказывали сибиряки гражданам других европейских стран. В заметке сообщалось о сборе пожертвований среди томичей в пользу беженцев из Сербии. Перечислялись вещи, которые были собраны и перечислены через Каспаровскую Общину Красного Креста: одеял — 50, простыней — 300, наволочек — 250, кальсон — 200, халатов для докторов и санитаров — 50, матрасов — 50, 125 комплектов белья для выздоравливающих воинов (4 шт. в комплекте)» [13, № 9, с. 265].

Но если отдельные и относительно небольшие посылки в действующую армию отправлялись обычным порядком, как почтовые отправления или через лиц, отправляющихся на фронт после лечения, то при отправке больших партий пожертвований для них заказывались целые вагоны. И, конечно же, о таких крупных отправлениях сибирские издания обязательно сообщали своим читателям.

В июньском номере Том. Е. В. была напечатана большая статья, озаглавленная «Поездка с пасхальными подарками в действующую армию по полномочию Ново-Николаевского отдела Сибирского общества». Это был текст доклада, прочитанного 4 мая на общем собрании Томского кружка дам духовного звания священника Иоанна Ростова из Александро-Невской церкви города Ново-Николаевска.

«...До фронта ехали 10 дней. Груз пасхальных подарков, собранный жителями города Ново-Николаевска и соседних селений, объёмом 800 пудов занял шесть вагонов в поезде. Сопровождавший груз подарков священник Новониколаевского храма, побывав в госпиталях, посетил расположение третьего сибир-

ского передвижного летучего отряда имени города Ново-Николаевска. ... в составе отряда есть женщина — врач Белоусова, два студента-санитара и две сестры милосердия. ... Встретился со знакомым солдатом-сибиряком. ...Во время церемонии одной из передач подарков попал под бомбежку немецких аэропланов...» [13, № 11, с. 514–520].

В сибирских епархиальных ведомостях все годы войны часто публиковались телеграммы, полученные из действующей армии и из столицы империи со словами благодарности за заботу о раненных и больных воинах русской армии. Вот только некоторые из таких телеграмм. помещённых в Ени. Е. В. в начале 1916 г.: «...Благодарность из действующей армии от начальника 8-й Сибирской стрелковой дивизии. Г-л Редько» [4, № 1, с. 28]; «30-й Сибирский полк благодарит... за пасхальные подарки и просит святых молитв и благословения на ратный подвиг. Полковник Изюмов» [4, № 9, с. 32].

Другой весьма острой проблемой, появившейся в годы войны, являлись многочисленные беженцы, которых в крупных сибирских городах насчитывались тысячи. Небольшая заметка, опубликованная осенью 1915 года в Ирк. Е. В. сообщала читателям: «В настоящее время в городе открыто свыше 80 приютов для беженцев: общее число их определялось в 10.000 человек» [6, № 22, с. 799].

Продолжающаяся кровопролитная война приводила к увеличению числа больных и раненных, что в свою очередь требовало расширения мест для лечения военнослужащих. В августовском номере за 1915 год Ирк. Е. В. [6, № 16, с. 484] был опубликован призыв Св. Синода к монастырям к жертвам и трудам на нужды войны:

- 1) пожертвовать на выздоровление раненных;
- 2) отводить помещения под госпитали;
- 3) подготавливать лиц для ухода за ранеными и больными.

Свой вклад в собираемые пожертвования вносили не только священники городских и сельских церквей, но и руководители епархий.

А в июльском номере Том. Е. В. было помещено письмо Обер-прокурора Святейшего Синода, отправленное на имя Его Преосвященства Анатолия, епископа Томского и Алтайского 30 мая 1915 года:

«Преосвященнейший Владыко Милостливый Архипастырь! Имею честь сообщить Вашему Преосвященству:

1) что в ознаменовании щедрого дара, принесённого Вами на нужды Синодального имени наследника цесаревича Алексея Николаевича лазарета, присвоено Ваше имя одной из помещающихся в сём лазарете кроватей для больных и раненных нижних чинов нашей доблестной армии, и

2) что в виду пожертвователей одновременно духовенства Томской епархии, служителей Консistorии и причтами 3 Благочинного округа вверенной Вашему Преосвященству епархии на нужды Синодального имени наследника цесаревича Алексея Николаевича лазарета свыше 400 рублей, двум из кроватей названного лазарета присвоено имя сих жертвователей. Владимир Саблер». [13, № 13, с. 377–378].

Иногда на страницах сибирских епархиальных ведомостей появлялись публикации, перепечатанные из периодических изданий, издававшихся в европейской части страны, но имеющих прямое отношение к воинам-сибирякам. В качестве примера можно привести небольшую заметку, опубликованную в январе 1915 г. в Ирк. Е. В. Вот что пишет «Варшавский дневник»: «Нам доставлена фотография, снятая на поле брани в Халичках под Пясечном. Фотография является красноречивым документом. ... в руки германцев попал тяжело раненный солдат одного из сибирских полков. Вместо помощи, на которую он имел право рассчитывать, несчастный подвергся мучениям и истязаниям ... затем его живого сожгли...» [6, № 2, с. 64].

А в неофициальной части Ени. Е. В. от 15 января 1915 г. была напечатана заметка под названием: «Доброй памяти героя». В заметке говорилось: «В скорбный синодик воинов-героев, положивших в настоящей войне жизнь свою за Веру, Царя и Отечество волей Божией оказалось вписанным скромное имя

В. Т. Лихучева — больничного фельдшера Красного Креста духовной семинарии. Тихо и незаметно протекала жизнь Василия Тарасовича; не изобиловала она громкими делами — тем не менее это была светлая, хорошая жизнь... Пошёл Василий Тарасович с родимым сибирским полком на защиту Родины и Бог не судил вернуться ему назад. По получении известия о кончине В. Т. в семинарском храме была совершена по почившему 23 декабря 1914 г. панихида, на которой присутствовали воспитанники семинарии и педагогическая корпорация. За панихидой было сказано преподавателем В. О. Счастливым поучение» [3, № 2, с. 13].

Публикация фронтовых писем с 1915 года становится типичным явлением для всех сибирских епархиальных ведомостей. Чаще всего это отдельные фрагменты писем нижних чинов или офицеров, которые они отправляли из действующей армии своим родным и близким.

Как правило, в таких публикациях не упоминаются места, где находился автор, чаще всего указывается «из окопов», исключением являются лишь ситуации, когда автор был на излечении после ранения, в этом случае обычно указывается не только город, но и само лечебное заведение. Как правило, такие публикации, это одно, реже два-три письма, принадлежащие какому-либо определенному автору. Руководство епархиальных ведомостей при таких публикациях даёт краткую характеристику автора послания.

Но из этого, как бы общего правила, бывали исключения и о таком случае, единственном, который встретился нам за эти годы, хотелось бы остановиться более подробно. В Иркутских епархиальных ведомостях в 1917 году были опубликованы фрагменты писем, отправленных родным в Иркутск поручиком 18 Костромского пехотного полка Ф. И. Белоусовым. Он окончил в 1913 году Иркутскую гимназию. Военное образование получил в Одесском военном училище, которое окончил осенью 1914 года и вскоре оказался на фронте. По нашим подсчётам таких писем оказалось около 20 (*часть номеров епархиальных*

ведомостей этого года найти не удалось — Б. В.). Автор, подчиняясь требованиям военной цензуры, не называет своей воинской части, нет фамилий командного состава, места пребывания воинской части. Но некоторые интересные детали военной действительности в этих письмах всё же упоминаются, и об одном таком факте следует рассказать. Письмо было отправлено родителям в Иркутск 3 декабря 1915 г. Пишет автор письма: «...Вот пример не из газет. Впереди проволочного заграждения противника однажды появилось чучело Ну и что ж? Чучело так чучело. Забавляйтесь. Но что-то уж больно артистическим оно показалось мне сделано. Взял я бинокль, смотрю не чучело это, а настоящий человек да при том ещё и русский солдат, убитый. Привязан он за шиворот к колу и висит так на позор и омерзение. Разглядели и солдаты мои — не выдержало солдатское сердце. „Ваше бродие, разрешите снять“, „Валяйте“. Пошли ночью двое и пропали. На другой день снова двое вызвались. Этим больше повезло — живыми ушли и доносят, что у самого „чучела“ немцы скрытый окоп вырыли и значит цапают смельчаков. Больше я не разрешал уже к чучелу ходить, так оно и стоит до сих пор» [8, № 15, с. 209]. Как отмечает редакция, эти письма были переданы в журнал уже после смерти Ф. И. Белоусова на фронте.

Как известно, военные священники не брали в свои руки оружие, но они постоянно были либо в окопах на передовой линии воинских частей, либо в лазаретах, где проявляли заботу о раненных и больных воинах. Следует привести данные, которые были представлены в отчёте ректора Красноярской духовной семинарии за 1914/1915 учебный год: «...семинария дала для защиты Отечества в истекшем году 26 добровольцев из воспитанников. Часть из них ушла в действующую армию рядовыми, офицерами и санитарями, часть обучается пока в военных гимназиях, часть несёт разные службы в тыловых частях. ... трое уже пали на поле брани. Большая часть добровольцев — 14 дети священников, 4 дети псаломщиков и диаконов, 1 — из дворян, 2 из мещан и 1 сын чиновника» [3, № 22, с. 8].

Война не щадила никого: ни нижних чинов и офицеров,

ни военных священников, которые на передовой и в госпиталях заботились о раненных и больных воинах русской армии. Осенью 1915 года Св. Синод сообщил о потерях среди духовенства за первый год военных действий: «... с лета 1914 года и до осени 1915 года погибло 27 священников и иеромонахов, 14 пропали без вести, 67 ранено и контужено, многие попали в плен» [3, № 19, с. 21–22].

В этом же номере сообщалось о награждении священника Анастасия Холмского за неустанные заботы и самоотверженную заботу о воинах действующей армии орденом св. Александра Невского [3, № 19, с. 23]. К какой епархии принадлежал этот священник и в каком полку он служил не сообщалось. Несомненно, что столь высокая награда не часто вручалась военному священнику.

Чем дальше шла война, тем больше приходило печальных известий в сибирские губернии и области. В октябре 1915 г. в Ени. Е. В. в разделе епархиальная хроника появилась следующее скорбное сообщение: «Получены известия, что три воспитанника нашей красноярской семинарии — Иван Щербаков, Стефан Хруцкий и Дмитрий Круглихин — отправившиеся добровольцами в чине подпрапорщиков на театр военных действий погибли на поле брани. Да будет благословенна память героев и да послужит она живым примером любви и преданности Престолу и Родине» [3, № 19, с. 37]. Обычно погибших в сражениях воинов, как и умерших от ран в лазаретах и госпиталях, хоронили на полях сражений или в ближайшем тылу действующей армии, но в одном из номеров Ени. Е. В. был описан особый случай, который имел место с уроженцем Сибири.

«Стефан Хруцкий 1891 г.р. умер от ран 15 сентября 1915 г. и просил перед смертью похоронить его в Сибири. 29 ноября 1915 г. в цинковом гробу тело прибыло в Красноярск, гроб встречал оркестр военной музыки. Были проведены литии у расположения воинской части, лития в квартире у родственников и литургия в здании семинарии. После этого гроб был отвезен на городское кладбище...» [3, № 24, с. 12–13].

В материалах, опубликованных на страницах сибирских епархиальных ведомостей, практически невозможно найти описания боёв и сражений. Об этом подробно сообщалось в губернских ведомостях и в других сибирских периодических изданиях. Но всегда находилось место поместить информацию о наградах, которые получали воины-сибиряки. Например, в июньском номере Ирк. Е. В. читатели могли познакомиться с сообщением: «Воспитанник 1У класса Красноярской духовной семинарии Борис Орловский, отправившийся волонтером в действующую армию в качестве рядового, награжден Георгием 4-й степени» [6, № 12, с. 449].

Конечно, описание подвигов и смелых действий воинов российской армии нередко можно найти на страницах епархиальных ведомостей, но значительно чаще публиковались обзоры, отчёты, статьи, заметки, посвящённые деятельности различных общественных организаций, целью которых была забота не только о воинах действующей армии, но и о членах их семей, оказавшихся в сложной экономической ситуации, а также забота о беженцах, десятки тысяч которых оказались в далёкой Сибири и нуждались во всём необходимом: продуктах питания, одежде, крыше над головой и пр. Наверное, было бы справедливо назвать защитниками Отечества не только тех, кто находился на военной службе в действующей армии, но и тех, кто, находясь в глубоком тылу, обеспечивал российскую армию всем необходимым, не забывая заботиться о семьях фронтовиков и беженцах, которые нуждались в этой помощи. А именоваться героями, в большей мере, заслуживают те, кто достойно и самоотверженно выполнял свой долг на фронте в рядах российской армии.

Первый год войны, который завершился летом 1915 года, когда военные действия ещё были в самом разгаре, конечно, не давал основания для проведения юбилейных мероприятий, но определённые итоги первого года мировой войны страны-участницы конечно же подводили. Некоторые промежуточные итоги подводились в более узком кругу заинтересованных лиц,

другие же мероприятия были ориентированы на более широкую аудиторию участников. В качестве примера последних можно назвать статью, появившуюся в Ирк. Е. В. летом 1915 года.

«Всенародная панихида по павшим воинам.

28 июня 1915 года после литургии Высокопреосвященным архиепископом Серафимом в сослужении ректора семинарии и городского духовенства была совершена в кафедральном соборе панихида по воинам Иркутской губернии и города Иркутска павшим в настоящую войну на поле брани. За эктениями читались записки с именами павших воинов» [6, № 13, с. 471].

В конце 1915 года российский Александровский комитет принял решение об установлении мемориальных досок участникам второй Отечественной войны: «Предположено во всех приходских церквях сооружать доски с начертанием имён павших воинов, кроме того, на родине убитых, на более видных местах ставить памятники, в виде часовен, крестов, каменных столбов и т.п. ... умирающие воины должны быть похоронены в каждом уезде лишь в определенном кладбище и в одном месте...» [6, № 24, с. 33].

Несомненно, что масштабы такой помощи, как и формы помощи, были более значительными, чем та информация, которую можно было найти в сибирских периодических изданиях, поэтому дальнейшее изучение этого вопроса позволит восстановить более полную картину явления в истории российского и сибирского общества.

Как уже отмечалось ранее, на страницах сибирских епархиальных ведомостей никогда не печатались сводки военных действий, не публиковались победные репортажи о боевых успехах русской армии. Такую информацию для своих читателей охотно помещали на своих страницах губернские ведомости и различные частные издания. Но объективности ради следует признать тот факт, что иногда, крайне редко читатели епархиальных ведомостей могли прочитать небольшие заметки об ужасах современной войны, когда противник использует дости-

жения цивилизации для уничтожения своего врага. Так, осенью 1915 г. в одном из номеров Тоб. Е. В. появилась статья «Удуш-ливые газы» [11, № 43, с. 678–682], а летом 1916 г. в Ирк. Е. В. появилась статья о применении аэропланов на войне [7, № 13, с. 152–154].

Уже в годы войны стали появляться памятники воинам, павшим на полях сражений. Том. Е. В. в сентябре 1916 года [14, № 17, с. 623] опубликовали краткую заметку о том, что в селе Александровском Змеинногорского уезда 26 благочиния округа «Для увековечения памяти воинов из прихожан села Александровского, павших на поле брани в настоящую великую Отечественную войну, усердием местных прихожан сооружена икона Пресвятой Богородицы „Скоропослушницы“ с негасимую пред нею лампадкою». А 15 июня 1916 г. «...причтом и церковным старостой Петро-Павловской церкви села Шабановского Кузнецкого уезда на добротные пожертвования прихожан сооружена икона свящennomученика Власия (стоимостью в 45 рублей) и приобретён колокол весом в 11 пудов 8 фунтов для увековечения памяти воинов из прихожан павших в боях в текущую войну» [14, № 12, с. 657].

Несомненно, что помощь, которую оказывали сибиряки военнoслужашим действующей армии, семьям запасных солдат и беженцам была более разнообразной по формам и более значительной по своим масштабам, чем это находило отражение в материалах сибирских епархиальных изданий.

Таким образом, являясь одним из самых массовых периодических изданий, сибирские епархиальные ведомости видели своей задачей сплотить разные слои российского общества в условиях масштабного военного испытания, которое обрушилось на Россию.

Список литературы

1. Баяндин В. И. Мобилизация сибиряков в армию в годы русско-японской войны // Гуманитарные науки в Сибири. Се-

рия: Отечественная история. — 2004. — № 2. — С. 7–12.

2. Енисейские епархиальные ведомости. Красноярск. 1914.
3. Енисейские епархиальные ведомости. Красноярск. 1915.
4. Енисейские епархиальные ведомости. Красноярск. 1916.
5. Иркутские епархиальные ведомости. Иркутск. 1914.
6. Иркутские епархиальные ведомости. Иркутск. 1915.
7. Иркутские епархиальные ведомости. Иркутск. 1916.
8. Иркутские епархиальные ведомости. Иркутск. 1917.
9. Караваяева А. Г. Макарий // Томск от А до Я. Краткая энциклопедия города. — Томск, 2004. — 438 с.
10. Тобольские епархиальные ведомости. Тобольск. 1914.
11. Тобольские епархиальные ведомости. Тобольск. 1915.
12. Томские епархиальные ведомости. Томск. 1914.
13. Томские епархиальные ведомости. Томск. 1915.
14. Томские епархиальные ведомости. Томск. 1916.

УДК 9(571.1/5)

Болонкина Е.В.

кандидат исторических наук,
заведующая отделом русского
искусства XVIII — начала XX вв.,
Красноярский художественный
музей имени В.И. Сурикова
г. Красноярск
e-mail: larisab77.77@mail.ru

Bolonkina Elena V.

*candidate of historical sciences,
head of the Department of Russian
art of the XVIII-early XX centuries,
Krasnoyarsk Art Museum Named
after V. I. Surikov
Krasnoyarsk
e-mail: larisab77.77@mail.ru*

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ДУХОВЕНСТВА ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ (1822–1917 ГГ.)

Features of the social and legal status of the clergy
of the Yeniseysk Governorate (1822–1917)

Аннотация: В статье рассматривается влияние политики царского правительства на определение сословно-правового статуса православного духовенства России в XIX — начале XX вв. На примере духовенства Енисейской губернии показаны особенности лично-правового положения и материального обеспечения этого сословия на территории Восточной Сибири.

Abstract: The article considers the influence of the tsarist government policies on the determination of the estate-legal status of the Russian Orthodox clergy in the 19th — early 20th centuries. The peculiarities of the personal and legal status and material support of this class on the territory of Eastern Siberia are presented by an example of the clergy of the Yeniseysk Governorate.

Ключевые слова: духовенство, Енисейская губерния, Енисейская епархия, причт, сословно-правовой статус, государственная политика.

Keywords: clergy, Yeniseysk Governorate, Yenisei diocese, clerics, estate-legal status, state policy.

На протяжении XIX — начала XX в. социально-правовое положение православного духовенства Восточной Сибири и Енисейской губернии, в частности, было тесно связано с особенностями процесса освоения сибирской окраины и желанием

государства монопольно её контролировать. Юридический статус духовного сословия был определён рядом нормативно-правовых актов, которые регламентировали как личные права духовенства и их семей, так и вопросы материального обеспечения этого сословия.

Статус особого сословия духовенства был связан с господствующей религией в государстве. Духовенство включало в себя приходское (белое) и монашеское (чёрное). К белому православному духовенству относились протопресвитеры, протоиереи, пресвитеры, иереи (священники), протодьяконы, дьяконы, иподьяконы, церковные причётники в звании псаломщиков. Духовенство монашеское составляли духовные власти: митрополиты, архиереи, епископы, архимандриты, игумены, игуменьи, настоятельницы монастырей женских и прочие монашеские [2, с. 65].

К 1822 г. на территории Енисейской губернии не существовало своей епархии, которая объединяла бы все приходы. С 1824–1834 гг. западные приходы Енисейской губернии были отданы Томско-Алтайской епархии, а восточные — в Иркутскую-Восточноленскую. С 1834 г. по 1861 г. все приходы находились под началом Томского Преосвященного владыки, который именовался и Енисейским. В 1861 г. была учреждена Енисейская епархия с кафедрой в Красноярске. К 1916 г. епархия занимала обширную территорию Красноярского, Енисейского, Ачинского, Минусинского, Канского уездов и Туруханского края.

Духовенство Енисейской губернии являлось важнейшей опорой государства на местах. Как и во всей стране, на сибирских приходских священников возлагалась обязанность совершать ежедневные поминования о здравии царской семьи и проводить богослужения. Все царские манифесты и указы оглашались с церковных амвонов. Служители церкви освещали и идеологически обосновывали незыблемость царской власти и существующего общественного порядка. Члены клира служили торжественные обеды, отвечали за исправное посещение своей паствой церковных служб и отправление обрядности. Они выявляли инакомыс-

лящих, особенно противников «истинной веры», и доносили на них властям. Консистория и местные духовные правления, в свою очередь, пристально следили за деятельностью приходского духовенства. За духовенством также была закреплена обязанность ведения книг с записями рождений, браков и смертей, а также выдача соответствующих документов лицам православного вероисповедания [1, с. 135; 6, с. 340].

Ещё в XVIII — начале XIX вв. законодательными актами была оформлена наследственность социального статуса духовенства. В частности, был запрещён доступ податных сословий, а также отменены мирские выборы священников и причётников. Даже просвирями стали определять только вдов и дочерей священно- и церковнослужителей. Рядом указов регламентировалась сословная замкнутость духовных учебных заведений. В духовное училищное ведомство зачисляли всех детей духовенства. Сирот учили за казённый счёт. Закончившие обучение получали право поступать на должности, ранее занимаемые их отцами. В Сибири разрешалось замещать канцелярские должности детям духовенства, находившимся при отцах, и семинаристам, а с 1804 г. всем «праздным детям духовенства и заштатным церковникам» разрешали записываться «во всякий род жизни» по их желанию. Кроме этого, духовенство было освобождено от прямого налога, рекрутской повинности и телесных наказаний, что указывало на привилегированный статус их положения в обществе [5, с. 98–99]. Окончательно положение духовенства как особого состояния (сословия) в государстве было зафиксировано законодательно в 1832 г., и сохранялось вплоть до отмены сословий декретом советской власти [6, с. 336–337].

В первой половине XIX в. царское правительство выпустило ряд законодательных документов, касающихся вопроса материального обеспечения духовенства. Как известно, основной доход духовенства составляли плата за исправление церковных и приходских треб, пожертвования по завещанию, причтовых, храмовых и попечительских кредитов. Постоянными поступлениями приходов являлись средства от продажи свечей, венчиков

и совершения молитв. Иногда сельским священникам крестьяне давали вместо денег плату зерном. Пожертвования в фонд церковных приходов производились и частными лицами из числа крупных предпринимателей. Однако материальное обеспечение приходского духовенства во многом зависело от того, где находился приход. В городах приходской причт получал солидный доход от исполнения треб или «заказных» служб. На селе плата за требы была невысокой, что вынуждало священников заниматься сельским хозяйством.

В связи с тяжелым материальным положением приходских священников государство пыталось оказать им разностороннюю помощь. С 1821 г. духовенство получило право сдавать землю и недвижимость в аренду. В 1828 г. прихожан обязали строить дома для служителей церкви. Частично проблему материального положения духовного сословия с 1829 г. должно было решить объединение бедных и малых приходов, для составления более крупных и достаточных. В 1844 г. было введено жалованье приходскому духовенству, а в 1849 г. — установлено жалованье всем сельским причтам. Так, священники получали от 140 до 212 руб. сер. в год, дьяконы — 80 руб. сер., пономари — 34 руб. сер. [8, с. 1060].

Кроме этого, церковников дополнительно освободили от сборов на содержание местной полиции, от постоя, поземельных сборов, кроме расходов на исправление мостовой и фонарей. Все лица духовного звания могли приобретать незаселённые земли. Для вдов духовных лиц была разрешена торгово-предпринимательская деятельность. Приходскому духовенству было дано право приобретать недвижимость в городе и деревне, безвозмездно пользоваться дровяным и строевым лесом из казённых лесных дач. При сборе земских повинностей из обложения исключались земли духовенства [5, с. 99].

Материальное положение духовного сословия Енисейской губернии мало чем отличалось от других регионов Сибири. Однако здесь были и свои особенности. Так, для русификации коренного населения Приенисейского края правительство выделяло дополнительные средства на содержание церковного клира. Например,

в 1834 г. для содержания духовенства Преображенской церкви Туруханска в год отпускалось вспомогательного пособия на 600 руб. На содержание церковного причта Инбатской Успенской церкви отпускалось намного меньше, всего 41 руб. 62 коп. в год. При этом на причт самых отдалённых Хатангской Богоявленской и Введенской церквей выделялось по 300 руб. в год [4, л. 4–5]. Кроме этого, священники-миссионеры получали от казны дома и продукты питания [8, с. 1061].

С учреждением в 1861 г. Енисейской епархии произошли изменения в финансировании церковей Красноярска — Благовещенской, Всехсвятской, Покровской и Воскресенской. Так, государственное жалованье архиерея составляло 743 руб. сер. в год, священников и протодьяконов — 114 руб. сер., дьякона и иеродьякона — 85 руб. сер., псаломщиков, пономарей, сторожей, звонарей — от 42 до 57 руб. сер., житейников, чашечников и келейников — от 4 до 6 руб. сер. На 24 певчих и провизию для них предусматривалось потратить 892 руб. сер. Отдельно были выделены деньги на ремонт Архиерейского дома — 357 руб. сер. В целом, на содержание Архиерейского дома и штата служителей кафедры Богородице-Рождественского собора выделялось 5220,84 руб. сер. [3, л. 324–327об.]. Однако, несмотря на принятые государством меры, положение приходского духовенства улучшилось лишь частично. Государственное обеспечение восточносибирского духовенства оставалось недостаточным.

Важную роль в определении юридического статуса духовенства сыграли преобразования 1860–1870-х гг. Царским правительством был издан ряд законодательных актов лично-правового характера (отмена сословной замкнутости, уничтожение наследственности на приходах, юридического статуса жён духовенства), а также касающихся материального положения духовенства.

С 1863 г. начались реформы, направленные на уничтожение сословной замкнутости духовенства. Так, выпускникам духовных семинарий разрешалось поступать в университеты. «Сыновьям духовных лиц» было разрешено получать образование в гимна-

зиях (1864 г.), военных начальных школах и «посещать светские школы» (1867 г.). При этом за детьми духовенства сохранили преимущественные права на получение образования в духовно-учебных заведениях.

В сибирском регионе получение образования сталкивалось с рядом трудностей, которые были связаны как с недостаточным количеством специальных учебных заведений, так и с дороговизной получения духовного образования. Так, в Енисейской губернии с 1862 по 1912 гг. основная масса приходского причта имели только начальное духовное образование. Обучение одного ребенка в духовном училище в год обходилось в среднем в 200 рублей. Поэтому образование получал, как правило, старший сын, а остальные дети обучались дома. Младшие сыновья исполняли обязанности псаломщика при отце.

Несмотря на то, что дети священнослужителей получили право получать образование в светских учебных заведениях, из-за высокой стоимости обучения многие священники по-прежнему отдавали своих детей в духовное училище [7, с. 238].

Важным событием стало принятие в 1869 г. закона «Об устройстве детей лиц Православного духовенства», по которому детям церковно- и священнослужителей предоставлялось право поступления на любую гражданскую и военную службу.

Значительной церковной реформой 1860-х гг. стало уничтожение наследственности на приходах, бывшей прямым следствием замкнутости духовного сословия (т.е. наследование духовного (церковного) места при определенной церкви). 22 мая 1867 г. был принят закон, упраздняющий наследование священно- и церковнослужительских мест. В частности, отменялось: наследование духовных мест «в виде призрения престарелых священно-церковнослужителей или оставшихся после них семейств»; зачисление штатных мест за дочерьми или родственницами духовенства; выдачи части доходов предшественниками в качестве платы за место; открытие новых штатных вакансий при приходах ради определения «известных лиц» или ради «призрения осиротевших духовных семейств» [9, с. 338–339].

Окончательно права детей духовенства были уточнены законами 1871 г., согласно которым дети священников стали приравниваться к детям личных дворян, причисляясь к потомственным почётным гражданам. Дети причётников становились личными почётными гражданами. Дети прочих церковнослужителей (сторожей, звонарей и пр.) обязаны были приписываться к городскому или сельскому обществам [6, с. 336–337; 9, с. 35–36].

Законодательством был четко определен состав сословия. По Положению 16 апреля 1869 г. часть церковнослужителей — звонари, певчие, сторожа и пр. — как лица наёмные, часто вышедшие из податных сословий, были исключены из духовного звания, но сохранили свободу от податей и рекрутства. Также из духовного сословия были исключены не клирики, то есть не занимающие штатные места при церквях.

Законодательно было закреплено положение вдов священно- и церковнослужителей (1875). Вдовы духовных лиц, не имевшие прав высшего состояния, с этого времени стали пользоваться правами личного дворянства (вдовы священнослужителей) и лично почётного гражданства (вдовы церковных причётников).

В это же время государством был расширен доступ в духовное сословие. Нормативно-правовыми актами был открыт доступ к службе в епархиальных консисториях, духовных правлениях лицам гражданского звания, включая принадлежавших ранее к податному состоянию [9, с. 37].

С целью улучшения материального положения духовенства в 1869 г. был разработан проект закона «О составе приходов и церковных причтов», согласно которому предусматривалось сокращение количества духовного сословия, вследствие чего должны были уменьшиться и его материальные потребности. Однако численность духовенства уменьшилась лишь за счёт причётников. Количество приходов сократилось, но незначительно. Поэтому в 1885 г. было решено восстановить причты и закрытые приходы [9, с. 40–41].

В результате реформ 1860–1870-х гг. происходит существенное расширение прав духовенства. Реформы закрепляли и уси-

ливали предоставленные духовенству привилегии, хотя и не уравнивали его в правах с дворянством. Предоставленная детям духовенства свобода не привела к разрыву большинства из них с духовным ведомством. Важным стало юридическое оформление доступа в духовное сословие лиц из других групп населения. Таким образом, была разрушена сословная замкнутость духовенства. Неудачной стала реформа по сокращению штатов и численности приходов, которая была отменена в конце 1870-х гг.

В конце XIX — начале XX в. политика царского правительства в отношении духовного сословия была направлена на увеличение численности духовенства, сохранение личного привилегированного положения, расширение возможностей его материального обеспечения. Так, реформы и преобразования, которые вели к уравниванию сословий в правах, не затронули целый ряд привилегий духовенства. Прежде всего, на духовное сословие не распространялся закон о всеобщей воинской повинности. От неё освобождались все священнослужители, а также псаломщики, окончившие курс в духовных семинариях, академиях и училищах. С мая 1891 г. к ним отнесли и преподавателей Закона Божьего. Отсрочки от исполнения воинской обязанности получали воспитанники духовных семинарий (до достижения 24 лет), а также лица, успешно окончившие духовные академии и семинарии. В 1904 г. было подтверждено, что все лица духовного состояния и их дети освобождались от телесных наказаний.

После отмены подушной подати в конце 1880-х гг. духовенство получило ряд послаблений по отбыванию государственных, земских и городских сборов и повинностей. Так, согласно Уставу о прямых налогах, духовенство было освобождено от уплаты квартирного налога. Государственным промысловым налогом не облагались заведения церковного ведомства для печатания и продажи учебных и духовно-нравственного содержания книг и пособий, для изготовления и продажи предметов для богослужения, в т. ч. церковных восковых свеч, а также для продажи лампадного оливкового масла и ладана. Устав о земских повинностях освобождал от платежа земских сборов земельные, лесные и прочие

угодья, данные правительством на содержание церквам и церковным притчам, монастырям и архиерейским домам. Дома священно- и церковнослужителей так же, как церковные, монастырские помещения и архиерейские дома, освобождались от такой натуральной земской повинности, как воинский постоя. Городовое положение 1892 г. освобождало духовное ведомство от сборов с недвижимого имущества, не приносившего дохода. Лицам духовного состояния (кроме монашествующих) разрешалось покупать и продавать «всеми законными способами» земли и дома в городах и селах.

Закон 14 мая 1890 г. подтвердил исключительное право церковного ведомства на розничную торговлю церковными свечами, что способствовало оживлению деятельности епархиальных свечных заводов, дававших средства для духовенства.

В это же время особое внимание царское правительство стало обращать на государственное обеспечение духовенства. Государственный Совет разрешил Синоду с 1882 г. все остатки от сумм финансовой сметы на содержание городского и сельского духовенства, которые раньше возвращались в казну, использовать на нужды духовенства. Однако деньги шли, прежде всего, в епархии Центрально-европейской России, а только затем — остальных окраин страны и Сибири [6, с. 341].

Доходы священнослужителей Енисейской губернии в это время были невелики и складывались за счёт жалованья, платы за исполнение треб, сдачи в аренду церковных земель и частных пожертвований прихожан. В 1880-е гг. священник от казны получал жалованье 176 руб., псаломщик и дьякон 58–60 руб. Несколько больше получали жалованье священники-миссионеры Туруханского края и Минусинского округа — по 600 и 200 руб. в год соответственно [7, с. 240].

По данным на 1891 г., жалованием из государственных средств обеспечивалось менее половины причта. В 1893 г. было утверждено мнение Государственного Совета об увеличении окладов и пенсий всем служащим по учебной и воспитательной частям в учебных заведениях Духовного ведомства: материальное по-

ложение служащих по духовноучебному ведомству сравнено с положением служащих Министерства народного просвещения [6, с. 342].

Особое внимание в конце XIX в. государство уделило вопросу, касающемуся увеличения численности духовенства. Был принят ряд мер, направленных на открытие новых приходов и причтов, что способствовало увеличению количества церквей и численности белого духовенства. Особое внимание было уделено на открытие новых приходов и причтов на окраинах страны, в том числе в Сибири.

В 1899 г. законодательно было закреплено положение, согласно которому в духовенство могли вступать лица всех сословий. Однако сохранялись некоторые ограничения для лиц, которые ранее платили подушную подать. Они должны были предоставить удостоверение епархиального начальства, которое выдавалась при условии недостатка в его ведомстве лиц для замещения духовных должностей. Притом образование желающих вступить в духовенство должно было соответствовать духовному званию. Необходимо было также иметь увольнение от общества, к которому крестьянин или мещанин был приписан. Окончательно вопрос о них, после рассмотрения Казённой палатой, решал губернатор. Лишь указом 5 октября 1906 г. сельские обыватели и лица других бывших податных состояний были освобождены от необходимости предъявлять при поступлении в белое духовенство увольнения от общества, согласия казённой палаты и разрешения губернатора [6, с. 338].

В Енисейской губернии, по данным А. А. Терсковой, в 1880-е гг. священнослужители на 100 % были выходцами из духовного сословия. Однако уже к началу 1900-х гг. в духовенство активно вступали представители податных сословий: крестьяне, казаки и мещане, для повышения своего социального статуса. Священнослужителями в это время часто становятся бывшие сельские учителя. В Красноярске причётниками из иносословных было 25 %. Такой же процент священников и дьяконов принадлежал к иным сословиям [7, с. 237]. Таким образом, духовное сословие становит-

ся более открытым для других слоёв общества, хотя вступление в него было затруднено. При этом основным источником пополнения клира оставались дети священно- и церковнослужителей.

В целом, на протяжении XIX — начала XX в. основные изменения в сословно-правовом статусе духовенства Енисейской губернии и сибирского региона в целом были тесно связаны с политикой государства, направленной на интенсивное освоение Сибири. При этом, важно отметить, что специального нормативного регулирования правового положения сибирского духовенства, учитывающего специфику региона, не было.

Несмотря на проводимы в стране реформы 1860–1900-х гг., направленные на уравнивание прав всех сословий, духовенство сохранило некоторую исключительность своего юридического статуса. Личные права и привилегии этого сословия были усилены, но не приравнены к дворянству.

Круг деятельности духовенства, обозначенный законом как обязательный, был достаточно широк, включая духовные (духовное служение, миссионерство, идеологическое воздействие и наблюдение за общественным мнением, исполнение треб, культурно-образовательная деятельность и др.) и мирские дела (ведение метрических книг и актов гражданского состояния, благотворительность, хозяйственная деятельность). В этом случае, можно говорить о том, что государство рассматривало духовенство как ещё одну контрольно-учётную единицу в системе управления, особенно в местах, труднодоступных для других форм надзора. Всё это указывает на «служильный» характер сословия, которое в XIX — начале XX в. окончательно превратилось в своего рода чиновников духовного ведомства.

Благодаря, проводимой царским правительством политике, духовенство Енисейской губернии к началу XX в. стало менее замкнуто. В него стали активно переходить представители податных сословий, а дети священнослужителей стали выбирать светскую карьеру. Однако, несмотря на принятые государством меры, направленные на доступ других социальных групп в духовное сословие, с целью его численного увеличения, основная ставка в его

пополнении делалась, прежде всего, на само духовенство.

Принятые нормативно-правовые акты, регулирующие вопросы финансирования и материального обеспечения сибирского клира, не особо способствовали росту их благосостояния. Доходы причта, которые обычно складывались из государственного жалованья, платы за требы и аренды земель, были невысокими, поэтому материальное положение духовного сословия в Енисейской губернии оставляло желать лучшего.

Список литературы

1. Болонкина Е. В., Катцина Т. А. Социально-экономическое развитие Енисейской губернии во второй четверти XIX в. — Красноярск: СФУ, 2009. — 245 с.
2. Васильева А. В. Социокультурный облик православного духовенства Западной Сибири в конце XIX — начале XX в.: дисс. ...канд.ист.наук. — Омск, 2015. — 312 с.
3. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 592. Оп. 2. Д. 444.
4. ГАКК Ф. 673. Оп. 1. Д. 4.
5. Красноярск: этапы исторического пути. — Красноярск: Буква, 2003. — 558 с.
6. Лавицкая М. И. Правовое положение духовного сословия в России в XIX — начале XX в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2009. — Вып. 8(76). — С.335–343.
7. Терскова А. А. Духовное сословие Енисейской губернии второй половины XIX — начала XX вв. // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. — 2010. — № 1. — С. 236–242.
8. Хаит Н. Л., Дворецкая А. П., Гергилев Д. Н., Коновалова О. В. Эволюция православного прихода на территории Приенисейской Сибири в конце XVIII — первой половине XIX в. // Былые годы. Российский исторический журнал. — 2020. — №57 (3). — С. 1055–1064.

9. Шадрина А. В. Приходское духовенство Донской и Новочеркасской епархий второй половины XIX в. — Ростов н/Д: Антей, 2014. — 364 с.

УДК 9 (908)

Гавриленко Т.В.

кандидат технических наук, доцент
Сибирский федеральный университет
г. Красноярск
e-mail: tvgavrilenko@sfu-kras.ru

Gavrilenko Tatyana V.

candidate of engineering sciences,
associate professor
Siberian Federal University
Krasnoyarsk
e-mail: tvgavrilenko@sfu-kras.ru

ДОРОГА НА ТЕРЕХТЮЛЬ (В МИХАЙЛОВКУ) — 300 ЛЕТ ИСТОРИИ

The road to Terekhtyl (to Mikhailovka) — 300 years of history

Аннотация: На основе архивных документов описывается история создания тележной дороги, связавшей в начале XX века переселенческие участки Михайловской волости Красноярского уезда с Сибирским трактом. Большая удалённость этих участков, располагавшихся в бассейне рек Малый и Большой Терехтюль, а также их труднодоступность из-за тяжёлого таёжного пути по заболоченным землям, вызывали ожесточённые споры среди чиновников о выборе направления дороги и её строительстве. Однако, несмотря на экстремальные условия передвижения, данные земли были ещё в 1722 году обследованы участниками первой Сибирской научной экспедиции под руководством Д. Г. Мессершмидта. Сведения из дневников Мессершмидта и его сподвижника Ф. Табберта также приводятся в данной статье.

Abstract: Based on archival documents, the history of creation of the cart road that connected the resettlement areas of Mikhailovskaya volost of the Krasnoyarsk Uezd with the Siberian Tract in the early

20th century is described. Remoteness of these sections, located in the basin of the Maly and Bolshoy Terekhtyul rivers, as well as their inaccessibility due to the heavy taiga path through wetlands, caused fierce disputes among officials about the choice of direction of the road and its construction. However, despite extreme conditions, these lands were surveyed in 1722 by the participants of the first Siberian scientific expedition under the leadership of D. G. Messerschmidt. Information from the diaries of Messerschmidt and his associate F. Tabbert are also provided in this article.

Ключевые слова: переселенческие участки, Михайловская волость, таёжная дорога, Кемчуг, Терехтюль, экспедиция Мессершмидта.

Keywords: resettlement areas, Mikhailovskaya volost, taiga road, Kemchug, Terekhtyul, the Messerschmidt's expedition.

В первой трети XX века на территории современного Емельяновского района Красноярского края существовал церковный Михаило-Архангельский приход, история которого изложена в [2]. Он границами совпадал с Михайловской волостью и включал в себя поселения, возникшие на переселенческих участках Погорельской волости: село Михайловское (участок Ушканчиков, образован в 1900 г.), деревни Петропавловка (участок Большой Терехтюль, 1900), Богословка (участок Малый Терехтюль, 1901), Алексеевка (участок Сосновый, 1908) и Черемшанка (участок Черемшанный, 1908) [1].

Эти земли, расположенные в бассейне рек Большой Терехтюль и Малый Терехтюль, были в 1899 г. обследованы землеустроителями из губернского Переселенческого управления и признаны хорошими для освоения крестьянами [5]. В проекте образования участков в Малокемчугском районе, выполненном старшим производителем работ 2-й Восточно-Сибирской партии Богдановым, приводится следующее описание местности: «Общий характер участка — лесной; лишь только по ручьям, впадающим с левой стороны в реки, расположены более чистые места, включающие очень редкие насаждения берёзы, местами с примесью осины. Здесь часто встречаются места площадью

в 5–10 и больше десятин непосредственно пригодные для пашни без расчистки. Кроме возвышенного правого берега реки Большой Терехтюль вся основная часть участка представляет довольно ровную поверхность с общим небольшим уклоном по северо-востоку. Все левые притоки Большого и Малого Терехтюлей текут в очень разлогих падах. На всех пространствах участка распространены тёмно-суглинистые почвы, богатые перегноем. Глубина почв 4 вершка; под почвой — бурая глина. По климатическим и почвенным условиям на участке должна произрастать: озимая рожь, ярица, пшеница, овёс, ячмень, картофель, репа и т. п. По ручьям расположены луговые пространства, удобные для сенокосения. В дубравах также много покосных мест» [5].

Однако этот благодатный край был достаточно удалённым от обжитых территорий. До самой близкой деревни Покровской расстояние составляло 40 вёрст. Ближайшая школа и церковь находились в селе Гляденском в 50 вёрстах. Волостное правление (село Погорельское) располагалось в 63 вёрстах, город Красноярск — в 98 вёрстах. Кроме этого, местность была ещё и труднодоступной, несмотря на существовавшую таёжную дорогу, описание которой приведено в отчёте Богданова [5]. На большей части своего протяжения дорога была удобна для проезда, кроме двенадцати вёрст, от реки Малый Терехтюль до реки Сосновки. Здесь она проходила по пойме реки Каменки, по заболоченным землям, а также заливам реки Сосновки. Примерно треть этого трудного участка названа изыскателем «плохой дорогой», а остальные две трети пути, по его описанию, представляли собой грязь, стоявшую всё лето. «Движение на колёсах здесь, хотя совершалось, но весьма неудобно. Для проезда необходима расчистка».

Первый проект улучшения пути сообщения с терехтюльскими участками был разработан топографом Аркадием Бычковым. По его проекту дорога должна была начинаться от деревни Покровской и проходить через переселенческий участок Медведа [6]. В проекте были сделаны чертежи и составлена смета с первоначальной стоимостью 2036 рублей 19 коп. В смету вхо-

дили расходы на рубку 11,4 десятин леса с выкорчёвкой пней, возведение мостов через реки и ручьи, устройство бревенчатого настила на заболоченных участках, затраты на инструменты (топоры, лопаты и пилы).

По данному проекту чиновниками велись ожесточённые споры. Крестьянский начальник 1-го участка Красноярского уезда А. А. Яковлев посчитал, что представленная смета на строительство дороги, проходящей на значительном протяжении по заболоченным участкам, занижена, а сооружения, возводимые на них, не будут обладать достаточной прочностью. Он был против этого варианта дороги. Другие чиновники считали, что проезд по уже имеющейся таёжной дороге вполне допустим [7]. Так чиновник Никонов, споря с крестьянским начальником, в своей записке излагал: «Лица, которые ездили по глухим таёжным заимкам, знают, что дороги, ведущие на эти заимки через болота, речки и вершины, пролагались не десятками лиц, а одним, двумя, тремя заимщиками, перекинувшими наскоро несколько мостиков и настлавшими несколько гатей, которые водой не уносятся. Если подновлять подобные гати и мостики может один-два заимщика, то тем легче это делать для всей деревни. Не безызвестно также, что чины енисейской партии, исследующие самые густые и болотистые тайги, постоянно должны были иметь дело с вершинами, для верховой переправы через которые то и дело приходилось прокладывать мостики и настилать гати, и на это не требовалось много времени. Участок Терехтуль по одному тому уже нельзя считать недоступным, что до сего времени чины енисейской партии пробирались до него на колёсах».

Проекту Бычкова дал экспертную оценку губернский инженер Плыжцкий. Он выразил мнение, что устройство бревенчатого настила на заболоченных участках является неэффективным, т. к. настил не выдержит нагрузок от гружёных крестьянских телег. А частый и дорогостоящий его ремонт потребует значительных расходов на содержание дороги. Эксперт предложил вместо бревенчатой мостовой сделать на фашиннике земляную часть.

При этом стоимость строительства дороги увеличивалась на 800 рублей, но для исправления деформаций земляного полотна была бы достаточна только подсыпка земли, что можно делать обыкновенным летним ремонтом обществом крестьян [6].

Помимо варианта дороги, идущего из деревни Покровской, обсуждался вариант трассирования, следовавший из деревни Малый Кемчуг. Он пересекал реку Шерчуль в её верховьях, гарь и далее шёл на север по водоразделу между реками Малый и Большой Терехтюль прямо на участок Терехтюль. Это направление, хотя и не короче варианта дороги, проходящего из деревни Покровской через участок Медведа, но зато оно скорее бы выводило на хорошую шоссейную дорогу (Сибирский или бывший Московский тракт), что, конечно, значительно облегчило бы крестьянам сообщение с городом [6].

Также обсуждался третий вариант трассирования от деревни Николаевской (Никольской), расположенной в 25 верстах от деревни Емельяново. Этот вариант дороги должен был пройти через переселенческий участок Шерчуль, зимовье на ручье Берёзовом, левом притоке Шерчуля, и реку Малый Терехтюль. Он оценивался не дороже первого проекта. К тому же этот вариант «вёрст на 20, если не больше, приблизил бы участок Терехтюль к городу, и кроме того дорога прошла бы через участок Шерчуль и другие, которые, вероятно, в самый непродолжительный период времени будут образованы в упомянутом районе» [6]. В июне 1901 г. крестьянский начальник 1-го участка Красноярского уезда А. А. Яковлев прошёл лично по кратчайшему пути от деревни Николаевской до участка Терехтюль. В своём Представлении от 18 июня 1901 г. он подробно описал состояние таёжной дороги, выделив четыре участка, и оценил предположительную стоимость строительных работ [6].

Первый отрезок пути — от деревни Николаевской до переселенческого участка Шерчуль. Здесь на протяжении всех 15 вёрст шла тележная дорога, пересекавшая реку Малый Кемчуг в 4 вёрстах ниже деревни. На правом берегу реки дорога 2–3 версты проходила по заболоченной пойме, которая во время ве-

сеннего половодья перекрывалась водой, и сообщение по дороге прекращалось на месяц и дольше. Переход через само русло был устроен «на ломи, оторвавшейся от наноса деревьев во время разлива реки». Далее, дорога проходила по «листвяку» (через заросли лиственниц?), пересекая несколько участков, заросших соснами. А. А. Яковлев сделал вывод, что здесь необходимо возведение моста через реку Малый Кемчуг и значительное исправление дороги на всём протяжении участка.

Следующие 15 вёрст — это путь от усадьбы переселенцев участка Шерчуль до избы Якова Баженова, стоявшей на реке Шерчуль. Здесь дорога проходила справа от земель, выделённых переселенческому участку. Затем — по покосам крестьян Погорельской волости, постепенно поднимаясь на перевал до самой избышки. От усадьбы переселенцев до деляны дегтярей путь вполне был пригоден для тележной езды. Далее, на подъёме и при спуске к реке Шерчуль, необходимо было сделать 2 сажени просеки.

Третий участок, от реки Шерчуль до ручья Берёзовый, составлял всего 3 версты, но в этой части пути потребовались бы два моста: мост через реку Шерчуль длиной в 4 сажени и небольшой мост через ручей Берёзовый. На левом берегу реки Шерчуль на протяжении 250 саженей дорога проходила по валёженнику, что требовало его расчистки. Также на этом участке было несколько болот и значительных ям. Дополнительно требовалось устройство просеки в смешанном лесу и осиннике.

Последний участок — от ручья Берёзовый до реки Малый Терехтюль, представлял собой 20 вёрст пути по старой дороге. На его протяжении требовалось устройство пяти мостиков через ручьи и реку Малый Терехтюль, а также моста через реку Большой Терехтюль. Здесь также необходимо было делать просеки на суммарном протяжении 4–5 вёрст и обустройство в нескольких местах заболоченных земель.

В итоге был принят и реализован именно этот последний вариант пути сообщения, показанный на рис. 1. Дорога полностью была достроена в 1918 году и актом от 30 октября «при-

нята в казну окончательно» [3, 4]. Вдоль неё образовалось ещё несколько новых переселенческих участков.

Таким образом, дорога связала переселенческие деревни Гладкое, Ильинку, Успенку, Преображенку, хутор Васькин Ключ, Богословку, Михайловку, Петропавловку и Алексеевку с Сибирским трактом в селе Заледеево, вошедшим позднее в состав посёлка Емельяново. Эти деревни ещё можно увидеть на географической карте Кемчугского района, изданной в 1965 году.

Рис. 1. Фрагмент карты заселяемых участков Енисейской губернии с дорогой, 1905 г.

Однако альтернативный вариант трассирования от деревни Малый Кемчуг оказался снова востребованным в 70-е годы XX века, когда была построена новая дорога, связавшая Михайловку с автодорогой «Сибирь» (бывшим Московским или Сибирским трактом), только уже в районе деревни Большой Кемчуг. Старая терехтюльская дорога стала приходить в упадок, и люди начали разъезжаться из придорожных деревень. На карте 1982 года уже отсутствуют Ильинка, хутор Васькин Ключ, Преображенка, а деревни Успенка и Богословка обозначены как

нежилые. Находящаяся сегодня в запустении терехтюльская дорога зарастает лесом.

Но на самом деле путь к терехтюльским землям имеет более древнюю историю. Известно, что в мае-июне 1722 г. там побывали участники первой научной Сибирской экспедиции под руководством Даниила Готлиба Мессершмидта. Описание путешествия изложено в дневниках самого Мессершмидта и его помощника, военнопленного шведского капитана Филиппа Табберта [8].

В путешествие к реке Кемчуг Сибирская экспедиция отправилась в сопровождении татар в день Святой Троицы 13 мая 1722 г. по старому стилю. Багаж был размещён на подводах, в которые были запряжены 22 лошади, доставленные татарами. «Выехали в полдень, около 12 часов, с именем Господа из Красноярска». Сначала путь шёл на запад до места впадения реки Бугач в Качу, примерно в 3 верстах от города. Затем проехали ещё 4 версты на северо-запад и остановились около юрт качинских татар, стоявших на берегу Качи. Прямо напротив юрт по левую руку вверх по течению, были горы с совершенно красной землёй. Это место в своём дневнике Табберт называет Красным мысом, который можно идентифицировать с горой, называемой сейчас Дрокинской.

На следующий день путешественники в 6 утра оставили реку Качу немного справа и миновали в 8 часов одну русскую пашню. Через час они опять пришли к Каче, где была другая русская пашня, носившая название Смолянинова. Она лежала в устье маленькой речки под названием Красная, географические координаты которого участники экспедиции измерили по высоте полуденного солнца. В опубликованных дневниках указано значение северной широты $56^{\circ}20'$, но, к сожалению, оно не согласуется с современными географическими координатами, т. к. на этой широте протекают реки, впадающие в Малый Кемчуг, относящийся к речной системе Оби, т. е. уже за водоразделом.

Местность Ф. Табберт описывает следующим образом: «Это отличная равнина, плодородная земля без кустарников или

рош. Земля плодородная, почти везде чёрная и при этом богатая селитрой, не заболочена. Такая равнина может накормить и населить много тысяч людей, но всё это лежит не возделанным. Но на реке Кача некоторые татары то там, то здесь возделывают маленькие кусочки земли, на которых они сеют ячмень для своего Kurmatsch или ячменной муки».

Через несколько дней, в 4 часа утра 21 мая, участники экспедиции продолжили свой путь, перейдя реку Качу прямо у пашни Смолянинова. Река здесь имела каменистый грунт, но не везде. Двигаясь на северо-восток, через 2 версты путешественники дошли до маленького болота, которое назвали истоком реки Арей. Затем они повернули на север и в 9 часов утра пришли к реке Бужим (Бузим). Чтобы её перейти, потребовалось сделать фашины и перекинуть маленький мостик. Длину пройденного пути от пашни Смолянинова до места переправы через Бужим Мессершмидт оценил примерно в 12 старых вёрст (т. к. старая верста равняется 1778 м, то длина пути могла быть равна 21 км).

После обеда около 2 часов дня экспедиция продолжила свой путь через сильно заболоченный и скверный березняк и бурелом, «а так как этой дорогой ездили совсем редко, или только верхом, то дорогу татары не чистили, поэтому путешествовать по ней особенно весной было очень трудно» [8]. Согласно дневнику Д. Г. Мессершмидта, путь шёл на северо-восток. Пройдя 12–13 вёрст, около 8 часов вечера участники экспедиции пришли к реке Малый Кемчуг. «Здесь кругом ничего нет кроме сплошного большого леса и болот. В нём водится много лосей и косуль, а также лис и тому подобное».

На следующее утро путешественники, чтобы преодолеть Малый Кемчуг, построили плот, но вынуждены были остаться на сутки из-за плохой погоды и начавшегося дождя. 23 мая около 6 часов утра исследователи Сибири переправились через Малый Кемчуг и в 10 часов, примерно через 8–9 вёрст пришли к маленькой речке Калтат. В современной речной системе Малого Кемчуга такая речка не значится, но зато такое название имеет один из притоков реки Базаихи. «Вокруг не было другого

пейзажа кроме сплошной болотистой почвы, поросшей берёзами и осинами, они были повсюду повалены сильным ветром, татары по мере возможности чистили дорогу, но это мало помогало» [8].

На берегу Калтата исследователи с проводниками отдыхали до 4 часов дня, а потом прошли ещё 6 вёрст и в 8 вечера вышли к реке Малый Терехт-юл. Чтобы переправиться через неё, им снова потребовалось сделать мост из деревьев и фашины. Перейдя на левый берег, участники экспедиции остановились на ночь. Место, где они разбили свой лагерь, татары называли Токус-торт-кун. Слово «токус» по-татарски означало число 9, а «торт-кун» — «разветвление, деление». Такое название место получило из-за того, что здесь протекало 9 маленьких речек с заболоченными долинами, которые собирались в Терехт-юл.

В 8 часов утра 24 мая экспедиция снова собралась в путь. Через 2 часа по очень плохой дороге её участники подошли к месту впадения Малого Терехт-юла в Большой Терехт-Юл, т. е. туда, где через 180 лет будет построена деревня Петропавловка. Здесь они остановились, ожидая, пока татары построят мост через Большой Терехт-юл. В полдень измерили склонение солнца и определили широту местности $56^{\circ}36'$, которое близко к современной координате $56^{\circ}34'17''$ с. ш.

В половине третьего дня река была преодолена. В своём дневнике Мессершмидт пишет: «Наша дорога отсюда шла на запад и потом на северо-запад. Дорога была немного лучше, чем до этого, когда была болотистая равнина, а ещё то тут, то там были маленькие долинки, полные от дождей воды, которые нам очень мешали. Но эта местность была гораздо лучше и приятней. Так справа была река Терехт-юл с маленькими горными холмами. Они простирались от его устья на северо-восток. В середине была красивая равнина, слева большой сосновый и берёзовый лес, и наконец, в глубокой долине, заканчивающейся слева, были стоячие озера».

В 8 часов вечера путешественники пришли к татарским юртам Орнохаева, которые находились справа от устья Большого

Терехт-юла, впадающего в Большой Кемчуг. С этого места начинался Томский дистрикт, имевший границу по Большому Кемчугу и Чулыму. На смену красноярским татарам, сопровождавших экспедицию, должны были прийти томские татары, юрты которых располагались ниже по течению Большого Кемчуга. К ним был отправлен денщик Мессершмидта вместе с «сослуживыми из Красноярска».

Список литературы

1. Алфавитный указатель переселенческих, хуторских и запасных участков, образованных чинами землеотводных и землеустроительных партий и Управлением Государственными имуществами в Енисейской губернии с 1893 по 1910 г. включительно. — Красноярск: Енисейская губернская типография, 1911. — 193 с.

2. Гавриленко Т. В. Михаило-Архангельская церковь в селе Михайловка и её причт // XX Красноярские краевые Рождественские образовательные чтения «Великая Победа: наследие и наследники» — Красноярск: ООО «Издательский дом «Восточная Сибирь», 2020. — С. 52–61.

3. ГАКК. Ф. 262. Оп. 3. Д. 44 «Дело о строительстве Терехтюльской дороги Покровской волости Красноярского уезда». На 53 л.

4. ГАКК. Ф. 262. Оп. 3. Д. 45 «Ведомости работ по устройству мостов, труб, водопроводов и другого на 2 участке Терехтюльской дороги Красноярского уезда».

5. ГАКК. Ф. 585. Оп. 1. Д. 22 «Проекты образования переселенческих участков Близневка Заледеевской волости, Медведа, Терехтюль Погорельской волости Красноярского округа и описания этих участков». На 18 л.

6. ГАКК. Ф. 595. Оп. 30. Д. 21 «Дело о строительстве тележной дороги к участку Терехтюль Красноярского уезда». На 13 л.

7. ГАКК. Ф. 595. Оп. 30. Д. 76 «Дело об образовании переселенческого участка Терехтюль в Красноярском уезде». На 18 л.

8. Мессершмидт Д. Г. Дневники. Томск-Абакан-Красноярск. 1721–1722. Научно-популярное издание. — Абакан: ООО «Кооператив «Журналист», 2012. — 160 с.

УДК 271.2

Сентябова М. В.
кандидат исторических наук,
доцент
кафедра истории и политологии,
Красноярский государственный
аграрный университет
г. Красноярск
e-mail: m.v._redko@mail.ru

Sentyabova Maria V.
candidate of historical sciences,
associate professor
department of history and political
science, Krasnoyarsk state agrarian
university
Krasnoyarsk
e-mail: m.v._redko@mail.ru

К ВОПРОСУ О СУДЬБЕ ЦЕРКВЕЙ ЕНИСЕЙСКОЙ ЕПАРХИИ В 1930-Е — 1950-Е ГГ.

On the fate of the Churches of Yenisei Diocese in the 1930s–1950s

Аннотация: *Статья посвящена вопросам сохранения и разрушения православных храмов Енисейской епархии в 1930-е — 1950-е годы. Автор освещает методы и последствия реализации советской антирелигиозной политики на примере Красноярского края.*

Abstract: *The article is devoted to the preservation and destruction of Orthodox churches of Yenisei Diocese in the 1930s–1950s. The author covers the methods and consequences of Soviet anti-religious policy on the example of Krasnoyarsk Krai.*

Ключевые слова: История религии в XX веке, Русская Православная Церковь в Сибири, церковь и государство, Красноярский край.

Keywords: History of religion in the 20th century, Russian Orthodox Church in Siberia, church and state, Krasnoyarsk Territory.

История Русской Православной Церкви (РПЦ) в XX веке полна тягот и драматических поворотов. Сразу же после установления советской власти был проведён ряд реформ в религиозной сфере. Согласно декрету Совета народных комиссариатов от 20 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», РПЦ была лишена прав юридического лица. Было объявлено, что «никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью». В постановлении Народного Комиссариата Юстиции от 24 августа 1918 «О порядке проведения в жизнь декрета „Об отделении церкви от государства и школы от церкви“» специально подчёркивалось, что «не предназначенные специально для богослужебных целей имущества церковных и религиозных обществ, а так же бывших вероисповедальных ведомств, как-то: дома, земли, угодья, фабрики, свечные и другие заводы, рыбные промыслы, подворья, гостиницы, капиталы и все вообще доходные имущества, в чём бы они ни заключались, ... незамедлительно отбираются от означенных обществ и бывших ведомств» [1, с. 62]. В пользу государства были изъяты все приходские, монастырские и епископальные земельные угодья, доходные дома и промышленные предприятия.

Начавшаяся Гражданская война внесла коррективы в советскую антирелигиозную политику, прервав её проведение на значительной территории бывшей Российской Империи и конкретно в Приенисейской Сибири. Даже проведённая в 1922 г. кампания по изъятию церковных ценностей не привела здесь к катастрофическим последствиям — большая часть православных храмов и часовен продолжали работать. К середине 1920-х гг. в Енисейской губернии были закрыты только 17 церквей, из них 12 в городах и 5 в уездах [2, с. 17].

Советская власть активно боролась с религией, как мерами политическими — путём лишения священнослужителей ряда гражданских прав и законодательного ограничения их культовой деятельности, так и экономическими — через об-

ложение духовенства непомерно высоким налогом, конфискацию личного и церковного имущества, изъятие церковных ценностей, икон и колоколов. Скорее всего, не будет ошибочным связать проведение антирелигиозных кампаний 1920-х — 1930-х гг. с проводимой советскими властями экономической политикой и связанными с ней преобразованиями в социальной сфере. Со второй половины 1920-х гг., по мере проведения курса на ускоренную индустриализацию промышленности и коллективизацию сельского хозяйства усиливается внимание краевых и окружных властей к проведению антирелигиозной работы с населением. В их постановлениях звучали требования по созданию антирелигиозных отделов, кружков и семинаров, включению в программу партийного просвещения сельских партийных и комсомольских ячеек изучения атеизма; обеспечению агитаторов и пропагандистов антирелигиозной литературой и наглядными пособиями. В программы курсов всех уровней предполагалось включить циклы лекций по антирелигиозной пропаганде [3].

В этот же период по территории бывшей Енисейской губернии прокатывается целая волна ликвидации православных приходов. С 1927 по 1933 гг. было закрыто не менее 92 храмов, из них в 1927 г. — 4, в 1928 — 6, в 1929 г. — 15, в 1930 г. — 28, в 1931, 1932 и 1933 гг. — 15, 18 и 6 соответственно [4, лл. 1–46; 5, лл. 1–19]. Юридически закрытие церквей оформлялось либо в виде решения районного, сельского или городского Совета, постановления краевого или районного исполнительного комитета, либо как решение приходского собрания — естественно, неофициально инициированного государственными или партийными властями. Следующее массовое закрытие православных приходов датируется второй половиной 1930-х гг., что позволяет связать эту кампанию со сталинскими репрессиями 1937–1938 гг. С 1935 по 1941 гг. в крае был закрыт 181 храм: 1935 — 65, 1936 — 33, 1937 — 26, 1938 — 20, 1939 — 15, 1940 — 15, 1941 — 4 [6].

Большинство служителей церкви оказались под арестом, либо были вынуждены уйти за штат или на покой. Только по трём судебным процессам в Красноярском крае по обвинению в контрреволюционной деятельности были арестованы 74 служителя церкви, из них 63 были приговорены к расстрелу [7, с. 55]. С 1926 г., после ареста епископа Красноярского и Енисейского иеромонаха Амфилохия (Скворцова), руководство бывшей Енисейской епархией осуществляли временно управляющие архиереи. После ареста в 1937 г. последнего временно управляющего епархией ачинского епископа Сергия (Куминского) епископская кафедра оказалась вакантна.

Таким образом, к началу Великой Отечественной войны (ВОВ) на территории Красноярского края не осталось ни одного из действовавших в 1916 г. 329 приходов. Практически уничтожив легальную церковную жизнь в ходе антирелигиозной кампании 1930-х годов, советское государство возродило её в годы Великой Отечественной войны, но уже на основе фактического подчинения РПЦ советской власти. Для контроля за деятельностью Русской Православной Церкви 14 сентября 1943 г. был создан Совет по делам Русской Православной Церкви (РПЦ) при Совете Народных Комиссаров СССР. Так же был введён институт уполномоченных СД РПЦ при исполнительных комитетах территориальных, областных и республиканских Советов.

На протяжении 1944–1946 г. православными верующими Красноярского края было подано 72 заявления с просьбой об открытии церквей, из которых удовлетворено было только 18, т. е. 25 % [8, с. 297]. К середине 1948 г. в крае было официально зарегистрировано 20 православных приходов, из которых 8 размещались в городах (2 — в Красноярске) и 12 — в сельской местности. На рубеже 1940-х — 1950-х гг., число действующих православных церквей в Красноярском крае сокращается до 16, а к началу 1960-х гг. — до 11 [9, л. 108; 10, лл. 10б–5; 11, л. 16].

Государственному контролю и учёту в лице уполномоченных СД РПЦ подлежали и те православные храмы, которые не были открыты. На 1949 г. таких в Красноярском крае насчитывалось приблизительно 310 (вместе с часовнями). Из них 101 церковное здание было передано под сельские клубы, дома культуры и другие культурно-хозяйственные нужды, по 9 заняли школы и избы-читальни, по 3 — районные и сельские советы, в двух были устроены кинотеатры. Как минимум 58 храмов использовали для размещения складов, гаражей, производственных и ремонтных мастерских, около 60 были отведены для хранения зерна. Кроме того, упоминаются факты размещения в храмах пионерского лагеря, детского дома, яслей, пожарного депо, магазина, хлебопекарни, столовой, ветеринарного пункта и даже птицефермы и крольчатника. Не менее 35 церквей стояли пустыми и не использовались никак. Состояние всех упомянутых храмов было далёким от идеального: 135 храмов — 108 деревянных и 27 каменных — были радикально переоборудованы для нового использования. Как правило, в таких церквях снимали купола и сносили внутренние перегородки. Состояние 62 храмов оценивалось как «полуразрушенные», «неисправные», «требуют капитального ремонта». Упоминались и такие повреждения, как отсутствие крыши, «потолка, одной стены и куполов нет» и так далее. На 1949 г. только две из сельских церквей сохранили кресты и купола: церковь в д. Ключи Абанского района и церковь в с. Александровка Ужурского района. Также известно, что 6 храмов были разрушены или разобраны за 1948–1950 гг., о судьбе остальных храмов данные отсутствуют [4, лл. 1–46; 5, лл. 1–19].

Вторая половина 1950-х гг. ознаменовалась началом новых антирелигиозных гонений. Постепенно вопросы религиозной политики всё больше перемещались в сферу партийного влияния, перекликаясь с проблемами атеистической пропаганды. На протяжении 1950-х гг. борьба между сторонниками этих двух подходов продолжалась с перемен-

ным успехом. Наиболее яркими её проявлениями следует назвать два постановления ЦК КПСС, принятые в 1954 г. Постановление от 7 июля 1954 г. «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах её улучшения» осуждало сложившуюся систему государственно-церковных отношений, призывало «покончить с пассивностью в отношении религии, разоблачить реакционную сущность религии и тот вред, который она приносит» [1, с. 34].

12 августа 1954 г., в соответствии с этим документом, бюро Красноярского крайкома КПСС приняло постановление «О мерах по улучшению научно-атеистической пропаганды», перечисляющее уже конкретные меры в этом направлении — увеличение объёмов издаваемой антирелигиозной литературы, рост числа соответствующих лекций, радиопередач, кинофильмов и т. д. [12, с. 89–90]. Однако наши данные не позволяют судить о каких-либо конкретных действиях уполномоченного СД РПЦ или краевых властей, направленных против приходов или верующих православной церкви, либо о результатах этих действий. В следующем, 1955 г., уполномоченный СД РПЦ Н. Ермилов в своём отчёте отмечал, что «какого-либо значительного снижения посещаемости церквей не наблюдается» [13, л. 4]. Количество зарегистрированных православных религиозных обществ в крае тоже остаётся неизменным.

Уже в ноябре 1954 г. ЦК КПСС выступил с новым постановлением «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения», в котором подчёркивалась недопустимость «оскорблений чувств верующих и церковнослужителей, а так же административного вмешательства в деятельность церкви» [1, с. 39]. В отличие от первого постановления, раскрывающего нам «партийный» взгляд на религию, этот документ можно рассматривать как изложение «государственного» подхода к государственно-конфессиональным отношениям. «Государство, исходя из конституционных положений, защищает права граждан как

атеистов, так и верующих. КПСС, в свою очередь, проводит научно-атеистическую работу, но в рамках закона и только просветительскими пропагандистскими средствами» [14, с. 162].

Продолжающееся противостояние между жесткой и умеренной позициями по отношению к Церкви в партийной и государственной элите приводит к наступлению некоторого затишья в сфере государственно-религиозных отношений. С 1955 г. публикации на атеистические темы в периодических изданиях практически прекратились. Советские органы власти и уполномоченные СД РПЦ на местах фактически занимали выжидательную позицию, не предпринимая каких-либо резких колебаний в ту или иную сторону. Поэтому в какой-то мере можно согласиться с М. Шкаровским, утверждающим, что «1955–1957 гг. стали самими благоприятными для Православной церкви после 1947 г.» [15, с. 352].

Однако уже в 1958 г. ситуация резко изменилась. Консолидация власти в руках Н. С. Хрущёва, ярого приверженца «партийной», антирелигиозной позиции (именно сторонники Хрущёва в своё время сыграли достаточно большую роль в подготовке и проведении постановления ЦК от 7.07.1954 г.) [16, с. 51] вновь поставила вопрос о «борьбе с религией», терпимое отношение к которой теперь преподносилось как «сталинское наследие». Кроме того, у властей вызывал опасения всплеск религиозности, который наблюдался в советском обществе в конце 40-х — начале 50-х гг. и был связан с некоторым ослаблением идеологического контроля над личностью в СССР в эти годы.

Хрущёвская антицерковная кампания 1958–1964 гг., сопровождающаяся мощным пропагандистским натиском, сводилась к всемерному сокращению всех сторон жизни церковного организма: уменьшению количества действующих приходов, снижению числа прихожан и количества проводимых религиозных обрядов, всяческому урезанию церковных прав и свобод. Но в то же время на территории

Сибири и конкретно Красноярского края эффективность мер, предпринимаемых властями, несколько отличалась от общесоюзной ситуации.

Наиболее «плодотворными» в этом плане следует признать действия уполномоченного СД РПЦ и краевых властей в области сокращения количества православных храмов. За 1958–1964 гг. были закрыты 5 из 16 действовавших приходов. В некоторых случаях, когда прямо закрыть или снять с регистрации приход не представлялось возможным, проводилась работа по переносу церковного здания на окраины населённого пункта. Так, в 1958–1964 гг. были изъяты у верующих и переданы местным городским властям церковные здания, находящихся в центрах крупных городов — Покровская церковь в Красноярске и Спасский собор в Канске. Верующим и священнослужителям этих храмов было предложено перенести богослужения в церковные здания на кладбища, причём, если приход Покровской церкви для этого имел в пользовании здание Троицкой церкви на городском кладбище, то прихожанам Спасского собора было предложено построить новую церковь на свои средства. Похожие попытки предпринимались и в отношении Спасского собора в г. Минусинске и Успенской церкви г. Енисейска [14, с. 181, 192; 17, с. 39; 18, с. 104]. Не будет ошибкой утверждать, что в данном случае в качестве объекта антирелигиозных гонений выступали не только православные общества, но и сами церковные здания. С одной стороны, храм, находящийся в центре города, уже самим своим видом указывал местным органам власти на их «недоработки» в идеологической сфере. С другой стороны, нельзя отрицать, что красивая и ухоженная церковь (как правило, дореволюционной постройки), расположенная в людном месте, неизменно вызывала интерес и желание зайти даже у неверующих или безразличных к религии граждан.

Косвенно это умозаключение подтверждает тот факт, что в марте 1961 г. у православного прихода Покровской церкви г. Красноярска были изъяты и передана на баланс город-

ского отдела культуры часовня св. Параскевы Пятницы. Это каменное здание, возведённое в 1805 г. на Караульной горе, замечательно просматривается с большей части городской территории и отмечает собой лучшую видовую точку центральной части города. Согласно документам, исполнительный орган прихода Троицкой церкви (бывшего прихода Покровской церкви) сам отказался от часовни, на том основании, что церковь её не использует, но ежегодно платит соответствующие налоги в сумме 36 руб. в год. Однако, если учесть, что в том же 1961 г. приход Троицкой церкви только на содержание священнослужителей потратил 28 756 руб., официальная версия вызывает вполне оправданные сомнения [19, л. 28; 20, л. 55].

1958–1964 гг. на территории Красноярского края резко увеличилось число разрушаемых недействующих храмов. Как правило, ломали или разбирали на дрова те церкви, которые долгое время стояли пустующими и постепенно разрушались. На наш взгляд, помимо вполне практических устремлений, выступая с инициативой разрушения церковных зданий (как правило, пустующих с конца 1930-х гг.), местные власти преследовали цель подключиться к всесоюзной антирелигиозной кампании [21, лл. 8, 12, 14, 17, 20–21, 26–30]. Так, когда в 1958 г. встал вопрос о реставрации здания Воскресенского собора в центре города, Исполнительный комитет Городского Совета депутатов трудящихся предпочёл снести церковное здание 1795 г. постройки как не представляющее собой «ценного исторического памятника архитектуры» — не смотря на активную защиту собора со стороны творческой интеллигенции города [22, лл. 19–27, 77–78, 106–107, 193].

В то же время другой особенностью «хрущёвской» антирелигиозной кампании можно назвать большую по сравнению с 1930-м г. активность верующих в отстаивании своих прав [23, с. 84]. Относительно толерантная позиция в отношении религии, занятая советским правительством в сере-

дине 1940-х гг., в свою очередь привела к некоторой легитимации Православной Церкви в общественном сознании. Поэтому, если в 1930-е гг. процесс закрытия православных приходов мог быть объяснён с точки зрения «классовой борьбы», то теперь уничтожение Церкви, воссозданной с санкции властей, справедливо воспринималось верующими как нарушение их прав. Теперь в конфликтах с уполномоченными СД РПЦ и местными партийными и советскими органами верующие часто выступали в качестве активной стороны, порою даже добиваясь снижения накала «антирелигиозной борьбы». Так, по данным протоиерея Геннадия Фаста, в начале 1960-х гг. верующие прихода Успенской церкви г. Енисейска обратились «в Москву» с жалобой на действия местных властей. Видимо, последовавшая реакция центральных властей для Енисейского исполкома была неблагоприятной, поскольку церковному совету пришлось выслушать множество упрёков городской администрации по этому поводу. «Однако с того времени действия местных властей в отношении верующих смягчились» [18, с. 105].

Можно отметить, что для православных церквей Красноярского края последствия «хрущёвских гонений» оказались гораздо менее тяжёлыми, как по сравнению с кампанией 1920-х — 1930-х гг., так и в сопоставлении с ситуацией в других регионах СССР. Религиозная жизнь в православных церквях края не прекратилась. Даже уже упоминавшееся переселение приходской общины г. Канска из Спасского собора в центре города во вновь построенное здание на городском кладбище в 1959–1964 гг. произошло без существенного разрыва в богослужебной практике: официальная статистика учёта исполняемых треб в эти годы не показала какого-либо сокращения [20, лл. 66–69]. Церковная структура Красноярской епархии так же пострадала меньше, чем, например, в соседнем Алтайском крае, где за годы «хрущёвской» антирелигиозной кампании было закрыто 8 из 11 действовавших в 1959 г. церквей [14, с. 202].

Список литературы

1. Законодательство о религиозных культах — М.: Юридическая литература, 1969. — 324 с.
2. Доброновская А. П. Религиозная жизнь населения Приенисейского региона на переломе эпох: 1905–1929 гг.: автореф. дис. канд. ист. наук. — Красноярск, 2007. — 24 с.
3. Дворецкая А. П. Секуляризация в Приенисейском регионе в первой трети XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2015. — № 1 (51). — Ч. II. — С. 50–56.
4. ГАКК Ф.Р. 2384. Оп. 1. Д. 107.
5. ГАКК Ф.Р. 2384. Оп. 1. Д. 65.
6. Дворецкая А. П. Енисейская Епархия в 20–30-е годы XX века // Архивы Красноярского края: сайт. — URL: <http://xn---7sbbimrdkb3alvdfgd8eufwc.xn--p1ai/gosudarstvennyi-arkh/users/articles/30> (дата обращения 18.12.2020).
7. Сиротинин В. Г. Православные священники. Год — 1937 // Церковь и государство: прошлое и настоящее. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. — Красноярск, 2001. — С.51–56.
8. Красноярский край в истории Отечества: хрестоматия для учащихся старших классов. — Красноярск: Красноярское книжное издательство, 2000. — Кн. III. 1941–1953. — 446 с.
9. ГАКК, Ф.Р. 2384. Оп. 1. Д. 113.
10. ГАКК, Ф.Р. 2384. Оп. 1. Д. 115.
11. ГАКК, Ф.Р. 2384. Оп. 1. Д. 103.
12. Культурное строительство в Сибири, 1941–1977: Сборник документов. — Новосибирск: Книжное издательство, 1979. — 366с.
13. ГАКК, Ф.Р. 2384. Оп. 1. Д. 121.
14. Горбатов, А. В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940-е — 1960-е годы — Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2008. — 408 с.

15. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. — М.: Издательство Крутицкого подворья, 2005. — 424 с.
16. Шкаровский М. В. Русская православная церковь в 1943–1957 годах // Вопросы истории. — 1995. — №8. — С. 36–55.
17. Фирсанкова Л. И. Канск православный. Краеведческие очерки — Красноярск: Изд-во ООО «Версо», 2006. — 160 с.
18. Фаст Г. Енисейск православный. Очерк протоиерея Геннадия Фаста. — Красноярск: «Енисейский благовест», 1994. — 240 с.
19. ГАКК, Ф.Р. 2244. Оп. 1. Д. 78.
20. ГАКК, Ф.Р. 2384. Оп. 1. Д. 67.
21. ГАКК, Ф.Р. 2384. Оп. 1. Д. 90.
22. ГАКК, Ф.Р. 2244, ОП. 1, Д. 14.
23. Сосковец Л. И. Религиозные конфессии Западной Сибири в 40-е — 60-е годы XX века. — Томск: Томский государственный университет, 2003. — 348 с.

УДК 9 (908)

Шушканова Е. А.

кандидат исторических наук, доцент
Сибирский государственный уни-
верситет науки и технологий имени
академика М. Ф. Решетнева
г. Красноярск
e-mail: shushkanovae@yandex.ru

Shushkanova Elena A.

candidate of historical sciences,
associate professor
Reshetnev Siberian state university of
science and technology
Krasnoyarsk
e-mail: shushkanovae@yandex.ru

ОБЩЕСТВО СВЯТОГО АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО В КРАСНОЯРСКЕ (XIX — НАЧАЛО XX ВВ.)

The society of St. Alexander Nevsky in
Krasnoyarsk (XIX — early XX centuries)

Аннотация: *Представлена история благотворительного общества святого князя Александра Невского, созданного для поддержки учащихся духовных учреждений г. Красноярска.*

Abstract: *The article presents the history of the charitable society of St. Alexander Nevsky, created to support students of religious institutions in Krasnoyarsk.*

Ключевые слова: благотворительное общество, духовное училище, семинария, образование, Енисейская епархия.

Keywords: charitable society, theological school, seminary, education, Yenisei diocese.

В 1900 г. в России по повелению Канцелярии Его Императорского Величества и по учреждению императрицы Марии Федоровны было опубликовано солидное, трёхтомное издание — «Благотворительные учреждения Российской империи». Его выходу предшествовала масштабная работа: учитывая огромное количество таких организаций в России, для составления сборника начальникам областей и губерний, градоначальникам и архиереям были разосланы специально подготовленные вопросы листы. Затем, по мере их заполнения (к огорчению издателей, крайне медленного) и доставки в столицу, шла обработка

и систематизация полученных данных. Все благотворительные учреждения в России подразделялись на две большие группы: благотворительные общества и благотворительные заведения. Внутри этих двух структур возникали дополнительные классификации. Например, благотворительные заведения делились на заведения для детей и для взрослых. А далее заведения для детей и взрослых делились на свои подвиды и т. д. Без преувеличения, указанное учреждение по сей день остаётся актуальным теоретическим и практическим пособием по изучению общественной благотворительности.

Общее число благотворительных учреждений в Российской империи составляло на 1 января 1899 г. 14 854. Из них благотворительные общества — 7 349, благотворительные заведения — 7 505. В Сибири число их было соответственно 182 и 201 [2, с. 1]. Интересно, что по количеству благотворительных учреждений в Российской империи лидировал Прибалтийский край, а наименее благоприятными по распределению благотворительных учреждений для населения назывались Кавказ, Сибирь и Средняя Азия, где основная масса попечительств была только в губернских городах [2, с. 3].

Именно так обстояло дело в Енисейской губернии, где отделения благотворительных обществ действовали в основном в г. Красноярске. Причём большое их число существовало под патронажем Русской православной церкви. В данной публикации речь пойдёт об обществе, которое не играло заметной роли в жизни губернии, не располагало развитой инфраструктурой и связями со столицей, как, например, Православное Палестинское общество. Но тем оно и интересно, что по опыту своего существования было сродни множеству других рядовых попечительских организаций со скромным бюджетом, но выполняющих весьма значимую роль в жизни конкретных людей.

Речь об обществе с длинным названием — «Святого князя Александра Невского для вспомоществования воспитанникам Красноярского духовного училища». Официально оно появилось 30 августа 1884 г. и к тому времени существовало уже во многих

городах, имевших духовные училища [1]. Сеть этих обществ находилась, как и все благотворительные общества в ведении Министерства внутренних дел. Патронаж МВД (который, кстати, не распространялся на благотворительные заведения) объяснялся, во-первых, цензурными соображениями; во-вторых, являлся страховкой от случая создания недобросовестной мошеннической организации с целью обогащения. Общество имело Устав и печать, которая хранилась у Председателя.

Целью общества А. Невского, как следует из полного названия, было оказание помощи нуждающимся воспитанникам Красноярского училища. Причем в Уставе специально оговаривалось, что помощь осуществляется прежде всего вещественная, а не денежная. Исключением были выдача денег на проезд или какой-то экстренный случай и обязательно при поручительстве кого-либо из членов общества.

О деятельности общества Александра Невского нам позволяют судить ежегодные отчеты организации, которые публиковало периодическое издание Красноярской епархии — Енисейские епархиальные ведомости.

Итак, сферой благотворительности общества было образование, а точнее учащаяся среда, где были те, кто желал учиться, имел способности к учебе, но не располагал к тому денежными средствами. Прежде всего, это относилось к сиротам из семей духовенства Енисейской губернии. А также распространялось на детей из бедных семей. В правилах приёма в учебное заведение указывалось, что «в прошениях о принятии на епархиальное содержание детей бедных родителей, находящихся в живых, должны быть с полной обстоятельностью и подробностью обозначены как состав семейства, к которому воспитанник принадлежит, так и средства к содержанию семейства, которыми располагает его отец» [3, 1897, № 9, с. 151]. Так, при рассмотрении кандидатуры на бесплатное содержание брались в расчёт следующие сведения об отце ребенка: количество и качество церковной земли на приходе, где служил священник, размер жалования и наличие других источников дохода семьи. [3, 1888, № 10, с. 37].

Бесплатное обучение распространялось только на детей церковнослужителей. Например, в 1892 г. с прошением зачислить в училище своего внука на полное епархиальное содержание обратился священник Василий Купресов, но получил отказ, т. к. мальчик был «крестьянский сын» [3, 1893, № 21/22, с. 142]. По Уставу Общества помощь малоимущим оказывалась безвозмездно. Хотя возможность получить материальную помощь в кассе Общества могли и все прочие ученики, но уже взаимнообразно.

Основными статьями расходов было обеспечение воспитанников пищей, одеждой, учебными принадлежностями. Сюда же входили при необходимости транспортные расходы, которые позволяли на каникулы поехать домой, а потом вернуться. Или на проезд в другой город для продолжения образования в духовной семинарии.

Организационные принципы общества Александра Невского были типичными для благотворительных (и не только) организаций того времени. Существовало три статуса членства в организации: действительным членом становился тот, кто вносил членские взносы (3 рубля в год). Либо, если вносил единовременный взнос в 60 руб., то становился пожизненным членом. Второй статус — соревнователи: те, кто заботился об увеличении средств общества. Наконец, почётным членом человек мог стать за особо ценные услуги Обществу или за пожертвование не менее 100 руб. в год.

К началу своего существования (в 1886 г.) из 34 членов общества было 4 почётных, 4 соревнователя и 25 действительных членов организации. Никакого жалования они не получали. Да собственно какой-то кипучей работы членство не требовало, за исключением деятельности его Правления. Оно состояло из председателя, которым вполне логично назначался смотритель Красноярского училища, далее — помощник смотрителя, два представителя от духовенства и три выборных человека из действительных членов. Делопроизводство организации было небольшим, поэтому писарь Канцелярии духовного училища занимался и письмоводством Общества. Важной фигурой был казначей, который принимал от председателя членские взносы и

другие поступления в бюджет общества, а также выдавал расписки в получении каждой выплаты. Для этого существовала приходо-расходная книга. Завершая тему организационного устройства общества, отметим, что все решения по расходованию бюджета Общества, принимались общим голосованием почётных и действительных членов.

Вот так, к примеру, выглядело правление Общества А. Невского в начале своей деятельности (1885 г.): председатель — смотритель училища К. А. Успенский, члены-помощники смотрителя: Н. А. Бобылев, И. В. Соколов (учителя училища), протоиерей Иннокентий Нарциссов (он числился казначеем) и священник Константин Кожевников. От действительных членов: протоиерей Алексей Угрюмов, священник Константин Тюшляков и чиновник А. Д. Жилин. Делопроизводством ведал учитель П. П. Орлов.

Состав почётных членов включал в себя прежде всего правящего архиерея, а также щедрых жертвователей. Например, в числе последних в 1890 г. был купец из г. Канска С. А. Бурмакин. С удивлением в составе почётных членов Общества мы обнаружили также сельского священника с. Покровского и крестьянку Канского уезда А. В. Тимофееву.

Что касается социальной принадлежности действительных членов Общества, то в том же 1890 г.: 33 человека — это священнослужители, 6 учителей, 1 купец, 1 чиновник, 2 крестьян и 8 человек без указания рода деятельности [3, 1891, № 8/9, с. 138–139]. Иными словами, Общество А. Невского держалось прежде всего трудами священнослужителей.

Динамику движения членства в организации можно увидеть по данным таблицы, составленной на основе выборочных годовых отчетов Общества:

Члены Общества	1889 год	1890 год	1893 год	1897 год	1899 год	1905 год	1914 год
Почётные	6	6	6	7	8	6	1
Действительные	26	54	24	19	25	17	28
Соревнователи	8	51	4	17	18	—	17
Всего	40	111	34	43	51	33	46

Резкий рост членства на 1890 г. (в особенности соревнователей) объясняется, на наш взгляд, действием каких-то административных причин. Но от такого формального подхода к членству, по всей вероятности, вскоре отказались.

Интерес представляет механизм наполняемости кассы Общества Александра Невского. Ведь, судя по количеству членов, одних только членских взносов для функционирования организации явно не хватало. Например, в 1897 г. членские взносы составили всего 65 рублей. Поэтому существовало несколько постоянных каналов пополнения бюджета, кроме членства.

Во-первых, это добровольные пожертвования. Для этого Правление просило всех благочинных обращаться к возможным жертвователям своего округа с соответствующими письмами. Пожертвования были и от первых лиц действующей власти: в 1887 г. от владыки Исаакия 25 руб., Его Превосходительства Господина Начальника губернии И.К. Педашенко 5 руб. и от его супруги также 5 руб. [3, 1887, № 5, с. 61]. Кроме того, в Русской православной церкви того времени весьма распространенной формой коллективных пожертвований были так называемые сборные книжки. Правда поступления от них были мелкими: от 2 до 15 руб. [3, 1891, № 8/9, с. 133–134]. Поэтому даже в пору расцвета Общества (в 1914 г.) выдавалось всего до 5 таких книжек в год. Во-вторых, в бюджет организации поступала часть из обязательных отчислений причтов в бюджет Общества. Например, в 1897 г. такие взносы составили 158 руб. от каждого благочиния всех 6 округов Енисейской губернии. Даже малочисленные церкви Турханского края вносили свою лепту: в 1899 г. — 7 руб. 20 коп. [3, 1900, № 11, с. 295].

Наконец, судя по отчётам, в церковной корпорации действовала практика отчисления личных средств по случаю личного продвижения по службе. Скажем, много записей о поступлении средств такого содержания: «от священника Матвея Тыжнова по случаю посвящения его в сан», «от священника Павлина Рачковского по случаю получения им камилавки» [3, 1888, № 10, с. 129].

Представление о динамике поступлений и расходов Общества

даёт нижеследующая таблица, составленная на основании отчётов общества, которые публиковали «Енисейские епархиальные ведомости». Однако следует отметить, что в ней приводятся данные только по наличным деньгам. Это важно отметить, т. к. часть средств хранилась в виде банковских билетов, дающих процент по вкладам. Но именно из наличных средств Общество преимущественно и осуществляло свою попечительскую деятельность.

Бюджет	1889 г.	1890 г.	1893 г.	1897 г.	1899 г.	1905 г.	1914 г.
Приход	2031 р. 1 к.	2176 р. 93 к.	732 р. 21 к.	956 р. 88 к.	1847 р. 39 к.	1292 р. 63 к.	954 р. 55 к.
Расход	534 р.	1657 р. 57 к.	435 р. 36 к.	1078 р. 10 к.	2265 р. 56 к.	2134 р. 70 к.	421 р. 2 к.

Часть наличных в случае остатка переходила в бюджет следующего года, а часть оставалась на сберегательных вкладах. Причём последние неуклонно росли: так, в процентных бумагах на 1897 г. было 4900 руб. [3, 1897, № 10, с. 169]. А в 1906 г. этот запасной неприкосновенный капитал, как его именовали, составлял уже 9558 руб. На покупку процентных бумаг тратились немалые суммы: в 1899 г. на них ушло 1024 р. бюджета, тогда как на попечительские нужды было затрачено около 640 руб. [3, 1900, № 11, с. 299]. Такая накопительная политика позволяла Обществу участвовать в более крупных проектах, правда лишь косвенно относящихся к попечительству. В частности, в 1914 г. резолюцией епископа Енисейского Никона из кассы Общества было ассигновано Строительному комитету епархии 7900 руб. на строительство в усадьбе духовного училища доходного дома [3, 1915, № 22, с. 20]. Такие доходные дома после возведения сдавались в аренду, а арендная плата шла на церковные траты, немалую статью которых тем не менее составляли расходы на образование. Причем не только в городах, но и в сельской глубинке.

Основные статьи расходов Общества Александра Невского на воспитанников составляли традиционно следующий список: пошивка сапог, заказ у портных платьев и верхней одежды, покупка учебников, аренда жилья, оплата поездки домой и обрат-

но. За счёт бюджета общества также оказывалась помощь певчим архиерейского хора, которые набирались в том числе из учеников: например, приобретались для них обувь и фуражки. О суммах единовременных трат можно судить по записям в отчётах раннего периода существования Общества: «портному Нейбургу за пошивку суконной пары для ученика Александра Кислицына из материала портного 16 руб.», «уплачено жене мещанина Кисловой за пошивку двух казинетовых пар 4 руб.» [3, 1887, № 5, с. 58], «сапожнику кунгурскому мещанину Александру Еручинину за 10 пар сапогов для бедных воспитанников по 4 р. за пару» [3, 1888, № 10, с. 132].

Количество учеников, которые получали помощь в разные годы, менялось, но непринципиально. В 1890 г., например, таких было 25 чел., а в 1914 г. 27 чел. Структура расходов, конечно, менялась год от года, но общее представление о них можно составить, например, по данным 1905 г. Тогда расходы Общества составили 575 руб. Из них нами подсчитано: 60% — это дорожные расходы; 31 % — плата за проживание воспитанников на квартирах или в общежитии, 5 % — на одежду и обувь, 4 % — на лечение [3, 1905, № 12, с. 94].

По прошествии лет организационно и функционально Общество мало изменилось, хотя некоторые перемены определялись самой жизнью. В 1886 г. в Красноярске появилось женское духовное училище и естественным образом деятельность Общества расширилась и на его воспитанниц. А в 1902 г. в Красноярске наконец то открылась духовная семинария и председательствовать в Обществе стал уже ректор семинарии. Какое-то время было решено не создавать отдельных благотворительных обществ для каждого учебного епархиального подразделения, хотя расширение попечительской сферы нашло своё отражение в некотором изменении Устава Общества в том же 1902 г. Однако в новом формате деятельность Общества оказалась неудобной, запутанной и менее продуктивной. Поэтому в 1914 г. было принято решение выделить из общего для всех духовно-учебных заведений г. Красноярска Общества св. Благоверного и Великого Князя Алек-

сандра Невского три самостоятельных Общества при каждом духовно-учебном заведении г. Красноярска. Таким образом, были выделены и сформированы следующие Общества: 1) Общество св. Благоверного и Великого Князя Александра Невского при Красноярском духовном училище. 2) Михаило-Архангельское Общество при Красноярской Духовной Семинарии. 3) Общество в честь Введения во храм Богоматери при Красноярском Епархиальном женском училище. Денежные суммы и капиталы были разделены, согласно требованию Устава Общества [3, 1915, № 21, с. 8]

Говоря о трудностях в деятельности Общества, можно коснуться проблемы задолженности воспитанников, которые обращались к нему за заимообразной помощью. В отчёте Общества А. Невского за 1905 г. был даже представлен пофамильный список должников за 4 года. Единовременные суммы займов учащихся были небольшие — от 50 коп. до 7–10 руб. Редко больше (самый крупный заём составил 57 руб.). Но общая сумма оказалась весьма солидной — 884 руб. [3, 1905, № 12, с. 299] вследствие того, что учащиеся весьма охотно пользовались возможностью получить помощь в кассе общества Александра Невского. Так, по нашим подсчётам, в 1914 г. безвозмездную помощь получили 27 учеников, а заимообразную — 20.

Постепенно деятельность Общества перешла в разряд рядовых событий: перестали, например, регулярно публиковаться отчёты Общества. А с началом Первой мировой войны информация о нём в периодическом епархиальном издании исчезла по естественным причинам. Последовавшие революционные события и крушение российской государственности поставили под вопрос не только существование благотворительности, но и сохранение духовных учебных заведений. Последнее сообщение на страницах «Епархиальных ведомостей» о деятельности училища мы находим в 1919 г. Где, кстати, появляется сообщение о том, что обеспечение учеников учебниками и письменными принадлежностями, должны взять на себя родители [3, 1919, № 4, с. 48].

Итак, Общество «Святого Князя Александра Невского для вспомоществования воспитанникам Красноярского духовного

училища» просуществовало не менее 35 лет. Каждый год благодаря попечительству этой организации дети из беднейших семей получали хорошее образование и будущую профессию. За всё время на полном пансионе епархии было как минимум около 700 человек. А если прибавить сюда учеников, которые получали поддержку от Общества в случае жизненных трудностей, то общий уровень вспомоществования окажется ещё выше. Для масштаба губернского общества эти результаты могут показаться более чем скромными. Но в масштабах жизни конкретного человека — это часто была просто другая судьба.

Список литературы

1. Басов Н. С. Опыт деятельности «Общества вспомоществования нуждающимся в Костромской духовной семинарии (конец XIX — начало XX вв.)» // Ипатьевский вестник. — 2019 г. — № 1–2. — С.100–107.
2. Благотворительные учреждения Российской империи. Т. I. — СПб., 1900. — 365 с.
3. Енисейские епархиальные ведомости.

НАПРАВЛЕНИЕ
«ЦЕРКОВЬ И ОБРАЗОВАНИЕ»

Баринаева С. Г.

кандидат философских наук,

доцент

кафедра философии, Юридический

институт, Красноярский государствен-

ный аграрный университет

г. Красноярск

e-mail: svetabar2014@mail.ru

Barinova Svetlana G.

candidate of philosophical

sciences, associate professor

department of philosophy, Law

institute, Krasnoyarsk state

agrarian university

Krasnoyarsk

e-mail: svetabar2014@mail.ru

О НЕОБХОДИМОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ТЕОЛОГИИ В ВЫСШЕМ УЧЕБНОМ ЗАВЕДЕНИИ

On the necessity of studying theology in a higher education institution

Аннотация: В статье рассматривается необходимость введения теологии как учебной дисциплины для студентов высших учебных заведений. Признание теологии научной специальностью позволяет полноправно включить её в учебный процесс. Теология выступает гарантом сохранения духовных ценностей в современном обществе. Изучение теологии является фактором противодействия экстремизму. Включённая в систему подготовки специалистов теология не противоречит правовым нормам, действующим в государстве. Напротив, она отвечает новым реалиям современного общества. Теология изучает религиозное мировоззрение изнутри.

Abstract: The article discusses the need to introduce theology as an academic discipline for students of higher education institutions. The recognition of theology as a scientific specialty makes it possible to fully integrate it in the educational process. Theology is a guarantee of spiritual values preservation in modern society. Studying theology will be a factor for extremism countering. Theology included in the system of training specialists does not oppose current legal norms in the state. On the contrary, it responds to the new realities of modern society. Theology studies the religious worldview from the inside.

Ключевые слова: теология, образование, философия, церковь, религия, общество, государство, духовные ценности, православие, специалист.

Keywords: theology, education, philosophy, church, religion, society, state, spiritual values, Orthodoxy, specialist.

*«Философы только стремятся к истине...
христиане же владеют ею»
Тертуллиан*

С уверенностью можно сказать, что в настоящий момент назрела необходимость введения дисциплины «Теология» в учебные планы высших учебных заведений. Именно теологии как отдельной дисциплины. Ни философия, ни религиоведение не смогут восполнить пробел в духовно-нравственном поле нашей молодёжи. Философия — мировоззренческая дисциплина, наука об общих принципах мироздания; наука, объясняющая структуру мира, основы всего. Принципы и основания философии и теологии — разные. Философские школы и направления часто сопряжены с религиозной мыслью того или иного времени, но ограничиваются философским аспектом. Философия использует принцип сомнения в постижении истины, теология, напротив, строит своё учение на догматах, непререкаемых истинах. Столь долго изучаемое «религиоведение» в высших учебных заведениях положило начало поиску ответов, которое само дать не в состоянии. Но ответы на эти вопросы сможет дать теология. Религиоведение рассматривает религию с научной точки зрения, «извне». Теология изучает религиозное мировоззрение изнутри.

По причине признания теологии научной специальностью ещё осенью 2015 года, изучение теологии в университетах становится вполне обоснованным и перспективным. Многонациональный фактор в обществе послужил введению в программу школьного обучения дисциплины «Основы религиозных культур и светской этики». Продолжением этого предмета может стать более углублённое изучение религии на уровне бакалавриата. Более того, на данный момент в России существует система подготовки по теологии на уровне бакалавриата и магистратуры. Скептически настроенные противники этой специальности обосновывают свою точку зрения тем, что подготовленный по данному направлению специалист не найдёт

своё место на рынке труда. Однако это заблуждение. Востребованность подобных специалистов давно назрела и актуализировалась. Развитие теологии сегодня напрямую связано с безопасностью государства и людей. Во-первых, экстремистские настроения в современном обществе. Деликатная сфера межрелигиозных отношений требует вмешательства подготовленных специалистов. Подготовленные теологи смогут грамотно выстроить коммуникацию органов власти с религиозными общинами. Они могут выступать экспертами в вопросах религии. Такие подготовленные специалисты могут преподавать в системе высшего образования, в общеобразовательных школах, а также найти своё призвание в сфере науки, культуры. Будучи гуманитариями широкого профиля, они смогут работать в научных центрах, библиотеках, архивах. Помимо чисто теоретической работы, они имеют большой пласт практической работы. Это взаимодействие с религиозными институтами, административная сфера и т. п. Фундаментальное гуманитарное образование даст возможность этому специалисту работать на различных уровнях коммуникаций. В самом высоком его назначении — передача смыслов лицам, принимающим решения на государственном уровне. Подготовленный теолог обладает обширными знаниями в области гуманитарных наук. Однако это не только подготовка теологов, речь о введении теологии в учебные планы подготовки множества направлений. Изучение теологии явится фактором противодействия экстремизму. Молодые неокрепшие умы гораздо легче и быстрее поддаются идеологической «обработке» и с наименьшим сопротивлением противостоят психологическому давлению, нежели взрослый человек. «Всё чаще под сомнение ставятся нормы международного права, моральные ценности, суждения общественного вкуса, ещё недавно казавшиеся незыблемыми» [1, с. 294]. В молодом студенческом возрасте человека легче убедить в чём-либо, используя подмену понятий и грамотно применив азы психологического воздействия. Не секрет, что молодёжь чаще всего оказывается под прицелом экстремистских орга-

низаций. «Молодёжи всегда было свойственно искать новые пути, независимо и полно самоутверждаться в жизни, протестовать против несправедливости». [2, с. 315] В период поиска своего «я» молодой ум склонен к различным экспериментам. Когда это самовыражение происходит во внешнем облике (например, окрашивание волос в необычный цвет, экстравагантная стрижка) это не столь губительно. Когда молодого человека (девушку) вовлекают в ряды экстремистских организаций, запрещённые нетрадиционные культы, работая с его сознанием и психикой, такое самовыражение всегда оканчивается плачевно. Чтобы этого не происходило, молодёжь должна изучать религиозное мировоззрение изнутри. Экстремистские запрещённые организации, используя подмену понятий, вовлекают в свои ряды молодых непросвещённых людей. Свести этот фактор к минимуму поможет изучение новой дисциплины. Включённая в систему подготовки специалистов теология не противодействует правовым нормам, действующим в государстве. Напротив, она отвечает новым реалиям современного общества. Это поможет искоренить религиозную неграмотность, которая присуща многим людям в современном обществе. Во время признания теологии в 2015 году, Церковь одновременно озвучила намерение о развитии процесса внедрения её как дисциплины в светские вузы. Это требует взаимодействия Церкви с государственными образовательными структурами и органами власти.

Университет предполагает универсальное образование. Весь спектр человеческого знания, включая и теологию, обогащает человеческий опыт. Общеизвестно, что факультеты теологии открывались одними из первых во многих европейских вузах. Основным аргументом в защиту введения теологии выступает то, что теология является полноправной областью научного знания. Именно теология заложила в Средние века основы классической формальной логики. Методы изучения текстов Священного Писания, разработанные отцами Церкви, впоследствии основали раздел такого знания как герменевти-

ка. За столь длительное время теология стала наукой. Сформировались исследовательские традиции, особенные методы. А потому место теологии как основополагающей среди наук длительное время сохранялось. В прошедшем столетии, под влиянием научно-технологического прогресса, роль теологии как научного знания оказалась под риском исчезновения. Хотя величайшие представители научного мира не всегда признавали себя атеистами, а считали себя людьми верующими. Тот факт, что сегодня происходит рост религиозности, а теология утверждена научной специальностью, как физика, математика и остальные науки, вызывает воодушевление. В 2015 году теология отстояла своё место в научной сфере, в 2016 году создаются советы (диссертационный и экспертный). В 2017 году успешно защищена первая диссертация. 2018 год ознаменован созданием научной ассоциации. А уже в 2019 году защищена и первая докторская диссертация. Этот момент поистине является научным прорывом. Развитие теологического знания необходимо и актуально. 67 вузов нашей страны вступили в научно-образовательную теологическую ассоциацию. Ассоциация создана как добровольное объединение образовательных организаций. Основной целью ассоциации выступает развитие теологии. В том числе деятельность ассоциации направлена на повышение уровня преподавания теологии в России. Объединяющими факторами выступает научно-организационная, научно-методическая и экспертная деятельности ведущих университетов в этой научной области. Планируется создание собственной образовательной платформы для теологических дисциплин. Создание электронного ресурса систематизирует учебный процесс, облегчит задачу поиска нужной информации.

Рассуждая о пользе преподавания теологии для студентов, можно уверенно предположить, что теология выступает гарантом сохранения духовных ценностей в современном обществе. Духовные ценности заложены в многовековой традиции. Без этих ценностей было бы невозможным развитие христиан-

ской цивилизации, как и развитие культуры. Одновременно мы сталкиваемся с противниками введения теологии в учебные планы. Они выдвигают свои обоснования, среди которых — экспансия Церкви в сферу образования; идеологическое доминирование церкви; сращивание власти церковной с властью светской; нарушение прав и интересов представителей других религий. Однако эти доводы не помешают включить теологию в образовательное пространство и занять своё законное место среди гуманитарных наук, преподаваемых в светском университете.

В указе Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О стратегии национальной безопасности РФ», главе III «Национальные интересы и стратегические национальные приоритеты» в п. 30 указано, что «национальными интересами на долгосрочную перспективу являются сохранение и развитие культуры, традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Теология в полной мере выступает таким гарантом сохранения духовно-нравственных ценностей.

Список литературы

1. Барина С. Г. Власть и ответственность в условиях социального кризиса // Вестник КрасГАУ. — 2014. — № 6 (93). — С. 294–298.

2. Барина С. Г. Духовный патриотизм в эпоху глобализма // Христианство как интегрирующий фактор мировой культуры: сборник докладов XXIV международных Кирилло-Мефодиевских чтений. (Минск, 29–30 мая 2018 г.). — Минск: Христианский образовательный центр имени святых Мефодия и Кирилла, 2019. — С. 315–317.

3. Барина С. Г. Проблема взаимодействия власти и населения // Современные тенденции развития АПК в России: сборник трудов конференции. (Красноярск, 26–30 марта 2007 г.). — Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет. — С. 478–479.

4. Сычев А. А. Образ врага в истории культуры: индивидуальные и коллективные измерения. Концептосфера современной культуры / коллективная монография; Национальный исследовательский МГУ им. Н.П. Огарева. — Саранск, 2019. — С. 64–70.

5. Сычев А. А. Трансформация «класса интеллектуалов» // Вестник прикладной этики. — 2020. — № 55. — С. 10–19.

УДК 37.01

Бухарин Г. С.
преподаватель-организатор
Техникум индустрии гостеприимства и
сервиса
г. Красноярск
e-mail: bukharin.grisha2016@yandex.ru

Bukharin Grigory S.
teacher
College of hospitality and service
industry
Krasnoyarsk

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В СРЕДНЕМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Patriotic education in technical and vocational education
and training: current problems of implementation

Аннотация: В статье рассматриваются актуальные проблемы патриотического воспитания в среднем профессиональном образовании и пути их решения в современном педагогическом процессе при активном участии Русской Православной Церкви.

Abstract: The article deals with current problems of patriotic education in in technical and vocational education and training and ways to solve them in the modern pedagogical process with the active participation of the Russian Orthodox Church.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, патриотическое воспитание, подрастающее поколение, образовательная организация.

Keywords: Russian Orthodox Church, patriotic education, younger generation, educational organization.

К вопросам воспитания подрастающего поколения уже не одно столетие приковано пристальное внимание общества и государства.

Государство как основной «заказчик» востребованности будущей зрелой личности через систему социальных институтов и законодательство задаёт «тренд» на воспитание патриотически ориентированной молодёжи.

В свете внесения изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ необходимо отметить новый смысл и значение, которые преданы понятию «воспитание». Так, в п. 2 ст. 2 указанного Федерального закона под воспитанием понимается деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства, формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде [1].

Расставленные государством приоритеты в воспитании подрастающего поколения не могут оставить без внимания непосредственных агентов социализации личности — образовательные организации среднего профессионального образования, в которых обучается значительная доля молодёжи. В виду того, что система среднего профессионального образования является, без преувеличения, самой социально направленной, то, в отличие от школьного и высшего образования, находится в корреляционной зависимости от социально-экономических и политических факторов. В условиях сложной ситуации в стране и мире, вызванных как распространением новой коронавирусной инфекции, так и столкновением различных ценностных ориентаций, особенно трудно приходится молодым с их ещё не устоявшимся нравственным опытом, мировоззрением и подвижной системой ценностей.

Наводнение современного российского общества западными негативными ценностями «потребления» ставит перед обучающимися как будущими специалистами сферы услуг непростые задачи, изменяет социальные ориентиры и особенно важным

становится в данных условиях сохранение своей идентичности. Кризисные явления самоидентичности могут привести к её полной утрате, и тогда выбор молодых обучающихся может остановиться на деструктивно настроенных социальных общностях и маргинальных группах. Так личность, утратившая чувство любви к Родине, не знающая и непомнящая своего героического прошлого, заполняет образовавшийся вакуум чуждыми для себя ценностями, идентифицируя себя по этнической, политической, профессиональной, религиозной, криминальной принадлежности. Как следствие указанного — деформация социального поведения и переориентация на ложные ориентиры.

Устойчивое представление подрастающего поколения о том, что на Западе жить лучше, полагаю, не выдерживает никакой критики. В этом свете, исходя из анализа ситуации в мире, необходимо отметить, что западное общество довольно сильно «лихорадит». Так, в США в июле 2020 г. прокатилась волна сносов памятников историческим деятелям, не отвечающим высоким стандартам политкорректности. Протестующие решили снести Статую освобождения (Emancipation Memorial) в честь положившего жизнь на борьбу с рабовладением президента Линкольна в Вашингтоне. Изваяние изображает 16-го президента Соединенных Штатов, держащего прокламацию об освобождении рядом со стоящим на коленях рабом. Протестующие заявляют, что такая скульптурная группа не отражает роли рабов в борьбе за их собственную свободу. В Сан-Франциско протестующие изуродовали и скинули статую президента Улисса Гранта, который возглавлял армию северян, сражавшихся во время Гражданской войны против конфедератов рабовладельческого Юга. Не пришелся ко двору сокрушителям проклятого прошлого даже Христофор Колумб. В Сент-Поле протестующие опрокинули изваяние мореплавателя с постамента у здания Капитолия штата Миннесота. В Бостоне скульптуру Колумба обезглавили. «Наша страна стала свидетелем беспощадной кампании по уничтожению нашей истории, клеветы на наших героев, стирания наших ценностей», — негодовал Трамп [2].

Немного позднее в Краснодарском крае, в январе 2021 г., у здания краевой администрации прошёл митинг, где молодой человек во время его проведения залез на памятник кубанскому казачеству (это памятник казакам-первопроходцам, которые больше двух веков назад основали Кубань, возделывали землю, заложили основы, на которых сегодня развивается Краснодарский край) и показал всем свою «пятую точку», спустив штаны [3].

Во время онлайн-шествия «Бессмертного полка», состоявшегося в День Победы, пользователи интернета обратили внимание на изображения рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера, фюрера нацистской Германии Адольфа Гитлера, генерала-предателя Андрея Власова и других нацистских преступников, осужденных Нюрнбергским трибуналом. Всего, как выяснилось позже, модераторам пришлось удалить около 20 тысяч подобных анкет [4].

В феврале 2021 г. в г. Санкт-Петербурге девушки 17–20 лет затушили Вечный огонь снегом [5].

Приведённые примеры являются отражением негативных тенденций влияния информационного общества на неискушенные умы молодежи, управление ими. Прибавить к этой глобальной проблеме проблемы отсутствия культуры мышления, отсутствие активной гражданской позиции, в том числе патриотической направленности, незнание истории своей страны и её героического прошлого, проявление толерантности или, более того, положительного отношения к деструктивной информации, незнание законодательства страны пребывания – это объективная реальность сегодняшней жизни, оказывающая деструктивное влияние на реализацию патриотического воспитания в системе среднего профессионального образования.

Осмысление указанных проблем как на теоретическом, так и на практическом уровне позволяет предпринять попытку их преодоления путём реализации данного направления в системе воспитания на основе активного использования патриотического компонента, заложенного в новом определении понятия воспитания. В связи с чем полагаю необходимым модернизи-

ровать ведение патриотической работы, прежде всего, непосредственным активным использованием элементов цифровой образовательной среды в сочетании с традиционными методами. В данном случае педагогам предстоит выполнить функцию информационного фильтра внешней информации, которая ежедневно и бесконтрольно управляет воззрениями обучающихся, при этом постепенно поделиться необходимым инструментарием распознавания с молодежью. Использование обучающимися новейших цифровых технологий зависит от того, как и насколько хорошо проведена подготовительная работа, итогом которой является готовность отвечать вызовам современности.

Активное использование культурных пространств и площадок: библиотек, музеев, краеведческих достопримечательностей, а также создание культурно-образовательных пространств на базе профессиональных учебных заведений с учётом их профиля в цикле приобщения к культурному наследию исторического прошлого позволит не только приобщиться к духовно-нравственным идеалам, но и повысить уважительное отношение к труду, природе, героическому наследию Родины, к тому, что является показателем нравственного здоровья человека и общества.

Продолжение и сохранение традиций патриотического воспитания, сложившихся ещё в период школьного обучения, полагаю, будет иметь позитивный эффект, и, возможно, в будущем станет платформой системы взаимодействия всех его участников.

Инновационным моментом в преодолении проблем патриотического воспитания также может выступить использование ресурсов Русской Православной Церкви, в том числе в дистанционном формате: знакомство с основами православной культуры, проведение лекций, бесед по развитию самоанализа и умения проводить аналогии между теоретическим знанием православной культуры и собственным поведением, по практической реализации духовно-нравственных ценностей православной культуры в своей жизни (мыслях, чувствах, поступках).

Список литературы:

1. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 28.02.2021).

2. В США толпа продолжает воевать с памятниками: добрались до Колумба [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.mk.ru/politics/2020/07/20/v-ssha-tolpa-prodolzhaet-voevat-s-pamyatnikami-dobralis-do-kolumba.html> (дата обращения: 28.02.2021).

3. Краснодарец, оголившийся на памятнике казакам-первопроходцам, объяснил свой поступок [Электронный ресурс]. — URL: <https://kuban.mk.ru/social/2021/01/24/krasnodarec-ogolivshiysya-na-pamyatnike-kazakampervoprokhodcam-obyanal-svoy-postupok.html> (дата обращения: 28.02.2021).

4. «Мы пошутили»: кто поставил портрет Гитлера на сайте «Бессмертного полка» [Электронный ресурс]. — URL: <https://ria.ru/20200516/1571557691.html> (дата обращения: 28.02.2021).

5. Молодые петербурженки потушили вечный огонь на Марсовом поле [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.rosbalt.ru/piter/2021/02/27/1889663.html> (дата обращения: 28.02.2021).

УДК 373.3

Зубрева Е. В.
учитель начальных классов
Средняя школа № 154
г. Красноярск
e-mail: Evg87616449@yandex.ru

Zubreva Evgenia V.
teacher
Secondary school № 154
Krasnoyarsk
e-mail: Evg87616449@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ПЕДАГОГА НА ВЫБОР УЧАЩИМИСЯ МОДУЛЯ ОРКСЭ

Influence of the teacher's professional competencies
on the students' choice of the BRCSE module

Аннотация: Современное общество нуждается в грамотных и творчески мыслящих специалистах, но требования общества меняются очень быстро, подчиняясь требованиям постоянно меняющегося мира. Школа обязана реагировать на запросы общества, постоянно совершенствуя профессионализм педагогов. Профессиональные компетенции дают возможность педагогу соответствовать современным вызовам социума и давать уровень образования, который бы удовлетворял потребности государства и общества в целом. Профессиональные компетенции педагогов оказывают влияние на выбор учащимися модуля ОРКСЭ.

Abstract: Modern society needs competent and creative specialists, but the requirements of society change very fast, obeying the requirements of an ever-changing world. The school is obliged to respond to the needs of society, constantly improving professionalism of teachers. Professional competencies enable the teacher to meet the modern society requests and provide a level of education that would meet the needs of the state and society. Professional competencies of teachers influence students' choice of the BRCSE module.

Ключевые слова: Основы религиозных культур и светской этики, профессиональные компетенции педагога, компетентный подход в образовании, осознанный выбор модуля ОРКСЭ, выявление преобладающих профессиональных компетенций педагогов.

Keywords: Basics of religious cultures and secular ethics, professional competencies of a teacher, competence approach in education, conscious choice

Предмет ОРКСЭ находится в учебных планах средних школ более 7 лет. За это время мы наблюдали изменение общественного мнения к данному учебному предмету, видели, как опасения родителей, что в школе детей будут «вербовать» в какую-то религию, канули в Лету и т. д., но осмысление накопленного опыта преподавания ОРКСЭ и анализ существующих в школе педагогических практик реализации методики обучения в рамках указанного учебного курса поставили перед нами новые вопросы.

Одним из возникших вопросов стал: влияют ли профессиональные компетенции педагога на выбор учащимися модуля ОРКСЭ? И если влияют, то каким образом?

В наше время требования, которые общество предъявляет к выпускникам школ, значительно отличаются от устоявшегося стереотипа «Знания, умения и навыки». Происходит это в силу молниеносных изменений запросов современного общества. Ещё вчера обществу требовались грамотные специалисты, а сегодня уже нужны не только грамотные, но и творчески, неординарно мыслящие, а завтра...

И справляться с этими запросами общества призвана школа. Каков же должен быть профессионализм педагогов, чтобы соответствовать этим постоянно меняющимся вызовам времени!

Поэтому мы сегодня просто вынуждены говорить о профессиональных компетенциях учителя. Профессиональные компетенции педагога — идея отнюдь не новая, но именно она даёт возможность педагогу соответствовать современным вызовам социума и давать уровень образования, который бы удовлетворял потребности государства и общества в целом.

Компетентностный подход в российской образовательной среде обсуждается на протяжении последних 10–15 лет, но до сих пор мы при формулировании образовательных результатов «съезжаем» на привычные педагогам «знания» и «ценности».

Итак, оказывает ли педагог, который имеет высокий уровень развития профессиональных компетенций, влияние на осознанный выбор учащимися и их родителями модуля ОРКСЭ? При этом мы понимаем, что ввиду наличия у педагогов разного уровня образования, разного стажа педагогической деятельности, а также индивидуальных и психологических особенностей, не может быть абсолютно одинаковых личностей, мы в своём исследовании будем ориентироваться на уровень развития той или иной педагогической компетенции.

Для ответа на этот вопрос мы провели анкетирование педагогов начальных классов с целью выявления преобладающих профессиональных компетенций и анализ заявлений родителей учащихся МАОУ СШ № 154 по выбору модуля ОРКСЭ.

Исследование проходило на базе МАОУ СШ № 154.

В исследовании принимали участие 25 педагогов начальной школы, было обработано 452 заявления по выбору модуля ОРКСЭ за 2019 и 2020 годы, а также 245 предварительных заявлений по выбору модуля ОРКСЭ в 2021 году. Следовательно, в нашем исследовании приняли участие дети, которые выбрали модуль ОРКСЭ в 2019 году и теперь обучаются в 5-х классах, учащиеся 4-х классов, которые выбрали модуль в марте 2020, и учащиеся 3-х классов, которым предстоит сделать выбор модуля в марте 2021 (но они согласились участвовать в нашем исследовании и написали предварительные заявления по выбору модуля).

Для выявления преобладающих профессиональных компетенций учителя мы использовали комплекс тестов, предложенных Санько А. М.

Проведя обработку полученных данных, мы увидели преобладание высокого уровня развития коммуникативной, управленческой и креативной компетенций у педагогов, преподающих ОРКСЭ. При этом практически у 70 % педагогов преобладал высокий уровень общепедагогической и предметной компетенции. Для чистоты эксперимента при дальнейшем анализе мы учитывать эти данные не будем.

Теперь установим влияние выявленных компетенций на выборы учащимися модулей ОРКСЭ.

Проанализировав заявления детей, обучающихся у педагогов с высоким уровнем развития управленческой компетенции, мы получили следующие результаты: 40 % детей, обучающихся у педагогов с высоким уровнем управленческой компетенции, выбирают модуль «Основы светской этики», 21 % учащихся – «Основы православной культуры», 27 % учащихся «Основы мировых религиозных культур» и 3 % обучающихся – «Основы исламской культуры».

Проведя работу с заявлениями детей, обучающихся у педагогов с высоким уровнем развития коммуникативной компетенции, мы выяснили, что 55 % детей, обучающихся у педагогов с высоким уровнем развития коммуникативной компетенции, выбирают модуль «Основы мировых религиозных культур», 20 % учащихся – «Основы православной культуры», 23 % учащихся – «Основы светской этики» и 2 % обучающихся – «Основы исламской культуры».

Изучив заявления детей, обучающихся у педагогов с высоким уровнем развития креативной компетенции, мы узнали, что 52 % детей, обучающихся у педагогов с высоким уровнем развития креативной компетенции, выбирают модуль «Основы православной культуры», 18 % учащихся – «Основы светской этики», 25 % учащихся – «Основы мировых религиозных культур» и 5 % обучающихся – «Основы исламской культуры».

Проанализировав полученные данные, мы можем говорить о том, что профессиональные компетенции педагога оказывают существенное влияние на выбор учащимися модуля ОРКСЭ. При этом мы выявили, что:

- 1) 40 % детей, обучающихся у педагогов с высоким уровнем управленческой компетенции, выбирают модуль «Основы светской этики»,

- 2) 55 % детей, обучающихся у педагогов с высоким уровнем развития коммуникативной компетенции, выбирают модуль «Основы мировых религиозных культур»,

3) 52 % детей, обучающихся у педагогов с высоким уровнем развития креативной компетенции, выбирают модуль «Основы православной культуры».

Мы можем констатировать, что выбор родителями и учащимися модуля ОРКСЭ происходит не только на основе интереса ребенка, культурных традиций и семейных ценностей, но на этот выбор оказывают серьёзное влияние профессиональные компетенции педагога, которые подразумевают не только научные знания в области педагогики и психологии, но и ценностные ориентации, мотивы деятельности, широкий кругозор, активную жизненную позицию, высокую коммуникабельность и потребность к самосовершенствованию.

Список литературы

1. Санько А. М. Профессиональная компетентность педагога: банк тестов: учеб. пособие / А. М. Санько, Н. Б. Стрекалова. — Самара: Изд-во Самарского университета, 2018. — 128 с.: ил.

2. Введенский В. Н. Моделирование профессиональной компетентности педагога. // Педагогика. — 2003. — № 10. — С. 51–55.

3. Лукьянова М. И. Психолого-педагогическая компетентность учителя // Педагогика. — 2001. — № 10. — С. 56–61.

4. Сорокина Т. М. Развитие профессиональной компетенции будущего учителя средствами интегрированного учебного содержания. // Начальная школа. — 2004. — № 2. — С. 110–114.

5. Хуторской А. В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированной парадигмы // Народное образование. — 2003. — № 2. — С. 58–64.

УДК 373.3

Зубрева Е. В.
учитель начальных классов
Средняя школа № 154
г. Красноярск
e-mail: Evg87616449@yandex.ru

Zubreva Evgenia V.
teacher
Secondary school № 154
Krasnoyarsk
e-mail: Evg87616449@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ И МЕТОДИКА РАБОТЫ С УЧЕБНЫМ ПОСОБИЕМ «ХРЕСТОМАТИЯ ДЛЯ УРОКОВ ОРКСЭ. МОДУЛЬ „ПРАВОСЛАВИЕ“»

Features of the construction and methodology of working with the textbook "Textbook for BRCSE lessons. Module 'Orthodoxy'"

Аннотация: Государственная образовательная политика на современном этапе развития поликультурного общества России предусматривает введение в содержание начального общего образования учебного курса «Основы религиозной культуры и светской этики». Современное общество признаёт и декларирует ценность уважительного отношения к религиозным чувствам и взглядам людей, требует вести и поддерживать межкультурный диалог посредством воспитания толерантности и веротерпимости. Практика преподавания модуля «Основы православной культуры» выявила нехватку дидактического материала для качественной подготовки и проведения уроков при дефиците времени у педагога на подготовку к новому предмету ОРКСЭ. Дидактическое пособие «Хрестоматия для уроков ОРКСЭ. Модуль „Основы православной культуры“» позволяет выстраивать уроки ОРКСЭ на основе деятельностного подхода, используя современные методы и приемы обучения.

Abstract: The state's educational policy at the present stage of development of multicultural society in Russia calls for introduction of the "Basics of religious culture and secular ethics" course into the content of primary education. Modern society recognizes and declares the value of respect for religious feelings and views of people, requires conduct and maintenance of an intercultural dialogue through the schooling

of tolerance and religious tolerance. The practice of teaching “Basics of Orthodox Culture” module revealed a lack of didactic material for high-quality schooling and lesson conduction with a lack of time for a teacher to prepare for this new subject of BRCSE. Didactic manual “Textbook for BRCSE lessons. The module ‘Basics of Orthodox Culture’” allows to base BRCSE lessons on activity approach, using modern teaching methods and techniques.

Ключевые слова: Федеральный государственный образовательный стандарт второго поколения, основы религиозных культур и светской этики, содержание начального общего образования, ценность уважительного отношения к религиозным чувствам и взглядам людей, межкультурный диалог посредством воспитания толерантности и веротерпимости, дидактический материал, сборник литературных произведений, календарно-тематическое планирование модуля, словарный запас учащихся, культурологическая направленность курса, деятельностный подход в обучении, произведения устного народного творчества, разноуровневые задания, смысловое чтение, самостоятельная работа с источниками информации.

Keywords: Second generation federal state educational standard, the basics of religious cultures and secular ethics, content of primary education, value of respect for religious feelings and views of people, intercultural dialogue through the schooling of tolerance and religious tolerance, didactic material, a collection of literary works, calendar and thematic planning of the module, vocabulary of students, cultural orientation of the course, activity approach in teaching, works of oral folk art, multi-level tasks, semantic reading, independent work with information sources.

Федеральный государственный образовательный стандарт второго поколения предусматривает и регламентирует введение в содержание начального общего образования учебного курса «Основы религиозной культуры и светской этики». Это соответствует государственной образовательной политике на современном этапе развития поликультурного общества России, признающего и декларирующего ценность уважительного отношения к религиозным чувствам и взглядам людей, необходимость вести и поддерживать межкультурный диалог посредством воспитания толерантности и веротерпимости.

Учащиеся и родители имеют возможность выбрать для изучения один из шести модулей ОРКСЭ. Модуль «Основы православной культуры» является одним из самых часто выбира-

емых модулей по данным нашего восьмилетнего исследования [2].

В процессе преподавания модуля «Основы православной культуры» мы в своей практике столкнулись с нехваткой дидактического материала для качественной подготовки и проведения уроков.

В настоящее время учителя, как правило, не испытывают дефицита в информации, а просто не имеют достаточно времени для ознакомления и, тем более, анализа огромного пласта предлагаемой сегодня информации по темам модуля, что не позволяет педагогам полноценно и качественно готовиться к урокам ОРКСЭ. Подготовка к урокам этого курса занимает большее количество времени, так как это новый предмет, малознакомый. Основным источником нового материала – учебник или Интернет.

Это натолкнуло нас на идею создания «Хрестоматии» – сборника литературных произведений, которые можно было бы при необходимости использовать на уроках ОРКСЭ. Кроме того, педагог всегда имеет возможность выбора: что из предложенного использовать, а что дать детям для самостоятельной или домашней работы, также сокращая время подготовки педагога к уроку.

Работа оказалась достаточно трудоёмкая. При отборе произведений мы руководствовались следующими соображениями:

- 1) соответствие произведения календарно-тематическому планированию модуля;
- 2) соответствие произведения возрастным особенностям учащихся 4-х классов;
- 3) произведение должно давать пищу для раздумий, споров, дискуссий;
- 4) произведение должно расширять словарный запас учащихся;
- 5) произведение должно иметь актуальное для учащихся 4-го класса содержание.

Итак, основными особенностями построения учебного пособия «Хрестоматия для уроков ОРКСЭ. Модуль «Основы пра-

вославленной культуры» мы считаем:

- 1) культурологическую направленность курса;
- 2) деятельностный подход в обучении;
- 3) гнездовое расположение произведений;
- 4) группировка произведений по темам, заявленным в календарно-тематическом планировании модуля;
- 5) использование произведений разных жанров;
- 6) использование произведений устного народного творчества, в том числе пословиц, поговорок и фразеологизмов с подробным объяснением их значения и примерами использования в речи;
- 7) наличие блока вопросов и заданий к произведениям;
- 8) разноуровневые задания;
- 9) наличие толкового словаря в конце пособия;
- 10) наличие понятного объяснения встречающихся в тексте терминов.

Формы и методы работы с учебным пособием:

- 1) смысловое чтение;
- 2) беседа;
- 3) интервью;
- 4) создание проблемных ситуаций;
- 5) драматизация;
- 6) игровые формы;
- 7) работа с иллюстративным материалом;
- 8) самостоятельная работа с источниками информации;
- 9) учебный диалог;
- 10) написание краткой аннотации;
- 11) составление схем, таблиц и т. д.

Итак, реализация в начальной школе курса «Основы религиозной культуры и светской этики» опирается на культурологическую направленность курса, которая проявляется в том, что содержание всех модулей целиком и полностью ориентировано на общее знакомство с этикой и основами традиционных для России религий, с их историей, традициями, нравственными ценностями, выдающимися представителями и т. п. [1].

Именно это требует осуществления на уроках ОРКСЭ межпредметных связей с окружающим миром, литературным чтением, русским языком, изобразительным искусством, музыкой.

Исходя из опыта работы, можно утверждать, что в качестве инструментов освоения содержания модулей ОРКСЭ (методов и форм обучения) учитель может использовать разнообразные технологии обучения, как традиционные, так и инновационные технологии, опираясь на психолого-педагогическую характеристику конкретного класса.

По нашему мнению, наиболее продуктивными оказывались методы, позволяющие реализовывать деятельностный подход в обучении.

Разрабатываемое нами пособие «Хрестоматия для уроков ОРКСЭ. Модуль „Основы православной культуры“», с нашей точки зрения, позволит педагогам более качественно готовиться к урокам ОРКСЭ, предоставляет большое количество дополнительного материала для работы учащихся на уроке и дома, позволяет учащимся выбирать сложность задания (благодаря использованию разноуровневых заданий), развивает коммуникативные навыки учащихся, обогащая их активный и пассивный словарный запас, расширяет кругозор, способствует не только пониманию сути изучаемых явлений и фактов, но и совершенствует навыки работы с источниками информации, а также формирует и развивает ценностное отношение к людям, обществу, природе, Родине, к своему и другим народам, к их истории, культуре, духовным традициям.

Список литературы:

1. Дидактические и методические основы изучения курса ОРКСЭ [Электронный ресурс]. – URL: https://us-school2.komi.eduru.ru/media/2019/03/14/1259526727/1._org-met_osn_kursa_orkse.pdf.
2. Зубрева Е.В. Роль курса ОРКСЭ в воспитании и социализации младших школьников глазами родителей. Аналитиче-

ские данные 2013–2018гг. // Красноярские краевые Рождественские образовательные чтения «Великая победа: наследие и наследники» — Красноярск, ООО «Издательский дом «Восточная Сибирь». — С. 179–186

3. Концепция комплексного учебного курса «Основы региональных культур и светской этики на ступенях начального, основного среднего, полного общего образования» // pravobraz.ru

4. Обернихина Г. А. Основы религиозных культур и светской этики. Основы православной культуры. Методическое пособие. 4 класс : пособие для учителей общеобразоват. организаций / Г. А. Обернихина. — М. : Просвещение, 2014. — 192 с. — ISBN 978-5-09-030554-9.

УДК 372.882

Краснощекова Я. В.

магистрант

филологический факультет, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева

г. Красноярск

e-mail: yanakras1997@yandex.ru

Krasnoschekova Yana V.

master's student

philological faculty, Krasnoyarsk state pedagogical university named after V. P. Astafiev

Krasnoyarsk

e-mail: yanakras1997@yandex.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ О ДРЕВНЕЙ РУСИ В СИСТЕМЕ ВНЕКЛАССНОГО ЧТЕНИЯ УЧАЩИХСЯ

Modern Russian literature about Kievan Rus' in the students' extracurricular reading system

Аннотация: *Статья посвящена проблеме формирования исторической памяти о Древней Руси школьников с помощью обращения к современным текстам во внеклассном чтении. В статье представлена система внеклассного чтения, даны содержа-*

тельные и методические рекомендации, представлен примерный ход проведения урока внеклассного чтения по роману Е. Г. Водолазкина «Лавр» для 10–11 классов.

Abstract: *The article is devoted to the problem of forming the historical memory of Kievan Rus' among schoolchildren by using modern texts in extracurricular reading. The article presents a system of extracurricular reading, provides informative and methodological recommendations, and provides approximate course of conducting an extracurricular reading lesson based on the novel «Laurus» by E. G. Vodolazkin for grades 10–11.*

Ключевые слова: методика преподавания литературы, современная детская литература, внеклассное чтение, историческая память.

Keywords: methods of literature schooling, modern children's literature, extracurricular reading, historical memory.

В современном мире одним из актуальных вопросов является вопрос о важности сохранения исторической памяти. До сих пор не сложилось чёткой дефиниции «исторической памяти», вопрос о её толковании и сейчас остаётся дискуссионным. «„Историческая память“ по-разному интерпретируется отдельными авторами: как способ сохранения и трансляции прошлого в эпоху утраты традиции, как индивидуальная память о прошлом, как часть социального запаса знания, <...>, как коллективная память о прошлом <...>, и как социальная память о прошлом, <...>, наконец, просто как синоним исторического сознания», — пишут Ирина Савельева и Андрей Полетаев в своей работе «„Историческая память“: к вопросу о границах понятия» [4].

В нашем исследовании мы опираемся на определение доктора философских наук Ю. Н. Солониной, так как оно включает важные, на наш взгляд, функции исторической памяти. Под исторической памятью народа он понимает «важный структурный элемент общественного сознания, способность человека и общества сохранять информацию о событиях прошлого, имевших место в истории данного народа и сыгравших боль-

шую роль в его судьбах, воспроизводить их при необходимых условиях и вводить в активную сферу мышления и поведения людей. Она является основным средством фиксации, воспроизводства и трансляции духовных ценностей, знаний, опыта, традиций, психологических черт духовной культуры народов» [5]. Отметим важную особенность исторической памяти: она является основой духовной и культурной преемственности поколений.

История развития нашего государства насчитывает более тысячи лет. За это время произошло огромное количество событий, повлиявших на общество. В данной статье мы уделим внимание самому продолжительному времени в истории нашей страны: эпохе правления Рюриковичей. В начале этой эпохи начинается формирование духовно-нравственных ориентиров человека, и закладываются основы мировоззрения жизни наших предков, которые утрачиваются в последние 100 лет.

Формирование исторической памяти у современного подростка происходит через обращение к человеку, жившему в эту эпоху, его чувствам, мыслям, переживаниям, укладу его жизни. Также важным способом формирования исторической памяти является обращение к слову, языку, на котором разговаривал человек, обсуждение конфликтов, в которые был вовлечен человек, и самое главное — актуализация образов прошлого в настоящем.

В настоящее время одной из возможностей обращения к этой эпохе являются, конечно же, дошедшие до нас уникальные древнерусские тексты. Древнерусская литература — это огромный пласт, сохранивший не только хронологию развития государства, но и повествующий о средневековом человеке, укладе его жизни, миропонимании и т. д.

В школах, которые работают по программе под редакцией В. Я. Коровиной, древнерусская литература изучается с 5 по 9 класс. Как показывает практика, эти произведения сложно воспринимаются детьми, не помогают им раскрыть огромный потенциал древнерусской литературы.

Для обращения к истокам нашей культуры необходимо включать в чтение школьников тексты, отвечающие их запросам (наличие приключений, фантастики, героя, похожего на них). В современной литературе много произведений о Древней Руси, адресованных детям. Например, во внеклассное чтение учащихся 5–9 классов можно включить следующие тексты: «Гардарика» и «Лыбедь» Елены Петровны Чудиновой, «Странствия Кукши за тридевять морей», «Юрьевская прорубь» Юрия Петровича Вронского. Последовательная работа в процессе внеклассного чтения произведений о Древней Руси позволит ученикам обогатить себя не только историческими сведениями об этом времени, но и даст понимание о жизни и мировоззрении древнерусского человека. На наш взгляд, ученикам необходимо дать понимание того, что в основе жизни древнерусского человека лежит Любовь: Любовь к Богу, Любовь к Родине, Любовь к семье, Любовь к Человеку — и никакие лишения не могут его заставить отречься от этой Любви. Во всех предложенных нами произведениях говорится о проявлениях этой Любви.

В 5 классе мы предлагаем знакомство со сборником Е. П. Чудиновой «Лыбедь». В центре этой книги образ подростка — будущего правителя Руси. Рассказы позволяют обсуждать следующие проблемы: гордость за свою страну, стремление сделать её лучше. Предлагаемые методические приемы: работа по группам, эвристическая беседа. Возможно творческое представление рассказов.

Следующий текст, рекомендуемый для обсуждения в 6–8 классах, историческая сказка Е. П. Чудиновой «Гардарика». В этом произведении, как и в предыдущем, поднимается проблема любви к Родине. Работа с текстом возможна через погружение учащихся в эпоху с помощью различных средств (фото и видеоматериалы, показ предметов быта, природы, одежды людей Древней Руси, рассказ о традициях, обычаях). Рекомендуем проведение урока в форме путешествия, конечной точкой которого будет открытие нового жанра — исторической сказки.

Ещё одним текстом, в котором раскрываются особенности

мировоззрения древнерусского человека, его ценности, цели, мышление, является повесть Ю. П. Вронского «Юрьевская прорубь». Её обсуждение мы предлагаем в 7–9 классах. Исторические, культурные, религиозные, нравственные основы жизни русского народа, модель поведения глубоко нравственного человека в ситуации выбора можно изучать при помощи эвристической беседы, деловой игры, сравнительной характеристики героев.

В старших классах (10–11) к древнерусской литературе вообще не обращаются (программа под ред. В. Я. Коровиной этого не предусматривает), что, на наш взгляд, является большой ошибкой. Ведь более опытные, знающие историю своего государства школьники могут лучше понять и глубже прочувствовать жизнь древнерусского человека. Поэтому мы считаем, что в рамках внеклассного чтения в 10–11 классах можно обращаться к древнерусской эпохе через современные произведения, раскрывающие важнейшие черты этого времени. Один из таких текстов — это уникальный роман Е. Г. Водолазкина «Лавр». Включение романа во внеклассное чтение рекомендует и Н. Е. Кутейникова в «Навигаторе по современной отечественной детско-подростковой и юношеской литературе» [3, с. 142].

В романе, построенном в форме жития, поднимаются важные вопросы, актуальные не только в эпоху Древней Руси, но и в современной жизни. Любовь, преданность, вера в Бога, юродство, отношение к ближнему, течение времени, — все эти вопросы можно обсуждать с подрастающим поколением. «Одна из главных идей Лавра, — что времени нет, — объясняет идею книги Водолазкин. — Об этом в своё время писал и размышлял в конце своей жизни Дмитрий Сергеевич Лихачев. Он говорил, что время, оно только для нас, слабых, а на самом деле существует вечность, где нет времени. Время — это только подпорка, которая нам дана, чтобы не потеряться в событиях и людях» [2].

Главный герой книги — средневековый знахарь и целитель, который на протяжении повествования меняет несколько имён, тем самым и несколько раз изменяя свою сущность. От мальчи-

ка-сироты Арсений проходит путь до Лавра, схимонаха и признанного народом и церковью праведника. При этом весь его путь — это искупление тяжкого греха, который повлѣк за собой смерть молодой женщины и их общего ребенка.

Особое внимание нужно обратить на язык романа. Е. Г. Водолазкин свободно переходит от средневековой речи к современной, и часто это происходит в пределах одного абзаца: «Что убо о сем речеши, записывал он в сердцах на куске бересты. И как это женщины таких к себе подпускают? Кошмар» [1, с. 17]. В тексте встречаются аллюзии на современные тексты. Например, герои цитируют Экзюпери: «Мы в ответе за тех, кого приручили» [1, с. 33].

Опыт обращения к роману в процессе школьного изучения литературы ещё не накоплен. Однако некоторые методисты (например, Н. Е. Кутейникова) рекомендуют обращаться к роману в рамках внеклассного чтения старшекласников. Мы солидарны с её мнением и предлагаем краткие содержательные и методические аспекты такого занятия.

Главной целью уроков внеклассного чтения является знакомство с новыми авторами и текстами, формирование интереса к произведению. Поэтому мы не просим школьников читать роман самостоятельно, учитывая не только его большой объем, но и возможные сложности в понимании текста. Нам необходимо на первом уроке создать условия для восприятия произведения, с которым заинтересованные ученики смогут познакомиться в дальнейшем.

Таким образом, при изучении этого романа мы предлагаем обсудить следующие аспекты: автор романа, композиция, язык, вечные темы.

Так как литература Древней Руси в старших классах не изучается, обращение к этому произведению можно приурочить ко Дню Памяти Варлаама Керетского, прототипа главного героя (19 ноября), или обсудить на уроках, посвящённых современной литературе. Основная работа по подготовке и проведению данного занятия ведется учителем, можно привлечь библиоте-

каря и активных учеников.

Перед началом занятия мы предлагаем ученикам разделить на 4 группы с помощью карточек, на которых написаны названия 4 книг (глав) романа (Познание, Отречение, Путь, Покой). После в группах будет идти работа по содержанию этих глав. На вступительном этапе можно использовать различные приёмы для погружения учащихся в эпоху Древней Руси. Например, показать 4 иллюстрации (Крещение Руси, древо киевских князей, богатыри, ладья). Актуализацию знаний учащихся о Древней Руси можно провести с помощью кластера. На этом этапе возможно обсуждение ранее прочитанных в школе древнерусских текстов (что особенно понравилось, что было сложным, хотели бы они ещё обращаться к таким текстам?).

На этапе мотивации ученикам предлагается ответить на вопрос: может ли, по вашему мнению, современный писатель написать текст о древнерусском человеке, чтобы произведение, с одной стороны, включало в себя важные особенности древнерусского текста, и, с другой стороны, было интересно современному читателю? Выслушав и записав ответы учеников (сколько согласны с этим мнением, сколько против), предлагаем им познакомиться с писателем Е. Г. Водолазкиным. Способ знакомства с писателем учитель выбирает самостоятельно (доклад учителя или ученика, презентация, просмотр интервью и т.д.).

Непосредственное знакомство с книгой нужно начать с обсуждения заглавия и обложки. Кто такой Лавр? Почему на обложке изображен глаз пожилого человека, а с обратной стороны лавровый листок? Необходимо обратить внимание на авторское определение жанра произведения — «неисторический роман».

Обращаясь к композиции произведения, возвращаемся к работе в группах. Ученикам необходимо посоветоваться в группе и предложить порядок расположения глав книги (названия групп) в романе. После правильного расположения глав произведения (самими учениками или с помощью учителя) ученикам предлагается провести лексическую работу с названиями их главы и предположить, какие события могли там происходить.

После этой работы обращаемся непосредственно к тексту романа. Ученикам выдаётся Прологомена (введение) и задания к ней:

1. Прочитайте Прологомену. Подумайте, какую часть книги вы прочитали, как она называется?

2. Составьте характеристику человека. Попробуйте описать его внешность.

На этапе анализа произведения может помочь мобильное приложение «Live Pages» («Живые страницы»), в котором роман «Лавр» представлен с различных точек зрения (интерактивное содержание, ход времени, судьбы, места, герои и «игры в слова», где можно поработать с лексикой произведения).

Мы предлагаем с помощью этого приложения познакомиться с героями произведения (Арсений, Устин, Амвросий, Лавр). В приложении о каждом герое предлагается следующая информация — краткий пересказ содержания происходивших с ним событий, процесс получения нового имени и справочная информация о прототипах и источниках; описание внешности; цитата, характеризующая героя; места, где он побывал; хронология событий его жизни. Каждой группе раздаётся информация о герое из их главы и предлагается подготовить плакат-инфографику о нём для других групп.

Из-за ограниченности времени урока мы не будем уделять большое внимание анализу произведения, а остановимся на более важном этапе — выявлении художественного восприятия, которое считаем возможным после ознакомления с основным содержанием жизни главного героя.

Вопросы, направленные на выявление эмоционального восприятия текста:

- Какие чувства вы испытывали, читая введение?
- Заинтересовало ли вас содержание?
- Хотите дальше продолжить чтение?
- Какое настроение вы испытывали после знакомства с судьбой героя?
- Что больше всего вас удивило, порадовало, огорчило?

Далее ученикам предлагается обсудить вопросы, направленные на сопоставление эпох:

- Чем отличается жизнь древнерусского человека от современного?

- В чём заключается основной конфликт в жизни древнерусского человека, а какой конфликт находит отражение в современной жизни?

Для знакомства с языком произведения можно предложить небольшой отрывок, где русский язык сочетается с древнерусским, затем обсудить, зачем автор устраивает «языковую игру» с читателем.

Для сравнительной характеристики эпох следует обсудить следующий вопрос:

- Как вам кажется, чем отличается древнерусская литература и этот современный текст?

На заключительном этапе учащимся предлагается «Игра в слова» из приложения «Живые станицы», где они познакомятся с устаревшими словами, используемыми в тексте.

Этап рефлексии предполагает выявление эмоционального состояния и оценку результатов проделанной работы. Мы предлагаем написать учащимся синквейн по теме «Роман Е. Г. Водолазкина „Лавр“», который покажет степень овладения новыми знаниями, а также восприятие нового материала. В конце встречи учитель рекомендует прочитать роман в полном объёме.

Таким образом, мы считаем, что роман Е. Г. Водолазкина является примером качественной прозы, которая позволяет приобщить школьников к истории Древней Руси и к художественной литературе. Этот роман помогает проследить связь между, на первый взгляд, такой далёкой эпохой и современным миром, найти точки для соприкосновения и, конечно же, воздействовать на чувства и эмоции подростков, обсудить важнейшие философские вопросы, которые «живут» вне времени.

Список литературы

1. Водолазкин Е. Г. Лавр: роман. — Москва: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018. — 440 с.
2. Головастикова К. Евгений Водолазкин: «Одна из главных идей Лавра — что времени нет» [Электронный ресурс] // Евгений Водолазкин: сайт, посвященный творчеству писателя. — URL: https://evgenyvodolazkin.ru/629_evgenij-vodolazkin-odna-iz-glavnykh-idej-lavra-cto-vremeni-net/ (дата обращения 10.01.2021).
3. Кутейникова Н. Е. Навигатор по современной отечественной детско-подростковой и юношеской литературе: методические рекомендации. — М.: «МАЭСТРО ПлаТинум», 2017. — 158 с.
4. Савельева И. М., Полетаев А. В. «Историческая память»: к вопросу о границах понятия [Электронный ресурс] // Историческая экспертиза. — URL: https://istorex.ru/page/saveleva_im_a_v_poletaev_av_istoricheskaya_pamyat_k_voprosu_o_granitsakh_ponyatiya (дата обращения 10.01.2021).
5. Солонин Ю. Н. Историческая память народа [Электронный ресурс] // Национальная энциклопедическая служба. — URL: <https://voluntary.ru/termin/istoricheskaja-pamjat-naroda.html> (дата обращения 12.01.2021).

УДК 373

Ломанов П. В.
кандидат культурологии,
старший научный сотрудник
Красноярский художественный музей
имени В. И. Сурикова
г. Красноярск
e-mail: lpv79@mail.ru

Lomanov Pavel V.
candidate of cultural sciences
senior researcher
Krasnoyarsk art museum named
after V. I. Surikov
Krasnoyarsk
e-mail: lpv79@mail.ru

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ У УЧАЩИХСЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

The problem of the formation of cultural tolerance among secondary school students in the process of social science disciplines teaching

Аннотация: *Статья посвящена важной задаче — формированию культурной толерантности у школьников. Автор статьи отмечает необходимость пересмотра традиционных трактовок понятия «толерантность», предлагая модель, основанную на концепции культурного диалога, а также намечает некоторые пути разрешения задачи формирования культурной толерантности в средней школе.*

Abstract: *The article is devoted to an important task — formation of cultural tolerance among schoolchildren. Author of the article notes the need to revise traditional interpretations of the “tolerance” concept, offering a model based on the concept of cultural dialogue, and outlines some ways to solve the problem of forming cultural tolerance in secondary school.*

Ключевые слова: культурная толерантность, религиозная толерантность, этническая толерантность, диалог культур, мультикультурализм.

Keywords: cultural tolerance, religious tolerance, ethnic tolerance, dialogue of cultures, multiculturalism.

Для России — страны, исторически многонациональной, в которой традиционными у разных народов являются

все три мировых религии, проблема формирования культурной, этнической, религиозной толерантности является крайне актуальной. Периодически российское общество сталкивается с конфликтами, возникающими на почве национальной, религиозной нетерпимости. И система образования как социальный институт должна в том числе формировать культурную толерантность, то есть терпимость к людям с иным культурным кодом (понятие «культурная толерантность» достаточно широкое, но главными её проявлениями можно считать этническую и религиозную толерантность). Существуют (помимо культурной) и другие важные формы толерантности. Автор представленной публикации не будет касаться проблемы так называемой «гендерной толерантности», которая активно в последние десятилетия муссируется мировыми СМИ. Но вот для российского общества, пережившего в течение XX века смену ряда противоположных по своим идеологическим основам политических режимов, очень актуальна задача формирования политической толерантности, терпимости в отношении представителей различных политических учений. И реализацию данной задачи вполне можно возложить, прежде всего, на курс отечественной истории (наряду с историей также, конечно, проблема формирования политической толерантности решается и в рамках курса обществознания). Действительно, знакомясь с российской историей новейшего времени, на примере деятельности различных исторических персонажей Российской Империи, РСФСР и СССР, современной Российской Федерации, особенно выдающихся, школьники приходят к пониманию, что они представляли диаметрально противоположные политические лагеря — от охранительного консерватизма до радикального социализма и коммунизма. Но это не умаляет их вклада в создание российской государственности, в историю России.

Когда мы подходим к самой проблеме культурной толерантности, то сталкиваемся с несколькими трудностями:

Во-первых, необходимо определиться с сущностью самой толерантности как социального явления. Существует множество подходов к самой толерантности. Слово «терпимость», на-

верное, может быть самым точным переводом латинского корня «tolerantia», и само понятие «терпимость» можно считать синонимом понятия «толерантность». Но в понятия «терпимость» и «толерантность» можно вкладывать очень разный смысл. В медицине существует понятие «иммунологическая толерантность», степень толерантности — это степень восприятия иммунной системой организма чужеродных генов как своих. То есть высокий уровень толерантности означает низкий иммунитет организма. Если мы будем строить социологическое понятие «толерантность» по аналогии с медицинским, то конечно же, в этом случае, высокий уровень толерантности в конкретном обществе будет скорее отрицательным показателем. Такое общество нельзя охарактеризовать как устойчивое. Это общество, которое не может защитить, отстоять свои базовые культурные, религиозные, этнические ценности.

Есть у любого общества базовые ценности, то есть те ценности, на которых строится сама культура межличностных и коллективных отношений, этика, часто у разных обществ они могут быть диаметрально противоположны. В этом случае может просто происходить замещение одних ценностей другими. Но ведь уважение к чужим ценностям вовсе не означает отказа от своих. Ещё в 1951 году, в своей работе «The Social System» известный американский социолог Т. Парсонс рассматривая общество как системность, говорит о культуре как о «детерминанте систем человеческого социального взаимодействия» [5, с. 87], при этом настаивая на преимущественно ценностной природе культуры. Культура выполняет функцию «поддержания образца» [1, с. 24], обеспечивая самовоспроизводство общества. Принятие чуждых ценностей как своих, в случае их несовпадения со своими, становясь замещением ценностной системы, культуры, может привести к саморазрушению самого общества.

Во-вторых, в современном дискурсе о понятии «толерантность» обозначается вопрос: любые ли ценности достойны уважения? Некоторые общества выработали такие нормы, которые просто несовместимы с системами норм и ценностей (этических,

культурных) других обществ. Например, традиции ритуального каннибализма, допустимые у некоторых народов Океании, и традиции человеческих жертвоприношений, известные во многих древних религиях, просто неприемлемы в мире христианской или исламской культуре. В определённых случаях проявление толерантности просто может быть формальным прикрытием элементарного нравственного нигилизма.

В-третьих, достаточно ли поверхностно «терпеть» чужие ценности, без понимания их, будет ли устойчивой такая толерантность? Именно такую модель толерантности попытались осуществить в 1980–2000-е годы некоторые государства Европейского союза. Столкнувшись с притоком мигрантов из чуждых культурно для европейцев стран Ближнего Востока, власти с опорой на ряд социологических и культурологических концепций попытались выработать модель, получившую название «мультикультурализм». Лучше всего эту модель описывает резолюция Парламентской ассамблеи Совета Европы от 8 ноября 2004 года «Новая концепция эволюции государства демократического выбора», предлагающая европейским государствам развивать «гражданский мультикультурализм, основанный на равенстве всех граждан и их равной лояльности по отношению к общему государству (гражданской нации), при уважительном отношении к различиям и межкультурному сосуществованию» [4, с. 13; 8]. На деле «политика мультикультурализма в реальности оказалась политикой „неполной“ интеграции, приведшей к целому ряду негативных последствий для культурной и социально-экономической стабильности принимающих европейских стран» [7, с. 186]. Чисто внешнее соприкосновение различных культур, различных ценностных систем неустойчиво, мирное сосуществование представителей разных культур в этом случае почти невозможно. Итогом насаждения такой модели толерантности стал кризис мультикультурализма, с которым столкнулись европейские государства в последнее десятилетие. Исследователи этой проблемы констатируют: «в Европе в последние несколько лет резко изменилось в худшую сторону отношение к мигрантам, особенно к мусульма-

нам. В достаточно широких слоях европейского общества стала возрождаться национальная нетерпимость» [4, с. 14]. Описанный подход к толерантности также можно проиллюстрировать через массовое использование современными СМИ, политиками, юристами понятия «политкорректность». Возникший в 1970-е годы как ироническое определение набора эвфемизмов, принятых в политической практике, термин «политическая корректность» в наше время стал употребляться во вполне определённом значении, и воспринимается уже вполне серьёзно. Российский социолог Л. Г. Ионин пишет: «политкорректность — это идеология современной массовой демократии, служащая, с одной стороны, обоснованию внутренней и внешней политики западных государств и союзов, а с другой — подавлению инакомыслия и обеспечению идейного и ценностного консенсуса» [2, с. 8]. Но автор представленной публикации скорее склонен называть политкорректностью речевые практики, призванные сгладить остроту социальной проблематики, и само явление «политкорректного языка» свидетельствует о господстве такой модели толерантности, при которой невозможен диалог культур и традиций, сторонам достаточно лишь прийти к системе терминов, крайне обобщающих социальную и культурную реальность, не проникая глубоко в мир чуждых культур в душу другого.

Тем не менее любому многонациональному и полирелигиозному обществу нужно вырабатывать терпимое, комплементарное отношение между индивидами и группами с различным культурным кодом, и иного понятия, чем толерантность, пока просто нет. Поэтому, наверное, необходимо не менять понятие, а вырабатывать новый подход, расширять значение старого понятия «толелрантность».

И здесь можно наметить определённые подходы. В философии XX века, особенно в русской философской традиции и немецкой экзистенциальной философии, получило развитие направление, которое условно можно назвать «философией диалога». В Германии его представили М. Бубер, К. Ясперс, О. Розеншток-Хюсси и др. (также проблема «другого» и диалога с ним разрабатывалась

представителями французской мысли, такими как Э. Левинас, Ж. Деррида и др.). В России в первой четверти XX века это, прежде всего, в той замечательной плеяде русских мыслителей, которую обычно связывают с традициями Серебряного века, С. Л. Франк (с 1922 года до смерти в 1950 работал в эмиграции: в Германии, Франции, Великобритании). Позже, в советское время диалогическую модель культуры развивали параллельно М. М. Бахтин (мыслитель, связанный ещё с традициями Серебряного века), Ю. М. Лотман со своей школой, В. С. Библер и др. Особенно важны для отечественной социально-философской традиции идеи С. Л. Франка и Ю. М. Лотмана.

С. Л. Франк (1877–1950), рассматривал само общество через диалогическую модель. Обозначая проблему организации общества, Франк опирается на традиции «философии всеединства», восходящие к наследию В. С. Соловьёва. Одним из главных понятий в социологическом учении С. Л. Франка является понятие «соборность», вообще очень характерное для русской религиозной философии. Данное понятие у разных авторов имело различные трактовки, но у Франка «соборность» — это понятие, отображающее некую внутреннюю сущность общества, его экзистенциальное основание, базовый принцип, на котором основано единство социальной системы. Соборность по Франку — это некое единство человеческих «Я» и «Ты», образующее «Мы». Причём, категория «мы» так же первична, как и категория «я». «Я» и «мы» как бы обуславливают друг друга. Наличие «ты» обуславливает проявление «я», а значит, «я» проявляется только в «мы». На онтологическом уровне С. Л. Франк описывает бытие вообще как единство, так как ни одна вещь не мыслится сама по себе, а только в соотношении с другими вещами. Вот из этого гносеологического принципа и следует социальная концепция Франка. Онтологическое единство «я» и «ты» в «мы» является конкретным проявлением единства бытия вообще. С. Л. Франк пишет: «соборное единство образует жизненное содержание самой личности» [6, с. 61]. При этом в концепции Франка «соборность» дополняется «общественностью» — механическим прин-

ципом организации общества вокруг различных, совместных интересов и практик. Хотя оба этих принципа не противопоставляются, а лишь мыслятся как реализация различных типов общественной интеграции, но, в отличие от соборности, которая есть внутренний, глубинный принцип, общественность реализуется во внешней для личности среде [6, с. 67]. И реализация соборности подразумевает ситуацию диалога, которая невозможна при абсолютном единстве его участников. Диалог всегда подразумевает «другого». И диалог не подразумевает сугубо внешних коммуникаций. Диалог — это всегда стремление понять другого, проникнуть в его мир, взглянуть на бытие его глазами.

Ю. М. Лотман (1922–1993) считал, что в основе самой культуры как системы лежит ситуация диалога. Причём условием диалога является наличие минимум двух участников. Именно диалогом обусловлено само развитие культуры: «В реальных исторических процессах... мы имеем дело не с одной, а минимально с двумя „чуждыми“ друг другу, то есть устроенными принципиально различным образом, культурными системами. Фактически перед нами всегда множество различных систем. Причём некоторые из них представляют собой относительно близкие, или, по крайней мере, в определенной степени взаимопереводимые системы. Другие же функционируют именно в силу своей взаимной неперево­димости, как чуждые друг другу. Эта наполненность пространства культуры языками разной степени родства и переводимости, с одной стороны, и разной степени отчужденности и неперево­димости с другой, составляет тот реальный механизм, который придаёт культуре динамический характер» [3, с. 45].

Если диалог лежит в основании самого общества и самой культуры, то диалога различных культур нам просто не избежать, и толерантность является главным условием этого диалога, его успешности, но не внешняя терпимость, а такая толерантность, которая выстраивается на стремлении познать, понять друг друга.

Таким образом, на нашу систему образования возложена сложнейшая задача воспитания толерантности, выработки толерантности у подрастающих поколений, но не просто внешней

терпимости, такая модель толерантности обречена на кризисы и показала свою несостоятельность, а подлинную толерантность, основанную на уважении и взаимном, то есть диалогическом взаимодействии. В рамках каких школьных предметов и дисциплин возможна реализация этой задачи? В последние десятилетия в школьную программу введены два курса, реализация которых, кажется, даёт возможность подойти к решению задачи воспитания культурной толерантности. Это ОРКСЭ (Основы религиозных культур и светской этики) и ОДНКНР (Основы духовно-нравственной культуры народов России). Но с точки зрения автора представленной публикации, введения этих курсов всё-таки недостаточно.

Во-первых, курс ОРКСЭ введён в четвёртом, а ОДНКНР в пятом классах. Это тот возраст, в котором ещё трудно ставить перед ребёнком сложные мировоззренческие проблемы, а содержание курсов направлено именно на формирование мировоззрения. Более того, когнитивные особенности 9–11 летних не позволяют достаточно полно и глубоко раскрыть перед ребёнком содержание различных этических систем, религиозных учений, традиционных культур. Безусловно, эти курсы способствуют развитию коммуникативных компетенций, воспитанию терпимого отношения к различным культурам. Но, всё-таки, задача воспитания культурной, религиозной, этнической толерантности может быть успешно реализована только если она будет поставлена как основная в старших классах.

Во-вторых, сама структура курсов в том виде, в котором они реализуются в большинстве современных школ, не всегда способствует воспитанию толерантности (прежде всего это касается курса ОРКСЭ, так как ОДНКНР пока не реализуется в полной мере в большинстве школ региона). Ребёнку и его родителям предлагается выбрать один вариант, чаще всего посвящённый так называемой «светской этике», или основам одной православной (исламской, буддийской и т. д. в некоторых регионах) религиозной культуры, либо очень сжатый обзор (в силу сравнительно небольшого объёма самого курса) основ мировых религий. В этом случае задача воспитания культурной толерантности ложится

прежде всего на предмет обществознания в рамках реализации программ 8–11 классов. Согласно существующим ФГОСам в реализуемом курсе обществознания само общество рассматривается через четыре «сферы» общественной жизни: «социальную», «экономическую», «политическую» и «духовную». И «духовная» сфера жизни общества, по сути, полностью сводится к духовной культуре. В программах восьмого и десятого класса предполагаются разделы, специально посвящённые сфере духовной культуры. В рамках этих разделов выделяется тема религии. Она подразумевает экскурс в учения мировых религий, рассмотрение сущности различных форм религиозных организаций, изучение роли религии в жизни общества, в становлении этических систем, влиянии религии на другие сферы общественной жизни и культуры (искусство, право, идеология и т.д.). Так же в рамках программы одиннадцатого класса, при рассмотрении «социальной» сферы жизни общества специально освещаются религиозные объединения и организации в РФ и связанные с их функционированием социальные и правовые вопросы. При рассмотрении «социальной» сферы в программы восьмого и одиннадцатого классов включаются темы, посвящённые этнической проблематике: «Нации и межнациональные отношения», «Межнациональные конфликты», «Национализм», «Культура межнациональных отношений» и т. д. Конечно же, само количество учебных часов, которые выделяются стандартами и программами на эти серьёзные темы, достаточно невелико, но именно эти темы являются ключевыми для формирования культурной толерантности.

С точки зрения автора, для формирования качества культурной толерантности у учащихся 8–11 классов необходимо реализовать две составляющих.

1. Привить учащимся представление о необходимости выработки самого качества терпимости в нашем обществе. Это можно реализовывать через конкретные исторические примеры, показывая негативные последствия проявлений национальной, религиозной, культурной нетерпимости, апеллируя к базовым этическим принципам и т. д.

2. Максимально используя предусмотренные программы и ФГОСами учебные часы, раскрывать глубокое содержание учений мировых религий и традиционных этнических культур. При реализации этой составляющей просто необходимо активно использовать межпредметные связи, прежде всего с курсами истории, географии, литературы, ОРКСЭ, ОДНКНР, а также различными факультативными курсами обществоведческой, культурологической, краеведческой тематики.

Конечно, всё главным образом зависит от учителя, его роль в реализации этих составляющих очень велика. Также развитию качества культурной толерантности может способствовать активная внеурочная деятельность педагогов и образовательных учреждений, здесь существует множество возможностей через различные образовательные мероприятия способствовать развитию коммуникативных компетенций. Итогом данного процесса, конечно же, не может быть доскональное знание учениками содержания различных религиозных учений, этнических культур, это невозможно при том сравнительно небольшом количестве учебных часов, при тех достаточно ограниченных образовательных ресурсах, которыми может владеть рядовой педагог. Важно, прежде всего, выработать у учеников интерес к проблемам духовной культуры, представление о многообразии культур, уважение к иным культурам и носителям иных ценностных систем, готовность, открытость к культурному диалогу.

Список литературы

1. Батыгин Г. С. Структурный функционализм Толкотта Парсонса // Вестник РУДН. Серия Социология. — 2003. — № 4–5. — С. 6–34.

2. Ионин Л. Политкорректность: дивный новый мир. — М.: «Ад Маргинем Пресс», 2012. — 112 с.

3. Лотман Ю. М. Непредсказуемые механизмы культуры. — Таллин: TLU Press, 2010. — 232 с.

4. Кризис мультикультурализма и проблемы национальной

политики. Под ред. М. Б. Погребинского и А. К. Толпыго. — М.: Весь Мир, 2013. — 400 с.

5. Парсонс Т. Социальная система // Парсонс Т. О социальных системах. — М.: Академический проект, 2002. — С. 73–520.

6. Франк С. Л. Духовные основы общества. — М., Республика, 1992. — 512 с.

7. Харитонов И. Н. Кризис политики мультикультурализма и ксенофобия в странах Европы // Социологический альманах. Выпуск 3. — Минск, «Белорусская наука», 2012. — С. 186–195

8. Resolution PACE No 1407 (08.10.2004).

378.18:364.4

Никифорова Л. В.
преподаватель
Красноярский педагогический колледж
№ 1 им. М. Горького
г. Красноярск
e-mail: luba-nika1960@yandex.ru

Nikiforova Lyubov V.
teacher
Krasnoyarsk pedagogical college
№ 1 named after. M. Gorky
Krasnoyarsk
e-mail: luba-nika1960@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ И ДОСТИЖЕНИЯ ДУХОВНО- НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ В КРАСНОЯРСКОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ КОЛЛЕДЖЕ №1 ИМЕНИ М.ГОРЬКОГО НА ОТДЕЛЕНИИ «МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»

Problems and achievements in spiritual and moral education at "Music education" department of Krasnoyarsk pedagogical college № 1 named after. M. Gorky

Аннотация: *Духовно-нравственное развитие студентов в колледже на отделении «Музыкальное образование» осуществляется в процессе социализации, расширения и укрепления ценностно-смысловой сферы личности, формирования способностей*

обучающихся оценивать и сознательно выстраивать на основе традиционных моральных норм и нравственных идеалов отношение к себе, другим людям, обществу, государству, Отечеству, миру в целом.

Abstract: *The spiritual and moral development of students in college at the department of “Music education” is carried out in the process of socialization, expansion and strengthening of the value-semantic sphere of the individual, the formation of students’ abilities to evaluate and consciously build on the basis of traditional moral norms and moral ideals, attitudes towards themselves, other people, society, state, Fatherland, world in general.*

Ключевые слова: духовно-нравственное развитие, музыкальное творчество, народная песенная культура, духовная культура.

Keywords: spiritual and moral development, musical creativity, folk song culture, spiritual culture.

В XXI веке особенно ощутимым стал огромный разрыв между научно-техническим прогрессом и состоянием духовного развития, внутренней культурой людей, уровнем их социальной и нравственной зрелости. Путь выхода из кризиса педагоги и учёные видят в изменении самого человека, его духовного потенциала, в гуманизации всех сфер жизни и деятельности людей. Одной из центральных задач в этом направлении является гуманизация образования и воспитания.

Духовно-нравственное развитие граждан России является ключевой задачей современной государственной образовательной политики и представляет собой законодательно закреплённый социальный заказ для общего образования.

Законом Российской Федерации «Об образовании» установлено, что содержание образования должно содействовать взаимопониманию и сотрудничеству между людьми, народами независимо от расовой, национальной, этнической, религиозной и социальной принадлежности, учитывать разнообразие мировоззренческих подходов, способствовать реализации права обучающихся на свободный выбор мнений и убеждений.

Новый Федеральный государственный стандарт общего образования ставит одной из задач «духовно-нравственное развитие и воспитание обучающихся, становления их гражданской идентичности как основы развития гражданского общества» и, как результат, «формирование целостного, социально ориентированного взгляда на мир в его органичном единстве и разнообразии природы, народов, культур и религий».

Культура и нравственность (как часть культуры) требуют постоянного внимания со стороны общества, поскольку любое отклонение приводит к замене базовых ценностей, требующих достаточных усилий от личности для их выполнения, более простыми представлениями, не связанными с внутренним духовным ростом.

Эффективность духовно-нравственного воспитания студентов во многом определяется комплексным использованием всех средств (искусство, окружающая среда, художественно-творческая деятельность) и интеграцией содержания предметов эстетического цикла.

Взаимосвязь методов и приёмов музыкального воспитания на отделении «Музыкальное образование» прослеживается в использовании различных произведений духовной культуры на уроках междисциплинарных курсов: 03.01. «Вокальный класс», 03.02. «Хоровой класс», 05.01 «Этнокультура и межкультурные коммуникации».

Современные педагогические исследования показали очевидную ценность развития творчества, которая заключается в формировании уникальных креативных способностей. Надо помнить, что творчество — не самоцель, а средство и условие всестороннего гармоничного развития. Музыкальное творчество помогает раскрыть внутренний мир студентов, особенно сти восприятия, представлений, интересов, способностей.

В наше время в сознании людей произошла переоценка культурных ценностей, трансформировались многие понятия. Нарушились традиции, порвались нити, которые связывали старшее и младшее поколения.

Поэтому очень важно возродить преемственность поколений, дать студентам нравственные устои; привить любовь и уважение к своей Родине, которые живы в людях старшего поколения.

Урбанизация современной жизни заставляет всерьёз думать о том, как вернуть подрастающие поколения к ценностям и богатству той культуры, которой нет сейчас в городе, и которая по природе и своему происхождению — не городская. Но она является основой национального русского искусства. Русская духовная культура сочетала в себе возможности развития нравственной, физической, умственной, эмоциональной и эстетической сторон личности.

В художественно-эстетическом образовании и воспитании студентов важную роль играет приобщение к народному музыкальному творчеству, к народной песенной культуре, к духовной культуре.

Музыкальный материал, используемый при обучении студентов пению, обеспечивает возможность идейно-воспитательного воздействия и систематичность накопления учащимися знаний и навыков.

По сути, репертуар должен решить вопросы творческого роста и художественного воспитания студентов, что невозможно выполнить в отсутствии условия подлинной заинтересованности, увлечённости и познавательного интереса со стороны учащихся.

При разучивании песенного репертуара необходимо уделять большое внимание идейно-смысловому содержанию изучаемых произведений. В процессе исполнения вокальных и хоровых сочинений, студенты нередко впервые знакомятся с культурными особенностями разных народов мира, учатся произношению иностранных слов, узнают о значимых исторических событиях, в буквальном смысле познают мир через призму жанрово-стилистического разнообразия музыкальных произведений.

В 2020 году наша страна отмечала семидесятипятителный

юбилей Победы в Великой Отечественной войне. Немало музыкальных произведений посвящены трагическому периоду середины XX века, но в большей степени известны песни военных лет, которые ежегодно звучат на парадах Победы по всей стране. При этом многие студенты не знают и не задумываются о конкретных событиях, запечатлённых в той или иной песне.

Также, помимо текстового сюжета, почти за каждой песней скрывается необычная история создания, связанная с судьбами людей и событиями тех лет. Студенты с преподавателями провели свои мини-исследования истории любимых военных песен, располагая их на своих страницах в социальной сети ВКонтакте с хештэгом #КПК_Чтобы_помнили.

Таким образом, знакомясь с песнями военных лет, студенты изучают историю, переживают определённый эмоциональный опыт, узнают об истинном патриотизме. Все это в значительной степени укрепляет национальное самосознание и чувство любви к Родине.

Институт современного образования SmartSkills, в целях реализации утверждённой Президентом РФ Концепции общенациональной системы выявления и развития молодых талантов, и в связи с празднованием 75-летия Победы в Великой Отечественной войне, в течение мая организовал целый комплекс конкурсов, среди которых был I Международный конкурс «Песни Победы-2020». Почтить память павших воинов, вспомнить славные и трагические страницы Великой Отечественной войны, оставшиеся на века в пронзительно-искренних песнях, мог любой человек, обладающий вокальными данными.

Студенты и педагоги Красноярского педагогического колледжа № 1 им. М. Горького не могли не принять участие в этом замечательном конкурсе, потому что каждый год отделение «Музыкальное образование» готовит программы, посвящённые празднику Великой Победы. Эпидемиологическая ситуация не нарушила творческие планы. В конкурсе приняли участие студенты колледжа и стали лауреатами I степени.

День Победы ознаменовал себя участием наших студентов и педагогов в ещё нескольких праздничных акциях: вместе со всей Россией педагоги и студенты колледжа спели «День Победы» из своих окон и продолжили украшать свои окна и балконы символикой Дня Победы.

В подарок от преподавателей отделения «Музыкальное образование» прозвучали истории любимых военных песен и их исполнение; подготовлен концерт 9 мая в онлайн формате (на сайте колледжа).

Вместе со всеми жителями города Красноярск наши студенты и педагоги зажигали «Фонарики Победы»

Во Всероссийской акции «#Георгиевская Ленточка» активное участие приняли студенты, преподаватели и выпускники нашего колледжа. С участниками акции была проведена дискуссия относительно необходимости сохранения исторической памяти и недопущения фальсификации исторических событий, особенно таких важных, как Великая Отечественная война.

Следует признать целесообразным в год 75-летия Победы народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов создание студентами I курса отделения «Музыкальное образование» фильма из истории педагогического колледжа № 1 о ветеране ВОВ Тычинском Н. А.

Воспоминания фронтовика — Тычинского Николая Александровича — это не просто часть истории, а ещё и яркий пример мужества русского человека, вместе со всей страной шедшего к победе. Фильм произвёл впечатление на студентов, вызвав чувство сопереживания его герою, гордости за его вклад в Великую Победу.

Как пишет известный методист Д. И. Полторак, «выразительные средства учебного кино пробуждают у обучающихся своё отношение к более сложным нравственным категориям — готовность отстаивать свои убеждения, научные принципы» [1, с. 11].

Дистанционное обучение для студентов отделения «Музыкальное образование» — это прекрасная возможность сосре-

доточиться на совершенствовании своих навыков и умений в творческой деятельности. Участие во Всероссийских конкурсах «Мы — это Россия» (посвящённом Государственному празднику Дню народного единства) и «Моя страна Россия» — значимые мероприятия для студентов, прежде всего как для будущих педагогов, которым в собственной профессиональной деятельности необходимо создавать условия для гражданского и патриотического воспитания школьников.

Несмотря на дистант, студенты и педагоги колледжа помнят про первый праздник лета — День защиты детей. Студенты отделения «Музыкальное образование» записали видео-концерт для своих маленьких друзей — воспитанников Комплексного центра социальной защиты населения.

Духовно-нравственное развитие студентов в колледже на отделении «Музыкальное образование» осуществляется в процессе социализации, расширения и укрепления ценностно-смысловой сферы личности, формирования способностей обучающихся оценивать и сознательно выстраивать на основе традиционных моральных норм и нравственных идеалов отношения к себе, другим людям, обществу, государству, Отечеству, миру в целом.

Список литературы

1. Полторак Д. И. Методика использования средств обучения в преподавании истории — М.: Просвещение, 1987. — 369 с.

НАПРАВЛЕНИЕ
«ЦЕРКОВЬ И ОБЩЕСТВО»

ДОКЛАД «ИДТИ ТОЛЬКО ВПЕРЁД, ПОМНИТЬ, КТО МЫ И ОТКУДА ПРИШЛИ: ИСТОРИЧЕСКОЕ БУДУЩЕЕ ОТЕЧЕСТВА» НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ ЧТЕНИЙ ЗАМЕСТИТЕЛЯ НАЧАЛЬНИКА УПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ ГУБЕРНАТОРА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ — СОВЕТНИКА РУКОВОДИТЕЛЯ АДМИНИСТРАЦИИ ГУБЕРНАТОРА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ ВИТАЛИЯ БОГОМАЗЮКА

— **П**редварить своё сообщение я бы хотел небольшим эпизодом, произошедшим со мной 9 декабря минувшего года. Я как обычно собирался на службу: пил утренний кофе, фоном играло радио. На волне популярной российской радиостанции звучала музыка, затем в эфире к слушателям обратился ведущий, и задал вполне традиционный вопрос: «Знаете ли вы, какой сегодня день? Что мы сегодня отмечаем?». Я с удовлетворением подумал, что сейчас радио-диджей напомним соотечественникам о Дне героев Отечества и... ошибся. Энергичным и весёлым голосом из радиоприёмника прозвучало дословно следующее: «И сегодня мы отмечаем День компьютерной мыши!». После небольшой паузы ведущий продолжил: «Кроме того, в США сегодня – День клоуна и День печенюшек!». Мне бы очень хотелось сказать вам, что это был анекдот, но, к сожалению, это было на самом деле.

В теме моего доклада отражён призыв Президента страны, озвученный в ходе пленарного заседания форума «Сильные идеи для нового времени», и я бы хотел процитировать его без сокращений: «Без всяких сомнений, мы не должны жить прошлым, мы должны видеть будущее и идти только вперёд. Но для того, чтобы знать, куда идти, нужно понимать, откуда мы пришли, кто мы такие и каким образом мы здесь появились».

Часто, говоря о судьбе России, мы используем словосочетание «историческое прошлое», тем самым подчёркивая наш особый путь... Сегодня я осмелюсь применить тезис о том, что

у нашего Отечества историческое будущее! Так кто же мы? И какое же оно, будущее России? Именно над этими вопросами мы сегодня попробуем порассуждать. Я призываю всех приподняться над мирской суетой, над заботами о насущном и в течение нескольких минут подумать о том, во имя каких целей на протяжении тысячелетней истории на огромных пространствах Российское государство объединило разные народы? В чём цель нашего исторического развития? В чём смысл и миссия русского народа?

Безусловно, в основе наших размышлений лежат труды великих предков: Ивана Александровича Ильина, Ивана Лукьяновича Солоневича, Льва Александровича Тихомирова. А разобраться в перипетиях отечественной истории и сделать правильные выводы нам помогут произведения наших заслуженных современников: митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна, Сергея Вячеславовича Перевезенцева, Геннадия Фёдоровича Быкони и многих других. Итак, давайте вспомним, кто мы?

Мы — это общее дело. Президент России отмечает, что «во все времена и исторические эпохи сила России заключалась в таланте нашего народа, в наших идеалах и ценностях, взаимовыручке, уважении к нашей истории, патриотизме. Благодаря этим общим для нас ценностям мы ощущаем себя единым народом, искренне разделяем общую судьбу, победы и трудности».

А теперь послушайте, как в VI веке славянские народы описывал Византийский историк Прокопий Кесарийский: «Эти племена, славяне... издревле живут в народоправстве (демократии), и потому у них счастье и несчастье в жизни считается общим делом».

А вот как отзывался о славянских племенах Византийский император Маврикий: «Свободные, они никоим образом не склонны ни стать рабами, ни повиноваться, особенно в собственной земле. Многочисленны и выносливы, легко переносят и зной, и стужу, и дождь, и наготу тела, и нехватку пищи». Никого не напоминает?

Продолжу: «Жёны их целомудрены сверх всякой человеческой природы. Боевого порядка не знают, с выгодой для себя пользуются засадами, внезапными нападениями и ночью и днём. Любят совершать нападения на своих врагов в местах лесистых, узких и обрывистых».

Но славяне не стремились установить своего господства, никого не обкладывали данью. Более того, занимая чьи-то земли, они соглашались платить их властителям дань (например, византийцам на Балканах). Тем удивительнее тот факт, что везде славяне в итоге ассимилировали другие народы.

Например, в VII веке, после распада Великой Болгарии в Приазовье, славянскую территорию от Дуная и Черного моря до Балканских гор захватила орда тюркок-болгар хана Аспаруха. Но уже на рубеже VIII–IX веков тюрки заговорили по-славянски, тюркские именованья титулов знати уступили место славянским. И когда в 864 году Болгария официально приняла крещение — вся знать говорила на славянском языке, а тюрки-кочевники полностью растворились среди славян.

Особо отметим, в союзы славянских племен входили и многочисленные неславянские племена. Древняя Русь изначально была многоэтническим государством.

Мы — это единство. Идея единства Руси, убеждённость в необходимости сохранения политического, военного и культурного единства дошла до нас сквозь века в «Поучении» и иных произведениях Владимира Всеволодовича Мономаха.

Глубоко не случаен выбор веры, совершённый равноапостольным князем Киевским Владимиром Святославовичем, ибо в основе его лежит провозглашённый христианством принцип, отвергающий узкоплеменной подход, и заявивший о своём всеобщем значении. Новые цели, поставленные перед племенами, населяющими Русскую землю, религиозно-философскими идеями, изложенными в Библии, фактически определили новое место Руси во всемирно-историческом процессе.

Итак, славянские народы в течение VI–IX веков создали на территории Европы новую, самобытную славянскую цивилиза-

цию, свой славянский мир, сформировали свойства духовной, нравственной, социальной, хозяйственной жизни, сплавливали специфику разнообразных народов в единый социум. И здесь я хочу особо подчеркнуть, что мы уже не просто разные народы, живущие на территории Киевской Руси — мы единый «новый» народ. Поэтому в XI–XII веках русских людей начинают называть «новыми людьми». О «новых людях», новоизбранных людях Русской земли, молится в 996 году и князь Владимир.

Мы — это героизм, самоотверженность, самопожертвование. Истоки феномена массового героизма нашего народа, присущего, по мнению учёных-историков, ему в большей степени, находятся там, в глубине веков. В добровольных и мученических смертях благоверного ростовского князя Василько Константиновича и благоверного черниговского князя Михаила Всеволодовича и далее множатся через всю величайшую историю Отечества и уже стремятся полноводным стремительным потоком отваги, доблести и мужества!

Битвы и сражения, осады и обороны, взятия и освобождения, стояния и прорывы. Века и эпохи. Герои Куликовской битвы и Ледового побоища, русско-турецких и русско-японской войн, Первой мировой, Великой Отечественной и Афганской. Герои противостояния силам международного терроризма на Северном Кавказе и в Сирии.

Мы — это: «За други своя, за Землю Русскую!», мы — это: «Сам погибай, а товарища выручай!», мы — это: «Умрём, но из крепости не уйдем!», мы — это: «За Родину!», мы: ... «Это вам за пацанов!».

Мы — это: святой благоверный князь Александр Невский: «Не в силе Бог, а в правде!». Имя Александра Невского стало победителем всероссийского телевизионного конкурса «Имя России» в 2008 году и было предложено для участия в этом конкурсе митрополитом Смоленским и Калининградским Кириллом, будущим Патриархом Московским и всея Руси.

Историческое будущее России — это пример всему миру. Пример любви к Родине, пример сохранения традиционных

идеалов и ценностей, традиционных религий. Пример векового воплощения в жизнь идеи беззаветного служения Отечеству, уважения к важнейшей ценности жизни — труду, к потребности трудиться на благо общества и государства, душой чувствовать национально-государственные интересы и отстаивать их в годину испытаний.

Кто мы? Мы — это Пётр Аркадьевич Столыпин с призывом: «Родина требует себе служения настолько жертвенно чистого, что малейшая мысль о личной выгоде омрачает душу и парализует работу».

Мы — это первый енисейский Губернатор Степанов, отличавшийся по воспоминаниям современников честностью и гуманностью: «Взяток не терпел, отругал однажды ветеринарного врача за послабления его при бывшем в то время падении скота, узнав, что этот врач с какого-то скотопромышленника взял деньги. Ругался и ревел на него с таким ожесточением, что крик слышен был в гостиничном дворе, и наконец — прогнал вон из службы!»

Мы — это первые чиновники Губернского правления Енисейской губернии, 200-летний юбилей образования которой мы отпразднуем в следующем 2022 году. «Там большая часть служащих чиновников — люди, приехавшие из внутренней России; но приехавшие не за сокровищами, как в Бразилию, а из жажды познаний или из видов благородного честолюбия. Вот причина, почему в Сибири ... Фемида держит весы гораздо прямее», — писал современник.

Мы — это Фёдор Фёдорович Парфентьев, прослуживший в органах городского самоуправления Красноярска более полувека и получивший звание «степенного гражданина города Красноярска» с правом ношения после отставки мундира.

Мы — это его сын Иван Фёдорович Парфентьев, как и его отец, особенно гордившийся службой Родине и завещавший после смерти положить ему на могилу камень без указания имени и фамилии, с одной только надписью: «Здесь похоронен тот, кто служил городу пятьдесят лет. 1835–1885 гг.».

Кто мы? Мы — Павел Стефанович Федирко, руководитель

Красноярского края на протяжении полутора десятков лет, слова которого в бешеном круговороте цифровых технологий звучат пророчески: «Технологии меняются и становятся совершеннее. Но есть и технологии другого свойства — нравственного. Вот они-то не устаревают, не теряют своей ценности, они передаются из поколения в поколения, независимо от того, какие технологии «правят бал» в экономике, промышленности, науке... Какими бы совершенными ни были открытия и внедрения, они должны иметь прочный нравственный базис. А это уже зависит не от научных достижений. Это работа души, сердца, способность ценить тех, кто был до тебя и сделал немало для того, чтобы передать тебе в наследство не кубышку, набитую золотом-серебром, а богатство иного рода. Вот для чего стоит беспрестанно оглядываться назад. Чтобы сохранить и преумножить самое лучшее, что было в людях, работавших ради будущего самоотверженно, творчески, вкладывая в дело всю душу».

И мы не только вкладываем всю душу в дело. Мы делимся этой душой со всем миром.

Задолго до появления новомодного понятия «soft power» (мягкая сила) наш родной Красноярский государственный академический ансамбль танца Сибири имени Михаила Семёновича Годенко узнали, полюбили и тепло встречают в десятках стран на всех континентах Земли, которые ансамбль посетил за 60 лет своего творческого пути. Уверен, были бы поселения на Марсе и на Луне — сибиряков непременно пригласили бы на гастроли и туда.

В 1977 году дал свой первый концерт Красноярский академический симфонический оркестр, на сегодняшний день один из ведущих музыкальных коллективов России.

Россия — душа мира. Нам и дальше необходимо инвестировать в культуру, активно поддерживать творческие союзы художников, композиторов, писателей, скульпторов, школы мастеров архитектуры, отражающих нашу самобытность и уникальность. Продолжить реализацию стратегии, направленной на развитие сети российских культурных центров в мире.

В начале доклада я упомянул о грустном эпизоде 9 декабря. Однако за день до этого произошло, возможно, незаметное для большинства, но очень важное событие, имеющее все основания для подробнейшего анализа и изучения: в век цифровой реальности, тотального информационно-цифрового хаоса и главенства примитива, глобальный международный музыкальный сервис Spotify объявил, что самым популярным российским исполнителем у иностранных пользователей стал Пётр Ильич Чайковский, с ежемесячной аудиторией по всему миру в 4,8 миллиона слушателей!

Как будто предвидя это 5 лет назад, Патриарх Московский и всея Руси Кирилл сказал: «Вдохновение — это способность принимать сигнал, который Бог посылает человеку, и Пётр Ильич Чайковский был человеком, который воспринял этот дар. Его музыкой наслаждаются люди во всем мире, потому что он прозревал нечто совершенно особенное, в своем творчестве он выражал законы гармонии».

И вот уже 18 декабря, чтобы отдать дань памяти творчеству Чайковского, огромный портрет великого композитора и нашего соотечественника был размещен на площади Таймс-сквер в Нью-Йорке.

У них в этот день, как и 9 декабря, было всё гораздо прозаичнее: американцы праздновали День жареного молочного поросёнка и День... вантуза на голове.

Кто мы? Мы — Чайковский. Который во время поездки в Швейцарию написал: «Среди этих величественно прекрасных видов и впечатлений туриста я всей душой стремлюсь в Русь, и сердце сжимается при представлении её равнин, лугов, рощей».

УДК 348.328.6

Протоиерей Александр Садовьюк
настоятель храма Михаила
Архангела и чуда его в Хонех
магистрант Омской духовной
семинарии
г. Красноярск
e-mail: arhram@mail.ru

archpriest Alexander Sadovyuk
parson of St. Michael the Archangel
Church
master's student of Omsk
theological seminary
Krasnoyarsk
e-mail: arhram@mail.ru

МИССИОНЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВОСЛАВНЫХ МОНАСТЫРЕЙ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

Missionary activity of Orthodox monasteries in Kuban region
in the second half of the XIX and early XX centuries

Аннотация: *Статья посвящена исследованию миссионерской работы монастырей на Кубани (вторая половина XIX — начало XX вв.). В ней рассматриваются методы монастырской миссионерской деятельности в борьбе с сектантством, старообрядчеством и способствование распространению евангельского учения среди местных горских народов. Выявляются трудности, с которыми сталкивались в своих миссионерских трудах обители. Исследование деятельности православных обителей на Кубани в обозначенных хронологических границах позволило выявить их ценность в развитии и освоении региона, раскрыть влияние на духовно-нравственное состояние людей.*

Abstract: *The article is devoted to the research of the missionary work in Kuban monasteries (second half of XIX — early XX centuries). It examines the methods of monastery missionary work in the campaign against sectionalism, Old Ritualists, and evangelization among local mountain peoples. The difficulties encountered by the cloisters in their missionary work are revealed. The study of the activities of Kuban Orthodox monasteries within the designated chronological framework revealed their value in the region development and their influence on the spiritual and moral state of people.*

Ключевые слова: монастырь, обитель, пустынь, казаки, горцы, миссионерская деятельность, просветительство, церковно-приходская школа.

Keywords: monastery, abode, hermitage, Cossacks, mountaineers, missionary activity, enlightenment, parish school

Миссионерство (от лат. *missio* — посылка, поручение) — одна из форм деятельности религиозных организаций и церквей, имеющая целью обращение инаковерующих и возвращение в лоно Церкви отпавших от неё [1]. Различаются «внешняя» миссия (в других странах) и «внутренняя» (среди неверующих и иноверцев на собственной канонической территории).

Миссионерство в России было тесно связано с христианизацией нерусских народностей, монастырской колонизацией, борьбой с расколом, сектантством. В XIV в. Стефан Пермский распространял христианство среди зырян (коми). В XVI в. усилилась миссионерская деятельность христианских монастырей среди местного населения Поволжья, в XVIII — первой половине XIX вв. среди народов Сибири и Кавказа.

С 1867 г. христианизацией среди татарского населения занималось братство святого Гурия в Казани. В 1870 г. в Москве было основано Православное миссионерское общество, объединившее различные сибирские миссии. Ряд русских православных миссий был создан вне России. Общее руководство миссионерством в Российской империи осуществлял Синод, который разрабатывал уставы миссионерских организаций, проводил всероссийские и местные съезды миссионеров [1].

В истории миссионерской деятельности в России известно пять съездов, которые, каждый по-своему, ставили перед Церковью и монастырями задачи в деле утверждения православной веры.

В 1887 г. в Москве был проведён первый миссионерский съезд, задачей которого была координация всего движения. Прогрессивная печать России отмечала, что съезд проходил под одиозными лозунгами. Звучали предложения отбирать детей у упорствующих раскольников и сектантов, а самих роди-

телей лишать прав гражданства. Эти предложения вызывали возмущение.

Чтобы как-то сгладить неприятные впечатления от этого съезда, в 1891 г. был созван второй миссионерский съезд, который поставил задачу разобраться в сущности учения отдельных сект и сделать заключение о том, насколько они вредны для Церкви и государства. Необходимо было обосновать ложность их вероучения. Главной задачей внутренней миссии была объявлена «охрана Православия и всего народа от религиозных заблуждений и возвращение на путь истинной веры отпадших» [8]. Начиная ещё с 1888 г. Святейший Правительствующий Синод разработал правила об устройстве миссий и способе действий миссионеров и пастырей Церкви по отношению к раскольникам и сектантам.

Особенную роль в борьбе с сектантством сыграл третий Всероссийский миссионерский съезд, проходивший в Казани в 1897 г. Съезд признал, что в сложившихся условиях задача правительства заключается в том, чтобы оказать деятельную помощь Церковью миссионерам в применении ими мер духовного воздействия на сектантов. Вместе с тем съезд потребовал издания новых законов, ограничивающих деятельность сектантов. На это Указом от 17 октября 1906 г. были определены порядок образования старообрядческих и сектантских общин, права их членов и руководителей. В 1908 г. Синод издаёт новые правила для устройства внутренних миссий, отличавшиеся от правил 1888 г. тем, что предписывали миссионерам более осторожные действия.

В 1908 г. в Киеве прошёл четвёртый миссионерский съезд, на котором присутствовало свыше 600 делегатов. Большинство составляло черное духовенство. Было принято лишь несколько практических рекомендаций для миссий при монастырях и в войсковых частях. Много говорилось о необходимости обличения противоцерковной деятельности Л. Н. Толстого и толстовцев, о расширении работы против католиков, мусульман и язычников. Синод утвердил все пожелания съезда.

В 1910 г. в Казани состоялся очередной миссионерский епархиальный съезд. Он признал необходимым оживить противомусульманскую деятельность. Также был поставлен вопрос о прекращении доступа на Кавказ турецких и персидских агентов, проводивших религиозную пропаганду. В 1912 г. при Ставропольской епархии, в дополнение к существующей противомусульманской миссии, была создана противобуддийская — специально для проповеди Православия среди калмыков. При церквях и монастырях организовывались противомусульманские кружки, куда входили паломники и прихожане.

Последний, пятый, съезд миссионеров проходил с 26 июня по 4 августа 1917 г. в Бизюковском монастыре Херсонской губернии. Он уделил внимание общим вопросам о положении Церкви при новой власти, от которой Церковь не могла ждать поддержки в борьбе с вредными для Церкви течениями. Съезд разработал новые правила устройства православной миссии, предусматривавшие тесную связь миссионерства с церковными приходами. Было признано, что в работе внутренней миссии должны участвовать все верующие и все приходские священники, а не только лица, специально посвятившие себя миссионерству. В сущности, пятым миссионерским съездом закончилась история миссионерства в России [8].

С первых шагов распространения христианства на Северном Кавказе Русская Православная Церковь уделяла вопросам миссионерства большое внимание. Антисектантская деятельность была для Кубанского края на протяжении всей его истории весьма актуальной. На Кубани и в сопредельных регионах довольно рано появились секты разного толка и происхождения. Этому, в частности, способствовало отдалённое от центра страны положение края, поскольку, стремясь локализовать сектантство, правительство определило южные районы России и Закавказье местом переселения сторонников различных сект. Так, крестьян, признанных по суду виновными в распространении ереси, отдавали в солдаты на службу в Отдельный Кавказский корпус, а неспособных к военной службе и женщин отсы-

лали для водворения в «закавказские провинции».

Быстрое строительство храмов и монастырей на Ставрополье и Кубани положительно действовало на освоение предгорий Кавказа. Однако исторически сложившаяся на Северном Кавказе обстановка для ведения миссионерской деятельности Русской Православной Церкви была достаточно сложной. Информация о деятельности Церкви в этом направлении широко размещалась на страницах «Ставропольских епархиальных ведомостей».

По статистическим сведениям, в Ставропольской епархии, состоящей из Ставропольской губернии и Кубанской области, насчитывается народонаселения свыше 2 365 320 душ, из коих в Ставропольской губернии — 732 775 и в Кубанской области — 1 632 545 человек [14]. В пределах Ставропольской епархии проживают 43 103 магометанина, из коих 36 675 человек — в Ставропольской губернии и 6 428 человек — в Кубанской области. Наконец, в Ставропольской епархии насчитывается 12 360 человек — язычников, из коих 11 928 человек — в Ставропольской губернии и 332 человека — в Кубанской области» [12, с. 309]. В аулах жили коренные жители Северного Кавказа, которым приходилось ежедневно вступать в контакт с православным казачеством.

С 1893 по 1919 гг. епархиальное управление возглавлял Преосвященный Агафодор, уделявший большое внимание Кубанской области и селениям Майкопского отдела. При нем произошло усиление борьбы с сектантством и старообрядчеством. Для борьбы с расколом и сектантством в Ставропольской епархии существовал Ставропольский Епархиальный Миссионерский Комитет. Кроме того, епархия была разделена на 5 миссионерских участков, в которые Миссионерский Комитет пригласил пять уездных миссионеров [13, с. 1010].

За 50 лет (по данным на 1900 г.) в православную веру из раскола и сектантства обращено 311 279 человек, в т. ч. 135 333 человека на правах единоверия. За этот период Священный Синод понял, что жёсткие меры в отношении раскола и сектантства не

всегда дают необходимый результат. Поэтому уже в законе от 3 мая 1883 г. говорилось: «В тех местах (селениях и станицах), где население раскольников составляет не менее $\frac{3}{4}$ всего народонаселения, им позволено иметь собственное выборное начальство» [11].

Кавказский епископ Агафодор прекрасно понимал, что в конце XIX в. насильственными мерами раскол и сектантство искоренить невозможно. Поэтому главной задачей в деле миссионерства ставит практическую просветительскую деятельность, которая включала: открытие на территории епархии новых миссионерских братств; создание в городах культурных центров; в селениях и городах открыть церковно-приходские школы; при монастырях открыть детские приюты для бездомных детей, где, по возможности, дать образование каждому ребёнку; создать в городах и селениях Кавказской епархии библиотеки с книгами духовной направленности [9]. Для решения этих задач миссионерам необходимо было привлекать образованную интеллигенцию из числа православных.

Особую роль в распространении Православия и преодолении влияния сектантов играли монастыри.

Большинство монастырей на Кубани в конце XIX в. были «молодыми», большая их часть образовалась после Кавказской войны.

К концу XIX — началу XX века на Кубани функционировали 9 обителей, из них 6 мужских (4 самостоятельных и 2 приписанных) с девятью подворьями, и 3 женских (по подсчётам автора):

— Екатерино-Лебяжская Свято-Николаевская Черноморская мужская пустынь в урочище Лебяжских лиманов у Азовского моря вблизи р. Бейсуг, образованная в 1794 г., с приписанной киногией;

— Черноморская Марие-Магдалинская женская пустынь в излучине р. Кирпили между станицами Роговской и Тимашевской, образованная в 1848 г.;

— Закубанская Свято-Михайло-Афонская мужская пу-

стынь в 48 километрах к юго-востоку от г. Майкопа на Северном склоне Кавказских гор, образованная в 1877 г., с подворьями в г. Майкопе (1880 г.) и в г. Екатеринодаре (1895 г.);

— Александро-Афонская Зеленчукская пустынь в ущелье Большого Зеленчука в ст. Зеленчукской, образованная в 1889 г., с приписанным Покровским мужским скитом, расположенным близ станицы Гулькевичи Владикавказской железной дороги, а также с пятью подворьями в г. Ставрополе, в ст. Зеленчукской, в ст. Баталпашинской, в ст. Невинномысской и х. Калиновском;

— Сектинский Спасо-Преображенский нештатный общежительный женский монастырь, расположенный в 75 километрах от города Баталпашинска, по берегу речки Теберды, у аула Сенты, образовавшийся в 1897 г. из общины Покрова Пресвятой Богородицы, действовавшей с 1892г.;

— Кавказский Николаевский Миссионерский монастырь в Кубанской области, находящийся недалеко от станицы Кавказской, Кавказского отдела, на правом берегу реки Кубани, в местности «Провалы», образованный в 1894г., с подворьями на хуторе Романовском и в г. Армавире (1896 г.);

— Покровская женская община недалеко от станицы Динской, в 35 вёрстах от г. Екатеринодара, образованная в 1899 г. (с 1904 г. — монастырь).

Очень нелегко было распространять евангельский свет среди некрещёных горских народов. Так, в Свято-Александро-Афонской Зеленчукской пустыни монахи не раз отражали нападения некоторых фанатично настроенных мусульман. В одной из таких стычек были убиты монах Феофилакт и послушник Лев. В монастырских покоях долго висела картина, напоминающая о тех кровавых событиях.

Свято-Михайло-Афонский Закубанский общежительный мужской монастырь с каждым годом укреплял своё положение в нагорной полосе Закубанья. Распространяя идеи православного христианства, монастырской братии приходилось бороться с расколом, который был весьма силен в этой местности. Раскольники жили в близлежащих станицах и влияли на местное

население (например, секта баптистов перешла на Северный Кавказ из Закавказья). Обеспокоенное влиянием раскола епархиальное начальство предупредило все приходы об усилении проповеднической деятельности. С Михайло-Афонским Закубанским монастырём тесный контакт поддерживало Асеевское Братство. Оно вело внебогослужebные беседы в станице Ханская, бывшей в то время центром сектантства. В станице также была открыта библиотека, включавшая книги противосектантского содержания.

Интересна история и деятельность Кавказского миссионерского мужского монастыря. Он образовался там, где некогда процветал раскол. В «Историческом очерке о заселении станицы Кавказской Кубанского казачьего войска» пишется следующее: «Лишь обстроилась станица (1797 г.) и жители обзавелись кое-каким хозяйством, старики Андрей Андриянов и Аникий Давидов, оба старообрядцы безпоповцы, поселились в пещерах, устроенных ими в обрыве над Кубанью, в двух вёрстах выше станицы.

Перед войной 1812 г. к старообрядцам прибыли из России около десятка иноков и поселились здесь же в пещерах. Некоторые из них возвратились потом в Россию, другие умерли здесь же и только один инок по имени Евфимий остался на месте и жил в пещере до 1832 г., когда случившийся обвал горы с пещерами в р. Кубань заставил его избрать другое место для будущего скита ближе к станице около Ивановского поста. Здесь он жил до смерти в конце 60-х гг. Важно отметить, что по свидетельству старожилов не было случаев нападения черкесов на иноков; более того, они даже доставляли инокам хлеб, мёд и воск.

Примеру безпоповцев последовали и поповцы. В 40-х гг. старики Иван Зрянин и Яков Терешин поселились в обвалах прежних пещер. Московские старообрядцы в 1855 г. возвели Зрянина в сан епископа Кавказского и Донского. Именно он положил основание старообрядческого Никольского скита. К нему начали прибывать и селиться старообрядцы с Дона, Те-

река и других мест. В скиту было 20–30 иноков, слепых и дряхлых, содержались они на добротные пожертвования. Скит имел молитвенный дом, постройки для службы и жилья, а также для монастырского хозяйства.

В 1894 г. скит был упразднён епархиальным миссионером архимандритом Исидором; иноки разбежались. Раскольнический скит перестал существовать и заменился Никольским православным миссионерским монастырём» [3]. В феврале 1894 г. этот важный центр раскола разрушился, лежакафедра пала и монастырь из раскольнического стал православным миссионерским [7, с. 380]. А через три года этот монастырь приобрёл и право гражданственности, так как Святейший Правительствующий Синод своим определением от 31 января – 12 февраля 1897 г. за № 368 постановил: «учредить на месте бывшего Никольского раскольнического скита Кавказский миссионерский монастырь» [4].

В Кавказском Николаевском миссионерском мужском монастыре обитало около ста насельников, между которыми были и присоединившиеся из раскола на правах единоверия и Православия [7, с. 380]. Монастырь вёл в Кубанском крае активную просветительскую работу. В обители ежедневно совершалась Божественная литургия, желающие присоединиться к православию наставлялись в истинах христианской веры и приучались к благочестивой жизни.

За недолгое время своего существования монастырь успел снискать себе уважение даже среди раскольников: нередко можно было видеть раскольников, посещающих обитель для поклонения и посещения монастырского богослужения. Большой известностью среди простого народа пользовался иеросхимонах Рафаил, состоявший монастырским духовником. Народ обращался к нему с духовными нуждами.

В женском Черноморском Марие-Магдалинском монастыре была небольшая библиотека, периодически пополнявшаяся литературой религиозного содержания. Часть книг была выведена в отдельное помещение – читальню, чтобы облегчить

получение и обмен их. А для неграмотных, малограмотных, и престарелых «стариц» организовано чтение. Обязанность чтить выполняли как послушание самые грамотные монахини. Выбор же книг для библиотеки был возложен на ключаря обители [11].

Женский Спасо-Преображенский монастырь был основан в «миссионерско-просветительских целях среди местного мусульманского населения». На священника монастыря с 1898 года Его Преосвященством было возложено исполнение обязанностей противомусульманского миссионера. С осени 1898 г. существовала русская школа грамоты (с курсом церковно-приходской), где ежегодно, помимо детей православных родителей, обучались русской грамоте и горцы из Сентинского аула [6, с. 28]. В 1898 г. в ней обучались 17 человек, из них 9 русских, 8 магометан (последние были в возрасте от 10 до 20 лет) [7, с. 385]. В 1899 г. учеников было уже 24 человека: 9 мальчиков, 9 взрослых, 6 девочек. Школа была построена не в монастыре, а в ауле, чтобы больше привлечь в неё детей горцев [2, л. 20]. Инициатива открытия этой школы принадлежала Андреевско-Владимирскому братству. Миссионеры желали, чтобы эти школы не просто содействовали изучению русской грамоты и сближали адыгов с русскими, но и несли бы свет христианства. Помощником при миссионере-священнике монастыря состоял крещённый в июне 1898 г. карачаевец Прохор Айшепшев, первоначально слушавший наставления в христианском вероучении в монастырской школе, а затем начавший дело миссии среди своих земляков. Благодаря деятельности Айшепшева, к 1900 г. было обращено в православие более 10 местных жителей мусульман [5].

Законоучителем школы был священник монастыря Иоанн Соловьянов, назначенный в монастырь в 1900 г. Отец Соловьянов стремился снискать себе доверие сентинцев, и последние неоднократно просили его выписывать им для чтения рассказы из жизни ветхозаветных и новозаветных святых. Священник получил литературу для безвозмездной раздачи сентинцам из книжного склада Андреевско-Владимирского братства. Кроме того,

отец Иоанн Соловьянов с двумя сентинцами, по их желанию, читал и Священное Евангелие на русском языке.

С 1900 г. жители аула Сенты стали запрещать своим детям посещать монастырскую школу, но отец Иоанн смог уговорить жителей аула и привлёк их детей в школу. В 1901 г. в школе обучалось 15 русских детей и 8 черкесов в возрасте 17–18 лет. Кроме того, несколько взрослых черкесов приходили учиться грамоте по вечерам [6, с. 28].

Но к 1903 г. учениками монастырской школы были только русские учащиеся, «горцы же перестали посещать школу, подстрекаемые к тому со стороны некоторых фанатиков-одноаульцев» [5].

Многие монастыри создали в своей среде институт старчества. К старцам ходили казаки и торговые люди, помещики, среди которых были глубоко верующие, относившиеся к старцу как к духовному наставнику. Также приходили раскольники и сектанты или совсем неверующие. Многие из них потом менялись в вопросе веры и становились духовными учениками старцев.

Монастыри Кубани внесли немалую лепту в процесс христианизации местного населения. Они не занимались прямой миссионерской деятельностью в том смысле, что монахи не ходили по адыгейским аулам и не агитировали за свою веру. Но в монастырях были открыты школы, в которых могли учиться горцы, больницы, приюты для бездомных.

С конца XVIII до начала XX вв. храмы и монастыри были духовной силой в деле освоения южных пределов Российской империи. На них возлагалась роль центров православного вероисповедания. В монастырях аккумулировался духовный опыт русского народа, который помогал жить в согласии с законами духовной и светской жизни.

Список литературы

1. Большая советская энциклопедия: В 30 т. — М.: «Советская энциклопедия», 1969–1978. [Электронный ресурс]. — URL:

<http://bse.slovaronline.com/М/МИ/21178-MISSIONERSTVO>.

2. ГАСК. Ф. 135. Оп. 41. Д. 307.

3. Иеромонах Мефодий. Историческое описание Кавказского миссионерского монастыря. — Ставрополь-Кавк.: Типо-Литография Т. М. Тимофеева, уг. Театральной и Александровской, 1898. — 23 с.

4. Историческое описание Кавказского миссионерского монастыря. — Ставрополь, 1898.

5. Остапенко Р. А. Миссионерская деятельность Русской православной церкви среди адыгов Северо-Западного Кавказа (1864–1917гг.). Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. / Остапенко Р. А. — Майкоп.: Адыгейский государственный университет, 2011. — 198с.

6. Отчёт о деятельности Ставропольского Андреевско-Владимирского братства за 1901 год. — Ставрополь.: Типо-Литография Т. М. Тимофеева, угол Театральный, 1–2, 1902. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.prlib.ru/item/435629>

7. Православная церковь на Кубани (конец XVIII — начало XX в.). Сборник документов (К 2000-летию христианства) / Упр. по делам архивов Краснодарского края. Госархив Краснодарского края. Госархив Ставропольского края. — Краснодар, 2001. — 728 с.

8. Раздольский С. А. Миссионерская деятельность Православной церкви в г. Майкопе и Майкопском отделе в конце XIX — начале XX в. // Вопросы казачьей истории и культуры. Вып. 1. — Майкоп: «Качество», 2002. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.slavakubani.ru/read.php?id=658>

9. Раздольский С. А. Состояние сектантства и старообрядчества на Северном Кавказе в конце XIX — начале XX вв. // Вопросы казачьей истории и культуры. Вып. 2. — Майкоп: «Качество», 2003. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.slavakubani.ru/read.php?id=1936>

10. РГИА. Ф. 496. Оп. 442. Д. 1156.

11. Самойленко Павел, прот. История Ставропольской епархии (1843–1918). Курсовое сочинение / прот. Павел Са-

мойленко. — СПб.: Санкт-Петербургская Духовная Академия, 1999. — 183 с.

12. Северный Кавказ: российская политика и практика христианизации. Извлечения из «Ставропольских (Кавказских) епархиальных ведомостей» (1873–1917 гг.). — Майкоп: Изд-во АГУ, 2009. — 460 с.

13. Ставропольские епархиальные ведомости. 1905. 16 сентября. №18.

14. Энциклопедический словарь. Издатели Ф. А. Брокгауз (Лейпциг) и И. А. Ефрон (С-Петербург). Т. XVIa. Коялович — Кулон / под редакцией К. К. Арсеньева и Ф. Ф. Петрушевского. — СПб.: Типо-Литография И. А. Ефрона, Прашечный пер., № 6, 1895. — 919 с.

УДК 374.7

Тимофеева С. В.

Кандидат педагогических наук,
доцент ВАК, кафедра психологии,
педагогике и экологии человека,
Красноярский государственный
аграрный университет
г. Красноярск
e-mail: uliavesna@mail.ru

Timofeeva Svetlana V.

*candidate of pedagogical sciences,
associate professor
department of psychology, pedagogy,
and ecology of man,
Krasnoyarsk State Agrarian University
Krasnoyarsk
e-mail: uliavesna@mail.ru*

К ВОПРОСУ РЕАЛИЗАЦИИ ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ЛИНИИ В РАБОТЕ НАРОДНОГО УНИВЕРСИТЕТА

On the question of the implementation of the spiritual and educational line in the work of the People's University

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы, связанные с просветительством, с формированием Народного университета как общественной организации. Приводится просветительский опыт отечественных и советских традиций в качестве

активного инструментария во взаимодействии с молодым поколением. В содержании акцентируется духовно-просветительская линия деятельности Народного университета.

***Abstract:** The article deals with issues related to education, with the formation of the People's University as a public organization. The article presents the educational experience of Russian and Soviet traditions as an active tool in interaction with the younger generation. The content focuses on the spiritual and educational line of the People's University.*

Ключевые слова: просветительство, народный университет, образование взрослых, «теория малых дел», «коллективное творческое дело», активная само-реализация, альтернативное образование.

Keywords: enlightenment, People's University, adult education, "theory of small affairs", "collective creative work", active self-realization, alternative education.

*«Просвещённый разум облагораживает
нравственные чувства;
голова должна воспитывать сердце»
Фридрих Шиллер*

Современные общественные организации и общественные движения нашего Красноярского края на сегодня имеют профессиональное и социокультурное разнообразие, и деятельность их в социуме отражает эту специфику и профиль. Назовём некоторые из них, где мы видим и традиционные названия, и организации, возникшие относительно недавно: «ДОСААФ», «Красный крест», «Казачье общество», «Союз ветеранов Афганистана», «Самопознание», «Общее дело», «Справедливая Россия», «Физкультурно-спортивное общество», «Деловые женщины Сибири», «За здоровую Россию» и многие другие. Возможно даже (точнее, так оно и есть), что не все добровольные сообщества знают о существовании друг друга в силу специфики своей деятельности. Динамика и происходящая трансформация во всех сферах нашей жизни активно направляет сотрудников таких добровольных общественных организаций на поиск адекватных форм приложения своего опыта и знаний, сообразно требованиям времени и интеллектуальным и духовным запросам людей.

Вопросы просветительства и просвещения, желание делиться знаниями для определённой части образованных и заинтересованных людей играют ведущую мотивационную роль в таких организациях. «Просветительство» можно рассматривать как «ресурс развития пространства образования взрослых», как способ окультуривания и просвещения населения в определённых вопросах, повышения его интеллектуальной грамотности, образованности, общекультурного развития. В плане теоретико-практической реализации общественного просветительского движения берётся калька с уже имеющихся богатых традиций (отечественных, советских), наполняясь содержанием, соответствующим духу времени и духовным и познавательным потребностям определённой возрастной и социокультурной аудитории участников-слушателей. Часто в просветительское движение закладывается масштабная теория или идея, которая затем реализуется в реальной локальной практике, подвергаясь на ходу корректировкам и подгонке под возникающие ситуации и запросы — и это нормальная практика любой деятельности.

Сегодня, в современных условиях нестабильности, пандемических фобий, наличия разрушительных ценностных тенденций, чудовищного гуманистического кризиса, преувеличивания роли цифровых технологий за счёт жёсткого нивелирования Человека, человеческого духовного начала, духовная просветительская линия в социокультурном жизненном пространстве должна очень активно работать, ведь психологическая просветительская поддержка для молодых чрезвычайно важна — **за молодыми Будущее. И они должны быть всесторонне образованы.**

Мы на своём региональном уровне озадачились этой важнейшей стратегической проблемой. Расскажем несколько подробнее о первых ростках нашего живого творческого опыта, наших малых просветительских делах. Примерно года три назад у Масанского Василия Константиновича (канд. философских наук, был в 1973–1979 годах ректором Лесосибир-

ского педагогического института) возникла идея создания Саяно-Енисейского Народного университета (СЕНУН), которая бы стала продолжением изданного печатного проекта «Народная Энциклопедия» (Жизнь и мнения народа). Первое время формировалась «инициативная группа» — собиралась в краевой научной библиотеке на Маркса, 114. Группа разрабатывала общие положения, структуру (творческая лаборатория, территории, площадки, специалисты, учащиеся, координаторы), концепцию, устав, программы, планы, оформлялась документация. Одновременно осуществлялись встречи-беседы с заинтересованными слушателями разных возрастов на площадках города и края в передвижном режиме (библиотеки районов города, края, центры социальной защиты населения, клубы ветеранов), выяснялись их интересы, запросы. Не всегда, например, в учебном заведении молодые имеют возможность получить ответы на животрепещущие вопросы, свободно по дискутировать на актуальные для них темы культурно-духовного свойства. И вот здесь **в качестве дополнительной помощи** приходят опыт и знания взрослого сообщества — увлечённого и образованного, нацеленного на корректную практическую реализацию образовательно-просветительских задач в контексте общекультурного и духовного развития личности молодого поколения россиян [3; 4; 9].

Народный университет своей целью имеет создание благоприятной среды для самообразования каждого, живущего на территории Красноярского края, и желающего получить необходимые разносторонние знания, приобрести мыслительный и практический опыт через Труд, Развитие и Обучение.

В мировой социокультурной практике имеем множество примеров, связанных с активной помощью взрослого поколения молодым, но мы сосредоточимся на нашей отечественной образовательной традиции, поскольку **«теория малых дел»** (ТМД) родилась именно в нашем Отечестве, и потому мы её взяли за методологию. Из отечественной истории известно, что «теория малых дел» получила свою популярность среди части интеллигенции и народников

в 1880–1890-х годах. В теории акцентирован поиск народнической интеллигенцией своих духовных корней, своего места в государстве, стране, мире. Образованные люди, занимающиеся, прежде всего, повышением своего интеллектуального и духовного уровня, интеллигенция, показывающая пример, каждый на своём месте, в своём ближнем круге пробовала просвещать окружение, тех людей, которые заинтересованы в освоении историко-культурных знаний. В отечественной традиции как линию просветительства, как **пример малых дел** можно рассматривать и яснополянскую школу Льва Толстого с его просвещением, обучением крестьянских детей. В советском образовании это и подвижническая реализация творческих идей Владимиром Сухомлинским и Михаилом Щетининым, их важных постулатов: «найти личности себя в этом мире бушующем», раскрыть свои таланты, осознать в себе Творца. Педагоги-подвижники на своём профессиональном месте творили малые дела — это если рассматривать в масштабах страны, государства, в глобальном смысле. А в контексте ценности каждого человека — **они совершали великие дела**: желание и стремление воспитывать мыслящую творческую духовную личность с радостным, благодарным, осмысленным отношением к окружающему миру.

В реализации процесса взаимодействия со слушателями Народного университета используем также и актуальные на сегодня элементы просветительских традиций советского Всесоюзного общества «Знание». Просветительство также связано с благотворительностью, меценатством. Меценат — приближённый древнеримского императора Августа, отмечен благожелательным отношением, финансовой помощью представителям культуры, что и сделало его имя «Меценат» — нарицательным. В «Толковом словаре» Владимира Даля слово «меценат» отсутствует, выдающийся историк В. О. Ключевский в известной речи «Добрые люди Древней Руси» использует понятие «благотворительность» (отсылаю подробнее к книгам А. А. Аронова «Золотой век русского меценатства», 1995, А. Н. Боханова «Коллекционеры и меценаты в России», 1989).

Для нас «малые дела» — это когда «инициативная группа» и каждый из **добровольных участников-сотрудников** творческой лаборатории (а это и опытные учёные, и практики) разрабатывают свои темы, готовят доклады, видеопрезентации, подбирают список авторитетных источников по своей теме. Сотрудники готовят и постоянно обновляют свои материалы, которые охватывают круг научных и общекультурных знаний, ориентированных на реализацию стратегии будущего, всестороннее развитие [2; 5; 11; 12]. наших слушателей интересуют вопросы духовного характера, феномен Человека в разных культурах, исторические корни русского народа, славянские традиции и изучение буквицы, иные исчезнувшие цивилизации, проблема добра и зла, вопросы семейного счастья, психология самопознания и творческой самореализации. Запросы слушателей требуют от сотрудников Народного университета широкого спектра знаний, умение ориентироваться в авторитетных источниках, гибкости и креативности мышления, ведь заявленное альтернативное образование предполагает постоянно расширять знаниевый и мыслительный кругозор, повышая планку образовательной мотивации.

Мир сегодня стремительно меняется: старая система мышления и отношений рушится, а новая только зарождается. Прошлые устои и ценности утратили своё значение, а новые только формируются. В такое сложное, неоднозначное и нестабильное время самым верным решением для каждого человека будет **обратиться внутрь себя**. Ведь нет ничего более незыблемого и прочного, чем **наша внутренняя опора**. Настало время сформировать внутреннюю целостность и научиться смотреть внутрь себя, чтобы среди всего этого хаоса не потерять свой истинный путь и уверенно следовать ему, несмотря ни на что.

Очень эмоционально и увлечённо, например, прошло среди слушателей разных возрастов обсуждение глубоких мыслей протоиерея Самарской епархии, кандидата педагогических наук Евгения Шестуна: «Человек всегда ищет другое, вертикальное измерение жизни. Человек стремится преодолеть гра-

ницы своей природы, выйти за её пределы — не разлучаясь с ней, превзойти её... Человек стремится не только к развитию, но и к духовному становлению. Он предчувствует, что **истинное человеческое бытие — именно на пересечении горизонтальной и вертикальной составляющих его жизни. Точка соединения — крест — есть место реальной жизни человека.** В момент пересечения линий развития и духовного становления человек совершает поступки. Соединить в себе личное и народное, земное и небесное, плотское и духовное — и есть крестная ноша каждого человека, призванного в этот мир». Слушатели вспоминали свои сложные жизненные ситуации, фильмы и книги, когда духовная линия помогала им в преодолении трудностей, наполняла надеждой и верой.

Не менее яркий опыт дискуссионно-рефлексивной коммуникации получился и с обсуждением мудрых мыслей известного псковского писателя-критика Валентина Яковлевича Курбатова (долгое время дружившего с нашим Виктором Петровичем Астафьевым). Классик для сегодняшних молодых, Курбатов высказал в одном из своих интервью такие мысли: «...Лично я убеждён, что **горизонтальный путь в истории пройден.** В своём *горизонтальном движении мы достигли предела.* ...достойный человеческий смысл и счастье лежат в какой-то другой плоскости, чем материальный комфорт. ... **сегодня приходит время Андрея Болконского.** Посмотрите на его положение взглядом современного человека. У него проблемы в семье, по службе. Ему не нравится война, бестолковая и нелепая, и он, в конце концов, почти с вызовом летит в атаку со знаменем, может быть, надеясь, что убьют. Наполеон склоняется над ним со словами: „Вот прекрасная смерть“. А Андрей глядит мимо героического императора **и впервые видит аустерлицкое небо** и спрашивает себя: „Господи, что это? Почему я раньше не видел этого неба?“. Он бежал, как мы, вперёд — по горизонтали, и только когда упал в тяжкий для души и Отечества час, увидел небо и тот вертикальный путь, по которому он ещё и шагу не ступил. А путь этот не закрыт.

Он в сознании того, что *мы братья по небу*. И рано или поздно догадаемся, что мы — единый организм.

...наша огромная русская культура, на которую весь мир смотрит, и которую ревниво изучает, про себя догадываясь, что *мы ещё помним что-то сущностное и главное* — в неизбежном ответе человека перед Богом. Мы ведь ещё и не начали использовать этот *свой главный энергоресурс*, не сделали в этом направлении и шага. Мне бы хотелось, чтобы мы увидели — наконец-то! — собственную культуру в её бесконечном величии» [1].

Реализуемая добровольными сотрудниками Народного университета духовно-просветительная линия в контексте **«теории малых дел»** сегодня способна работать уже на новом эволюционном витке с содержательным когнитивным и духовным наполнением. Обогащение картины мира, расширение мировоззренческих установок, осознание общечеловеческих ценностей, где именно Человек является главной ценностью. Мало кто сегодня в образовании масштабно занимается именно Человеком, личностью, индивидуальностью, обогащением его внутреннего мира, его созидательным ценностным наполнением, связью и преемственностью культурных времён и поколений. В этих антропологических вопросах принципиально важно акцентировать тезис о том, что Человек **не есть только пищевая трубка** — он по определению духовных источников много глубже и сложнее. Интересно, что на одной из дискуссионных встреч кто-то из молодых возразил, что может поспорить с данным тезисом. Автор данной статьи, которая вела эту дискуссию, пояснила: «В данном случае спорить придётся с эволюцией, с законами всеобщего развития, смысл которых совершенствование и животной природы человека в том числе, улучшение, возвышение, утончение её, созидание Гармонии и Красоты. Целесообразность развития Человека состоит и в этом. Не случайно, например, Иисус нацеливает нас, людей: „Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный“». В связи с этим моментом вникните в психологию исполни-

тельства нашего современника — **яркого русского музыканта-пианиста Андрея Гаврилова** с его фантастической пианистической техникой, которая как таковой уже не является — там есть огромная звуковая Вселенная, принимающая любые соцветия и формы. Фрагменты Совершенного Небесного являются нам, слушателям. В исполнении Гаврилова стираются все грани, все ступени между инструментом, исполнителем, нотным текстом и композиторским замыслом — если хотите, Вечность, Творец говорят с нами. Это есть «голограмма сознания» композитора, получающего вдохновение Свыше. И речь уже о тончайших восприятиях, об утончении сознания. Это и к вопросу о пищевой трубке.

Характерно, что **общекультурная, гуманитарная компонента** личности закладывается уже в самом начале становления семьёй, школой (это содержание личности). И только на основе заложенного базового фундамента вуз формирует специалиста определённой профессии — придаёт некую форму. Именно так в человеке в единстве работают содержание и форма. И только сам человек на протяжении всей своей жизни постоянно обогащает, улучшает свои нравственные качества и повышает свой профессиональный уровень. Вспомните общеизвестную цитату нашего выдающегося психолога Алексея Николаевича Леонтьева: «Личностью не рождаются, личностью становятся». Также и профессионалами никто не рождается. Но сегодня сплошь и рядом люди прикрывают свои негативные личностные качества завесой-туманом профессиональных функций и дел, т. н. деловыми качествами — деловые люди везде и повсюду, а материальная выгода пропитала уже и сознание. Общекультурный же слой личности важно постоянно укреплять, обогащать и наращивать. Человек должен состояться как личность, как самодостаточность, постоянно развивать себя, и с определённого возраста формироваться в профессии, реализовывать себя на уровне профессиональном. И это тоже на одной из встреч слушателей Народного университета стало предметом спонтанно возникшей горячей дискуссии, когда

к единому мнению — где же тонкая грань между личностным и профессиональным в человеке — было довольно сложно прийти, выдвигались аргументы «за» и «против».

Материалы добровольных сотрудников творческой лаборатории носят **рефлексивно-дискуссионный характер**, что вполне объяснимо: каждый сотрудник занимается на своём исследовательском поле, соотнося свои задачи с общими просветительскими целями и задачами Народного университета. На своём месте, в своём ближнем круге старается просвещать людей, заинтересовать освоением духовных, историко-культурных знаний. Высота духовной и интеллектуальной планки у всех сотрудников разная, они также занимаются самообразованием, апробируя на практике спектр знаний. Сотрудников творческой лаборатории — людей с разным духовным жизненным и профессиональным опытом — объединяет общее стремление: поделиться, отдать полученные знания и опыт молодым людям, молодому поколению россиян.

Актуальна для творческой лаборатории Народного университета и методика **«коллективное творческое дело»** (КТД). Понятие взято из педагогики 60-х гг. прошлого века, имеет творческую направленность, автор — академик И. П. Иванов, результаты внедрения методики были убедительными, социокультурно направленными. Замечательная методика апробировалась советскими практиками и учёными в самых разных вариантах, гуманная по своей сути, нацелена на раскрытие мощного творческого и когнитивного потенциала человека. Сегодня в новых социокультурных реалиях-условиях, в живой практике Народного университета осуществляется корректная трансформация классического «КТД». Постоянный поиск лучших решений, соотнесённость индивидуального опыта-поиска с коллективной ментальной энергией. Подключается возрастное взаимодействие сотрудников творческой лаборатории Народного университета со своими молодыми слушателями, развивается уровень их интеллекта, ментальная и риторическая культура, реализуются взаимные коммуникационные и когнитивные потребности. Для нас стратегически необходимо найти

точки соприкосновения в многоцветье культурных взглядов и традиций, найти то, что нас объединяет, в чём мы едины, сформировать наше **общее духовное поле творческой мыслительной деятельности** с каждым слушателем.

Открытость сотрудников Народного университета помогает успешно проводить живое общение со слушателями в разных формах: дискуссии, диспуты-диалоги, круглые столы, открытые дискуссионные площадки. Добровольные сотрудники творческой лаборатории реализуют формат презентаций своих научных, творческих и культурных изысканий, проводят выступления и обзор своих творческих проектов с обсуждением и дискуссией, ведь материалов для рефлексии много. Так, вызвал неподдельный интерес слушателей материал монографии автора данной статьи **по восточной и европейской традициям самопознания** с разделом о вопросе интеграции науки и религии. Контент коллективной монографии **«Опыт — квинтэссенция знания»** также заинтересовал молодых слушателей: они привнесли свои субъективные смыслы, дополнив обсуждение духовным аспектом. Представлен автором также **«Творческий Отчёт перед Временем»**, содержание которого раскрывает две линии профессиональной деятельности: её научное творчество и литературно-художественное. В процессе заинтересованного и увлечённого общения-обсуждения слушатели Народного университета предложили организовать и провести отдельно творческий вечер автора, поскольку уже 45 лет она занимается педагогической деятельностью в школах и вузах, и темы её исследований и научных публикаций очень актуальны: духовность, нравственность, этическое воспитание и образование, ценности, психология саморазвития. Также реализует себя в литературном творчестве, публикует свои психологические эссе в художественном альманахе «РУСЛО», коллективном творческом сборнике «Золотые Нити», в частности 3 выпуск, издание Аграрного университета.

На очередном из своих мероприятий особенно дискутировалась антропологическая проблема добра и зла: было высказано

много неоднозначных суждений, слушатели разных возрастов ссылались на духовные и религиозные источники, приводили исторические факты. В поэтической атмосфере прошло знакомство с творчеством нашего современника — поэта Александра Степановича Трифонова, унаследовавшего в своей поэзии **традиции Серебряного века**: слушатели погрузились в изысканные строки, красоту и мелодичность поэтического слова. Чтение исследователем стихов поэта было встречено слушателями доброжелательно, с искренним расположением. Автор подчеркнула, что в профессиональном литературоведении данное философско-культурологическое исследование поэзии Трифонова является первым и пока единственным.

Определённым итогом работы сотрудников творческой лаборатории общественно-просветительского добровольного движения Саяно-Енисейского Народного университета стала подготовка и оформление **первого выпуска** информационно-электронного издания «Кто мы? Прошлое, настоящее, будущее» с разноплановыми материалами, оно завершено 8 мая 2020 года в электронном виде [11], уже готовятся материалы для второго выпуска.

Наша просветительская работа — это попытка направить мысли и энергию молодых на самосозидание, самопознание, на раскрытие своих богатейших ресурсов, на духовное и финансовое укрепление в жизни. Результаты нашей духовно-просветительской деятельности пока ещё малы, но процесс не останавливается, движется, наполняется энергией познания, которую вносят новые участники и слушатели нашего Народного университета. Молодым поколениям россиян — ищущим, устремлённым в Будущее и умеющим жить «здесь и сейчас», созидающим самих себя, чрезвычайно необходимо найти хотя бы некоторые ответы на свои (может даже и невысказанные) животрепещущие вопросы, понять суть единых законов мироздания и сохранить себя в потоке жизни. «Юноше, обдумывающему житьё» (В. Маяковский), любящему и принимающему жизнь в самых разных её проявлениях, совсем не всё равно, что

будет с нашей Россией, он хочет и может помочь её духовному возрождению, преодолению нагромождённых препятствий. «Улыбнитесь трудности пути вашего» — сказано мудрыми Учителями.

На дворе нашей человеческой цивилизации сегодня уже не «НТР» — научно-техническая революция, а «НДР» — **«научно-ДУХОВНАЯ революция»** (А. Д. Арманд), а это новый этап в истории человечества, в эволюции человеческого разума, единство научного и религиозно-духовного миропонимания [6; 7]. Ещё в советское время, в советском образовании в работах нашего замечательного педагога от Бога В. А. Сухомлинского утверждалось: **«Человек — это Дух человеческий»**. Сегодня востребован Человек совершенного, гармоничного утончённого уровня — это образы Человека Духовного, Благородного, Сотрудничающего, несущего Свет Знания, Радости, Любви, Творчества окружающим людям. Именно такой Человек необходим нашей Живой Планете Земля. Созидание на всех уровнях и планах питает и греет все его духовные устремления [5; 8; 10]. Горизонталь и Вертикаль работают в его сознании в единстве и гармонии. Земное и небесное дополняют друг друга для творческого созидания во имя Жизни. **Именно Вера в Молодое Поколение, его Созидательную Энергию**, в чёткую нравственную позицию помогают сотрудникам Народного университета осуществлять в социуме реальные просветительские действия и видеть хотя бы малые плоды, которые обогащают всех нас. И завершаем данный материал эпилогом из нашего первого выпуска информационно-электронного издания.

«Да любите друг друга» или Время окончательного Выбора

«..время собирать камни...» (Экклезиаст, Глава 3)

Слова, сказанные Христом две тысячи лет назад, сегодня актуальны как никогда. Время усиления негативных процессов в обществе, «интеллектуальная технократизация», время жёсткого разделения между людьми по признакам Света и тьмы, время окончательного срывания «масок» с лиц людей.

Слова Христа несут в себе великий принцип **ОБЪЕДИНЕНИЯ И ЗДРАВОМЫСЛИЯ**. Имея опыт и знания, Любовь каждый понимает по-своему. В ком всё же есть искра совести, почувствует правильность или неправильность своих действий, созидательность или пагубность мыслей и слов. Любовь, прежде всего, имеет заботу о благе другого, о благе Общего Дела, о благе всего Мира. Так выстраивается **её вертикаль**. Наполненный же эгоизмом человек как сможет это прочувствовать? Он будет полон иллюзий и заблуждений, защищая свою эгоистическую позицию.

Но Любовь всегда зорка, она служит во благо и видит, какие смертные элементы могут вплестись в её бессмертную структуру, разрушая тем самым шаткое человеческое построение. Так выстраивается её **горизонтальная линия**.

В великом Единении вертикали и горизонтали образуется крест Огненный, Сердечный, что символизирует постоянную, **Живую Любовь Бога-Творца**, распинающую самость и эгоизм человека. Но Всеединение Любви не означает распушенности и попустительства.

«Да любите друг друга» — так звучит формула всевидения, раскрывающая наши глаза. «Да любите друг друга» — так звучит формула всепонимания, открывающая наши уши. «Да любите друг друга!» — всё настойчивее звучит пространство окружающее. **Стучит в наши Сердца**. Пора нам, людям, научиться действовать Любовью в нашей повседневности, «отделять зёрна от плевел». Человек стоит перед окончательным выбором: остаться ему Человеком и встать на высшую ступень — Бого-Человека, или (растоптав в себе Высшее начало) сделать выбор в пользу технологий «искусственного интеллекта», «искусственного человека», киборга — предать в себе Творца. Суровый выбор, бесповоротный выбор. Окончательный выбор.

Таковы сейчас **две чаши весов Космических, две чаши Выбора**. И Бог видит этот Выбор в глубине Сердец наших и знает всю Правду и победу Любви! Победу Эволюции Человека!

К Любви нельзя принудить и только, пройдя через боль, потери, страдания, Человек придёт к Любви как к своему последнему Пристанищу.

Как трава пробивается сквозь асфальт, так и сквозь окаменевшее сердце человеческое прорвётся пламенем **Огненный Факел Любви**. Факел Любви Человека, его выстраданная Любовь. Как блудный сын, **на последнем изломе, только тогда человек поймёт Христа**, поймёт, что Спасение только в Огненной Жертвенной, кровью омытой, Любви. Любви к себе — наконец-то понявшему, и Любви к другому — мучительно старающемуся понять... **Только Сердце Огненное Победит! Победит Любовью!**

Святой Старец Паисий Святогорец видел будущие тяжёлые времена. И вот Его слова: «Меня радует только одно, что последней слово будет за Богом!». **А Богу-Творцу надо помогать, помогать Ему нашей действенной Любовью!**

Список литературы

1. Курбатов В. Я. Господь решил испытать нас не потопом, а кризисом. Этот «язык» мы поймём быстрее» [Электронный ресурс]. — URL: <https://pskov.aif.ru/culture/person/144049>.

2. Тимофеева С. В. Духовность и её воспитание: монография. — ПП «Сибирь». — Красноярск, 2009. — 257 с.

3. Тимофеева С. В. Проблема ценностей и формирования ценностных ориентаций личности: монография. Красноярск: Изд-во КрасГАУ, 2009. — 300 с.

4. Тимофеева С. В. К вопросу взаимосвязи ценностей и Идеала // Вестник КрасГАУ. — Красноярск: Изд-во КрасГАУ, 2009. — Вып. 5. — С. 188–192.

5. Тимофеева С. В. Психология Человека: от самопознания к самосовершенствованию, монография. Красноярск: Изд-во КрасГАУ, 2011. — 167 с.

6. Тимофеева С. В. К вопросу разумного соотношения науки и религии в антропологических исследованиях или о необходи-

мости расширения методологических границ [Электронный ресурс]. — Красноярск: ФГБОУ ВО КрасГАУ. — URL: <http://www.kgau.ru/new/all/konferenc/konferenc/2017/g28.pdf>.

7. Тимофеева С. В. Самопознание и саморазвитие как процессы улучшения человеческой породы // Проблемы современной аграрной науки [Электронный ресурс]. — Красноярск: ФГБОУ ВО КрасГАУ. — URL: <http://www.kgau.ru/new/all/konferenc/konferenc/2018/g29.pdf>.

8. Тимофеева С. В. Современный человек в мире ценностей: проблемы выбора (теоретико-практические аспекты) // Актуальные проблемы педагогики и психологии: вызовы XXI века. Междунар. сб. научных трудов, Вып. 2. ФГБОУ ВО Российский Гос. Аграр. Ун-т — МСХА им. К.А. Тимирязева, М.: Изд-во Перспектива, 2018. — С. 5–19.

9. Тимофеева С. В. О духовно-познавательном потенциале русской религиозной философии для формирования идеалов современного молодого человека // XIX Красноярские краевые Рождественские образовательные чтения «Молодежь: свобода и ответственность». — Красноярск: Издательский дом «Восточная Сибирь», 2020. — С. 309–320.

10. Тимофеева С. В. Формирование культурного кода человека как педагогическая проблема // Образование и общество. Орёл. — 2019. — № 6 (119). — С. 3–10.

11. «Кто мы? Прошлое, настоящее, будущее» // Сборник Материалов Творческой лаборатории Общественно-просветительского движения Саяно-Енисейского Народного университета, информационно-электронное издание, выпуск 1 / Идея, ответственный редактор-составитель С. В. Тимофеева. — Красноярск, 2020. — 77 с.

12. Тимофеева С. В. О духовно-нравственных аспектах развития человека: синтез, крест и аустерлицкое небо Андрея Болконского // Актуальные проблемы аграрной науки: прикладные и исследовательские аспекты. Сборник научных трудов Всероссийской (национальной) научно-практической конференции (04–05 февраля 2021 г.). Том II. — Нальчик: ФГБОУ ВО Кабардино-Балкарский ГАУ, 2021. — С. 369–373.

НАПРАВЛЕНИЕ
«ЦЕРКОВЬ И КУЛЬТУРА»

УДК 82-312.2

Батырова Ю. А.
магистрант
Красноярский государственный
педагогический университет
им. В. П. Астафьева
г. Красноярск
e-mail: Yuliya-batyrova@mail.ru

Batyrova Yuliya A.
master's student
Krasnoyarsk state pedagogical
university named after V. P. Astafyev
Krasnoyarsk
e-mail: Yuliya-batyrova@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНФЛИКТА ЛИЧНОСТИ И СОЦИУМА В АНТИУТОПИИ XX ВЕКА: ОТ О. ХАКСЛИ ДО А. И Б. СТРУГАЦКИХ

Transformation of the conflict between personality and society in the dystopia of the XX century: from O. Huxley to A. and B. Strugatsky

Аннотация: *Статья посвящена проблеме трансформации конфликта личности и социума в мире антиутопии. В процессе работы использованы историко-типологический и сравнительно-сопоставительный методы исследования, раскрывается специфика изображения конфликта личности и социума в русской и английской антиутопии XX века. На материале повести Аркадия и Бориса Стругацких «Хищные вещи века» и романа Олдоса Хаксли «О дивный новый мир», выявляются средства изображения противостояния личности и социума, описываются особенности основного конфликта повести, философские воззрения писателей. В результате исследования выявлены особенности конфликта личности и социума в антиутопии XX в. от ранней антиутопии О. Хаксли «О дивный новый мир» к более поздней повести А. и Б. Стругацких «Хищные вещи века». Изменения прослеживаются в первую очередь на уровне жанровой трансформации антиутопии от романа-предупреждения О. Хаксли к повести Стругацких, которая выстроена по принципу детектива.*

Abstract: *The article is devoted to the problems of transformation of the conflict between personality and society in the world of dystopia. In the course of the work, historical-typological and comparative-*

comparative research methods were used, during which the specificity of the image of the conflict between the personality and society in the Russian and English dystopia of the 20th century is revealed. Based on the story of Arkady and Boris Strugatsky "Predatory Things of the Century" and the novel by Aldous Huxley "Brave New World", methods and means of depicting the confrontation between personality and society by the authors are revealed, the features of the transformation of the main conflict of the story, philosophical views and statements of writers are described. As a result of the study, there is an obvious transformation in the image of the conflict between personality and society in the dystopia of the 20th century. from the early dystopia of O. Huxley "Brave New World" to the later story of A. and B. Strugatsky "Predatory Things of the Century". The changes can be traced primarily at the level of dystopia genre transformation, from the warning novel by O. Huxley to the Strugatskys' story, which was originally built on the principle of a detective story.

Ключевые слова: Хаксли, Стругацкие, личность, социум, антиутопия, свобода, общество, трансформация, конфликт, власть.

Keywords: Huxley, Strugatsky personality, society, dystopia, freedom, society, transformation, conflict, power.

Антиутопии в современной литературе уделялось особое внимание. Это связано с неуверенностью общества в завтрашнем дне, недоверием к власти, экономическими кризисами, историческими и политическими причинами. В последнее десятилетие писатели всё чаще обращаются к антиутопии не только в литературе, но и кинематографе. Характерное для человека желание заглянуть в будущее, спроектировать возможные последствия тоталитарного режима, предупредить и предугадать катастрофу, являются основой антиутопии. Несмотря на традиционные особенности антиутопии, приёмы, которые используют авторы при создании произведений, разные. Некоторые идеи, когда-то породившие метажанр, устаревают, на их место приходят более актуальные, меняются и способы изображения основного конфликта антиутопии — личности и социума [7].

Как отмечает И. Д. Лукашёнок: «В XX веке антиутопия — это уже инструмент анализа прошлого и настоящего страны в контексте актуальных вопросов современности» [8]. В этом смысле Стругацкие ставят проблему преодоления тоталитаризма не только как социальной системы, но и как менталитета. На тесную связь жанра с эпохой, выделение жанров «под влиянием совокупности меняющихся факторов» уже указывал Д. С. Лихачев, и это положение отчётливо применимо к антиутопии. Она становится знаковым явлением в литературе XX века, представляя собой новое жанрообразование, внутри которого взаимодействие утопии и антиутопии резко меняется, нарастает тенденция сближения и даже слияния полярно разведённых жанровых кодов. Так повесть А. и Б. Стругацких «Хищные вещи века» анализируется в работе как синтез утопии, фантастики, детектива и социальной сатиры.

Произведения, рассматриваемые в рамках данного исследования, отчётливо демонстрируют, как стремительно изменяется метажанр и какие черты он приобретает в зависимости от многих факторов: социокультурных особенностей (англо-американская культура Хаксли и советская культура Стругацких), временного фактора — между анализируемыми нами произведениями лежит промежуток в 33 года, на которые пришлось серьёзные мировые потрясения, исторические и другие причины, повлиявшие на мировоззрение авторов. Для антиутопии значение философской концепции писателей крайне существенно и оказывает значительное влияние на создание художественного текста.

Так, Хаксли ставил перед собой задачу создать единство науки и искусства в одном художественном тексте. Нужно заметить, что путь познания себя и мира, избранный писателем и повлиявший на его творчество, был скорее не духовным или интуитивным, а научным. Наука входила в сферу важнейших интересов писателя. С художественной точки зрения это было связано с желанием достоверно изображать характер и образ героя-ученого, его мыслительный процесс. В романе «О див-

ный новый мир» Хаксли не просто говорит о науке, речь идет о технологической революции, связанной с выращиванием людей «в пробирке» — с видоизменением поведения и мышления, с введением искусственных гормонов и т. д. И. В. Головачева отмечает, что Хаксли беспокоило положение вещей, при котором потребности свободной личности будут «принесены в жертву абстрактным потребностям биологическому выживанию человечества» [4, с. 10], о чём он и размышлял в «Дивном новом мире». Однако стоит отметить, что Хаксли поддерживал необходимость интеллектуального отбора. «Идеально устроенное общество представлялось ему организованным в виде иерархии по интеллекту» [4, с. 11]. Именно на основе интеллектуального естественного отбора, по мнению Хаксли, формируется кастовая система. Как способ улучшения общества и мира, он полагал необходимым применять евгенику, о чём говорил ещё до написания «Дивного нового мира».

Хаксли пытался предупредить о надвигающейся опасности — ставил акцент на порабощающем личность характере тоталитарного режима. Кроме того, Хаксли смог уже в первой половине XX в. распознать перспективу развития биотехнологической мысли, предупредить человечество о возможных последствиях, о которых заговорят к концу XX в., когда возникнет необходимость политической регламентации научных исследований.

Вслед за Хаксли, замечали всё это и братья Стругацкие, но если О. Хаксли мог наблюдать целый мир, то советским писателям пришлось остановиться на небольшом курортном городке, чтобы избежать проблем с цензорами. Причину опасений писателей можно определить легко — развенчание культа личности Сталина не означало полного избавления от цензуры и падения тоталитарного режима. Однако в силу прошедшего времени, посыл предупреждения Стругацких несколько отличался от идей Хаксли: «Опыт гнусных тоталитарных режимов XX века обнаружил, что с человеком может происходить кое-что похуже, чем превращение в робота. Он остаётся человеком, но он делается плохим человеком. И чем жестче и беспощаднее

режим, тем хуже и опаснее делается массовый человек. Он становится злобным, невежественным, трусливым, подлым, циничным и жестоким. Он становится рабом» [11, с. 482].

Стругацкие акцентировали внимание на том, что потеря свободы выражается не только в прямом насилии над личностью, но и в погоне за наслаждениями, вследствие которой человек связывает бремя другого рода — писателей волновало развивающееся конформистское общество потребления, картина которого отразилась в анализируемой повести. Они подводят неутешительный итог: «Авторы антиутопий начала XX века ошибались, прежде всего, потому что боялись главным образом потери свободы — свободы мысли, свободы выбора, свободы духа... Выяснилось, что массовый человек не боится потерять свободу — он боится её обрести» [11, с. 486]. Таким образом Стругацкие демонстрируют не только трансформацию антиутопии, но и трансформацию сознания человека, когда тотальная свобода приводит к сознательному выбору несвободы.

Мир Хаксли в большей степени соответствует характерным чертам антиутопии: карнавализации, ритуализации жизни, типу героя и другим признакам, присущим классической антиутопии, соответственно и мир своего романа Хаксли выдерживает в традициях классики метажанра [6]. Повесть Стругацких изначально выстроена по принципу детектива. Ведущим в данном случае будет различие между системами управления государств, устройством общественного порядка, формированием норм и правил поведения в стране или городе, в случае «Хищных вещей века».

«Каждый принадлежит всем остальным» [14, с. 57]. «Нельзя же так долго всё с одним да с одним — это ужасно неприлично. <...> узнай это Директор, он был бы вне себя...» [14, с. 57]. Звучит с первых страниц романа Хаксли и повторяется на протяжении всего повествования. В обществе воплощенной утопии личность теряет право на интимное пространство, т. к. действия и поступки героев всегда находятся под присмотром власти и общества.

В Дивном мире люди живут по определённой модели, их поступки обусловлены теми или иными требованиями этой системы, подавление чувств приводит к отсутствию жизненного опыта и ненужности воспоминаний, так как воспоминания, как и жизненный опыт формируют личность, что совершенно противоречит принципам нового государства. Любое проявление чувств и воспоминаний у Хаксли заглушается сомой: «— Примет сому человек — время прекратит свой бег, — напонила она. — Сладко человек забудет и что было, и что будет» [14, с. 145]. На причины отсутствия памяти влияет и отсутствие в «Дивном новом мире» родственных связей. Материнство отрицается на государственном уровне, любое проявление родительских качеств считается неприемлемым и даже отвратительным: «— В дикарку превратилась, — кричала она. — Рожать начала, как животные... Если б не ты, я бы к инспектору пошла, вырвалась бы отсюда. Но с ребёнком как же можно. Я бы не вынесла позора» [14, с. 174].

Отрицание прошлого проявляется не только на уровне личности, но и на уровне истории человечества в целом. Новое государство не признает никакого порядка, кроме как своего, а любая информация о прошлом воспринимается людьми как сказка, что-то вымышленное, а не реально существовавшее: «— Вообразите только, — произнёс он таким тоном, что у юнцов под ложечкой похолодело, задрожало. — Попытайтесь вообразить, что это означало — иметь живородящую мать (...) Студенты пытались; но видно было, что без всякого успеха» [14, с. 51].

Стругацкие же не придерживаются данного аспекта, категория времени для изображения их мира не так важна. Наследие прошлого рассматривается здесь в соответствии с вкладом в создание нового мира. В Стране Дураков прошлое не отрицают, но и не вспоминают с какой-либо периодичностью, в мире изобилия просто нет такой потребности, его жители заняты насущными делами и развлечениями. Перед нами человечество, которое уже ничего, в сущности, не хочет. Весь мир Стругацких строится не на страхе возвращения к старому дикому миру, а на

имеющихся возможностях настоящего, без какой бы то ни было человеческой рефлексии: «В городе было шестьдесят тысяч телевизоров, пятьдесят кинотеатров, восемь увеселительных парков, два Салона Хорошего настроения, шестнадцать салонов красоты, сорок библиотек и сто восемьдесят парикмахерских автоматов» [10, с. 23]. Воспоминания об истории человечества настигают лишь главного героя — Ивана Жилина: «...Римайер, сказал я. Но прошлое! Космос, школы, борьба с фашистами, с гангстерами — что же, всё это зря?» [10, с. 212].

Стругацкие изображают мир настоящий и будущий, при этом сохраняя связь с прошлым. Ещё одним важным отличием будет являться и то, что Стругацкие ничего не говорят о насильственном воспитании, неестественности рождения, замкнутости жизни, правительственной или антиправительственной группировке, которая управляет государственной машиной. Так, искусственно созданный и регулируемый насильственно, путём запретов, ограничений и внушений «дивный мир» О. Хаксли у Стругацких превращается в мир свободы, где государство практически себя не проявляет и каждый волен сам решать свою судьбу.

Образ героя-бунтаря у Хаксли и Стругацких строится по-разному. В «Дивном новом мире» изображаются герои двух типов: герои, созданные по образцу действующего государства, и герой, пришедший из мира другого формата. В «Хищных вещах века» писатели изображают одного героя, оказавшегося в данных обстоятельствах не волей судьбы, а намеренно, выполняя особое задание.

Герой антиутопии всегда эксцентричен. Он живёт по законам аттракциона. Эксцентричность многих героев антиутопии проявляется в их творческом порыве, в стремлении овладеть творческим даром, неподвластным тотальному контролю власти. И эксцентричность Дикаря, например, проявлялась в любви к Шекспиру и желанием жизни: «— И Шекспир ведь учит: „Не развяжи девичьего узла до совершения святых обрядов во всей торжественной их полноте...“ [14, с. 260]. «Дикарь избрал

своим прибежищем старый авиамаляк, стоящий на гребне песчаного холма между Паттенемом и Элстедом» [14, с. 330].

В отличие от Хаксли, Стругацкие не наделяют главного героя произведения данными чертами, Стругацкие лишь говорят, что Жилин для всех представляется литератором и интересуется книгами:

«— Как прикажете вас представить?»

— Иван. Турист и литератор» [10, с. 72].

Иван Жилин не отвергает миром и не отвергает его, но он так же, как и Дикарь, хочет этот мир изменить, встать на защиту истинных человеческих ценностей и доказать, что силой ничего не изменить: «Ну хорошо, ну выловим эту шайку. И что изменится? Дрожка так и останется, лопухий Лэн будет по-прежнему не спать по ночам, Вузи будет приходить домой пьяная до безобразия, а таможенник Пети будет зачем-то падать мордой в битое стекло... Все будут заботиться о „блага народа“» [10, с. 161].

Стругацкие видоизменяют классический образ героя-бунтаря, делают его более современным и понятным для нового читателя. Он становится менее эксцентричным, писатели отходят от гиперболизации характера и приходят в большей степени к руководству разумом и в меньшей степени эмоциями. В то время как Дикарь оказывается героем более очевидным и типизированным. Похожими остаются уверенность и решительность героев обеих антиутопий. Жилин, как и герои Хаксли, видит всю искусственность данного общества, его нельзя обмануть красивой обёрткой, ему открыта истина, однако он решает остаться в курортном городе, ведь система, на которую он работал, теперь кажется ему ещё более невозможной и бесчеловечной. Жилин не признаёт революцию, он хочет не изолировать общество «Идеального мира», а помочь ему — спасти людей и вернуть в их жизнь подлинное, духовность.

Анализируя образы героев-бунтарей в антиутопиях Хаксли и Стругацких нельзя не сказать и об обществе, которому они противостоят и хотят изменить. Как правило, общество, созда-

ваемое автором антиутопии, — общество ритуала. Ведь, там, где царит ритуал, невозможно произвольное движение личности. Напротив, её движение запрограммировано. Сюжетный конфликт возникает там, где личность отказывается от своей роли в ритуале и предпочитает собственный путь.

Общество, изображаемое Хаксли, подчёркивает данный аспект наиболее ярко. В его романе от момента появления и на протяжении всей жизни человеку предстоит выполнять одни и те же действия, одну и ту же работу — ту, для которой он и был создан: «— Девяносто шесть тождественных близнецов, работающих на девяноста шести тождественных станках!» [14, с. 11]. Только таким образом в мире антиутопии достигается то самое «всеобщее счастье». Ритуальность общества заключается и в участии в массовых мероприятиях: «Раз в две недели, по четвергам, Бернарду положено было участвовать в сходке единения» [14, с. 109].

В произведении Стругацких общество уже не является ритуальным в той же мере, что и у Хаксли. Как мы отмечали ранее, в мире Стругацких государство не является машиной, частью которой становятся люди. Стругацкие изображают общество изобилия, в котором люди, формально абсолютно свободные, на самом деле подвергаются эмоциональной деградации, становясь заложниками материальных благ и развлечений. Массовая культура такого свободного общества, удовлетворяющая его и создающая инфантильных людей, становится культурой иллюзий, сна, подменяющей реальность: «Я боюсь за человечество. Это же конец. Это конец взаимодействию человека с природой, это конец взаимодействию личности с обществом, это конец связям между личностями, это конец прогресса, Римайер. Все миллиарды людей в ваннах, погружённые в горячую воду и в себя. Только в себя...» [10, с. 212].

Однако нельзя сказать, что ритуальность в курортном городе отсутствует вовсе. Не имея обязательных государственных мероприятий, общество «Хищных вещей века» создает свои, так называемые «дрожки», на которые Вузи приглашает Жи-

лина. Это событие может считаться ритуалом, так как проходит регулярно, собирает большое количество людей и производит на участников эффект массовой эйфории: «Люди стояли вплотную друг к другу, мужчины и женщины, парни и девушки, переминались с ноги на ногу и чего-то ждали. Разговоров почти не было слышно (...) Стало совсем уж тихо, и я вздрогнул, когда пронзительный женский голос неподалеку крикнул „Дрожка!“ И сейчас же десятки голосов откликнулись „Дрожка! Дрожка!“» [10, с. 206].

Иначе складывается в обществе дураков и отношение к чувственному аспекту. Государство здесь не устраивает ритуалов и не контролирует интимную сторону жизни, однако нехватка эмоциональных всплесков и погоня за чувствами приводят людей курортного города к общей раскрепощенности. И, если у Хаксли данный аспект был инициирован государством, то общество Стругацких движется к этому самопроизвольно: «Любовь и голод. Удовлетворите любовь и голод, и вы увидите счастливого человека (...) Взрослые будут отличаться от детей только способностью к любви, а эта способность делается — опять-таки с помощью науки — источником небывалых радостей и наслаждений» [10, с. 76].

Ещё одним важным отличием представленных авторами обществ является наличие руководящего центра, характерного для жанра антиутопии. Как правило, вождём такого общества является «Сверхчеловек», который возвышается над всей системой, является идейным вдохновителем граждан государства и, зачастую, вызывает в обществе страх непослушания. Для жителей «Дивного нового мира» этим героем является Форд. Неслучайно и летоисчисление, о котором мы уже упоминали ранее, в данном обществе ведётся от начала «эры Форда».

В обществе, изображаемом Стругацкими, мы не находим упоминание о высших силах и культе личности. Авторы не описывают и органы власти, регулирующие общественные порядки. Таким образом, мы понимаем, что всё безумие, происходящие в данном мире, спровоцировано самим обществом.

И неизвестно, к какому финалу двигается такой мир — безграничной свободы и всеобщего счастья или возвращения к дикости и беззаконию.

Таким образом, влияние социума на главного героя особенно сильно проявляется в «Дивном мире», так как данное общество живет по принципу механизма, в котором каждый выполняет свою роль, а отклонение от маршрута становится порицаемым. В «Хищных вещах века» социум не влияет на главного героя целенаправленно, люди в нём свободны, однако, данный конфликт можно назвать более сложным, так как личность в таком обществе ведёт борьбу не только с социумом, но и с самим собой.

Помимо перечисленных пунктов, основным в разрешении конфликта является финал произведений. Хаксли следует традициям классических антиутопий — главный герой романа заканчивает жизнь самоубийством. Герою «Дивного мира» не удалось сломать систему, мы можем сделать вывод о победе социума над личностью: «Медленно-медленно, подобно двум неторопливым стрелкам компаса, ступни поворачиваются вправо — с севера на северо-восток, юго-восток, юг; остановились, повисели и так же неспешно начали обратный поворот...» [14, с. 351].

В «Хищных вещах века» социуму не удается подавить личность, главный герой не просто остаётся в живых, но и намерен вести борьбу, что в целом соответствует отечественной традиции метажанра [9]. Герой пытается вернуть людей к полноценной жизни: «Я здесь всего три дня, я не знаю, с чего мне начинать и что должен делать, но я не уеду отсюда, пока мне позволяет закон об иммиграции. А когда он перестанет позволять, я его нарушу» [10, с. 238].

Значимым для разрешения конфликта является то, что герою «Хищных вещей века» к финалу произведения приходится бороться ещё с одним, устроенным совершенно противоположно курортному городу, социумом. Таким образом, Жилин стоит между двумя противоположными системами, ни одна из которых не является для него приемлемой.

В повести А. и Б. Стругацких, как и в романе Хаксли, просле-

живается общая для произведений данного метажанра линия: главное в любом политическом строе и обществе — свобода личности, именно в свободе во всех её проявлениях (политической, физической, психологической, материальной и т. д.) выражается смысл человеческой жизни. Очевидна и некоторая трансформация конфликта личности и социума в антиутопиях XX века: от ранней антиутопии О. Хаксли «О дивный новый мир» к более поздней повести А. и Б. Стругацких «Хищные вещи века». «Развитие конфликта строится на основе противоположно выстроенных миров, где проблема личностной свободы у братьев Стругацких поднимается с новой силой — люди могут обрести подлинность, но не хотят» [13]. Главной особенностью текста Стругацких является то, что они рисуют не просто образ общества, которое могло бы быть или должно быть, они рисуют «мир, в котором им самим хотелось бы жить». В то же время они выходят за рамки классического утопизма и антиутопизма, что значительно отличает их от Хаксли.

На наш взгляд, это одна из причин, почему «Хищные вещи века» — повесть более актуальная, поскольку в большей степени характеризует современную социокультурную ситуацию.

Список литературы:

1. Бердяев Н. А. Царство Духа и царство кесаря. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. — М.: АСТ, 2006. — 251 с.

2. Борода Е. В. Век X XI: мир новых возможностей или счастливый сон человечества? (по повести братьев Стругацких «Хищные вещи века») // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. — 2009. — № 2 (26). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vek-x-xi-mir-novyh-vozmozhnostey-ili-schastlivyy-son-chelovechestva-po-povesti-bratiev-strugatskih-hischnye-veschi-veka> (дата обращения: 06.11.2020).

3. Воробьёва А. Н. Русская антиутопия XX — начала XXI века в контексте мировой антиутопии [Электронный ресурс]:

автореф. дис. д-ра филол. наук / А. Н. Воробьева. — Самара, 2009. — URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01004308315.pdf.

4. Головачева И. В. Цели и средства: О. Хаксли и евгеника // Вестник СПбГУ. Язык и литература. — 2006. — № 3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tseli-i-sredstva-o-hakсли-i-evgenika-1> (дата обращения: 24.02.2021).

5. Дыдров А. А. Идентичные признаки обществ утопии и антиутопии на материале утопических и антиутопических литературных произведений [Электронный ресурс] // Вестник ЧГАКИ. — 2010. — № 3 (23). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/identichnye-priznaki-obschestv-utopii-i-antiutopii-na-materiale-utopicheskikh-i-antiutopicheskikh-literaturnyh-proizvedeniy> (дата обращения: 09.11.2020).

6. Ковтун Н. В. European “Nigdeya” and Russian “TUtopia” (On the issue of interaction) // Journal of Siberian Federal University. Humanities and social sciences. — 2008. — № 1 (4). — P. 539–556.

7. Ковтун Н. В. Русская литературная утопия второй половины XX века. Монография. — М.: Флинта: Наука, 2014. — 353 с.

8. Лукашёнков И. Д. Антиутопия как социокультурный феномен начала XXI века // Ярославский педагогический вестник. — 2010. — № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antiutopiya-kak-sotsiokulturnyy-fenomen-nachala-xxi-veka> (дата обращения: 24.02.2021).

9. Русский проект исправления мира и художественное творчество XIX–XX вв.: монография / Отв. ред. Н. В. Ковтун. — М.: Флинта-Наука, 2011. — С. 280–311.

10. Стругацкий А., Стругацкий Б. Хищные вещи века. — М.: АСТ, 2016. — 256 с.

11. Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Собр. соч.: в 11 т. — Донецк, 2004.

12. Стругацкий А., Стругацкий Б. Куда ж нам плыть? // Независимая газета. — 1990. — № 3. — С. 2–8.

13. Ерохина Т. И., Абовян А. А. Трансформация антиутопии в контексте массовой культуры: О. Хаксли «Дивный новый мир», А. и Б. Стругацкие «Хищные вещи века» // Ярославский педагогический вестник. — 2017. — № 5. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-antiutopii-v-kontekste-massovoy-kultury-o-haksli-divnyu-novuu-mir-a-i-b-strugatskie-hischnye-veschi-veka> (дата обращения: 22.12.2020).

14. Хаксли О. О дивный новый мир / пер. с англ. О. Сороки. — М.: АСТ, 2018. — 350 с.

УДК 821.111

Бурыгина Т. С.

волонтёр-консультант

Благотворительный фонд

«Карельский регистр неродственных доноров гемопоэтических стволовых клеток»

г. Красноярск

e-mail: greykitty@yandex.ru

Burygina Tatiana S.

volunteer consultant

Charitable Fund

«Karelian Registry of unrelated donors of hematopoietic stem cells»

Krasnoyarsk

e-mail: greykitty@yandex.ru

ОБ ЭКУМЕНИЧЕСКИХ ИДЕЯХ В ТВОРЧЕСТВЕ А. ДЖ. КРОНИНА

On Ecumenical Views in Literary Work by A. J. Cronin

Аннотация: *Статья посвящена обзору экуменических воззрений и истокам их формирования в творчестве А. Дж. Кронина, известного шотландского врача и романиста XX века.*

Abstract: *The article focuses on ecumenical views and their sources in the literary work by A. J. Cronin, the famous Scottish medical doctor and novelist of the 20th century.*

Ключевые слова: реализм, экуменизм, гуманизм, пацифизм, шотландская литература XX века.

Keywords: srealism, ecumenism, humanism, pacifism, Scottish literature in the 20th centur.

Арчибальд Джозеф Кронин (19.07.1896–06.01.1981) — шотландский писатель-реалист, врач. Долгое время в нашей стране он был известен лишь как автор остросоциальных романов (например, его роман «Цитадель» (The Citadel), изданный в 1937 году, внёс значительный вклад в реформу здравоохранения в Великобритании). Однако творчество этого писателя гораздо шире и базируется на трёх составляющих: гуманизм, пацифизм и экуменизм. К этому были свои предпосылки, одна из которых кроется в происхождении автора. Арчибальд был единственным ребёнком в семье католика и протестантки и был крещён в католической церкви. Семья была стеснена в средствах, отец Арчибальда скончался от туберкулёза, когда ребенку было всего семь лет, и будущий писатель рано постиг на собственном опыте, что такое религиозная нетерпимость, а также социальное и экономическое неравенство. Эти события детства впоследствии нашли отражение в нескольких романах писателя. Смешанные браки (ирландец-католик и шотландка из семьи, исповедующей протестантизм), где воспитывается единственный ребёнок-мальчик и при этом он рано лишается отца, описаны в романах «Три любви» (Three Loves, 1932), «Ключи от Царства» (The Keys of the Kingdom, 1941; в этом романе погибают оба родителя главного героя), «Юные годы» (The Green Years, 1944), «Песенка в шесть пенсов» (A Song of Sixpence, 1964), «Мальчик-менестрель» (The Minstrel Boy, 1975). Кстати, в этих произведениях одним из персонажей является священник, так или иначе поддерживающий ребёнка. Прототипом священника отчасти мог служить каноник Фрэнсис Кронин, дядя Арчибальда.

Трудное материальное положение не позволяло мечтать о получении высшего образования, однако Арчибальду повезло: за особые успехи в учёбе он был удостоен стипендии, что позволило ему в 1914 году поступить в университет Глазго на медицинский факультет. В 1916–1917 годах Кронин прерывал учёбу на время службы хирургом на Королевском военноморском флоте (Royal Navy Volunteer Reserve). Окончив учёбу

в университете, доктор Кронин трудился врачом общей практики, пока не обратился к писательской деятельности. Профессия врача наложила свой отпечаток на стиль автора и выбор тем и сюжетов, но не меньшее влияние на творчество и мировоззрение А. Дж. Кронина оказали исторические события, современником которых он был. Так, в одном из своих лучших остросоциальных романов «Звёзды смотрят вниз» (The Stars Look Down, 1935) Кронин поднимает темы экономического и социального неравенства, живописует закулисные политические игры, а также вскрывает экономическую подоплёку войны. Показательна сцена с обречёнными на мучительную смерть шахтёрами в обрушившейся шахте «Нептун». Руководство «Нептуна» знало об аварийном состоянии объекта, о том, что работники ежедневно рискуют жизнью, но их жизнь ничего не стоила в глазах владельцев шахты, движимых жадной обогащения. Один из шахтёров, оказавшийся в этой западне, человек верующий, которого окружающие считали помешанным на религиозной почве, кричал, что на него сошёл дух пророчества, и вещал: «Горечь и злоба, о братья мои, — вот наш удел на земле, сокрушила нас алчность людская. <...> Я вижу век, созданный безумием и жадностью человеческой. Деньги, деньги, деньги... Ради них нас губят, убивают» [1, с. 221].

Трагедия в «Нептуне» произошла за несколько лет до начала Первой мировой войны. С началом войны на всех углах и столбах появились плакаты и воззвания идти в армию, во многих домах на окнах появились надписи: «Из этого дома ушёл Человек сражаться за короля и Отечество» [1, с. 308]. Артур Баррас, сын владельца шахты, убеждённый пацифист (впоследствии он пострадает за свои убеждения), шокированный хищнической натурой отца и его пренебрежительным отношением к работникам, восклицает: «Людей на войне губят совершенно так же, как людей в шахтах — бесполезно, возмутительно. Несчастный случай в „Нептуне“ и война — для меня одно и то же. Одно великое массовое избиение» [1, с. 299]. Иллюстрацией этого массового избиения выступают искорёженные судьбы героев романа.

По мощности своего антивоенного пафоса «Звёзды смотрят вниз» не уступают такими книгам, как «Заветы юности» (Testament of Youth, 1933) британской писательницы Веры Бриттен (она служила медсестрой во время Первой мировой войны) и «Джонни получил винтовку» (Johnny Got His Gun, 1939) американского сценариста и писателя Далтона Трамбо. Эти произведения не только обнажают дьявольскую сущность войны, но и задают вопросы: «Кому это выгодно?» и «Как этому противостоять?». В романе «Звёзды смотрят вниз» автор устами Артура Баррасса говорит о неспособности мира справиться с собственными пороками и человеческом бессилии: «У вас добрые намерения, Лаура, — сказал он хрипло и пошатнулся. — И у меня тоже всегда были добрые намерения. Мы оба люди добрых намерений. — Он рассмеялся. — Но сделать мы ничего не можем» [1, с. 414].

На второй вопрос («Как этому противостоять?») А. Дж. Кро-нин попробовал ответить в своей следующей книге — «Ключи от Царства», которая увидела свет в 1941 году, а в 1944 году была успешно экранизирована. Главный герой — католический священник Фрэнсис Чисхолм — являет собой яркий пример служителя, стоящего на экуменических позициях. (Как мы знаем, слово «экуменизм» происходит от греческого οἰκουμένη — «обитаемый мир, вселенная». Оно означает сотрудничество с целью сближения, примирения (а иногда и объединения) всех направлений христианства, а в более широком смысле — всех вероисповеданий. Символом мирового движения за объединение христианских церквей стало изображение лодки и мачты в виде креста, которое подразумевает, что всё человечество плывёт в одной лодке по волнам жизни). Так, во время своей миссионерской деятельности в Китае отец Чисхолм узнаёт, что по соседству с его приходом решили расположиться американские методисты, и объявляет: «Многие ворота ведут к Небесам. Мы входим в одни, эти новые проповедники — в другие. Как можем мы отрицать за ними право осуществлять добро по-своему? Если они хотят, пусть приезжают» [2, с. 317]. Он дружит с про-

тестантскими миссионерами, сотрудничает с ними, помогает им и считает, что врата Рая открыты для всех (включая атеистов), кроме тех, кто «плюёт Богу в лицо» [2, с. 15].

После смерти врача, который самоотверженно боролся против эпидемии лёгочной чумы и сам пал её жертвой, одна из монахинь упрекнула Фрэнсиса Чисхолма:

— Он был атеистом, а вы практически обещали ему вечную награду... ему... неверующему...

Фрэнсис быстро сказал:

— Бог судит нас не только по тому, во что мы верим, но и по тому, что мы делаем.

— Он не был католиком... он даже не был просто христианином. <...> Он был вольнодумцем.

— Дитя моё, современники Господа нашего считали его ужасным вольнодумцем... поэтому-то они и убили Его. <...> Никто в доброй вере не может погибнуть. Ни один. Буддисты, магетане, даоисты, самые чёрные из каннибалов, пожиравших когда-либо миссионеров... Если они искренни в соответствии со своими понятиями, они будут спасены. Это — чудесное милосердие Божие [2, с. 291–292].

Отец Чисхолм проповедует милосердие и подкрепляет свои слова поступками. Он отдаёт последнюю пищу и одежду нуждающимся, а на упрёки монахинь отвечает: «Но почему же нет? Что толку проповедовать христианство, если мы сами не будем жить, как христиане? Христос отдал бы своё пальто нищему. Почему я не должен этого делать?» [2, с. 332]. Он проповедует пацифизм и осуждает милитаризм в любых его проявлениях: «Неужели вы не видите всего безумия и всей низости войны? Мы — Святая Католическая Церковь, да и все великие церкви христианского мира, оправдываем эту войну. Мы идём дальше — с лицемерной улыбкой и апостольским благословением мы освящаем эту войну. Мы посылаем миллионы наших верных сынов, чтобы их калечили и убивали, чтобы увечили их тела и души, чтобы они убивали и уничтожали друг друга. Умрите за свою страну, и все простится вам! Патриотизм! Король

и император! С десяти тысяч кафедр гласят: „Отдайте Кесарево Кесарю...“ В наше время нет кесарей, есть только финансисты и политики, которые хотят получить алмазные копи в Африке и каучук в порабощённом Конго» [2, с. 346].

Священник призывает прекратить оправдывать войны, увещевает людей по возможности не брать в руки оружие даже под угрозой трибунала, ибо, по его словам, лучше понести наказание за отказ воевать, нежели самому сделаться убийцей. Он обвиняет церкви в лицемерии: «Христос проповедовал вечную любовь. Он проповедовал братство людей. Он не кричал, взойдя на гору: „Убивайте, убивайте! Кричите о своей ненависти и вонзайте штыки в тела своих братьев!“ И это не Его голос звучит в церквях и высоких соборах сегодняшнего христианского мира, но голос приспособляющихся и трусов. Как, заклинаю я вас именем Бога, которому мы служим, как можем мы приходиться в эти чужие страны, в страны, которые мы называем языческими, и иметь дерзость обращать их народы в веру, которую мы сами опровергаем каждым нашим поступком? Нечего удивляться, что они глумятся над нами. Христианство — религия лжи! Религия классов, денег и национальной ненависти!» [2, с. 346].

Независимые взгляды Фрэнсиса Чисхолма, его критический настрой, неординарные поступки и отсутствие амбиций не позволили ему сделать карьеру, однако он к этому и не стремился. Важнее всего для него было само служение Богу и умножение добра и милосердия в мире. Отец Чисхолм выступает рупором идей А. Дж. Кронина. Мир, охваченный войнами, лежащий во зле, обесценивает человеческие жизни, и этому нужно противостоять всем миром. Однако мир во всём мире возможен лишь в сотрудничестве и жизни по Божьим заповедям.

Несмотря на всемирную известность романа «Ключи от Царства», советская аудитория смогла с ним познакомиться лишь в 1983 году благодаря радиоспектаклю, инициатором и одним из участников которого стал отец Александр Мень. А в 2011 году роман вышел на русском языке в переводе Н. Протопоповой.

Разумеется, А. Дж. Кронин не был одинок и оригинален в своих исканиях. Экуменические идеи буквально носились в воздухе. Во многом причина их распространения кроется в трагических событиях истории. В мировых войнах может погибнуть всё человечество. Орудия убийства совершенствуются быстрее любой дипломатии. Конфликты приобретают доселе невиданный масштаб. В противовес этому появляются движения за объединение и примирение на основе принципа «Возлюби ближнего». Так, в 1943 году появляется движение фоколяров (*Movimento dei focolari*), основанное Кьярой Любич (*Chiara Lubich*). Зародившееся в католичестве, движение призывает стремиться к миру и единству и преодолевать предрассудки. Оно насчитывает свыше двух миллионов последователей, среди которых не только христиане, но и представители нехристианских религий, а также нерелигиозные люди. Движение официально признано Ватиканом в 1962 году. В 1948 году образован Всемирный совет церквей (международная экуменическая организация), а в 1950 году — Национальный совет церквей США. В 1952 году британский писатель Клайв Стейплз Льюис (*Clive Staples Lewis*) издаёт книгу «Просто христианство» (*Mere Christianity*), материалом для которой послужили его выступления и радиобеседы в годы Второй мировой войны.

В том же 1952 году А. Дж. Кронин публикует автобиографическую книгу «Приключения в двух мирах» (*Adventures in Two Worlds*), в которой излагает свою религиозно-этическую концепцию. Так, писатель утверждает, что вероисповедание — это случайность, которая зависит от рождения, расы, прочих обстоятельств и потому не может быть тем единственным фактором, который бы определял наше спасение. Любой человек доброй воли, будь он католиком или кальвинистом, может надеяться на обретение вечной жизни [4, р. 283]. Заметим, что выражение «люди доброй воли» (англ. «*men / people of goodwill*») восходит к Евангелию от Луки 2:14 (греч. «ἐπὶ γῆς εἰρήνη ἐν ἀνθρώποις εὐδοκία», лат. «*in terra pax hominibus bonae voluntatis*», в русском синодальном переводе: «...на земле мир, в человеках бла-

говоление») [3]. Люди доброй воли — это люди, которые, повинаясь Божией воле, руководствуются в своей жизни добрыми, искренними, чистыми намерениями.

По мнению писателя, никакой общественной строй и никакие реформы сами по себе не способны привести человечество к миру и процветанию. Ключом к преобразованию мира является следование Нагорной проповеди и соблюдение самой главной заповеди — заповеди любви [4, р. 283–284]. Каждый человек, называющий себя христианином, должен прекратить превозносить свою конфессию и критиковать другие, он должен проникнуться нуждами всего человечества. Когда будет преодолено соперничество между конфессиями и начнётся сотрудничество между ними, тогда можно будет надеяться на то, что сбудется человеческая мечта о всеобщем братстве.

А. Дж. Кронин прожил долгую жизнь и скончался 6 января, в день, когда католики отмечают праздник Богоявления. На его надгробном камне написано: «Автор „Ключей от Царства“ и других романов, которыми зачитываются по всему миру».

Список литературы

1. Кронин А. Звёзды смотрят вниз: Роман / Пер. с англ. М.Е. Абкиной. — Донецк: Донбас, 1982. — 647 с.
2. Кронин А. Ключи от Царства / Пер. с англ. Н. Протопоповой. — М., 2011. — 464 с.
3. Bible Hub: Online Bible Study Suite. [Электронный ресурс]. — URL: <http://biblehub.com/multi/luke/2-14.htm>
4. Cronin A. J. Adventures in Two Worlds. — London, 1987. — 284 p.

УДК 82

Золотухина О. Ю.
кандидат филологических наук,
доцент
кафедра социально-гуманитарных
наук и истории искусств,
Сибирский государственный
институт искусств имени
Д. Хворостовского
г. Красноярск
e-mail: zolotuhina-82@yandex.ru

Zolotuhina Olesya Yu.
candidate of philological sciences,
associate professor
department of social
and humanitarian sciences
and art history, Siberian state
institute of arts named
after D. Hvorostovsky
Krasnoyarsk
e-mail: zolotuhina-82@yandex.ru

ПУШКИН И ШЕКСПИР: ОСМЫСЛЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА НАЦИОНАЛЬНЫХ ГЕНИЕВ В ХРИСТИАНСКОМ КОНТЕКСТЕ

Pushkin and Shakespeare: understanding the creativity of national geniuses
in the Christian context

Аннотация: В статье в христианском контексте анализируется творчество национальных гениев России и Англии (Пушкина и Шекспира). Делается вывод о том, что Шекспир творил в эпоху Возрождения, для которой был характерен кризис веры в Бога. В связи с этим в творчестве Шекспира нет чётко выраженной христианской концепции. Пушкин в русской литературе явился основателем такого направления, как «христианский реализм», что способствовало развитию всей русской культуры и возвысило Россию в мировом масштабе.

Abstract: : The article analyzes the creativity of the national geniuses of Russia and England (Pushkin and Shakespeare) in a Christian context. It is concluded that Shakespeare has been creating during the Renaissance, which was characterized by a crisis of faith in God. Therefore, there is no clearly expressed Christian concept in Shakespeare's works. Russian writer Pushkin was the founder of such a trend as "Christian realism", which contributed to the development of the entire Russian culture and raised Russia on a global scale.

Ключевые слова: Пушкин, Шекспир, христианство, традиция, христианский контекст, христианский реализм.

Keywords: Pushkin, Shakespeare, Christianity, tradition, Christian context, Christian realism.

Проблема «Христианство и русская литература» начала плодотворно разрабатываться в российском литературоведении еще в 90-е годы XX века. На данный момент вышло довольно большое количество трудов по данной теме, разработано много научных концепций. Большинство исследователей, говоря об особенностях связи русской литературы с христианством, часто сравнивают её с западной литературой и на выделении их принципиальных отличий выстраивают свои концепции.

Так, например, богослов М. М. Дунаев, выделяя два типа культур — сотериологический (от лат. «сотер» — спаситель) и эвдемонический (от греч. «эвдемония» — счастье), сравнивая русскую литературу с литературой Запада, приходит к выводу о том, что в отличие от западных писателей, для которых целью было счастье на земле (следствие эвдемонического типа культуры), русские писатели предпочли сокровищам земным сокровища небесные. Отсюда их пристальное внимание к духовной жизни человека, к теме спасения души, утверждение совести как меры всех вещей, поиски ответов на важнейшие, всеобщие, а не частные вопросы. Изначально, по мнению учёного, литература на Руси возникла как духовная, религиозная. «Новая (светская) литература созидалась на традициях предшествующих веков, традиции же эти были освящены идеалами Православия. Вот главная особенность великой русской литературы: это литература прежде всего ПРАВОСЛАВНАЯ» [7, с. 5].

Ряд исследователей в своих работах обосновывает идею о том, что русская и западная культура, обе по сути христианские, являются различными в связи с тем, что Рождество и Воскресение Христа воспринимаются в каждой из них по-особому. Так, И. А. Есаулов в работе «Пасхальность русской литературы» утверждает: «Если в Западной традиции можно усмотреть акцент на Рождество (и, соответственно, говорить о рожде-

ственном архетипе), то в традиции Восточной Церкви празднование Воскресения остаётся главным праздником не только в конфессиональном, но и общекультурном плане, что позволяет нам высказать гипотезу о наличии особого пасхального (везде курсив автора — О. З.) архетипа и его особой значимости для русской культуры» [8, с. 12].

В. С. Непомнящий, анализируя феномен Пушкина в русской литературе, тоже коснулся проблемы взаимоотношений России и Европы, их разных ценностных ориентаций, которые также определил как пасхальную и рождественскую. По мнению В. С. Непомнящего, для европейской культуры доминантой является рождественское начало, и это определяет её особый тип духовности и систему ценностей. Акцент при таком подходе делается, прежде всего, на уподоблении Бога человеку: «Бог так любит меня, что уподобился мне. Такой акцент льстит самолюбию, оправдывает и утверждает самодостаточность моего „я“, которое словно бы по праву получает санкцию свыше какое есть, в своем наличном состоянии. Оттого на Западе, по немецкой поговорке, „нет гнезда выше орлиного, нет праздника выше Рождества“» [19, с. 16]. Несоответствие идеалу принимается как данность, терпимая и приемлемая в качестве некоей общей нормы, провозглашается культ земного успеха и счастья. При этом крест для рождественской культуры, с точки зрения В. С. Непомнящего, «в первую очередь символ всего тяжкого и скорбного, символ страждущего естества, трагедии человеческого бытия» [19, с. 19].

В русской культуре, как утверждает ученый, доминирует пасхальное начало, и именно Пасха является главным праздником для православных христиан. Поэтому у русской культуры иной, отличный от европейской, тип духовности, иная система ценностей: «В одном, стало быть, случае главное событие — призыв к человеку уподобиться Богу, в другом — наличный факт уподобления Бога человеку. „Отсчёт“ производится с противоположных „концов“ и, соответственно, в разных направлениях — „спасения“ и „оправдания“, в разных перспективах — „будущего

века“ и „века сего“» [19, с. 16]. Несоответствие идеалу в данном типе культуры осознаётся как грех и вина, нормой является не оправдание в земном мире, а спасение в будущем веке. «Крест для пасхальной культуры — трагедия человеческой вины перед Бытием, перед Богом скорбящим и страдающим, перед Христом распятым и распинаемым постоянно мною; но одновременно — и символ победы благодати и истины Христа над „чином естества“, а потому орудие спасения, „благое иго“ (см.: Мф. 11: 30) на пути к жизни вечной, где „несть ни печаль, ни воздыхание“» [19, с. 19].

Пасхальный характер культуры, по мнению исследователя, «предопределил целый ряд коренных особенностей русской литературы (в частности, неистребимую власть темы преобразования) и главную проблему её — проблему совести (во всей широте этого понятия), проблему, переживаемую как драма вины. В совестном страдании — главный нерв этой литературы, источник её метаний и вдохновений, её крест и основа её человеческого кредо, которое своею светлостью прямо противоположно западному — по сути дела, глубоко трагическому — культу успеха и счастья» [19, с. 19]. Исторический жребий России, как утверждает В. С. Непомнящий, состоял и до сих состоит именно в том, чтобы опровергать «рождественский» идеал благополучного устройства в падшем мире, разоблачать идею сооружения безблагодатного эдема, рая без покаяния и, «храня веру в Христову правду, в образ Божий в человеке, томясь по Небесному Граду, удерживать мир, пока он ещё не растерял всё человеческое, от ожидающей на утопических путях позорной катастрофы» [19, с. 46].

Таким образом, русская и западная культуры значительным образом отличаются.

Обосновывая свои концепции, ученые, как правило, сосредотачиваются только на русской литературе, мало затрагивая западную. Но ведь и на Западе были гении, которые многое дали не только своим национальным культурам, но и всему миру.

Ярким представителем западных гениев является Шекспир.

Правомерно ли его творчество отнести к типу «эвдемонической» или «рождественской» культуры? Можно ли утверждать, что земные сокровища были для него или для его героев выше сокровищ небесных? Попробуем разобраться в этом, сопоставив творчество национального английского гения Шекспира с творчеством национального русского гения Пушкина, проанализировав их произведения в христианском контексте.

О том, что Пушкин и Шекспир являются национальными гениями, написано немало исследований. Так, Н. В. Захаров утверждает, что «для русской литературы Пушкин, проживший, как Моцарт, короткую, но столь насыщенную творческую жизнь, был её создателем-демиургом, равновеликим другим создателям национальных литератур, таким, как Гомер для греческой, Данте для итальянской, Рабле для французской и Шекспир для английской. Эти имена называет французский романтический писатель Ф. Р. Шатобриан, когда пишет о „гениях — прародителях“ (*génies-mères*) национальных традиций» [9, с. 49]. С точки зрения Н. В. Захарова, творчество Пушкина стало хронологической точкой отсчёта новой русской литературы: «Во множестве исследований, посвящённых творчеству поэта, показано, насколько последующие писатели обязаны Пушкину темами, образами, сюжетами, не говоря уже о создании им русского литературного языка во всём богатстве его стиливых и ритмико-интонационных вариаций» [9, с. 49]. Шатобриановскую концепцию мировой литературы Пушкин знал, поэтому с особым вниманием знакомился с творчеством гениев-прародителей, в том числе и с творчеством Шекспира. По мнению Н. В. Захарова, Пушкин «не только создал русскую версию европейской литературы, но и выразил в русском слове, преображая своим умом и сердцем, всю известную мировую литературу в её высших образцах и национальных вариантах, прибавив к этому своду мировой литературы главное — воплощение национальной русской темы в истории человеческой культуры во всех составляющих её элементах: природа, быт, история, религия, национальный характер, душа, нравственные идеалы, духовная

жизнь. Осуществил он это в творческом состязании с *génies-pères* европейской литературы — создателями национальных литератур. В „Руслане и Людмиле“ он соревнуется с Ариосто, в „Гавриилиаде“ — с Вольтером, в южных поэмах — с восточными поэмами Байрона, в романе в стихах „Евгений Онегин“ — с байроновским „Чайльд-Гарольдом“ и „Дон Жуаном“, в „Сцене из Фауста“ — с Гёте, в стихотворении „В начале жизни школу помню я...“ — с Данте („Новая жизнь“), в „Маленьких трагедиях“ — с французской классической трагедией и комедией, в „Капитанской дочке“ — с историческими романами Вальтера Скотта. Наконец, он „соревнуется“ с Шекспиром, которого Гёте назвал величайшим писателем» [9, с. 52].

Анализ творчества национальных гениев России и Англии в христианском контексте показывает, что отличия очевидны уже при сопоставлении принадлежности авторов к христианским конфессиям.

А. С. Пушкин, без сомнения, принадлежит к числу православных писателей, и его творчество невозможно понять без учета его собственного благочестивого отношения к Православию в зрелые годы, его особой любви к Библии, Евангелию. В 30-х годах XIX века Пушкин обращается к вере в Бога, много читает Библию, почтительно отзывается о Евангелии: «Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповедано во всех концах земли и применено ко всевозможным обстоятельствам жизни и происшествиям мира, из коей нельзя повторить ни единого выражения, которого не знали бы все наизусть, которое не было бы уже пословицею народов; она не заключает уже для нас ничего неизвестного; но книга сия называется Евангелием — и такова её вечно новая прелесть, что если мы, пресыщенные миром или удручённые унынием, случайно откроем её, то уже не в силах противиться её сладостному увлечению, и погружаемся духом в её божественное красноречие» [2, с. 350]. То, что Пушкин часто вдохновлялся Евангелием, отмечал и его друг князь Вяземский: «...в последние годы жизни своей <...> он имел сильное религиозное чувство: читал и любил читать Еван-

гелие, был проникнут красотой многих молитв, знал их наизусть и часто твердил их» [2, с. 380].

Что касается Шекспира, то у исследователей до сих пор нет четкого ответа на вопрос, какого вероисповедания он придерживался. Б. Н. Гайдин утверждает, что выдвигается и такая версия, что Шекспир вообще не был христианином, а был приверженцем иудаизма. Однако большинство исследователей всё же считают, что Шекспир был христианином, но не ясно, к какой именно христианской конфессии он принадлежал: католичеству или протестантизму: «Споры о том, какую религию исповедовал „Эйвонский Лебедь“, давно ведутся и до сих пор продолжаются. Это вполне естественно, ведь для англичан Шекспир — „их всё“. Для многих убеждённых англикан дело чести доказать, что Шекспир был истинным протестантом, точно так же как для католиков — обратное» [4, с. 74]. Б. Н. Гайдин приводит примеры из произведений Шекспира, опираясь на которые шекспироведы доказывают принадлежность Шекспира как к католичеству, так и к протестантизму, и делает вывод о том, что заявлять категорически о религиозных предпочтениях Шекспира не представляется возможным: «Очевидно, что драматург жил в переходный период и, как и все его соотечественники эпохи Реформации, переживал время переосмысления христианской религии» [4, с. 76]. Религиозный кризис, разумеется, не мог не отразиться и на творчестве Шекспира.

Следует сопоставить и время, в которое жили национальные гении. А. С. Пушкин жил в первой трети XIX в. Это был период, когда, несмотря на галломанию аристократов, православные ценности были очень сильны в русском обществе, в русском народе. Как утверждает Н. В. Захаров, «создание русской литературы нового типа Пушкин мыслил как задачу своего поколения, но решающий вклад в её сотворение внёс он сам. В его творчестве поражает универсализация принципа творческого переосмысления традиции и масштаб сделанного. Он не только создал русскую версию европейской литературы, но и выразил в русском слове, преображая своим умом и сердцем,

всю известную мировую литературу в её высших образцах и национальных вариантах, прибавив к этому своду мировой литературы главное — воплощение национальной русской темы в истории человеческой культуры во всех составляющих её элементах: природа, быт, история, религия, национальный характер, душа, нравственные идеалы, духовная жизнь» [9, с. 52]. Добавим к этому, что воплотить национальное в русской литературе Пушкину помогло именно Православие и православные традиции древнерусской литературы, которые он в своем творчестве продолжил. В XVIII в. Петр I провёл секулярные реформы, которые, по мнению многих исследователей, в частности, В. С. Непомнящего, нанесли огромный вред русской национальной культуре. Но именно в этот период появился А. С. Пушкин — «гений, которому оказалось по плечу подхватить и удержать ускользающую в океан прошлого национальную духовную традицию, почувствовать в ней источник энергии — живой, творческой, устремлённой из времени в вечность, возобновить и обновить эту традицию и с помощью орудий, выкованных, так сказать, европейским молотом из русского материала, помочь устранить опасность уподобления. Это помогло нации сохранить, удержать себя „над самой бездной“, связать „концы“ своей духовной истории, разрубленной петровской революцией, и воссоединить эту историю в целое — теперь уже тысячелетнее» [19, с. 43]. Именно в этом находит В. С. Непомнящий провиденциальный характер феномена Пушкина, утверждая, что «пушкинский художественный мир покоится на основании, положенном исповеданием и культурой допетровской Руси с её исполненным надежды взглядом на человека в свете христианской истины о нём, с её ясным пониманием драмы отпадения, но и с упованием на образ Божий в человеке» [19, с. 41].

Шекспир жил и творил в эпоху Возрождения, для которой был характерен антропоцентризм. Возрождение традиционно интерпретируется исследователями в положительном ключе как возрождение веры в силы и возможности человека самому быть хозяином своей судьбы, как великолепное искусство,

воспевающее красоту тела и души человека, как новая мысль, свободная от гнета Церкви. Однако современный духовный мировой кризис заставляет нас по-новому взглянуть на многие положения, которые ранее воспринимались как аксиомы.

Так, философ Ю. Кубасов в статье «Эпоха Возрождения — свет в конце туннеля или начало дороги, ведущей в ад?» [14] предлагает иную точку зрения на данный период в истории развития человечества. Отмечая, что на протяжении последних пятисот лет мир развивался на идеях и принципах эпохи Возрождения, Ю. Кубасов утверждает, что главнейший результат данной эпохи заключался в том, что «она заложила идейную основу для окончательного отказа человека от веры в Бога, идейную основу возможности существования человека без Бога» [14]. Безбожие, извращение учения Христа стали главными достижениями эпохи Возрождения. Именно в этом, по мнению Ю. Кубасова, исток современного мирового кризиса: «Потеряв Бога, европеец получил неограниченный материальный прогресс. Отбросив нравственность Иисуса Христа, европейский человек, используя мощную экономическую базу, явившуюся в результате научно-технического прогресса, захватил в свои владения весь мир. Европейцы променяли веру в Бога и в загробную жизнь на возможность жить на земле в материальном благополучии „золотого миллиарда“ за счёт ограбления остального человечества» [14].

Философ В. А. Мальцев в монографии, посвящённой христианскому гуманизму, утверждает, что «гуманизм эпохи Возрождения, названный классическим, постепенно потерял в своём содержании любовь к людям, вкладываемую в смысл этого слова христианами» [15, с. 16]. Связано это было с тем, что в эпоху Ренессанса на арену политической борьбы и общественной жизни вышел новый класс — буржуазия в лице первых банкиров, торговцев, мастеров-ремесленников и др. «Им не нужна была всеобщая христианская любовь между людьми, так как борьба за собственные права толкала их к противостоянию с феодалами и церковью, а желание умножить богатства вело

к усилению эксплуатации масс — черни» [15, с. 17]. Христианская система ценностей не соответствовала мировоззрению нарождающейся буржуазии. «В период Возрождения катастрофически падает авторитет католической церкви, а вместе с ним и значение христианской этики. Церковь своими отступлениями от христианской нравственности развенчала её и тем самым дала дорогу бурному росту языческого мировоззрения и нравственности. Этому процессу способствует увлечение античной философией, проповедующей языческие взгляды» [15, с. 192].

Если посмотреть на творчество Шекспира с этой точки зрения, то становится понятным, почему в нём возникает «трагический» период (1601–1607), характеризующийся пессимистическим мировосприятием и духовным кризисом автора. В него Шекспир пишет свои великие трагедии, принёсшие ему мировую славу. Герои трагедий Шекспира пытаются философски осмыслить мир, но оказываются с ним в конфликте, не находя выхода из противоречий, раздирающих их душу. Как настоящий гений, Шекспир остро чувствовал, что жить лишь материальными ценностями невозможно, отсюда столь высокие духовные проблемы затронуты в его произведениях. Однако в условиях диктовавшейся временем системы ценностей не было возможности найти решения данным проблемам. Только лишь с верой в Бога, в понимании высшего смысла жизни, на пути-восхождении к свету можно осознать смысл страданий, научиться принимать недостатки людей и любить их вопреки этим недостаткам, не осуждать, прощать, быть более требовательным к себе, а не к другим.

Именно поэтому у Шекспира и нет в творчестве ярко выраженной христианской концепции, хотя исследователи отмечают большое влияние Библии на Шекспира: «Практически все произведения эйвонского барда, так или иначе, включают в себя многочисленные библейские аллюзии и параллели. Библия — Книга книг — самое популярное издание в мире. Можно предположить, что Шекспировский „Гамлет“ занимает второе место после неё в этом списке наряду с „Дон-Кихотом“ Сервантеса. Тема „Шекспир и Библия“ является в шекспироведении не

новой, однако до сих пор далеко не до конца изученной. Дело в том, что и в данном вопросе творчество драматурга явилось камнем преткновения, почвой для многочисленных споров и дебатов. Авторы расходятся во мнении о степени воздействия на него именно Библии» [3, с. 46]. По поводу христианских идей его произведений также до сих пор ведутся споры. Анализу в данном аспекте подверглась и трагедия Шекспира «Гамлет». Б. Н. Гайдин в статье «Христианский тезаурус „гамлетовского вопроса“» утверждает, что «при всей кажущейся традиционности христианской интерпретации загадки „Гамлета“ с позиции заложенной русской религиозной философской школы, её научная актуальность до сих пор остаётся неисчерпанной» [3, с. 36]. Рассматривая «гамлетовские вопросы» с точки зрения христианской морали, Б. Н. Гайдин подчёркивает, что в трагедии много идей, соответствующих христианскому миропониманию, и Гамлета можно было бы назвать несостоявшимся Христом, хотя «одна его попытка достигнуть высшего идеала человеколюбия многого стоит» [3, с. 43].

На наш взгляд, ключевым в трагедии «Гамлет» является монолог принца датского «Быть или не быть», в котором отразилась трагическая коллизия, переживаемая, вероятно, самим Шекспиром: невозможность жить лишь материальными ценностями, потребность в духовности и отсутствие твердой веры в Бога, в Божий промысел относительно всего, что происходит на Земле:

*Кто снес бы плети и глумленья века,
Гнет сильного, насмешку гордеца,
Боль презренной любви, судей медливости,
Заносчивость властей и оскорбленья,
Чинимые безропотной заслуге,
Когда б он сам мог дать себе расчет
Простым кинжалом? Кто бы плёлся с ношей,
Чтоб охать и потеть под нудной жизнью,
Когда бы страх чего-то после смерти —*

*Безвестный край, откуда нет возврата
Земным скитальцам, — волю не смущал, —
Внушая нам терпеть невзгоды наши
И не спешить к другим, от нас сокрытым?
(перевод Л. Лозинского) [23, с. 51–52].*

Очевидно, что Гамлет находится в унынии и не может принять жизнь, в которой слишком много зла. Однако если человек верит в Бога, то он осознаёт приоритет света над тьмой, понимая, что познание зла является необходимым условием для познания добра и выбора своего пути к свету, к Богу. Монолог Гамлета демонстрирует отсутствие смысла в жизни шекспировского героя, так как веры в Бога у него нет, и за границей смерти он ощущает лишь пугающую неизвестность. В связи с этим, на наш взгляд, никак нельзя утверждать, что Гамлет ведёт себя соответственно христианским представлениям о добре и зле.

В поэзии Шекспира, которая представлена 154 сонетами, исследователи находят лишь единственный религиозный сонет — сонет 146.

*Душа моя, игрушка буйных сил
И средоточье плоти этой брэнной,
Когда твой дом тебе внутри не мил,
Зачем извне ты украшаешь стены?
Зачем, наняв его на краткий срок,
На жалкую обитель тратишь средства?
Кормить червей дала себе зарок?
Оставить тело хочешь им в наследство?
Оно — твой раб; за счёт его живи,
Свои богатства множь его ценою,
Божественную будущность лови,
Не дорожи непрочною красою.
У жадной Смерти этим вырвешь нож,
И, Смерть убив, бессмертье обретешь.
(перевод А. Финкеля) [22, с. 189].*

С точки зрения А. Н. Горбунова, это «стихотворение построено на столкновении христианских, присущих этому сонету, и неоплатонических мотивов, которые характерны для всей книги» [6, с. 646]. Исследователь утверждает, что представление о теле как темнице души не характерно для христианского миропонимания и в эпоху Ренессанса воспринималось как часть неоплатонической доктрины. Христианская тема развивается в третьем четверостишии, где поэт призывает тело служить душе. Заключительное двустишие написано в духе христианских ценностей: «Согласно учению христианской Церкви, смерть, пришедшая на землю благодаря первородному греху человека, в новом, преображённом после Второго Пришествия мире, где будет „новое небо и новая земля“ должна исчезнуть навсегда. Всё это двустишие одушевлено пасхальным упованием на всеобщее воскресение» [6, с. 647]. Задаваясь вопросом, почему же религиозный сонет неожиданно вклинился между двумя другими, обращенными к Смуглой леди, А. Н. Горбунов предполагает, что, скорее всего, он должен был находиться на другом месте и, вероятно, был эпилогом ко всей книге сонетов. Связано это было со средневековыми поэтиками, которые не утратили актуальность и в эпоху Возрождения. В соответствии с их требованиями «для средневековых эпилогов были характерны следующие черты: подчёркивание нравственной доминанты произведения; предупреждение грешникам, чтобы они не теряли бдительности; религиозные мотивы, которые отсутствовали в прологах, должны были содержаться в эпилогах даже самых светских произведений» [6, с. 648]. А. Н. Горбунов считает, что «146-й сонет Шекспира отвечает этим требованиям и, вероятно, был написан как эпилог к книге. Единственное религиозное стихотворение среди остальных чисто светских, оно, очевидно, и должно было стать последним. Эти строки не требуют продолжения» [6, с. 648].

Все остальные сонеты, с точки зрения исследователей, восходят к столь популярному в эпоху Возрождения неоплатонизму. Согласно традиционной трактовке сонетов, в своей концепции любви Шекспир следует за Платоном и в возвышенной

любви к Другу и порочной любви к Смуглой даме противопоставляет Венеру небесную и Венеру земную. Идеалом признается восхождение к небесной любви, и гендерные обстоятельства здесь малосущественны, так как в платонической любви общаются души, а не тела. С точки зрения А. Н. Горбунова, свою версию платонической любви наиболее полно Шекспир воплотил в 116 сонете. В. С. Флорова отмечает, что вопрос о влиянии платонической теории любви и дружбы, а также платонической концепции красоты на поэзию Шекспира был поднят в XIX в. С точки зрения исследовательницы, «эстетика платонической любви, которая, безусловно, определяет сонеты Шекспира, базируется в основном на личном психологическом переживании, а не на ясном знании теории. Именно поэтому „Сонеты“ гораздо ближе к платоновскому „Федру“, чем к „Пиру“. Мир идей, философская доминанта Платона, практически полностью отсутствует у Шекспира, подменяясь живой „субстанцией“ друга» [21, с. 666].

Б. Н. Гайдин, рассуждая о конфессиональной принадлежности Шекспира, отметил, что «если переключить внимание с личности драматурга на его произведения, представляется возможным говорить и, к примеру, о „православном Шекспире“». Ведь его шедевры прочно закрепились на русской почве, войдя в тезаурус православных читателей» [5, с. 238]. В нашем научно-художественном труде «Диалог с Шекспиром. Сонеты» [11] была осуществлена попытка осмыслить сонеты Шекспира в контексте православных пушкинских традиций русской литературы в русле направления «Духовный реализм». Анализ сонетов Шекспира с этой точки зрения показал, что данный цикл сложно назвать путём-восхождением лирического героя к идеалу небесной Любви. Рабское чувство к Другу и порочную страсть к Смуглой леди вряд ли можно считать истинной любовью. Это, скорее, этапы духовного развития героя, его постижение жизни, попытки найти в ней высший смысл, которого он, однако, так и не находит. Отсутствие у лирического героя твёрдой веры в Бога оставляет нерешёнными многие проблемы, в том числе и проблему любви. Согласно

христианскому миропониманию, любовь предполагает жертвенность, отдачу, но в ней человек не теряет свою честь и свободу, не становится рабом (как это происходит в любви лирического героя к Другу), не использует любимого как объект для собственных наслаждений, не упрекает его в пороках (как это происходит в любви лирического героя к Смуглой леди), а видит в нём субъект, личность, любит его вопреки недостаткам и, страдая, восходит к свету, к Богу. Именно Бога как источника света и высшего смысла жизни нет в творческой концепции сонетов Шекспира, что во многом являлось следствием антропоцентрической эпохи Возрождения. В этом, на наш взгляд, и есть основная причина трагичного мироощущения лирического героя и незавершенности его духовных поисков.

Если сопоставить основные темы сонетов Шекспира с такими же темами в творчестве Пушкина, то можно увидеть, что идеи Пушкина в стихах на данные темы намного более органичны христианской культуре.

Например, лирический герой в сонетах Шекспира постоянно обвиняет свою возлюбленную в недостатках, считает её недостойной любви, а себя, безусловно, достойным. Тем самым, он унижает её, возвышая себя.

*Отдавшись недостойной на века,
Достоин я любви наверняка!
(Сонет 150. Перевод И. Фрадкина) [11, с. 334].*

*Любовь — мой грех, а чистота твоя
Лишь ненависть к любви моей порочной.
Но ты сравни обоих нас — и я
Не худший буду в этой ставке очной.
(Сонет 142. Перевод А. Финкеля) [22, с. 184].*

Настоящая любовь, с христианской точки зрения, просветляет душу, помогает обрести Бога. Любовь не является зависимостью, не лишает свободы, нельзя заставить любить.

По-настоящему любящий человек проявляет лучшие качества в любви, понимая, что любовь — Божий дар человеку и любви достойны все. Согласно христианскому миропониманию, любовь лишена эгоизма, предполагает жертвенность, отказ от собственного счастья ради счастья любимого. Эта идея наиболее ярко отражена в стихотворении А. С. Пушкина «Я вас любил»:

*Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим [20, с. 271].*

В раскрытии темы смерти и времени Шекспир практически не касается темы посмертного существования. Он сожалеет, что время убивает человека и всё живое на Земле.

*Когда я вижу княжеств треволенье —
То рушатся, то возникают вновь, —
Тогда я мыслю: вот придет мгновенье,
И время умертвит мою любовь.
Страшна та мысль, и плачу от неё:
Зачем непрочно счастье так моё!
(Сонет 64. Перевод А. Финкеля) [22, с. 92].*

*Отдаст Природа-мать тебя в заклад
И отведёт свой благосклонный взор:
Сполна долг взыщет Время-кредитор.
(Сонет 126. Перевод И. Фрадкина) [11, с. 286].*

После смерти лирического героя ожидает «мир червей», о чём прямо заявлено в 71 сонете:

*Когда умру, недолго плачь, — пока
Не возвестит протяжный звон церковей,
Что из худого этого мирка
Я перебрался в худший — мир червей.
(Сонет 71. Перевод А. Финкеля) [22, с. 100].*

Комментаторы находят в этом библейскую аллюзию к Евангелию от Марка (Мк: 9:48): «где червь их не умирает и огонь не угасает» [16, с. 812], из которой, очевидно, можно сделать вывод о том, что лирический герой считает, что после смерти попадёт в ад. На наш взгляд, данной аллюзии здесь может и не быть, а имеется в виду буквальное попадание тела после смерти в землю, где его поедают черви, а значит, ни о каком посмертном существовании здесь речь не идет, ибо со смертью тела жизнь кончается.

Христианское миропонимание утверждает, что смерть — это переход в иной мир. Вся земная жизнь человека — подготовка к жизни вечной, к встрече с Богом. Для христиан характерна вера во встречу с любимыми людьми в другом мире, ибо время убивает тело, но душа вечна. Данная идея очевидна в стихотворении Пушкина «Для берегов отчизны дальной»:

*Но там, увы, где неба своды
Сияют в блеске голубом,
Где тень олив легла на воды.
Заснула ты последним сном.
Твоя краса, твои страданья
Исчезли в урне гробовой —
А с ними поцелуй свиданья...
Но жду его; он за тобой... [20, с. 300].*

Тема искусства проявляется у Шекспира в том, что лирический герой видит ценность своих сонетов в продолжении жизни его Друга.

*Я памятник тебе в стихах воздвиг.
Их перечтут в грядущем наши дети,
И вновь тебя прославит их язык,
Когда не будет нас уже на свете.
Могуществом поэзии моей
Ты будешь жить в дыхании людей.
(Сонет 81. Перевод А. Финкеля) [22, с. 112].*

В русской литературе искусство всегда понималось как источник озарения и умудрения, а писатель воспринимался как пророк, несущий идеи Бога. Идея служения Богу своим творчеством проявилась в творчестве Пушкина в стихотворениях «Пророк», «Я памятник себе возник нерукотворный». В последнем стихотворении очевидна и идея посмертного существования в своём творчестве.

Тем не менее, при всём различии взглядов на жизнь и творческих концепций Пушкин всегда очень уважительно относился к Шекспиру и учился на его произведениях. Н. В. Захаров, исследуя шекспировский тезаурус в творчестве Пушкина, пришёл к выводу, что ученичество Пушкина у Шекспира имело «глубокие мировоззренческие последствия: на многие личные и исторические события Пушкин стал смотреть „взглядом Шекспира“» [10, с. 76]. Это особенно полно отразилось в «Борисе Годунове», в «Маленьких трагедиях» и в незавершённом переводе пьесы Шекспира «Мера за меру» и в последующем его трансформации в поэму «Анджело»: «Диалог с Шекспиром помог Пушкину обрести неповторимую глубину выражения смысла слова, понимание природы человека и власти, и именно поэтому „Анджело“ — лучшее произведение ученика, сумевшего превзойти в творческом состязании своего великого и любимого учителя, коим был для русского поэта британский гений» [10, с. 77].

Трагедия «Борис Годунов», которая создавалась Пушкиным под влиянием драматургии Шекспира, также отличается от трагедий английского гения ярко выраженной христианской концепцией. Если сопоставить «Бориса Годунова» с историческими хрониками Шекспира, то можно сделать вывод о том, что Пушкин вернул трагедии утраченную в эпоху Возрождения веру в Бога, в необходимость покоряться Божьей воле, стоящей над человеком и человечеством, показал, что миром управляет Божий Промысел, и во всём, что происходит на земле, есть высший смысл. Драматургическая система Шекспира, в отличие от пушкинской, антропоцентрична: «Шекспировская система

ориентирована антропоцентрически, пушкинская — провиденциально. Здесь, думается, корень самобытности драматической системы Пушкина. <...> Трагедия Шекспира — в чисто драматургическом смысле — трагедия об отношениях одних отдельных людей с другими отдельными людьми. Шекспир смотрит на отношения человека с Истиной „со стороны“ человека, и притом человека, разобщённого с другими людьми, предоставленного самому себе и поэтому обречённого употреблять огромные усилия для того, чтобы сохранять в своей одинокой душе то общечеловеческое, что делает людей людьми, или — вовсе отвернуться от этого общечеловеческого. Разобщённость людей порождает дефицит общечеловеческих идеалов и совести (или просто пренебрежения ею) у многих героев. В человеке, предоставленном самому себе, „отдельном“, отъединённом от других, место идеалов занимают „природные“ качества, эгоистические страсти, „подробности чувства“ (Толстой). Именно „со стороны“ природных страстей, сквозь их мутное и искривлённое стекло, Шекспир вынужден смотреть на отношения человека с Истиной. <...> Шекспировская драматическая система имеет „точку отсчёта“ внутри индивидуальности, внутри отдельного лица, состояние совести и судьба которого и представляет главный интерес. У Пушкина ориентация другая: на общую, соборную судьбу, — и точка отсчёта у него, можно сказать, превратилась в линию, в ось, проходящую через совесть и судьбу отдельного лица, через соборную совесть и судьбу народа» [17].

Ещё одно связанное с христианским мировоззрением отличие творчества Шекспира и Пушкина заключается в том, что Пушкин, в отличие от Шекспира, умел призывать «милость к падшим», и даже отрицательные герои у него показаны не вызывающими антипатию. В. С. Непомнящий отмечал, что в мире Пушкина много преступников, убийц, предателей. «Деяния их несомненно ужасны, но сами эти люди вызывают не только антипатию (как, например, шекспировские Яго, Ричард III, Клавдий из „Гамлета“, Эдмунд и другие персонажи „Короля Лира“ и пр.) <...> Противостоянием злого и доброго художественно

создается пространство личности, имеющее иррациональную глубину. Оказывается, что Пушкин, не умаляя зла, творимого героями, в то же время сочувствует им» [18, с. 38].

Таким образом, рассмотрев творчество Шекспира и Пушкина в христианском контексте можно сделать следующие выводы.

Нельзя говорить о том, что в творчестве Шекспира утверждаются лишь земные ценности и для его героев «сокровища земные» важнее «сокровищ небесных». В своих произведениях английский гений затрагивает очень важные вечные духовные темы. Он размышляет о любви, о времени, о смерти и бессмертии, об искусстве, о зыбкости телесной красоты, о грехе, о продолжении жизни в творчестве и в потомстве. Отзывчивость Шекспира на острые проблемы человеческой жизни, философское осмысление основ бытия, умение поднимать всегда актуальные, вечные вопросы в своих произведениях делают его не просто национальным английским писателем, но истинным гением всех времен и народов. Однако творил Шекспир в эпоху Возрождения, для которой был характерен антропоцентризм и кризис веры в Бога. В большинстве своих произведений Шекспир отразил этот кризис, показав, что жизнь без истинных Божьих ценностей превращается в ад, однако чётко выраженной христианской концепции в его творчестве нет, и его герои часто не находят выхода, который могло бы дать им обретение ими веры в Промысел Божий.

Что же касается Пушкина, то участь у Шекспира, он, несомненно, пошёл дальше своего учителя. После создания трагедии «Борис Годунов», которую Пушкин оценивал выше всего из своих произведений, его реализм обрел религиозную первооснову. И этот реализм Пушкина, который следует назвать «христианским реализмом», имел свои корни в Евангелии и конкретно — в притчах Христа (см. об этом подробнее в нашей работе [12]). Этот реализм впитал в себя и христианские традиции древнерусской литературы, которая также базировалась на Евангелии. Христианский реализм Пушкина, из которого потом вышли

Ф. Достоевский, Л. Толстой и др., значительно отличался от западноевропейского реализма, в котором человек изображался как герой-индивидуалист, пленник своих земных несовершенств. В основе пушкинской иерархии ценностей лежит чувство совести. Именно эту главную особенность пушкинского мироощущения отметил критик Серебряного века Ю. Айхенвальдт, который назвал произведения Пушкина «художественным оправданием Творца, поэтической Теодицеей» [1]. С точки зрения Н. В. Гоголя, поэзия была для Пушкина святыней, храмом: «Из всего, как ничтожного, так и великого, он исторгает одну электрическую искру того поэтического огня, который присутствует во всяком творении Бога, — его высшую сторону, знакомую только поэту <...> чтобы сказать одним одарённым поэтическим чутьём: „Смотрите, как прекрасно творение Бога“» [13, с. 512]. Н. В. Гоголь особо подчеркнул, что для всех других поэтов и писателей Пушкин был точно с неба сброшенный поэтический огонь, от которого они зажглись, как свечи.

Именно этот огонь христианской традиции — изображать реальную жизнь человека в свете Божьего Промысла о нём — и передал Пушкин всем последующим классикам русской литературы. Совмещение духовной и материальной реальности в литературных произведениях с явным приоритетом первой, утверждение в них христианской системы ценностей сделало русскую литературу поистине великой, способствовало развитию всей русской культуры и возвысило Россию в мировом масштабе.

Список литературы

1. Айхенвальд Ю. И. Пушкин. Из книги: Силуэты русских писателей. В 3 выпусках. Вып. 1. — М., 1906–1910; 2-е изд. М., 1908–1913. [Электронный ресурс]. — URL: http://dugward.ru/library/pushkin/aihenv_pushkin.html.

2. Ведерников А. В. Религиозные судьбы великих людей русской национальной культуры. — М.: Издательство Москов-

ской Патриархии Русской Православной Церкви, 2014. — 624 с.

3. Гайдин Б. Н. Христианский тезаурус «гамлетовского вопроса» // Тезаурусный анализ мировой культуры: Сб. науч. трудов. Вып. 1 / Под общ. ред. Вл. А. Лукова. — М.: Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2005. — С. 36–48.

4. Гайдин Б. Н. Шекспир и ветви христианства // Тезаурусный анализ мировой культуры: сб. науч. трудов. Вып. 17 / под общ. ред. Вл. А. Лукова. — М.: Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2008. — С. 71–76.

5. Гайдин Б. Н. Шекспир и христианская культура // Знание. Понимание. Умение. — 2006. — № 2. — С. 236–239.

6. Горбунов А. Н. Сонеты Шекспира: загадки и гипотезы // Шекспир У. Сонеты; подгот. А. Н. Горбунов, В. С. Макаров, Е. А. Первушина, В. С. Флорова, Е. В. Халтрин-Халтурина; [отв. ред. А. Н. Горбунов]. — М.: Наука, 2016. — С. 607–649.

7. Дунаев М. М. Православие и русская литература: учебное пособие для студентов духовных академий и семинарий. В 6-ти частях. Ч. 1. — М.: Христианская литература, 1996. — 320 с.

8. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. — М.: Круг, 2004. — 560 с.

9. Захаров Н. В. Пушкин и Шекспир: диалог драматургов как «гениев прародителей» // Тезаурусный анализ мировой культуры: сб. науч. трудов. Вып. 25 / под общ. ред. Вл. А. Лукова. — М.: Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2013. — С. 49–54.

10. Захаров Н. В. Шекспировский тезаурус в творчестве Пушкина // Вестник Международной академии наук (Русская секция). — 2006. — № 1. — С. 75–77.

11. Золотухина О. Ю. Диалог с Шекспиром. Сонеты. — Красноярск: издательство «Буква Статейнова», 2019. — 344 с.

12. Золотухина О. Ю. Христианский реализм в повести А. С. Пушкина «Станционный смотритель»: монография. — Красноярск, 2020. — 140 с.

13. Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта: исследование. — М.: АСТ МОСКВА, 2006. — 668 с.

14. Кубасов Ю. Эпоха Возрождения — свет в конце тунне-

ля или начало дороги, ведущей в ад? [Электронный ресурс]. — URL: // http://ruskline.ru/analitika/2013/06/18/epoha_vozrozhdeniya_svet_v_konce_tunnelya_ili_nachalo_dorogi_veduwej_v_ad

15. Макаров В. С. Примечания // Шекспир У. Сонеты; подгот. А. Н. Горбунов, В. С. Макаров, Е. А. Первушина, В. С. Флорова, Е. В. Халтрин-Халтурина; [отв. ред. А. Н. Горбунов]. — М.: Наука, 2016. — С. 770–868.

16. Мальцев В. А. Либеральная этика и христианский гуманизм: история и проблемы. — Красноярск, 2014. — 452 с.

17. Непомнящий В. С. Наименее понятый жанр // Непомнящий В. С. Поэзия и судьба (Избранные работы. Т. I. М., 2001). [Электронный ресурс]. — URL: // <http://sobolev.franklang.ru/index.php/pushkin-i-ego-vremya/207-v-s-nepomnyashchij-naimenee-ponyatyj-zhanr>.

18. Непомнящий В. С. Пушкин. Русская картина мира. Серия «Пушкин в XX веке», вып. VI. — М.: Наследие, 1999. — 544 с.

19. Непомнящий В. С. Феномен Пушкина и исторический жребий России: К проблеме целостной концепции русской культуры // Московский пушкинист: Ежегод. сб. / Рос. АН. ИМЛИ им. А. М. Горького. Пушкин. комис. — М.: Наследие, Вып. III. — 1996. — С. 6–61.

20. Пушкин А. С. Стихотворения // Пушкин А. С. Собрание сочинений в 3-х томах. Т. 1. — М.: Гос. издательство художественной литературы, 1955. — С. 63–386.

21. Флорова В. С. Основные тенденции и подходы к изучению шекспировских сонетов в английской критике XVII–XX вв. // Шекспир У. Сонеты; подгот. А. Н. Горбунов, В. С. Макаров, Е. А. Первушина, В. С. Флорова, Е. В. Халтрин-Халтурина; [отв. ред. А. Н. Горбунов]. — М.: Наука, 2016. — С. 650–685.

22. Шекспир У. Лирика: Сонеты, поэмы, монологи. — М.: ЗАО Изд-во Эксмо-пресс, 1999. — 512 с.

23. Шекспир У. Трагедии / Пер. с англ. — М.: Худож. лит., 1981. — 366 с.

УДК 37.1174.372.8

Логинава Т. Н.
учитель русского языка, литературы
и ОРКСЭ, руководитель клуба
«Открой свою книгу»
Гимназия № 16,
г. Красноярск
e-mail: t.n.loginova@mail.ru

Loginova Tatyana N.
Teacher of Russian language
and literature, head of the
“Open Your Book” club
Gymnasium № 16
Krasnoyarsk
e-mail: t.n.loginova@mail.ru

ИЗУЧЕНИЕ РУССКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ХРИСТИАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ИЗ ОПЫТА ВНЕКЛАССНОЙ РАБОТЫ)

Studying of Russian and foreign literature in the context of
Christian culture (from experience of extracurricular work)

Аннотация: *Статья посвящена изучению русской и зарубежной литературы в контексте христианской культуры на занятиях клуба креативного чтения «Открой свою книгу». Автор статьи представляет виды деятельности на занятиях клуба, а также обращает внимание на выбор произведений, обусловленный возрастным критерием, включая творчество писателей и поэтов XIX–XXI веков. Особое внимание уделяется знакомству с произведениями Г. Х. Андерсена, О. Генри, А. де Сент-Экзюпери, Э. Э. Шмитта, Г. Бичер-Стоу, К. С. Льюиса, М. Ю. Лермонтова, Н. С. Лескова, православного публициста Александра Ткаченко и др. с точки зрения их христианского осмысления.*

Abstract: *The article is devoted to studying of Russian and foreign literature in the context of Christian culture at meetings of the literature club of creative reading “Open Your Book”. The author introduces activities to draw students’ attention to the choice of literary works according to their age. Poets and writers of the 19th, 20th and 21st centuries are included. Some writers take a special place in the list to study: Hans Ch. Andersen, O. Henry, Antoine de Saint-Exupery, Eric E. Schmitt, Clive Staples Lewis, Harriet Beecher Stowe, M. Lermontov, N. Leskov, contemporary Orthodox publicist*

Alexander Tkachenko. Their works are studied in a way of Christian comprehension.

Ключевые слова: христианская культура, христианская тематика, христианская составляющая, библейские сюжеты, библейские персонажи, евангельские мотивы.

Keywords: Christian culture, Christian subjects, Christian component, biblical stories, biblical characters, evangelical motives.

Изучая русскую и зарубежную литературу в контексте христианской культуры, нужно чётко осознавать, что «христианская культура — необязательно та, которая прямо говорит или рассуждает о Христе». Но темы, проблемы, герои произведений, о которых пойдёт речь, могут быть увидены и поняты учениками именно через их христианское осмысление.

Художественная литература, как и другие области культуры, связана с миром ценностей. В различных культурно-исторических ситуациях литература ориентируется на ценности, именно в соотношении с ними она отражает реальность. Для нас на занятиях клуба креативного чтения «Открой свою книгу», который является основным направлением проекта «Вознести книгу в ранг культурной ценности», важным становится выбор книг, где авторы обращаются к христианским ценностям.

И в связи с этим, делясь опытом внеклассной работы, необходимо, прежде всего, отметить виды деятельности на занятиях клуба. Это и умелая рекомендация удачно выбранной книги не только учителем, но и родителями и заранее подготовленными учениками, и выступление руководителя клуба в 3–11 классах, ставшее традиционной формой популяризации лучших образцов мировой литературы в гимназии. Это и обсуждение прочитанных произведений, постановка проблемных вопросов, создание иллюстраций по прочитанным произведениям, написание сочинений разных жанров к школьным, краевым и всероссийским конкурсам. Подготовка электронных презентаций по отдельным произведениям и выступления членов клуба в 5–7-х, а с более сложными темами в 8–11 классах стала одной из самых результативных форм работы.

Школьники, слушая выступающих, становятся активными участниками диалога о христианских ценностях произведений, темы которых для них являются новыми. В 2021 году мы возобновляем в рамках гимназии написание исследовательских работ духовно-нравственного содержания (христианская и православная тематика), что также в недавнем прошлом было традиционным видом нашей деятельности. Последние три года мы обратились к проведению круглых столов, получивших название «У книжной полки». Традиционной формой работы стали также итоговые мероприятия клуба креативного чтения «Открой свою книгу», где обращение к христианским темам стало неотъемлемой частью нашей работы.

Выбор произведений для изучения на занятиях клуба обусловлен возрастным критерием. Так, в начальной школе настольной книгой для нас стало творчество Г. Х. Андерсена, во многих сказках которого виден христианский взгляд на мир: гордыня и эгоизм, жертвенность и нравственное пробуждение в сказке «Чайник», жертвенная любовь и бессмертие человеческой души в «Русалочке». Особенно поразила детей сказка писателя «Ангел», где отзывчивость, милосердие, умение любить ближнего стали темами для обмена впечатлениями на занятиях и вызвали желание нарисовать иллюстрации. Сказку «Девочка со спичками» ребята тоже иллюстрировали, включив её в презентацию по теме «Рождественские истории», наряду с историями «Мальчик у Христа на ёлке» Ф. М. Достоевского, «Неразменный рубль» Н. С. Лескова и другими рассказами.

«Библейские сказки» Саши Чёрного (Александра Михайловича Гликберга) — ещё одна книга, которая вызывает у младших школьников неподдельный интерес. Это, как написано в аннотации к книге, *«не пересказ библейских сюжетов для детей. Это выдуманнные истории, главные герои которых — библейские персонажи»* [13]. *Это Моисей, пророк Елисей, праведник Иона, пророк Даниил. «В „сказках“ Саши Чёрного они становятся живыми, понятными и очень реальными людьми, каковыми в действительности и были»* [13]. Сказки основаны на древних

библейских сюжетах и повествуют о простых истинах — добре и зле, смирении, любви ко всему живому. Как пишет Анатолий Иванов в завершающей книгу статье: *«Прежде всего, было необходимо скупые, спрессованные в афористичные изречения древние притчи развернуть в живые житейские картины, не уходя при этом от изложенной в Библии фабулы. Каждый должен был наяву представить звенящий от цикад и зноя пейзаж Ближнего Востока — те места, который Саша Чёрный намеревался посетить, но так и не сумел. Затем надо было вдохнуть человеческое тепло в окаменевшие за века мифологические фигуры, сделать их узнаваемыми и близкими. И, наконец, без этого он никак не мог, населить это полусказочное, полуреальное пространство живностью, всякими тварями, хотя и не упомянутыми в Библии, но, несомненно, обитавшими в те эпохи...»* [2].

Истории для детского чтения в пересказе православного публициста, обозревателя журнала «Фома» А. Ткаченко и цикл его под названием «Евангельские истории в пересказе для детей и взрослых» не оставили ребят равнодушными и вдохновили на создание иллюстраций, сочинений-миниатюр. Так, удивила и вдохновила школьников на коллективное сочинение стихов «Ёлкина история» о христианском священнике и святом Бонифации, который объяснял язычникам, что настоящий Бог — это Иисус Христос, и срубил дуб, доказав, что никакое божество его не покарает.

*Бонифаций дуб срубил,
Он друидов не щадил:
Они очень испугались,
За деревья волновались:
В них ведь божества живут
И удачу всем несут...
А зелёная ёлка
С острой, тоненькой иголкой
Там стояла одиноко,
Недалёко, невысоко.
Стала символом она
Христианства и Христа!*

Открытием для учеников была также история «Где родился Санта-Клаус», в которой они узнали, что *«имя „Санта-Клаус“ в переводе на наш язык означает святой Николай. Или, как ещё его называют, Николай Чудотворец»*. Так ребята узнали историю жизни этого святого.

«Житие святого Фёдора Ушакова в пересказе для детей» А. Ткаченко познакомило ребят с величайшим российским флотоводцем, который к тому же был ещё и православным святым, что немало удивило ребят. Читая житие, мы беседовали о том, как совмещал Фёдор Ушаков святость с воинским искусством, о том, что *«за свою жизнь он не проиграл ни одного морского сражения, не потерял ни одного корабля. Но главный талант Фёдора Ушакова был в умении по-настоящему любить каждого человека, независимо от его звания и чина...Фёдора Фёдоровича Ушакова Господь избрал для защиты православного народа»* [11].

В 5–7-х классах на занятиях клуба мы обращаемся к творчеству О. Генри, Э-Э. Шмитта, Р. Брэдбери, А. де Сент-Экзюпери, Н. С. Лескова, Ф. М. Достоевского. В который раз уже с новыми членами клуба читаем повесть Эрика-Эмманюэля Шмитта «Оскар и Розовая Дама», после чего и рождаются строки сочинений-отзывов ребят: *«Это произведение крайне трагичное. Оно заставило меня плакать. Хотя эта история о смертельно больном мальчике, но показана она так, будто ты погрузился в мир не только отчаяния, но и просветления. В мир общения с Богом. Обязательно прочитайте это произведение»*.

На занятиях мы ставили цель показать стадии духовного роста главного героя книги Эрика-Эмманюэля Шмитта «Оскар и Розовая Дама», исследуя темы веры, пути к Богу, любви, зрелости, мужества, мудрости в жизни десятилетнего мальчика. Почему эта повесть Эрика-Эммануила Шмитта, малоизвестная российскому читателю, и спектакль, созданный на её основе, оказывают такое сильное влияние на сердца людей? Как автору удаётся направлять читателя к раздумьям о жизни и смерти, болезни, вере в Бога? Эти и другие вопросы рассматривали мы на занятиях. Удивительная повесть «Оскар и Розовая Дама» о

том, как человек находит Бога внутри себя. Она о любви и верности, об умении прощать, о мужестве, зрелости, о мудрости и смысле жизни... Размышляя над этими вопросами, мы говорим о том, как важно быть милосердными с окружающими. И, наконец, задаём себе самый главный вопрос: «Для чего я пришёл на эту землю?»

Щадить других, близких тебе людей, которых ты сумел полюбить не только человеческой, но и Божеской любовью — вот итог короткой жизни, к которому приходит и приводит нас Оскар. Как не вспомнить тут слова М. Яковлева, сказанные им в рассказе «Любовь милосердствует»: «Так мало прожито и так много дано». История болезни Оскара напоминает другую невыдуманную историю жизни мальчика по имени Серёжа Старк, глубоко верующего и доброго человечка, который так же, как Оскар, мужественно уходил из жизни. К его истории жизни мы обращаемся, читая страницы небольшой книжки А. М. Осоргиной «Блажени чистии сердцем», сопоставляя судьбы маленьких героев.

Серёжа так же, как и Оскар, был шалуном *«...весёлым, живым, жизнерадостным мальчиком, шалуном, и каким шалуном! Достаточно было посмотреть на эту круглую, весёлую рожицу, увидеть его исцарапанные, грязные коленки, ручки, которые так и лезли в карманы, а это строго запрещалось. А в карманах-то чего-чего не бывало! Всякие невозможные сокровища в виде камешков, железок, пробок, верёвочек — самые мальчишеские карманы. И при этом глаза, такие глаза — сияющие, весёлые, искрящиеся. В них был и свет, какой-то внутренний, и жизнь, и шалость детская. Но шалости его были просто шалости. Никогда ничего плохого в нем не было»* [5].

...В 1940 году на праздник Крещения Господня Серёжа внезапно заболел. Никто не мог предположить в этот день, что Господь уже призывает его. Однако вскоре болезнь стала смертельно опасной, и 19 февраля Серёжа Старк умер. За месяц болезни для всех, кто был с ним рядом, открылась его духовная зрелость, достойная не ребёнка, а старца-подвижника — глубина его веры,

его мужество и любовь к Богу и ближним. Один из лечивших его докторов сказал: *«Если бы этот ребёнок был, как другие, можно было бы ещё надеяться, но вы сами видите, что это ангел... А задерживать на земле ангелов — не в наших силах!»*.

Авторы «Оскара и Розовой Дамы» и книжки А. М. Осоргиной «Блажени чистии сердцем» как будто напоминают нам всем: цените каждый момент вашей жизни, который вам даруется, проживите его, насытитесь им как в последний день, успеете жить и любить, помогите это сделать тем, кто рядом.

Давая оценку моноспектаклю в главной роли с Алисой Фрейндих, поставленному по повести Эрика-Эмманюэля Шмитта, протоиерей Александр Степанов пишет:

«... спектакль „Оскар и Розовая дама“ — большая удача. Шмитт — западный автор, но его пьеса продолжает великую традицию христианской литературы, и русской, и западной. Далеко не всех русских классиков мы назвали бы церковными людьми — к примеру, Тургенев или Чехов никак не декларировали своё православие, их творчество не вращается вокруг „церковных“ тем, но их литература изнутри христианская, она светится светом Христовым, нежностью и любовью к человеку, к жизни» [9].

Но читаем не только мы, читают родители детей и тоже плачут, например, над страницами книги «Хижина дяди Тома» Гарриет Бичер-Стоу. И опять своё отношение к прочитанным книгам мы выражаем не только в прозе, но и в стихах:

*Над судьбою Тома плакали,
На страницы слёзы капали...
Боль с Оскаром побеждали,
Письма к Богу с ним писали.*

Р. Брэдбери рассказом «Всё лето в один день» заставил нас ещё раз задуматься, насколько зависть губит душу маленького человека, разрушая её ненавистью и жестокосердием. В нём нет явно проявленного христианского посыла, но ребята приходят к выводу, что только любовь между людьми способна спасти их от духовной гибели.

«Дары волхвов» О. Генри — история, ведущая ребят ко времени

рождения Христа. Они, обращаясь к произведению, рассказывают о том, кто такие волхвы и какие дары принесли они родившемуся младенцу. Что обозначают эти дары? И почему рассказ так назван? О радости и теплоте человеческого общения, о любви и участии, самоотречении, верной и бескорыстной дружбе Деллы и Джима поведал нам автор, называя своих героев мудрейшими, поскольку они подарили друг другу самое дорогое, что у них было.

Изучение философской сказки А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц» начинается на уроках в 5-м классе, а мы продолжаем о нём размышлять на занятиях клуба. Беседуя, пишем отзывы: *«Любовь к слову, любовь к книге... Это чувство эйфории, наибольшего счастья. Когда слово талантливо сказано, тогда даже неодушевлённые предметы в книге становятся живыми. Когда ты любишь книгу, когда ты готов читать её днём и ночью и не можешь оторваться, ты становишься с автором одним целым.*

Книга, которая вдохновила меня, книга, которую я по-настоящему полюбил, — это философская сказка Антуана де Сент-Экзюпери „Маленький принц“. Эта небольшая книжка наполнена глубокими смыслами, что хранятся в каждом слове, в каждом слоге, в каждой букве. И слово в ней как маленький ларец, в котором спрятаны драгоценные мысли писателя».

Сначала в средних классах мы рассматриваем эту сказку, акцентируя внимание на проблемах добра и зла, жизни и смерти, истинной любви, красоты и т. д., а позже со старшеклассниками говорим о библейских образах и их содержательности, о философской и христианской символике. И уже главный герой становится для нас символом человека-странника, ищущего скрытый смысл вещей и собственной жизни. Пустыня же — символом духовной жажды с таящимися в ней родниками, которые найти человеку помогает сердце. Символичной становится и вода как первооснова жизни, источник силы. Символичны и баобабы как образ зла вообще и греха в частности.

Театрализованное представление «Дороги к себе самому...» (по страницам жизни и творчества Антуана де Сент-Экзюпери) явилось итоговым мероприятием нашей работы по жизни и твор-

честву писателя. Антуан де Сент-Экзюпери предстал перед школьниками как писатель-христианин.

И подтверждали эту мысль слова ведущего, открывшего наше представление: *«Он делал из себя человека — медленно, но верно. И в то же самое время, как он сам становился больше, он получал возможность строить мир. Я хотел бы, чтобы вы узнали дороги, которые привели Антуана де Сент-Экзюпери к нему самому и однажды восприняли слова „Иди и будь человеком“, как будто обращённые к вам, с них и начиная каждый свой день»* [12].

Писатель *«приглашает нас быть людьми, делает нас ответственными, часовыми своей державы. Этот путь ответственности, достоинства и человечности — единственное, что может предотвратить убийство Моцарта практически каждый день в каждом из нас»,* — цитируем мы в заключение Тому Фрэсс и добавляем: *«Он приходит к нам и сегодня и говорит нам то, что говорилось старине Барку в „Планете людей“: „Отправляйся и будь человеком“».*

Ребята из нашего клуба знакомят с рассказами Н. С. Лескова «Лев старца Герасима» и «Неразменный рубль» учеников средних и старших классов, рассказывая об истории приручения Аввой Герасимом дикого льва, которого святой вылечил от ран. История эта описана в житии Герасима Иорданского, христианского монаха и святого V века. После этого лев часто приходил к старцу, принимал от него пищу и не отлучался из обители более пяти лет. Лев, согласно житию, умер на его могиле и был погребён рядом со святым Герасимом. Н. С. Лесков историю святого изложил в своём рассказе «Лев старца Герасима». Люди думали, что Герасим обладал тайной общения с диким зверем, а он эту тайну объяснил очень просто:

— Поступайте со всеми добром да ласкою.

В беседе по произведению ребята обращаются к 11 главе книги пророка Исайи: *«Тогда волк будет жить вместе с ягнёнком, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их. И корова будет пастись с медведицею, и детеныши их будут лежать*

вместе, и лев, как вол, будет есть солому» (Ис. 11:6–7).

Давая толкование высказыванию Исаяи, мы приводим слова А. П. Лопухина: *«Мир будет царить тогда во всей природе; самые жестокие и опасные животные утратят свою жестокость и кровожадные инстинкты и, довольствуясь растительной пищей, будут жить в мире с более слабыми животными».*

И всё это сбудется благодаря учению Христа. Содержание рассказа о святом старце также позволило ребятам обратиться к Евангелию от Матфея, где в главе 19 читаем: *«Иисус сказал ему: если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною» (Мф. 19:21).* Герасим, делаем вывод, поступал согласно воле Божьей.

В старших классах на занятиях клуба креативного чтения «Открой свою книгу» мы обращаемся к жизни и творчеству русских поэтов, в чьих стихах евангельские мотивы являются показателем духовного роста авторов. *«И божество, и вдохновенье, и жизнь, и слёзы, и любовь...»* — так называлось итоговое заседание клуба креативного чтения «Открой свою книгу» (12 апреля 2019 г.), где прозвучали стихи русских поэтов Пушкина, Вяземского, Тютчева. Эпиграфом к 1-й части «Божество» стали слова Фазиля Искандера: *«Вся серьёзная русская и европейская литература — это бесконечный комментарий к Евангелию. И комментарию этому никогда не будет конца».*

Перед чтением каждого стихотворения мы представляли авторов стихами собственного сочинения. Перед чтением стихотворений Пушкина «Отцы пустынники и жены непорочны...» и Вяземского «Чертог Твой вижу, Спасе мой...» ведущий читал:

Где верх? Где низ?

Где зло, а где добро?

Евангелие нам даёт ответы.

Его страницы Пушкиным воспеты,

Их Вяземскому разгадать дано.

Чтение стихотворения Тютчева «Наш век» предвлялось строфой:

*И простоты евангельского слова
Взыскует Тютчев, обращая снова
Молитвы к Богу: «Неможных спаси
И дай им силу веры обрести!»*

Тема круглого стола «Причины нравственного садизма Печорина» была посвящена роману М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», где христианский взгляд на героя позволил учащимся глубже проникнуть в психологию Печорина. Круглый стол члены клуба проводили на базе 9-го класса. Анализируя поведение героя, они сразу обратили внимание на то, что в христианстве принято осуждение греха, а не человека. Объясняя смысл названия романа, ребята говорили о том, что, безусловно, Печорин герой, и героизм его в трезвой самооценке, но он душевного, а не духовного свойства. Были также, в связи с этим, разъяснены понятия: душа, дух, тело.

Печорин не в состоянии раскрыть в себе самом своего истинного внутреннего человека. Неумение смириться, самооправдание соединяются в герое с тяжким отчаянием. Он трезво осознаёт собственные пороки, но не видит в них греха.

Ведущие круглого стола обратили внимание на второстепенные детали, говорящие о слабых отблесках отошедшей от него веры и важные для понимания судьбы Печорина. Например, на то, что, войдя в лачугу контрабандистов, герой заметил: *«На стене ни одного образа — дурной знак!»*.

Печорин знаком с Писанием: он своими словами перелагает одно из пророчеств Исаии (Ис. 35:5–6), цитирует Евангелие от Иоанна (Ин. 5:3). Особое внимание в беседе обращалось на заповеди, которые не соблюдает герой, лишая жизни Грушницкого, являясь виновником гибели Бэлы, встречаясь с замужней женщиной Верой, обманывая княжну Мери.

В заключение ведущие круглого стола с помощью слушателей назвали причины нравственного садизма героя, среди которых неразличение откровенной греховности, гордыня, эгоцентризм, одиночество, отпадение от Бога и т. д.

Следует отметить большую подготовку столь сложной темы,

которая проводилась на занятиях клуба перед тем, как она была представлена старшеклассникам, имеющим возможность участвовать в разговоре, выражая своё отношение к христианскому взгляду на героя.

Индивидуальной работе в клубе мы также уделяли много внимания, учитывая интерес школьников к тому или иному произведению. «Христианская составляющая в романе „Хижина дяди Тома“ Гарриет Бичер-Стоу» — одна из тем исследовательской работы ученицы 10 класса. Цель исследования заключалась в стремлении автора показать, как в романе «Хижина дяди Тома» Гарриет Бичер-Стоу прослеживается христианская составляющая и рассматриваются понятия вечности, необходимости молитвы в жизни человека, проблемы теодицеи, смирения, терпения, любви к ближнему, жертвы, искупления.

Нами был рассмотрен вопрос о пути Гарриет Бичер-Стоу к христианству, прочитан и проанализирован роман «Хижина дяди Тома», подготовлен краткий пересказ его для использования в работе. Изучена статья священника Филиппа Парфенова «„Хижина дяди Тома“ как образец нравственного богословия», отобран материал для исследовательской работы с привлечением фрагментов из евангельских текстов и Библии, а также учений святых отцов. Проведён сопоставительный анализ отдельных фрагментов романа с евангельскими сюжетами, с житием преподобного Иоанна Русского, а также с содержанием романа «Отец Арсений».

В основу работы был положен евангельский взгляд на происходящие в романе события, использованы толкования христианских понятий старца Силуана Афонского, Паисия Святогорца, а также представлены фрагменты посланий апостола Павла к Ефесянам и Колоссянам.

Герой романа Гарриет Бичер-Стоу Том понимает силу молитвы, поэтому она всегда на устах его. И он верит, что милость Господня способна преодолеть всякое зло. Утверждая, что за врагов надо молиться, Том говорит:

— Священное Писание говорит: молись за врагов своих...

— Молись за врагов? — воскликнула тётушка Хлоя. — Нет! Это мне не по силам. Не могу я за них молиться!

Только тот, кто верит в силу молитвы, способен преодолеть понятие несправедливости в житейском смысле. Здесь нельзя не привести слова Паисия Святогорца: *«Всё неисправленное и неисправимое исправляется смирением и молитвой. Мы молимся для того, чтобы зло было менее болезненным и не получило распространения. Поэтому и в Евангелии говорится, что ради избранных дни сократятся. Например, на войне сила молитвы совершает чудо: больше людей остаются в живых, а жертв, наоборот, бывает меньше. От всего этого люди получают духовную пользу, становятся верующими и в хорошем смысле изменяются»* [7]. В связи с этим стоит обратиться к истории, которая произошла в сталинском лагере с двадцатитрехлетним студентом Алексеем, посаженным в карцер вместе с отцом Арсением, который силой молитвы спас Алексея и себя от лютого холода. И на вопрос начальника лагеря, как они могли выжить, отец Арсений ответил: *«Верой в Бога и молитвой»*.

Проблемы богооправдания по Бичер-Стоу, размышление о рабах и господах, Голгофа дяди Тома — вопросы, рассматриваемые в работе ученицы. Подводя итоги исследования, школьница пишет: *«Следует отметить, что в романе ставятся совсем уже не детские вопросы, которые при повторном чтении открываются совершенно иначе. Её христианская составляющая, которую мы, увлечённые острым сюжетом, в детстве не замечали, взрослому взгляду становится очевидной»*. *«Весьма примечательно, что „Хижина дяди Тома“, изданная в США в 1852 году, вызвала такой резонанс, что трёхсоттысячный тираж разошёлся мгновенно. Тогдашний президент Авраам Линкольн при встрече с писательницей сказал: „Вот маленькая леди, которая начала такую большую войну!“»* [6]

«Встреча с Богом героев рассказов протоиерея Николая Агафонова» — ещё одна тема исследовательской работы, цель которой показать на примере рассказов («Молитва алтарника», «Щенок Засоня», «Вика с Безымянки», «Чудо в степи»), каким образом у героев происходит встреча с Богом, и как сила веры и молитвы помо-

гает им выстоять в сложных жизненных ситуациях. Актуальность избранной нами темы неоспорима, поскольку творчество Н. Агафонова, как и творчество писателей-классиков, свидетельствует, что не всё в нас потеряно и вытоптано, что духовные основы наши живы и русская культура готова постоять за себя.

Тема рассказа «Молитва алтарника» связана с вопросами терпения, смирения и веры главного героя, девятнадцатилетнего Валерки-алтарника. В центре рассказа проблема духовного выбора героя. Что выбрать? Купить свечи, чтобы помолиться Божией Матерью о даровании снега к Рождеству, тем самым порадовать настоятеля храма? Или потратить деньги на мороженое крем-брюле?

Бабушка его умерла, и Валерка, будучи сиротой, остался один. Жил он при храме в сторожке и служил в алтаре, чтобы не даром есть хлеб. Получив рубль от протодиакона к празднику Рождества, он хотел побаловать себя мороженым и долго стоял перед выбором, доверяя свои мысли Божией Матери:

— Матерь Божия, скажи Своему Сыну, я совсем не буду мороженое покупать, лишь бы снежок пошёл. Ну, пожалуйста. Ты мне не веришь? Тогда я прямо сейчас пойду за свечками, а Ты, Пресвятая Богородица, иди к Сыну Своему, попроси снежку нам немного.

Но, когда свечи куплены на все деньги, Валерка почувствовал, что «у него стало легче на душе». Остаётся добавить, что для Валерки нет ничего случайного в жизни. Все важно и значительно, поэтому он и обращается с просьбой о снеге к Богородице, уверенный в том, что она его услышит. Валерка наивен и непосредственен, и вера его не подвержена сомнениям. Настоятель и протодиакон смеются над ним, считая его глупым, но рядом с Валеркой тускнеют их образы.

Читая и анализируя рассказ, мы видим, насколько чиста и не испорчена душа молодого человека. Молитва помогала выжить Валерке и не потеряться в этом порой жестоком и безразличном мире. А испытание искушением он выдерживает, и неискушённая душа умственно отсталого юноши оказывается чище и благородней душ здоровых людей. Валерка одинок в мире людей, но в мире своей веры он рядом с Богом и Божией Матерью. Д. Карнеги писал:

«Маленького одинокого человека легко сломить, но, когда душа его черпает силу от Бога, он становится непобедим».

«...Автор прекрасно изображает человека в вечном пространстве духовной борьбы, то беспомощного, безвольного, не умеющего найти путь к Источнику сил, то чудным образом обретающего животворящий свет и спасение. Для него всё случайность, совпадение, неожиданность, неопределённость. С первых строк рассказа внимание читателя включается в события, и душа начинает сотрудничать», — замечает Тамара Сливкина в статье «Человек и вечность. Размышления о рассказах Николая Агафонова» [8].

«Евангельские мотивы в „Хрониках Нарнии“ К. С. Льюиса» — тема, размышление над которой помогло нам увидеть, как в сказочных повестях «Хроник Нарнии» прослеживаются евангельские мотивы, связанные с основами христианского вероучения: сотворение мира — грехопадение — искупление, а также с темами Промысла Божия, веры, предательства, необходимости Жертвы и Воскресения.

Христианские ценности неслучайно занимают важное место в «Хрониках Нарнии». (Во всём творчестве К. С. Льюиса так или иначе отражались духовные искания писателя и его непростой путь к вере). В одном из недавних интервью Дуглас Грешам, приёмный сын Льюиса, сказал: *«Льюис писал „Хроники Нарнии“ после Второй мировой войны. Он чётко видел, как подрывались устои общества, разрушались основы отношений между людьми. В этом плане „Хроники Нарнии“ — это история о „пути назад“, о возвращении к истинным ценностям».*

Остановившись на анализе сказок «Хроники Нарнии» К. С. Льюиса, мы особое внимание уделяем повести «Племянник Чародея», которая, как и повесть «Лев, колдунья и платяной шкаф», даёт возможность говорить об основах христианского вероучения: сотворении мира — грехопадении — искуплении.

В главе слово, творящее Нарнию, звучит песней. Всё, создаваемое божественным пением, — благо. Льюис так представлял сотворение мира. *«Расхаживая взад и вперёд по этой пустынной земле, лев пел свою новую песню, мягче и нежнее той, что вызвала к жизни*

звезды и солнце. Лев ходил и пел эту журчащую песню, и вся долина на глазах покрылась травой, растекавшейся, словно ручей, из-под лап зверя. Волной взбежав на ближние холмы, она вскоре уже заливала подножия дальних гор, и новорождённый мир с каждым мигом становился приветливей. Трава шелестела под ветерком, на холмах стали появляться пятна вереска, а в долине какие-то темно-зелёные лужайки. Что на них росло, Дигори разглядел только когда один из ростков пробился у самых его ног. Этот крошечный острый стебелёк выбрасывал десятки отростков, тут же покрывавшихся зеленью, и каждую секунду увеличивался примерно на сантиметр. Вокруг Дигори росла уже чуть не сотня таких, и когда они достигли почти высоты его роста, он их узнал» [4].

В Библии же говорится так: «В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою. И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днём, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один. И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды. [И стало так.] И создал Бог твердь, и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так. И назвал Бог твердь небом. [И увидел Бог, что это хорошо.] И был вечер, и было утро: день второй. И сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша. И стало так. [И собралась вода под небом в свои места, и явилась суша.] И назвал Бог сушу землею, а собрание вод назвал морями. И увидел Бог, что это хорошо. И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя [по роду и по подобию ее, и] дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле. И стало так. И произвела земля зелень, траву, сеющую семя по роду [и по подобию] ее, и дерево [плодовитое], приносящее плод, в котором семя его по роду его [на земле]. И увидел Бог, что это хорошо». (Быт. 1:1–12)

Повесть «Лев, колдунья и платяной шкаф» повествует о предательстве, искуплении, необходимости жертвы, казни, воскресении. Аслан отдаёт себя на смерть за предательство Эдмунда «по законам древней магии». Но «по законам ещё более древней магии» воскре-

сает и уничтожает проклятие. Сцену казни Аслана мы сопоставляем со сценой казни Христа, как она описана в Евангелии: *«Вели с Ним на смерть и двух злодеев. И когда пришли на место, называемое Лобное, там распяли Его и злодеев, одного по правую, а другого по левую сторону. Иисус же говорил: Отче! прости им, ибо не знают, что делают. И делили одежды Его, бросая жребий»*. (Лк. 23:32–34). *«Пилат же написал и надпись, и поставил на кресте. Написано было: Иисус Назорей, Царь Иудейский. Эту надпись читали многие из Иудеев, потому что место, где был распят Иисус, было недалеко от города, и написано было по-еврейски, по-гречески, по-римски»* (Ин. 19:19–20). *«Воины же, когда распяли Иисуса, взяли одежды Его и разделили на четыре части, каждому воину по части, и хитон»* (Ин. 19:23), а о хитоне бросили жребий. Обращаем внимание на то, что Льюис описывает эту сцену намного подробнее, чем описано в Евангелии. Глаголы: кинулись, завизжали и обрушились — свидетельствуют о безумии и коварстве врагов, которых раздражало спокойствие Аслана на казни. На его лице нет ничего другого, кроме печали.

Какой урок мы извлекаем из этой сцены? Отвечая на этот вопрос, приходим к выводу, что Бог всегда требует, чтобы люди изменялись. И однажды Он принёс Себя в жертву Своей любви к людям — не только для того, чтобы показать пример людям, но и для того, чтобы выволить из-под власти «древних заклятий» и сблизить их с Собой, тем самым дав возможность нам поучаствовать в Его собственной жизни и Его собственной Любви. Для этого человек должен стать таким, каким никогда не был.

Наше обращение к творчеству писателя объясняется тем, что наша современная российская ситуация такова, что «Хроники Нарнии» К. С. Льюиса попали на невозделанную почву, и поэтому не только российским детям, но и их родителям и учителям подчас крайне трудно увидеть христианский подтекст этих книг. Поэтому мы и решили нашу работу посвятить исследованию евангельских мотивов в этом произведении, обозначив основную тему каждой сказки-притчи. Конечно, с оговоркой, что эта тема не единственная, что Льюис глубок и у него не только в каждой сказке, но и в отдельном эпизоде можно обнаружить несколько пластов.

Так на занятиях клуба креативного чтения «Открой свою книгу» мы знакомимся с русской и зарубежной литературой, рассматривая её в контексте христианской культуры, используя разные виды и формы деятельности от индивидуальной работы в клубе до выступлений в классах, а также проводя итоговые мероприятия, многие из которых становятся спектаклями. Круг нашего знакомства с произведениями постоянно пополняется новыми, такими, как «Рассказы о Господе Боге» Райнер Марии Рильке, «Человек» и другие рассказы Рэя Брэдбери, «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» Роберта Льюиса Стивенсона и др.

Наши занятия в клубе — это окно в новый, ещё не изученный и загадочный мир, мир христианской культуры, постижение которого не только даёт возможность узнать об этом мире, но и ведёт к возрастанию наших душ.

Список литературы

1. Агафонов Н. Молитва алтарника [Электронный ресурс] // Журнал Фома: сайт. — URL: <https://foma.ru/molitva-altarnika-rasskaz.html>.

2. Иванов А. «Библейские сказки» Саши Чёрного // Чёрный С. Библейские сказки. — М.: Звонница-МГ, 2007. — С. 36–39.

3. Шмитт Э.-Э. Оскар и Розовая Дама. — М.: Азбука, 2021. — 320 с.

4. Льюис К. С. Хроники Нарнии — М.: Эксмо, 2011 — 848 с.

5. Серафима (Осоргина Антонина Михайловна; монахиня; 1901-1985). «Блажени чистии сердцем...». О Серезике Старке: Очерк. - М.: Изд-во Православ. Свято-Тихон. Богослов. ин-та, 2003. — 61 с

6. Парфенов Филипп, священник. «Хижина дяди Тома» как образец нравственного богословия [Электронный ресурс] // Журнал Фома: сайт. — URL: <https://foma.ru/cvyashhennik-filipp-parfenov-xizhina-dyadi-toma-kak-obrazecz-nravstvennogo-bogosloviya.html>.

7. Святогорец Паисий. Слова. Том 2. Духовное пробуждение. — М.: Издательский дом «Святая гора», 2008. — 400 с.

8. Сливкина Т. Человек и вечность. Размышления о рассказах Николая Агафонова [Электронный ресурс]. — URL: <http://kirsat.narod.ru/slivkina2.htm>.

9. Степанов Александр, протоиерей. 120 лет за двенадцать дней [Электронный ресурс] // Журнал Фома: сайт. — URL: <https://foma.ru/120-let-za-dvenadczat-dnej.html>

10. Струев Д. Ветка спелых рубинов из глубин Нарнии // Фома. — январь 2011. — № 1 (93) [Электронный ресурс] — URL: <http://www.intelros.ru/readroom/foma/foma-01-93-2011/8157-vetka-spelyx-rubinov-iz-glubin-narnii.html>

11.Ткаченко А. Житие святого Феодора Ушакова в пересказе для детей. — М.: Никея, 2017. — 40 с.

12.Фрэнс Т. 9 жизней Антуана де Сент-Экзюпери. — М.: Эксмо, 2016. — 204 с.

13. Чёрный С. Библейские сказки. — М.: Звонница-МГ, 2007. — 39 с.

14. Чистое сердце Сережи Старка [Электронный ресурс] // Церковный вестник: сайт. — URL: <https://www.c-vestnik.ru/read/?ID=4992>.

УДК 78.08

Найко Н. М.

кандидат искусствоведения, профессор, заведующая кафедрой кафедры теории музыки и композиции, Сибирский государственный институт искусств имени Дмитрия Хворостовского
e-mail: mikinaï@yandex.ru

Naiko Natalia M.

candidate of art history, professor, head of department department of music theory and composition, Dmitri Hvorostovsky Siberian state academy of arts Krasnoyarsk
e-mail: mikinaï@yandex.ru

МНОЖЕСТВЕННОСТЬ ОТРАЖЕНИЙ КАК ФАКТОР МУЗЫКАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В АРИИ «AGNUS DEI» ИЗ МЕССЫ СИ МИНОР БАХА

Multiplicity of reflections as a factor of music organization in “Agnus Dei” aria from J. S. Bach’s Mass in B Minor

Аннотация: Автор посредством детального анализа арии «Agnus dei» из Высокой Мессы си минор Баха раскрывает особенности её формообразования и интонационные взаимосвязи всего материала, проявляющиеся в разных измерениях (горизонтальном и вертикальном) и на разных масштабных уровнях, служащие отображению длящегося аффекта со свойственным ему одновременным контрастом времени и вечности.

Abstract: By means of detailed analysis of “Agnus Dei” aria from Bach’s Great Mass in B Minor, the author describes the specificities of its form making and intonational interrelations of the whole material manifesting in various dimensions (horizontal and vertical) and at different scale levels and aimed at the reflection of lasting affect with its natural simultaneous contrast of time and eternity.

Ключевые слова: Бах, Ария с ритурнелем, аффекты в музыке барокко, религиозные состояния в музыке.

Keywords: Bach, Aria with ritornello, affects in Baroque music, religious states in music.

Как известно, центральное богослужение Римско-католической церкви — Месса — включает в себя пять основных молитв. Соответственно, композиция мессы как музыкаль-

ного жанра образуется последованием пяти частей, названия которых происходят от первого слова каждой молитвы: Kyrie (Господи, помилуй), Gloria (Слава в вышних Богу), Credo (Верую), Sanctus (Свят), Agnus Dei (Агнец Божий¹).

В Мессе h-moll² И.-С. Баха часть Agnus Dei содержит два номера — Арию альта Agnus Dei (№23) и Хор Dona nobis pacem (№24), между которыми распределён текст молебного воззвания, обращённого к Иисусу Христу:

Agnus Dei qui tollis peccata mundi, miserere nobis.	Агнец Божий, берущий на Себя грехи мира, помилуй нас.
Agnus Dei qui tollis peccata mundi, miserere nobis.	Агнец Божий, берущий на Себя грехи мира, помилуй нас.
Agnus Dei qui tollis peccata mundi, dona nobis pacem.	Агнец Божий, берущий на Себя грехи мира, даруй нам мир.

Текстовую основу № 23 (Арии альта) составляют произносимые несколько раз первые две строки литании «Agnus Dei qui tollis peccata mundi, miserere nobis» («Агнец Божий, берущий на Себя грехи мира, помилуй нас»), при этом возникают многократные повторы отдельных слов и словосочетаний. В хоре № 24 использована повторяющаяся последняя строка молитвы «dona nobis pacem» («Даруй нам мир»).

Ария организована в трёхчастную форму с ригурнелем, являющую собой, по словам В. Н. Холоповой, весьма распространённый в эпоху барокко тип композиции, который благодаря тесной смысловой и этической связи со словом, принадлежит к самым одухотворённым произведениям эпохи. С другой стороны, он, благодаря свободе обращения со структурой слова, характеризуется столь же чётко организованной композицией, что и инструментальные формы [3, с. 293].

Это касается и данной Арии, форма которой, при логичной

1 Христианское понятие Агнца Божьего связано с иудейской традицией жертвоприношения пасхального агнца (ягнёнка). В христианской доктрине Иисус, Сын Божий, решает принести себя в жертву на Голгофе, поэтому он уподобляется Агнцу Божьему.

2 Её датируют 1738 годом

выстроенности и весьма рельефных очертаниях, поражает своей пластичностью и органичностью.

Инструментальный ригурнель, с которого начинается вся композиция, написан в двухчастной форме, состоящей из двух периодов, первый из которых модулирует из g-moll в тональность минорной доминанты, а второй — возвращает исходную тональность.

Основной раздел Арии звучит в партии альты (с 9 такта) и являет собой предложение в g-moll, за которым с 13 такта следует новое проведение ригурнеля (также в вокальной партии), в виде начального периода, модулирующего из g-moll в d-moll.

Вслед за ним подряд проводятся два разномасштабных варианта первого периода ригурнеля в тональности d-moll (с 17 и 23 тт.). Они выполняют функцию средней части всей композиции. Затем с 27 такта вступает связующий раздел. Он построен на материале основного раздела Арии и переводит из тональности d-moll в g-moll, подводя гармоническое движение к её доминанте.

С 31 такта в вокальной партии начинается реприза Арии, вновь представленная одним предложением. В 34 такте её сменяет масштабно укрупнённое построение ригурнеля в основной тональности. Инструментальное заключение, или своего рода кода, Арии (45–49 тт.) основывается на материале второй части ригурнеля.

Структурная схема Арии «Agnus dei»

Ригур- нель	1 раз- дел	Ригур- нель	Средний раздел		связка	Ре- приза	Ригур- нель	Кода
	1 т.		9 т.	13 т.				
Ригур- нель ($r_1 + r_2$)	Тема Арии	Ригур- нель r_1	Ригур- нель r_1	Ригур- нель r_1	Мате- риал темы Арии	Тема Арии	Ригур- нель r_1	Ригур- нель r_2
g-moll	g-moll	g-moll — d-moll	d-moll	d-moll	d-moll — g-moll	g-moll	g-moll	g-moll

Чёткость прослеживается в тональном плане и в определённости гармонических каденций. Во всех семи заключительных

совершенных каденциях, организующих композицию Арии, разрешение в тоническое трезвучие приходится на сильную долю такта (5, 9, 17, 23, 27, 45, 49 тт.). Из них пять включают оборот $K-D_7-t$, одна — D_7-t (45 т.), одна (в последнем проведении построения ритурнеля) — $D-t$.

Однако не всегда структурные границы маркируются одновременно и в инструментальной, и в вокальной партии. Они совпадают в 17, 23, 45 тт. В 9 и 27 тт. они вуалируются за счёт вступления на сильную долю нового материала в вокальной партии, а в 17 такте смягчаются благодаря отсутствию цезуры в словесном тексте.

В развёртывании музыкальной формы отображается длящийся аффект, понимаемый как чувство, заключающее в себе «вечную идею возвышенной красоты христианства», а по психологической форме — чувство благодатно-последовательное: полное ревности, «духовной воли, способной мощно поднимать дух человека к небесам» [1, с. 49]. По замечанию В. В. Медушевского, музыкальный аффект «запечатлевает в звуках какую-то ситуацию, подаваемую нам Богом для научения святости, и раскрывает её значение в свете вечности» [1, с. 188]. В данном случае это ситуация торжественной возвышенной скорби.

Музыкальное пространство этой части Высокой мессы пронизано благоговением и печалью по поводу гибели ради спасения человечества чистейшего невинного существа. При полифонизации фактуры (введении дополнительных мелодических голосов) функция аккомпанирующих гармонических голосов реализована достаточно определённо, постоянно ощущается регулярная мерная «поступь» четвертных длительностей — один из жанровых признаков арии *Lamento*. Соответствует жанру и сгущённый минорный колорит, и комплекс интонаций, связанных с музыкально-риторическими фигурами, призванными выражать аффекты скорби, печали, мольбы. Не случайно для этой номера И. С. Бахом избрана тональность *g-moll*, воспринимавшаяся в эпоху барокко как

одна из наиболее горестных, покаянных.

Показательно, что выражение человеческого переживания характеризуется некой отстранённостью. Это происходит вследствие того, что в музыке ощущается действие какой-то высшей красоты, умиряющей душу, внешне проявляемой в благозвучии, красоте мелодии и гармонии, органичности и соразмерности музыкальных структур. Мерность неспешного движения в басовом голосе с преобладанием четвёртых длительностей служит выражению величавого спокойствия, мудрости, передаёт возвышенную ровность аффекта. Благодаря сохранению на протяжении всей арии ровного пульса и единого интонационного «поля» становится возможным погружение в умиротворённое созерцание, узрение вневременного плана и ощущение благодати Божественных энергий. Возникает «вертикальный» одновременный контраст времени и вечности: настоящее время разрастается до вечности, сливаясь с ней». [1, с. 190].

Таким образом, в динамике развёртывания музыки открывается духовная вертикаль, соединяющая душу человека с благодатью Божией. Отображение длящегося аффекта приводит к тому, что особенностью музыкальной формы становится принцип развёртывания: «музыка постоянно меняется, течёт, но над живым потоком сиюминутности <...>, как небо над головой, простёрто избранное возвышенное состояние» [1, с. 613].

Гибкая и выразительная мелодия ритурнеля, порученная струнным инструментам (пример 1), сочетает широко распетые мотивы, опевания и плавное поступенное движение. Начальный период ритурнеля содержит последование нескольких элементов. В первом («а») в ходах на сексту и квинту узнаётся риторическая фигура *plago*, служащая для выражения аффектов скорби и плача. Также обращают на себя внимание малотерцовые интонации, тритон, малая секунда, образуемая введением II_н ступени элемент («b»), подчёркнутой синкопой.

Пример 1

Третий элемент («с»), продолжающий, «обобщающий» — нисходящий поступенный ход к V ступени (условно его можно обозначить как «мотив смирения»). Четвёртый элемент («d») — цепочка нисходящих и восходящих малосекундовых «вздохов». Замыкается начальный период-«секция» нисходящим мотивом с предъёмом «е», имеющим сходство с элементом «с».

Во втором разделе двухчастной формы получает развитие элемент «f», производный от элемента «а». (Максимально очевидно их родство проявляется в развитии в 5, 6, 7 тт. мотива-опевания $c^2-b^1-a^1-b^1$ из 2 такта). Вместе с тем при сохранении начального ритмического рисунка вариантно преобразуется и существенно обновляется интонационно-мелодическая структура — на первый план выходит экспрессивный мотив, основанный на тонах уменьшенного трезвучия или септаккорда. Его развитие завершается нисходящим поступенным движением, генетически связанным с элементом «е».

Цельность этой мелодии при её постоянном обновлении-развёртывании достигается за счёт так называемого вторичного порядка [4, с. 47] — наличия поначалу скрытого поступенного «стержня» (или «каркаса»). Он обнаруживает себя в секундовых связях опорных тонов на расстоянии, более явно представляя на заключительных участках синтаксических структур. Значение своеобразного интонационного обобщения-резюме получают нисходящие поступенные мотивы, словно подводящие черту после каждого этапа мелодического развёртывания.

Важным моментом пространственной организации рассмотренной мелодии является опора на свободно применяемый принцип симметрии. В рамках ритурнеля это проявляется в чередовании восходящих и нисходящих — словно зеркально отражённых — интервалов и мотивов.

В теме вокальной партии «g», вступающей в 9 такте (пример 2¹), свободно преобразуется материал элемента «d» из ритурнеля.

Кроме того, используются также варианты мотива с терцовым опеванием тона, характерные для элемента «a». В целом, за счёт эффекта замедления движения (вместо шестнадцатых здесь используются восьмые и половинные длительности) мелодический рельеф вокальной темы более отчётлив, более ярко проступает.

В первой плавной четырёхтактовой мелодической фразе на нескольких масштабно-временных уровнях претворяется интонация скорбно-возвышенного вздыхания. Начинаясь с нисходящей секунды d^2-c^2 , она заканчивается ею же на октаву ниже в ритмическом увеличении (12 такт Арии, захватывая также первую долю следующего такта). В гибком контуре этой фразы в процессе её развёртывания в череде опеваний обращает на себя внимание нисходящий синкопированный мотив, постепенно перемещающийся по тонам вниз: b^1-a^1 , g^1-f^1 , e^1-d^1 к заключительной $d^1-c^1-d^1$. В нём — опять-таки в ритмическом увеличении — предстаёт та же интонация с семантикой вздоха, плача.

1 В нотных примерах буквы, обозначающие тот или иной тематический элемент, по причине обилия и свободы мелодических производных не всегда получают дополнительный индекс, соответствующий образованию нового варианта мотива. Кроме того, в некоторых случаях родственные мотивы «a» и «f» максимально сближаются.

Пример 2

The image displays a musical score for a vocal and piano piece. It is divided into four systems, each with a vocal line and a piano accompaniment. The lyrics are in Latin: "A - gnus De - i qui tol - lis pec - ca - ta mun - di, qui tol - lis pec - ca - ta, pec - ca - ta mun - di, mi - se - re - re no - bis, mi - se - re - re no - bis, mi - se - re - re no - bis, qui tol - lis pec - ca - ta, pec - ca - ta mun - di, mi - se - re - re no - bis." The score includes various musical notations such as dynamics (p, f), articulation (accents), and specific annotations (e.g., g, a, b, c, d, e, f, g, h, a1, a2, a3, d1, d2, d3, d4, e1, e2, e3, e4, f1, f2, f3, f4, g1, g2, g3, h1, h2, h3, h4) that likely refer to specific melodic or harmonic elements discussed in the text. The piano part features complex chordal textures and rhythmic patterns.

Ещё одна важная деталь — пространственная организация инициального мотива (9 такт), включающего инверсию нисходящей секунды d^2-c^2 — ход a^1-b^1 . (Подобная содержится в 4 такте Ритурнеля). В следующих тактах возникает секвенция, множащая эти отражения.

В более крупном масштабе эхоподобные отражения встречаются в имитациях заглавного мотива вокальной части, который, начинаясь на квинту ниже, проводится и в партии оркестра.

В рамках рассматриваемого мелодического фрагмента прослеживается поступенная нисходящая линия-каркас, регулирую-

емая секундовым шагом. К тому же в каждом такте встречается нисходящая секундовая интонация, а от начала к концу фразы образуется арка — ход d^2-c^2 , обрамляющий четырёхтактовую структуру.

Следовательно, интонация вдоха словно заполняет всё время и пространство, одновременно проявляясь как в своей конкретной выразительности в тот или иной момент звучания, так и «растворяясь» в атмосфере целого, представляя и линейно, и пространственно, на разных планах и в разных проекциях.

На протяжении изливающейся из мелодической вершины цельной фразы в вокальной партии (9–13 тт. Арии) разворачивается 4 мотива — два секвенционных перемещения начального мотива и завершающий. Примечательно, что за счёт имитаций в оркестровых голосах образуется ещё один временной план, отличающийся своей синтаксической организацией, где время движется в два раза быстрее. Если в вокальной партии на каждый такт приходится один мотив, то в оркестровых голосах в каждом такте — по два мотива. Таким образом, с одной стороны, имитации основного мотива в инструментальных голосах обуславливают интонационную насыщенность данного раздела. С другой стороны, благодаря имитациям становится очевидной и особая пространственная организация.

Такая закономерность распространяется не только на данное построение, но и на Арию в целом: во всех доступных для человеческого слуха измерениях — по горизонтали, вертикали и глубине. На экспозиционном, развивающем и репризном участках музыкальной композиции оркестровые голоса вместе с вокальной партией образуют многомерную полифоническую ткань, где помимо имитаций встречается и сочетание контрастирующих мелодических линий, как в 16–22 тт. или 37–45 тт.

Следующее проведение материала ритурнеля с некоторыми вариантными изменениями поручено вокальной партии, начиная с 13 такта (пример 2). Здесь сохраняется как пятитактовая структура открывающего Арию модулирующего периода $g-moll$ — $d-moll$, так и гармоническая последовательность (с вариан-

том каденции — перед $K_{6/4}$ вводится квинтсекстаккорд II ступени).

В силу гармонической незавершённости предыдущего предложения, связности текста молитвы, фактурного фактора (линия солирующего вокального голоса), проведение ритурнеля в партии альты воспринимается как новый этап мелодического развёртывания.

Обострённая экспрессия «изломанного» мелодического рисунка, более широких интервалов (малой сексты, уменьшенной квинты), наряду с участвовавшим синкопированным ритмом (в 13 и 14 тт. Арии — по две синкопы), включением имитаций мотивов, введением фригийской ($\Pi_{\text{н}}$) ступени, сменяется плавным нисходящим движением в пределах кварты.

На этом участке связь с предыдущим разделом обнаруживается в контурных линиях скрытого двухголосия: внизу d^1-c^1 , сверху — b^1-a^1 ; c^2-b^1 , что подытоживается скорбной $\Pi_{\text{н}}$ с последующим тетракордом от I к V ступени.

Фаза замыкания отмечена не только укрупнением синтаксической структуры, но и возвратом на новом уровне к конфигурации первой фразы. В мотиве, звучащем на 3 и 4 доли 15 такта Арии) чётко прослеживаются мелодические контуры фразы, распетой 9 и 10 тт. Использование приёма «эха» в 13, 14 тт. также играет объединяющую роль.

В этом разделе обращает на себя внимание передача продолжения мелодии ритурнеля в конце 15 и в 16 тактах из вокальной партии в инструментальную (элемент «d» с характерными малосекундовыми «вздохами», количество которых здесь увеличено), в то время как в партии альты протянутый тон «g1» переходит в вариант каденционного мотива. В результате мелодические обороты, прежде следовавшие один за другим, здесь звучат в одновременности, создавая эффект симультанности. Как будто время сжалось в одну точку или, наоборот, мгновение содержит в себе разные, пока ещё «не развёрнутые» во времени возможности.

С 17 такта в оркестре начинается новое проведение ритурне-

ля в d-moll, более насыщенное и динамичное в гармоническом отношении, что свидетельствует об усилении функции развития. На этом участке формы в 20–21 тт. включаются варианты элемента «f» (характерный признак — мотивы, основанные на тонах уменьшенного трезвучия), в 21–22 тт. — варианты элемента «d». Завершается эта секция повторением каденции из 5 такта. В вокальной партии с 17 такта контрапунктом к теме ритурнеля проводится широко распетая мелодия («h»), по сути, являющаяся свободным вариантом ритурнеля, поскольку логическим каркасом мелодической линии являются те же опорные тоны и, в целом, она опирается на исходную гармоническую последовательность. В некоторые моменты включаются мотивы, близкие элементу «f» (их главный признак — ходы по тонам уменьшенного трезвучия).

Цельность мелодического построения достигается благодаря наличию линии восхождения от самого низкого тона Арии — «a» в 17 такте — до самого высокого в рамках рассматриваемого раздела — d^2 (20 т.), с которого начиналась мелодия солиста, и последующего спада к тону d^1 в 21 т. Так образуется мелодическая «волна», энергия которой не сразу исчерпывается, что вызывает расширение структуры за счёт ещё одной «волны» меньшей амплитуды (21–23 тт.).

Интонационное развитие заключается во введении широко распетых по звукам аккордов восходящих мотивов, крайние тоны которых образуют малую сексту. Остальные мелодические ячейки вариантно преобразуют звучащий ранее материал — восходящий секстовый ход, мотивы опевания, мотивы с опорой на уменьшенное трезвучие (17–22 тт.). Концентрация последних отражает интонационную напряжённость данного участка. Особую значимость приобретает заключительный нисходящий ход, графический рисунок которого словно отображает позу со смиренно склонённой головой. Здесь распевается текст: «*miserere nobis*» — «*помилуй нас*». Напомним, что мелодическое завершение второго проведения ритурнеля в 16–17 тт. аналогично и также соответствует этим словам канонического

текста. Подобные окончания синтаксических структур ($f^1-e^1-d^1$) с незначительными вариантными изменениями многократно встречаются в процессе развёртывания мелодии, что также служит её цельности.

Важная особенность данной части Арии — постоянное обновление мелодического и ритмического рисунка, даже на мотивном уровне нет ни одного точного повтора. В сочетании с изумительной структурной пластичностью этим достигается естественность, непринуждённость течения музыкальной мысли.

Ещё раз первый период Ритурнеля звучит в d-moll только в партии оркестра, приближаясь к первоначальному проведению (23–27 тт.). На его окончание накладывается новый вариант вокальной темы альты в d-moll (27–30 тт.).

Начинаясь с имитации основного мотива, это построение отличается интонационной напряжённостью, содержит обострённо звучащие хроматические ходы, концентрирует гармоническую неустойчивость и подводит к доминантовой гармонии g-moll. Таким образом реализуется функция связки, после которой вступает реприза Арии в основной тональности.

Реприза вокальной темы Арии (с 31 т.), возвращая основную тональность, фактуру и гармонию экспозиционного участка, масштабно сжимается: предложение включает не пять, а четыре такта.

С другой стороны, благодаря тематическому и гармоническому фактору, связующее и репризное построение образуют подобие разомкнутого периода из двух предложений с половинными каденциями на доминантовой гармонии g-moll.

Цезура между репризой вокальной темы и проведением ритурнеля в вокальной партии (с 34 т.) выделена фермой, что акцентирует внимание на последнем, подчёркивает его значимость.

Масштабы последнего проведения ритурнеля, закрепляющего основную тональность, разрастаются как за счёт продолжающегося мелодического развития — комбинирования

вариантов основных тематических элементов, так и благодаря прерванной каденции в 42–43 тт. В результате образуется цельное двенадцатитактовое построение синтезирующего плана, в котором используется материал обеих частей исходной двухчастной формы. В нём объединяются некоторые гармонические черты первого проведения, фактурные характеристики второго (имитации основного мотива, в 37, 39 тт. — мотива «f») и вариантно преобразуется мелодическая линия, поскольку после элементов «a», «b», «c» следуют элементы «e» и «f». Каденция, намечающаяся в 39–40 тт., преодолевается, в 40 т. (в оркестре) и в 41т. (в вокальной партии) встречаются варианты мотива вздыхания («d»). В 41–42 тт. в оркестровой партии вводится вариант мотива-опевания Пн с продолжающим «мотивом смирения» («c»). В 43–44 тт. концентрация мотива вздыхания повышается.

В целом, в этом разделе также многократно используются свободные имитации мотивов ритурнеля и более сложные их комбинации в разных голосах или пространственно-временных планах (например, 37–41 тт.), умножающие эффект эха (пример 3).

Пример 3

The musical score for Example 3 consists of two systems of music. The first system covers measures 37 to 40, and the second system covers measures 41 to 43. The vocal line is in the upper staff, and the piano accompaniment is in the lower staves. The key signature is one flat (B-flat major/D minor), and the time signature is 4/4. The lyrics are: "mi - se - re - re, qui tol - lis pec - ca - ta, mi - se - re - re no - bis, mi - se - re - re no - bis, mi - se - re - re no - bis, mi - se - re - re no - bis." The score includes various annotations: dynamic markings (e.g., *f*, *fz*), articulation (e.g., *acc.*), and motif labels (e.g., *a1*, *b*, *c*, *d*, *d4*, *e2*, *e6*, *e7*, *f*, *fs*). The piano part features complex textures with many chords and moving lines, often mirroring the vocal motifs.

Заключает Арию вариант второй части ригурнеля в оркестровой партии, утверждая основную тональность.

Как можно убедиться в ходе анализа, при композиционной ясности и определённости в Арии используется ряд приёмов, способствующих особой структурной пластичности.

В сложном размере постоянно колеблется «весомость» сильного и относительно сильного времени. Основной мелодический голос отличается «живой», гибкой ритмикой, тонкой игрой ямбических и хореических мотивов. Мелодия ригурнеля начинается с третьей доли такта, вокальная тема альты — с первой доли. Кроме того, метрическая сетка «размывается» и за счёт введения внутритактовых и междутактовых синкоп.

В условиях преобладающего мерного движения четвертными длительностями, ритм смены гармонических функций свободно меняется — возможно от двух до пяти смен гармонии в одном такте. При опоре на функциональную гармонию, фактура мелодизирована, с одной стороны, за счёт использования приёмов мелодической фигурации, а с другой — за счёт введения имитаций и контрапунктирующих голосов.

Благодаря мелодизации голосов, новые гармонические импульсы и тончайшие оттенки красок выявляются как на сильные, так и на слабые доли.

Следствием отмеченных особенностей становится тот факт, что регулярность, как равномерность повторений в тот или ином отношении сходных фрагментов, не распространяется на все уровни организации. Структурная квадратность не характерна.

Возникают построения с нечётным количеством тактов: пятитактовые периоды в ригурнеле (1–5 тт., 5–9-тт., 13–17 тт., 23–27 тт., 45–49 тт.); пятитактовое предложение вокальной темы (9–13 тт.); семитактовый период ригурнеля в 17–23 тт.; двенадцатитактовый период последнего проведения ригурнеля (34–45 тт.); пятитактовый завершающий период (45–49 тт.).

При этом система вторгающихся каденций (наложение начала следующего построения на окончание предыдущего) спо-

собствует непрерывности движения-становления, питаемого каким-то внутренним неиссякаемым источником, вуалированию или «смягчению» границ разделов формы, и сообщает ей особую «текучесть».

Мелодический, ритмический, фактурный рисунок постоянно обновляется. Важнейшим способом развития тематического ядра становится развёртывание, которое осуществляется одновременно на двух уровнях формы — синтаксическом и композиционном. Характерно, что более или менее ярко выраженные вариантные изменения, касающиеся как микро- (мотивы, гармонические обороты), так и макроуровня (разделы формы), не имеют целенаправленного характера последовательного накопления и не приводят к новому качеству.

Наряду с этим наблюдаются поразительные интонационные взаимосвязи всего материала, проявляющиеся в разных измерениях (горизонтальном и вертикальном) и на разных масштабных уровнях. При рассмотрении структуры любого масштаба выявляются сходные закономерности.

Замечательно не только интонационное единство целого само по себе как фактор цельности и логичности музыкальной формы, но и отображение важнейшей характеристики времени как длящегося мгновенья, симультанно запечатлевающего события, которые в другом временном плане разворачиваются последовательно.

Значимым скрепляющим фактором являются также каденции: встречаются как практически точные повторения их в оркестре, так и кадансовые мелодические обороты в вокальной или инструментальной партии, изменяемые в малых пределах. Возникающие на расстоянии арки такого рода словно маркируют один и тот же переливающийся разными гранями миг, оставляя впечатление единства времени или вневременности, поскольку время как будто растворено в вечном длении.

Подобие элементов, сосуществующих в разных измерениях, вызывает свободные аналогии с феноменом фрактальности,

встречающимся как в живой¹ (растения в целом, цветы, плоды, морские звёзды и морские раковины), так и в неживой (снежинки, молнии, кристаллы) природе, и рассматриваемым Г. П. Меньчиковым как одно из всеобщих фундаментальных свойств бытия [2].

Они могут быть восприняты как знаки многомерности Вселенной и как проявленные в музыке знаки связи человека с Мирозданием. С другой стороны, это тоже можно расценить как свидетельство выхода за пределы земного времени, пребывания в одном состоянии, в одном, словно остановившемся, соприкоснувшемся с Вечностью моменте времени.

Гениальная одарённость И. С. Баха, таинственным образом подпитанная опытом Богообщения, позволила в нотном тексте запечатлеть этот чудесный момент.

Список литературы

1. Медушевский В. В. Духовный анализ музыки. — М.: Композитор, 2014. — 630 с.
2. Меньчиков Г. П. Фрактальность — всеобщее свойство бытия [Электронный ресурс] // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. — 2008. — № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fraktalnost-vseobschee-svoystvo-bytiya>.
- 3.
4. Холопова В. Н. Формы музыкальных произведений. — 4-е изд., испр. — СПб.: Лань: Планета музыки, 2013. — 490 с.
5. Христов Д. Теоретические основы мелодики. — М.: Музыка, 1980. — 256 с.

1 В этих случаях иногда говорят о квазифрактальности

УДК 783.3

Одереева С. В.
доцент
кафедра хорового дирижирования,
Сибирский государственный
институт искусств имени Дмитрия
Хворостовского
г. Красноярск

Odereeva Svetlana V.
associate professor
department of choral conducting,
Dmitri Hvorostovsky Siberian state
academy of arts
Krasnoyarsk

«СТРАСТНАЯ СЕДМИЦА» МАКСИМИЛИАНА ШТЕЙНБЕРГА

“Passion Week” by Maximilian Steinberg

Аннотация: *Статья посвящена обзору «Страстной седмицы» Мак Максимилиана Штейнберга и её истории, как последнего христианского хорового цикла, написанного в СССР, который ни разу не исполнялся до недавнего времени, когда он был вновь обнаружен.*

Abstract: *The article provides an overview of Maximilian Steinberg’s “Passion Week” and its history, as the last Christian choral written in USSR, that was never performed until recently, upon its rediscovery.*

Ключевые слова: Страстная седмица, Максимилиан Штейнберг, хоровой цикл.
Keywords: Passion Week, Maximilian Steinberg, choral.

Начало XX столетия оказалось не просто временем расцвета русской духовной музыки, оно стало временем создания целой серии блистательных хоровых шедевров, авторами которых стали виднейшие российские композиторы, жившие и творившие в эту эпоху.

Следует сказать, что к этому времени в русской хоровой музыке были уже созданы авторские духовные сочинения практически во всех богослужебных жанрах, сложившихся в православном церковном пении. Помимо законченных циклов Божественной Литургии и Всенощного бдения, русскими ком-

позиторами было написано огромное количество отдельных песнопений всех чинопоследований — бесчисленное множество Херувимских, Милостей мира, Достойно есть и др., однако менее всего хоровыми композиторам были затронуты тексты молитв, поемых в Великий Пост и особенно в Страстную седмицу.

Объясняется это не только тем фактом, что исполняются страстные песнопения только раз в году, но также и тем, что, что русскими композиторами ещё в начале XIX века были созданы прекрасные обработки древних распевок, с мелодиями которых эти песнопения традиционно пропевались.

Великолепные, очень выразительные «гармонизации» древних распевок, сделанные для страстных песнопений, в частности, Петром Турчаниновым, так вписались в богослужебный обиход, что и по сей день звучат в храмах практически повсеместно. Это является одной из причин, почему как потенциальный материал для авторской творческой работы «страстные тексты» долгое время использовались редко. Лишь рубеж столетий, и особенно начало XX века, несколько изменили эту ситуацию.

Тому видится три причины. Первая — в возникновении уникальной традиции Великопостных концертов, возникшей в России ещё в первой половине XIX века по инициативе графа А. Ф. Львова и достигшей своей кульминации как раз в указанное время — на рубеже столетий. Вторая — в романтических тенденциях, с особой силой проявившихся в русской музыке в конце XIX века. Напомню: романтизм, как в своё время и классицизм, обозначился в русской классической музыке с некоторым опозданием и в «сглаженной» форме, не столь декларативно, как это было в западноевропейском искусстве, однако к концу столетия эта тенденция усилилась, отразившись и в богослужебном церковном пении.

Так, например, в 1891 году, в Санкт-Петербурге была издана так называемая «Заупокойная литургия св. Иоанна Златоуста» А. А. Архангельского, известнейшего петербургского церковного композитора. Канонически, такого богослужебного чина

как самостоятельного, в Православной Церкви не существует. Возникновение этого авторского цикла, с добавлением панихидного Прокимна и Ектеньи об усопших, с преобладанием минорных тональностей и акцентированием «минорной эмоциональности» в самой музыке, вне всяких сомнений может быть обязано романтическим тенденциям, захватившим русскую музыку в этот период.

Желание написать экспрессивно-чувственно, как это делали западноевропейские романтики, не могло найти адекватной формы воплощения у церковного композитора, каковым был Александр Архангельский. Православному церковному песнопению чужда открытая чувственность, и лишь ситуация соответствующих эмоциональных состояний могла стать той сферой, в которой музыкальная экспрессивность оказывалась уместной.

Указанное сочинение — один из наиболее показательных примеров проявления романтических тенденций в русском церковном пении. Третьей же из упомянутых причин следует назвать высокий уровень образованности русских композиторов и общий высокий профессиональный уровень русской классической музыки, которого она достигла к концу XIX столетия, после почти сорока лет существования в России двух консерваторий. К этому времени в России было уже достаточно талантливых, и при этом хорошо образованных композиторов, не боявшихся браться за такую работу, и уверенных в том, что художественный результат будет не хуже признанных шедевров.

Возвращаясь к церковным песнопениям, нельзя не вспомнить также замечательный концерт упомянутого Александра Архангельского «Помышляю день страшный», на текст седальна в Неделю о Страшном суде. Это сочинение можно отнести к самым экспрессивным образцам церковных песнопений, канонизированных Церковью. Не случайно поэтому сегодня «Помышляю день страшный» исполняется церковными хорами (теми из них, которые способны спеть эту музыку) только

раз в году, в саму Неделю о Страшном суде. По эмоциональной напряжённости и её концентрации в одном сочинении этому концерту, пожалуй, нет равных в православном богослужебном обиходе.

Если обратиться к нотографическому справочнику Евгения Левашева [1], то можно увидеть, что в разделах «Русские композиторы-классики и другие крупные мастера светского и церковного музыкального искусства» и «Выдающиеся деятели русской хоровой культуры», только у шестерых композиторов — П. Чеснокова, М. Лисицына, Г. Ломакина, Г. Львовского, А. Никольского и иеромонаха Нафанаила присутствуют наиболее полные подборки авторских песнопений на тексты Страстной седмицы, и только у двоих — у Нафанаила и Никольского — они замыслены в форме единого цикла и названы «Страстная седмица» и «Песнопения Страстной седмицы» соответственно. Отсутствие сегодня этих партитур как в церковном обиходе, так и в программах концертных хоровых коллективов может косвенно свидетельствовать о невысоком художественном качестве названных сочинений¹.

Из числа менее значимых композиторов, собранных Е. Левашевым в разделе «Композиторы русского церковного пения», можно выделить, пожалуй, лишь одного композитора, чьи сочинения (включая песнопения на тексты Страстной Седмицы) иногда встречаются в современном обиходе (но никогда не звучат в концертах духовной музыки) — это Василий Леонтьевич Лирин. Композитор весьма невысокого музыкального дарования, Лирин был необычайно плодовит. Прожив долгую жизнь, работая учителем пения и регентом в Саратовской губернии, В. Лирин написал сотни церковных хоров на тексты из всех богослужебных чинов. Значительная часть их была издана и успела получить распространение (умер В. Лирин в 1916 году). Хоры Лирина, в сущности, представляют собой компиляции

¹ Начиная с конца 80-х годов, и особенно в 90-е годы ушедшего столетия, в нашей стране активно переиздавалась церковно-певческая литература, поэтому отсутствие нотного материала не может быть аргументом, объясняющим тот факт, что названные сочинения не исполняются

расхожих церковно-певческих формул, и лишь значительное количество его партитур, получивших благословение на издание и успевших разойтись по храмам, может объяснить факт их присутствия в обиходе некоторых церковных хоров по сей день.

В 1912 году Александром Гречаниновым был создан монументальный хоровой цикл «Страстная седмица», который признан шедевром русского хорового искусства и по праву может считаться вершиной творчества композитора [о нём: 2]. Заняв достойное место рядом с такими высокими образцами русской духовной музыки как «Всенощная» С. Рахманинова, этот цикл сподвиг на подобную работу другого крупного русского композитора из плеяды мастеров начала XX века — Максимилиана Штейнберга.

Максимилиан Осеевич Штейнберг родился в русско-еврейской семье в Вильнюсе в 1883 году. Его отец был знатоком древних языков и составителем словарей древнееврейского и халдейского языков. Будучи необычайно одарённым и музыкально восприимчивым, Максимилиан, получив крещение, очень проникся образностью русского богослужебного церковного пения, что и проявилось позже. В 1907 году Максимилиан Штейнберг окончил Петербургский университет, параллельно обучаясь в консерватории, которую окончил в следующем, 1908 году.

Став зятем Н. А. Римского-Корсакова, Максимилиан Штейнберг как композитор воспринял традиции петербургской школы, а как профессор консерватории и в дореволюционное время, и после многое сделал для сохранения наследия петербургских композиторов. В частности, он создал симфонические сюиты из опер «Сказание о невидимом граде Китеже» и «Золотой петушок». Позже, Штейнберг завершил оркестровку оперы А. Спендиарова (ученика Римского-Корсакова) «Алмаст».

«Страстная седмица» Максимилиана Штейнберга создавалась в начале 1920-х годов, когда — ещё до начала серьёзных гонений на Церковь — в русском искусстве «доигрывались» те

тенденции, начало которым было положено ранее, в период расцвета русской духовной музыки. В основу сочинения были положены древние распевы, обработанные композитором с использованием новейших (по тому времени) средств музыкальной выразительности. По мнению музыковеда Оксаны Лукониной, статья которой предваряет издание партитуры этого сочинения, Штейнберг мыслил свою «Страстную седмицу» как православную кантату¹.

Структура этого цикла составлена из одиннадцати номеров.

1. Аллилуйя (начало утрени Великого понедельника и среды)
 2. Се жених грядет (тропарь утрени Великого понедельника и среды)
 3. Чертог Твой вижду (экзапостиларий утрени Великого понедельника и среды)
 4. Егда славнии ученицы (тропарь утрени Великого четверга)
 5. Вечери Твоя тайныя (херувимская Великого четверга)
 6. Странствия владычня (9-я песнь канона утрени Великого четверга)
 7. Благообразный Иосиф (тропарь утрени Великой субботы)
 8. Разбойника благоразумнаго (экзапостиларий Великой пятницы)
 9. Не рыдай Мене Мати (9-я песнь канона Великой субботы)
 10. Воскресни Боже (прокимен вечерни Великой субботы)
 11. Да молчит всяка плоть (херувимская Великой субботы)
- Все номера цикла представляют собой обработки знаменного (девять номеров из одиннадцати), киевского (Чертог Твой) и болгарского (Благообразный Иосиф) распевов.

¹ К этому времени в России уже возникла и стала активно развиваться традиция духовных сочинений для концертного исполнения. К ним можно отнести обе кантаты С. Танеева — «Иоанн Дамаскин» и «По прочтении псалма», а также «Братское поминовение героев» А. Кастальского. Для концертного исполнения создавалась и «Всенощная» С. Рахманинова

Завершив сочинение, композитор рассчитывал услышать свою кантату, и начал готовить это исполнение, но в 1923 году, почти сразу после того, как работа над партитурой была завершена, Наркомпрос СССР официально запретил исполнение в стране духовной музыки. Максимилиана Штейнберга, однако же, не покидала надежда, что эта партитура когда-нибудь прозвучит, и этого исполнения он очень хотел. Можно предположить, что его собственная оценка сочинённой им «Страстной седмицы» была достаточно высокой, поскольку об этой партитуре он думал до самого конца своей жизни. Судьба же самой партитуры оказалась почти детективной.

В 1926 году, «по культурному обмену», Штейнберг едет в Париж и везёт туда свою «Страстную седмицу». Там, в 1928 году, в издательстве Бесселя партитура «Страстной седмицы» была издана, о чём никто не знал из знакомых Штейнберга, и вообще кто-либо в Советском союзе. Есть информация о том, что там же, в Европе, были исполнены фрагменты этого сочинения.

Вновь интерес к этому «утраченному шедевру» возник на волне общего интереса к русскому церковному пению в конце ушедшего столетия (после празднования 1000-летия Крещения Руси), и наиболее активными в этом плане оказались американские музыканты с русскими корнями, пропагандирующие русскую музыку за рубежом.

Партитурой «Страстной седмицы» Штейнберга одновременно заинтересовались Владимир Морозан, хормейстер и музыковед, которому об этом сочинении рассказал Игорь Букетов, и Александр Лингас, также хормейстер и музыковед. Существует красивая история, в правдивость которой не все верят: в 1946 году, незадолго до своей смерти, Штейнберг якобы передал партитуру «Страстной седмицы» своему любимому ученику Дмитрию Шостаковичу, который привёз её полулегально в США, где и передал Игорю Букетову, американскому дирижёру и музыкальному деятелю. От него партитура в конце концов и попала к Владимиру Морозану.

На рубеже столетий, на волне упомянутого всплеска интереса к русской духовной музыке, Александр Лингас, разыскивавший различные партитуры русского богослужебного пения на предмет формирования программ духовной музыки для своего хора, нашёл в Америке экземпляры «Страстной седмицы» Штейнберга, изданные в своё время в Европе издательством «Бессель» по инициативе автора (о чём уже говорилось), и решил сделать «мировую премьеру» со своим хором «Capella Romana».

Премьера состоялась 11 апреля 2014 года в Портленде. Об этом стало известно Морозану. Послушав запись исполнения, он остался весьма недоволен. Не понравилось это исполнение и потомкам Игоря Букетова, хранивших экземпляр рукописи «Страстной седмицы», якобы привезённый Шостаковичем. Было решено сделать качественное исполнение с другим хором. Этим хором стал коллектив «Clarion», а концерт состоялся в октябре 2014 года в Нью-Йорке (дирижёр Стивен Фокс).

Уже вместе, Лингас и Морозан инициировали переиздание партитуры «Страстной седмицы» в издательстве «Musica Russica», а в 2016 году они же продюсировали исполнение этого сочинения в России.

New York Times разместила рецензию на нью-йоркское исполнение «Страстной» Штейнберга 28 октября 2014 года, в которой было отмечено «поразительное исполнение» этого сочинения, причисленного к «музыкальным сокровищам». Было отмечено также, что «стиль Штейнберга, с его усложнённым контрапунктом и насыщенными гармониями, это шаг вперёд по сравнению с романтическим стилем Рахманинова... Пусть с большим запозданием, звездный час Штейнберга наконец-то настал».

Гастрольный тур хора «Clarion» в Россию состоялся при участии Государственного Департамента США и гранта от Фонда Рокфеллера (Trust for Mutual Understanding). Концерты состоялись в Большом Зале Санкт-Петербургской Филармонии, а также в Москве, в Московском Соборе Непорочного Зачатия и в Рахманиновском Зале Московской Консерватории.

Clarion Choir также получил приглашение для первого исполнения «Страстной Седмицы» в Европе и для записи диска этого сочинения.

При знакомстве с этим сочинением невольно напрашиваются параллели и возникают сравнения с подобным сочинением Гречанинова, уже упомянутом выше. Вне всяких сомнений, «Страстная седмица» Александра Гречанинова была хорошо известна Штейнбергу. Структуры обоих циклов практически совпадают¹. Напомню, что в гречаниновском цикле присутствуют ещё «Свете тихий», «Во царствии твоём» (с постовым припевом «помяни нас, Господи») и «Да исправится молитва моя» в хоровом варианте (это постовое песнопение, исполняемое в пост на Литургии Преждеосвященных даров, традиционно поётся мужским трио посреди храма).

Максимилиан Штейнберг не включил в свой цикл «Да исправится», обойдясь также без «Свете тихий» и «Во царствии». В отношении «Да исправится» напрашивается мысль о том, что композитору, вероятно, не хотелось поступать так, как это сделал его предшественник Гречанинов — переводить песнопение в иную жанровую плоскость (превращать из ансамблевого в хоровое). Что касается «Свете тихий» и «Во царствии», то их отсутствие можно объяснить желанием сконцентрироваться исключительно на молитвах Страстных служб и не использовать тексты, распеваемые в храме на рядовых воскресных богослужениях.

Музыка «Страстной седмицы» Максимилиана Штейнберга выдаёт в нём композитора нового времени, уже не стремящегося — как, например, это сделал Гречанинов — во что бы то ни стало «втиснуть» древний распев в «прокрустово ложе» функциональной гармонии (даже обогащённой всеми находками, сделанными композиторами-романтиками).

Музыкальный язык Штейнберга имеет большой «крен» в сторону модальности: в звукосочетаниях, используемых им

¹ В богослужениях Страстной недели есть много выразительных молитв помимо тех, которые использовал Гречанинов, а следом за ним и Штейнберг

(часто — нетерцовых) порой совершенно невозможно услышать какие-то функциональные «привязки», тоника часто завуалирована, либо вообще избегается, а фактура сочинения изобилует очень смелыми (для богослужебного церковного пения) приёмами и средствами. Композитор очень гибок в чередовании ансамблевых эпизодов и эпизодов с солистами — и фрагментов хорового тутти. Используя повторы текста, он часто меняет фактуру, резко «перекрашивая» звучание.

Так, экзапостиларий «Разбойника благоразумного» у Штейнберга начинается пением женского трио, а при повторе уже вступает хор с солистом-тенором. Соло тенора звучит и в начале задостойника «Не рыдай Мене, Мати» в среднем разделе которого («Восстану бо») использовано активное имитационное вступление голосов с квартовым интонационным зачином. Традиционно исполняемое мужским трио «Воскресни Боже» (с хоровым припевом) Штейнберг распевает всем хором, добавляя в отдельных эпизодах солиста и включая эпизод пения мужского хора (трио) далее.

Интересно решён композитором номер «Благообразный Иосиф». Используя навязчиво-знакомую мелодию болгарского распева, Штейнберг создаёт такую музыкальную ткань, в которой эта мелодия почти не узнаётся. Начало этого хора с поочерёдным вступлением голосов напоминает многие известные богослужебные композиции — например, начало «Херувимской № 2» Виктора Калиникова, однако у Штейнберга этот приём (далее — повторяемый) настолько обострён, что фактура начального эпизода его хора звучит почти пуантилистически.

Погружаясь в прекрасную музыку «Страстной седмицы» Максимилиана Штейнберга, можно было бы сделать ещё немало наблюдений, но, однако же, необходимо сделать и некоторые выводы. В своём сочинении Максимилиан Штейнберг, талантливый русский композитор, наследник петербургских традиций, как бы подводит итог длительному (почти двухсот-летнему) периоду развития русской авторской богослужебной музыки. Его сочинение, в котором слышны «оглядки» на пред-

шественников и современников — А. Гречанинова, С. Рахманинова, А. Кастальского, В. Калиникова и др., — бесспорно является новой (и, может быть, последней) страницей в истории русской духовной музыки этого периода.

Создав монументальный цикл, в основу которого были положены древние распевы, адаптированные и освоенные так, что музыка эта зазвучала как безусловно авторская, Максимилиан Штейнберг вне всяких сомнений шёл по пути С. Рахманинова, уйдя, однако же, дальше своего великого современника в этом жанре. Если «Всенощная» Рахманинова, при всей смелости музыкального языка, которым она была написана, не порывала связей с русскими классико-романтическими традициями, то «Страстная седмица» Штейнберга была уже шагом в сторону, от гармонической функциональности, и вообще от централизованной тональности.

То же можно сказать и о принципах обращения с распевом, который Штейнберг часто не проводит целостно от начала до конца, а иногда «рвёт» на части, повторяя эти фрагменты с разной аранжировкой и в разном ладовом решении. О смелости обращения с фактурой речь уже шла выше.

В завершении хочется сказать, что появление в исполнительском обиходе этого доселе неизвестного сочинения, может существенно расширить репертуар хоров, специализирующихся на исполнении духовной — и вообще русской классической музыки. Появившиеся в интернете прекрасные по музыкальному качеству исполнения записи американского коллектива «Clarion», в которых, вместе с тем, слышно, как англоязычные хористы плохо произносят церковнославянские тексты, может только подтолкнуть и воодушевить российских хормейстеров на исполнение этой замечательной музыки.

Список литературы

1. Левашев Е. Традиционные жанры православного певческого искусства в творчестве русских композиторов от Глинки

до Рахманинова 1825–1917. Нотография. — М., 1994.

2. С. Одереева. «Страстная Седмица» Александра Гречанинова — вершина духовного творчества композитора // XII Красноярские краевые образовательные Рождественские чтения. — Красноярск, 2012. — С. 56–62.

УДК 821.161.1

Пацьорка Е. И.

преподаватель

Томский экономико-промышленный

колледж

г. Томск

e-mail: patsorka@yandex.ru

Pats'yorka Elena I.

teacher

Tomsk Economical and Industrial

College

Tomsk

e-mail: patsorka@yandex.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В КОНСТЕКСТЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ДУХОВНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ «ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ» И ЭГО ДОКУМЕНТОВ)

Pedagogical ideas of F. M. Dostoyevsky in the context of Orthodox spirituality (on the material "A Writer's Diary" and ego-documents)

Аннотация: *Статья посвящена актуальной проблеме формирования личности в современном социокультурном пространстве. Запрос образовательной среды на развитие духовной культуры молодого поколения возможно реализовать посредством обращения к педагогическим идеям Ф. М. Достоевского. В представлениях писателя воспитательная модель, являясь иерархической структурой, отражает ценностно-мотивационные уровни процесса личностного становления.*

Abstract: *The article is devoted to the current problem of personality forming in the modern sociocultural space. The request of the educational environment for the development of spiritual culture*

of the younger generation can be realized by addressing the pedagogical ideas of F. M. Dostoevsky. In the writer's ideas, the educational model, being a hierarchical structure, reflects the value-motivational levels of the personal formation process.

Ключевые слова: личность, духовность, воспитание, ценности, Ф. М. Достоевский, «Дневник писателя».

Keywords: personality, spirituality, education, values, F.M. Dostoyevsky, «A Writer's Dairy».

При рассмотрении педагогических идей Ф. М. Достоевского с точки зрения их ценностно-мировоззренческих доминант значимым видится категория духовности. Определение этого понятия в современном сознании неоднозначно, так как исторически сложилась его двусоставность: религиозное и секулярное.

Изначальное значение этого понятия, связанного с христианским представлением о духовности, можно обозначить как «устремлённость человека к стяжанию Святого Духа» [4, с. 158]. Но в настоящее время смысловое поле этого термина значительно расширилось и в обиходном значении стало сводимо к погружённости личности в возвышенные сферы человеческого бытия (философия, искусство, морально-этические проблемы и т.д.) Категория духовности в секулярном мировоззрении — это «внутренний мир человека в противоположность физическому, телесному» [7, с. 222].

На современном этапе в рамках научного познания понятие «духовность» видится всеобъемлющей категорией с точки зрения сочетания секулярного и религиозного составляющих: «Предназначение Церкви и религии — быть проводником духовности... Человеческая духовность включает в себя три основных начала: познавательное, нравственное и эстетическое...» [8, с. 248–249].

А. Н. Кошечко определяет два диаметрально противоположных составляющих неразрывного единства понятия «духовность»: атеистического и религиозного (православного).

Первое предполагает веру в небытие Бога и культивирование идеи человекобожества. Религиозный (православный) тип духовности является «...выражением традиционных ценностей русского национального сознания, квинтэссенцией духовного опыта народа, определяет систему культурных матриц и сценариев существования человека» [6, с. 105].

Опираясь на понятие «духовность», мы вкладываем в него и традиционное для религиозного содержания (возможность духовного усовершенствования личности), и общегуманистическое (частично вбирающее религиозное): 1) нечто возвышенное, вечное, противоположенное сиюминутному материальному миру; 2) нравственные, эстетические и интеллектуальные первоначала личностной сферы. Можно отметить иерархическую многомерность этого понятия. Для русской аксиологии культурные концепты поля «духовность» видятся основополагающими.

Понятие «духовность» частотно проявляет себя в многовековых аксиологических опытах и исканиях русской литературы. Это даёт возможность говорить о её потенциале как транслятора нравственных и духовных идеалов в процессе формирования духовной культуры личности.

Для современной системы образования и воспитания представляет особый интерес концепция формирования духовно-нравственной личности, сформулированная во второй половине XIX века. Одним из основоположников этой концепции стал Ф. М. Достоевский.

Педагогические взгляды писателя не представлены в каких-либо отдельных текстах, они рассредоточены на страницах его писем, заметок, очерков, художественных произведений. Возможно, именно с этим связано отсутствие широкого распространения воспитательной системы Достоевского.

Достоевский не был педагогом в привычном смысле этого слова, но он стал «учителем» для русского общества, для мыслящей молодёжи, находящейся в эпицентре подвижной, меняющейся на глазах эпохи, аксиологический вектор которой был

смещён, критерии разграничения добра и зла оказались предельно подвижными и не дающими возможности опереться на них для самоопределения себя в бытии.

Причины, побудившие писателя обратиться к вопросам педагогики, связаны с социальной ситуацией пореформенной России: «... я знаю, до чего это может довести, безначалье вне вас, во внешнем законе (ибо общество есть закон, не говоря уж о казённом законе) и безначалии внутри вас» [1, с. 537] (здесь и далее в цитатах курсив мой — Е. П.). «Безначалие», как отсутствие основополагающей общности при характеристике социума, перерастает в безыдейность на уровне отдельной личности. Достоевский уподобляет ситуацию «развороченному муравейнику», обозначая этим, прежде всего, не внешние анархические проявления, но разрушение цельности и отсутствие осмысленного вектора личностной ориентации.

В период 2010-х гг., как и в пореформенную эпоху 1860–1870-х гг., Россия переживает ситуацию колоссального мировоззренческого сдвига. При этом аксиологический вектор этого процесса зачастую не имеет созидательного характера. Причины такой ценностной трансформации заключаются, видимо, в забвении духовных первооснов отечественной истории и культуры. Русское общество активно создаёт новую иерархию ценностей, которую предельно точно охарактеризовал Достоевский на страницах «Дневника писателя»: «... все „ослабели“; *ожирели сердца*, всем хочется сладенького, материальной выгоды. Все рабы уже по существу своему и даже представить не могут себе, как это можно решить для правды, а не для собственной выгоды» [2, Т. 21, с. 100–101]. Характеристика современного общества через понятие «ожирели сердца» приводит нас к Евангелию от Матфея: «... ибо *огрубело (ожирело) сердце* людей сих и ушами с трудом слышат, и глаза свои сомкнули, да не увидят глазами и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и да не обратятся, чтобы Я исцелил их...» (Мф. 13:15) [3]. Причина ситуации, когда люди смотря не видят, а слушая не слышат, возводятся в Евангелии к отолстению, ожирению сердец

народных. Но этот процесс не определяем природой, а связан с желанием и выбором самого человека, так как действия людей возводятся к глаголу «сомкнули». Люди стали душевно глухи и слепы, но первоопределяющим элементов в этой цепочки поставлено «ожирение сердца». Именно от этого отталкивается Достоевский, определяя жизненную установку современных людей, через позицию *après moi le déluge* (после меня хоть потоп).

Как прогрессивный деятель и мыслитель, Достоевский осознавал, что образование и воспитание являются ведущими источниками и средствами духовного развития молодого поколения, так как «...человек есть на земле существо, только развивающееся, след., не оконченное, а переходное» [1, с. 173]. При этом процесс личностного становления не мыслится писателем как изолированное явление. Внутренний потенциал ребёнка раскрывается через взаимоотношения с внешним миром не только в рамках процесса образования, но в ситуациях ценностной ориентации.

В представлениях Достоевского основными ценностно-мотивационными уровнями, определяющими процесс формирования личности, являются духовность, семья, общество. Писатель, выстраивая иерархическую систему воспитания на основе данных компонентов, определил её как Бог-народ-семья (подробнее об этом см.: [5]).

Для Достоевского духовность — неотъемлемое составляющее процесса воспитания, поскольку «... элемент веры в живой жизни есть честь, совесть, человеколюбие, источник всего — Христос...» [1, с. 173]. Религиозный компонент осмысливается писателем не в мистическом ореоле, а прежде всего, как «высшая идея для существования» и нравственная основа для формирующейся ценностной структуры личности, т. е. как социально-ценностное образование.

Путь духовного совершенствования, по Достоевскому, возможен только посредством личностного присвоения истин. «Никакая из святынь наших не боится *свободного исследования*

<...> — писал он в тетради 1876 г. — Мы хотим, чтоб святыня наша была *настоящая святыня*, а не условная, не то пусть не стоит, не стоит она того» [1, с. 436–438]. «Свободное исследование» — это процесс не просто принятия канонизированной истины, но дискуссионного анализа, сопряжённого, зачастую, с заблуждением. Ведь нет человека, который бы сознательно стремился к ошибке, те, кто приходят к неверным выводам, искренне и настойчиво ищут истины и правды. Поэтому в представлениях Достоевского в процессе личностного становления нужен Другой. Другой в высшем смысле — это Христос, олицетворяющий высшие земные добродетели: самоотверженную гуманность, истинную нравственность.

Через падение и работу над собой, в попытке приблизиться к наивысшему нравственному образцу — Христу, Достоевский видел путь духовного становления личности. Богопознание определяет процесс самопознания через сопричастность с народом, как носителем и хранителем духовных и нравственных ценностей Православия («... Христа он [народ] знает и *носит его в своём сердце* искони <...> сердечное знание Христа и истинное представление о Нём существует вполне. Оно передаётся из поколения в поколение и *слилось с сердцами людей...*» [2, Т. 21, с. 38]) и через семью как поле этической реализации патриархальных ценностей и устоявшихся доминант («Мы любим святыню семьи, когда она в самом деле свята, а не потому только, что на ней крепко стоит государство. А веря в крепость нашей семьи, мы не побоимся, если, временами, будут исторгаемы плевелы <...> *Святыня воистину святой семьи* так крепка, что никогда не пошатнётся от этого, а только станет ещё святее» [2, Т. 22, с. 72]).

В основе духовного движения можно увидеть процесс трансформации чистого идеала в ценность. Опыт осознания, как формирующий духовную биографию писателя, связан с изменением его мировоззрения на каторге. В письме 1854 году писатель, анализируя пройденный путь, формулирует свой «символ веры»: «... сам пережил и прочувствовал это <...> я сложил в себе

символ веры, в котором всё для меня ясно и свято...» [2, Т. 28, с. 176]. Для Достоевского Христос не просто воплощение внешней цели человеческой жизни, «идеал человека во плоти», Он растворён в каждом как имманентная составляющая человеческой природы.

Обретение ценности, с точки зрения Достоевского, возможно только через опыт личностного проживания и осмысления, который даёт возможность увидеть во Христе, зримом воплощении Духа, не просто Богочеловека, но совершенный образ человеческий. Логика формирования ценностно-смысловой сферы личности в понимании Достоевского начинается с приоритета духовного начала, которое через приобщение к ценностям русской культуры и личностное проживание образует целостную мировоззренческую позицию.

Для писателя этап поиска и заблуждений — это неременный атрибут становления личности, от которого не может и не должно ограждать воспитание. Но именно в познании православных основ формируется ядро личности, необходимое для самосовершенствования на этапе перелома мировоззрения, который, по Достоевскому, наступает неизбежно на жизненном пути каждого. Именно это помогло самому писателю прийти к осознанию себя, к возврату к истинным ценностям и настоящим приоритетам.

Процесс личностного развития, определяемого движением к «вековечному идеалу», по представлениям Достоевского, не может обладать завершённостью, так как «... при достижении цели всё угасает и исчезает <...> развиваться, достигать цели, посредством смены поколений уже не надо» [1, с. 173]. Полностью завершившееся развитие означает конец существования как человека, так и человечества. Поэтому идеал духовного развития личности не в достижении поставленных целей, но в процессе сложной внутренней работы над собой как основы для гармоничного последовательного растворения личности в непрерывной нравственной взаимосвязи с ушедшим и грядущим: «Говорят, человек разрушается и умирает весь. Мы уже потому знаем,

что не весь, что человек, как физически рождающий сына, передаёт ему часть своей личности, так и нравственно оставляет память свою людям (NB пожелание вечной памяти на панихидах знаменательно), т. е. входит частью своей прежней, жившей на земле личности, в будущее развитие человечества» [1, с. 174].

Роль и степень важности аксиологического вектора в рамках личностного становления, таким образом, разрастается в представлениях писателя до всечеловеческого масштаба. Нравственная основа, во многом обусловленная понятием «духовность», в педагогической иерархии и мировоззрении Достоевского есть не только *первоопределяющий* элемент, но *определяемый* самим человеком на протяжении всей жизни. Индивидуально-личностный опыт проживания духовно-религиозных основ — это то, что ограждает человека от приверженности абстрактно-догматическим правилам и нормам. Духовность для писателя — это не предмет или качество, это процесс поиска и присвоения истин, святынь, сопровождаемый неиссякаемыми внутренними сомнениями.

Список литературы

1. Достоевский Ф. М. Записные книжки и тетради 1860–1881 гг. // Литературное наследие Т.83: Неизданный Достоевский. — М: Наука, 1971. — 727 с.

2. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. — Л.: Наука, 1972–1990.

3. Евангелие от Матфея [Электронный ресурс]. — URL: <https://bible.by/verse/40/13/15/> (дата обращения: 22.10.2020).

4. Касьянова К. О русском национальном характере. — М.: Академический проект, 2003. — 560 с.

5. Кошечко А. Н. Духовные ценности и их роль в самоопределении личности // Православное наследие как источник духовного и общественного развития России: Материалы XXII духовно-исторических чтений памяти равноапостольных Кирилла и Мефодия. — Томск: Изд-во Томского ЦНТИ, 2013. — С. 34–41.

6. Кошечко А. Н. Формы экзистенциального сознания в творчестве Ф.М. Достоевского: дис. канд. филол. наук. — Томск, 2015. — С. 105.

7. Складневская Г. Н. Словарь православной церковной культуры / Г. Н. Складневская. — СПб.: Наука, 2000. — 280 с.

8. Философия. Ч. 2: Основные проблемы философии / Н. Ф. Бучило, В. И. Кириллов, С. И. Попов и др. ; под ред. В. И. Кириллова. — М.: Юристъ, 1997. — 320 с.

УДК 783.6

Пономарёв В. В.
профессор, регент
Сибирский институт искусств
имени Дмитрия Хворостовского;
хор красноярского Свято-Троиц-
кого собора
г. Красноярск

Ponomarev Vladimir V.
professor, regent
department of music theory
and composition, Siberian state
institute of arts named after
D. Hovorostovsky; choir of Krasnoyarsk
Holy Trinity Cathedral
Krasnoyarsk

КРАСНОЯРСКИЙ КОМПОЗИТОР МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ СТУПНИЦКИЙ

Krasnoyarsk composer Mikhail Petrovich Stupnickiy

Аннотация: *Статья освещает известные труды и факты о жизни красноярского композитора и священника Михаила Ступницкого, жившего в конце XIX — первой половине XX века.*

Abstract: *The article covers known works of and biographical facts of Krasnoyarsk composer and priest Mikhail Stupnickiy, who lived in late 19th — first half of 20th centuries.*

Ключевые слова: Михаил Ступницкий, композитор, церковный хор, церковные песнопения, Красноярск.

Keywords: Mikhail Stupnickiy, composer, church choir, church chants, Krasnoyarsk.

Когда мы говорим о том или ином деятеле культуры — художнике, композиторе или писателе — мы часто называем город, в котором он жил или работал, а иногда называем регион. Говорим, например, «красноярский композитор Ф. Веселков», «новосибирский композитор Г. Иванов», или «уральский композитор А. Нименский». Крупных художников уже не принято «привязывать» к городу или региону, поэтому о писателе Викторе Астафьеве, всю сознательную жизнь проведшем в родном Красноярске, мы уже не говорим «красноярский писатель», однако все красноярцы (и особенно местные литераторы) никогда об этом не забывают.

Какое это всё имеет значение для деятелей культуры данного города и региона, и вообще для всех его жителей? Не могу удержаться, чтобы не привести фрагмент диалога с одним красноярским художником, выпускником художественного училища имени В. И. Сурикова. Он ушёл из профессии, и я спросил его — почему? На это он ответил: я — средний художник, а в Красноярске нельзя быть плохим или средним художником — за спиной Суриков!

Есть и другая сторона обозначенной ситуации. Мне уже не раз приходилось говорить о так называемых «культурных закладках», сделанных крупными мастерами или творческими коллективами в той или иной художественной сфере, проявляющихся позже. Отмечались и последствия отсутствия таких «закладок».

Говоря о Красноярске, например, следует отметить тщетность попыток создания в городе симфонического оркестра и каких-то традиций оркестрового музицирования. Они были весьма кратковременными и в конце XIX века, и в первой половине XX-го века. Этим можно объяснить ту «неровность», которая наблюдается в оркестровом творчестве ныне живущих в Красноярске профессиональных композиторов. Говоря проще, следует признать, что ярких опусов (и тем более шедевров) в жанрах оркестровой музыки красноярцами до сих пор создано не было!

Для сравнения можно привести Новосибирск, культура которого имеет гораздо меньший исторический «разбег» во времени. Однако Новосибирску хватило лишь одного, но очень мощного толчка, каковым стала эвакуация в годы войны в этот город симфонического оркестра Ленинградской филармонии. Возникший уже в послевоенные годы новосибирский симфонический оркестр под руководством А. Каца стал одним из лучших оркестров в стране на излёте советской эпохи, и его успехи стимулировали симфоническое творчество новосибирских композиторов — А. Мурова, Г. Иванова, Ю. Шибанова, создавших серию подлинных оркестровых шедевров.

Невысокий уровень симфонического творчества красноярцев особенно бросается в глаза на фоне такого мощного «цветения» хоровой музыки в городе на Енисее, которое можно было наблюдать с конца 80-х годов прошлого столетия — и до второго десятилетия века наступившего. Отголоски этого бурного «хорового кипения», как его назвали историки сибирской музыки, ощущаются и сегодня. Многими красноярскими авторами продолжают создаваться хоровые опусы (прежде всего в жанрах духовной хоровой музыки), оценку которым эксперты дают по самой «высокой планке», и которые исполняются лучшими российскими коллективами, а также издаются как у нас в стране, так и за рубежом¹.

О причинах такого повышенного интереса красноярских композиторов к духовным жанрам уже много говорилось и писалось, а вновь открываемые исторические факты лишь подтверждают тезис о том, какие существенные «творческие закладки» в сфере духовной музыки были сделаны в Красноярске ещё в начале XX века. Не перечисляя всех тех, кто поработал на этом поприще, хочется отметить только один факт: Красноярск, может быть, единственный город в России, в котором профессиональное учебное заведение — музыкальный колледж

¹ В 2019 году в германско-швейцарском издательстве «Helbling» вышел первый том антологии «Russia a cappella», в котором были опубликованы духовные хоры двух красноярских авторов: «Свете тихий» Артура Михеля и «Вскую Господи» Владимира Пономарёва.

— носит имя церковного композитора, Павла Иванова-Радкевича. Уже одно это может сказать о многом.

В этой статье речь пойдёт о церковном композиторе и священнослужителе Михаиле Петровиче Ступницком. Сегодня уже с уверенностью можно сказать, что Михаил Ступницкий — красноярский композитор, и не только по факту своего рождения, но и потому, что значительную часть своей жизни он провёл в этом городе.

За апсидой красноярского Свято-Троицкого собора, среди могил священнослужителей есть могила протоиерея Петра Феофановича Ступницкого (1864–1936). В красноярских церковных архивах был найден церковно-певческий сборник: «Духовно-Музыкальная Хрестоматия под редакцией М. А. Лагунова. „Всенощное бдение“ сборник песнопений разных авторов для небольшого смешанного хора. С-Пб, 1911». Этот сборник, на первой странице, а также на страницах 6, 12, 18, 22, 26, 28 и 33 помечен экслибрисом «Священник Михаил Петрович Ступницкий». Сопоставление двух названных фактов позволило сделать вывод, что Михаил Петрович Ступницкий был сыном Петра Феофановича, похороненного на Троицком кладбище, а наличие нотного сборника с его экслибрисом позволяет свидетельствовать о том, что сын навещал отца в позднейшее время и жил здесь в течение ряда лет. Этим «позднейшим временем» следует считать предреволюционные годы, и первые десятилетия после установления в России советской власти.

Косвенным основанием для такого заключения стала информация о регенте и композиторе, ещё не имеющем сана, Михаиле Ступницком, найденная в статьях украинского музыковеда Любови Алексеевны Дорохиной про церковное пение в Чернигове. В частности, она сообщает, что М. Ступницкий был выпускником регентских курсов Придворной Певческой Капеллы, и по окончании обучения, в 1912 году, по рекомендации И. Тернова, регента Митрополичьего хора Александро-Невской лавры, был направлен в Чернигов для поднятия там церковно-певческого дела. В Чернигове М. Ступницкий работал учителем церковно-

го пения и регентом хора в духовной семинарии, принимал участие во многих духовно-музыкальных акциях, проходивших в этом городе. Вот что пишет Л. Дорохина: «Просветительские мероприятия имели в Чернигове давнюю традицию, однако изменение в музыкальной части этих собраний, в том числе и репертуарного их наполнения, мы наблюдаем именно во втором десятилетии XX века. В сравнении с предыдущим периодом музыкальная часть народных чтений заметно расширилась. На многих просветительских собраниях количество исполняемых песнопений стало соответствовать отделению духовного концерта (...) Не вызывает сомнения, что репертуарная политика любого музыкального коллектива, и храмового хора в том числе, во многом обусловлена профессиональными качествами руководителя (...) Следует заметить, что с назначением на должность регента хора Духовной семинарии М. Ступницкого концерты духовной музыки в этом учебном заведении стали явлением регулярным» и т. п.

Композиторов-однофамильцев у Михаила Ступницкого не было, церковно-музыкальные справочники содержат информацию только об одном композиторе с такой фамилией — именно о М. Ступницком, и мы можем с достаточной долей уверенности утверждать, что речь идёт об одном человеке, сыне священника, протоиерея, похороненного в Красноярске. В справочнике Е. Левашова указано пять его изданных песнопений: Ныне отпускаеши, Хвалите имя Господне, 13-й кондак Святителю Феодосию, Святый Боже и Сугубая ектенья. Два из них — Ныне отпускаеши и Хвалите имя Господне — являются весьма популярными и часто исполняемыми песнопениями во всех храмах России. Почему же столь талантливый композитор написал мало сочинений? Думается, ответом может быть факт рукоположения Михаила Ступницкого в священнический сан.

Хочется поделиться одним наблюдением: два песнопения на один текст полиелейных псалмов — Хвалите имя Господне — необычайно похожи. Одно принадлежит М. Ступницкому, а другое — П. Иванову-Радкевичу (автор этих строк был сви-

детелем того, как старые церковные певчие путали фамилии композиторов, написавших эти песнопения). Оба песнопения предназначены для хора малого состава, т. е. строго четырёхголосны, содержат красивые мелодические темы, написаны в куплетной форме с повторяющимся припевом «Аллилуйя», а «запевы» в них повторены по дважды. Последний припев «Аллилуйя» в обоих случаях несколько расширен. Сходство обнаруживается также в способе создания динамического контраста: первые два «запева» в обоих песнопениях изложены в средней динамике (*p*, *mp*), а следующие два звучат громко.

Написаны оба хора в начале XX века. Партитура Иванова-Радкевича издана Юргенсоном в Москве в 1916 году, а партитура М. Ступницкого издавалась в Петрограде в 1917 году. Не исключена возможность, что музыканты познакомились в Красноярске, между ними могло быть творческое общение и П. Иванов-Радкевич, как старший и более опытный музыкант, повлиял на творчество молодого композитора.

Итак, можно предположить, что композиторы встречались в Красноярске, а поводом для дружеского сближения могла стать «alma mater» обоих музыкантов — Придворная Певческая Капелла.

Помимо всех приведённых фактов, главным из которых является наличие в Красноярске нот с личным экслибрисом Михаила Ступницкого, можно указать ещё на одну любопытную деталь. По красноярским храмам имеет хождение рукопись Херувимской песни, обозначенной «Черниговская». Печатного варианта этого песнопения нет, и его никто никогда не видел, а сама рукопись существует в нескольких «списках» (как раньше называли рукописные копии). Напрашивается мысль о том, что эта Херувимская была привезена в Красноярск именно Михаилом Ступницким.

Трудно делать выводы о том, мог ли композитор и священнослужитель Михаил Ступницкий как-то повлиять на творческую составляющую церковного пения в Красноярске. Но то, что в храме, где священнослужителем является композитор,

могло быть качественное церковное пение — в доказательствах не нуждается.

Следы Ступницкого в Красноярске теряются. До середины тридцатых годов — до начала того периода, когда храмы стали разрушаться — он мог служить в одном из двадцати действовавших в тот период храмов. В списках преподавателей Народной консерватории, открытой в 1920 году П. И. Ивановым-Радкевичем, он не значился, в других сферах общественной и музыкальной жизни города он также не оставил следов. Возможно, похоронив отца, протоиерея П. Ф. Ступницкого, Михаил покинул Красноярск, оставив здесь свой нотный архив (или его часть).

Для всех нас, музыкантов Красноярска, важен тот факт, что в городе жил и работал ещё один композитор, прямо или косвенно повлиявший на формирование тех традиций, которые столь ярко проявились в позднейшее время и в высококачественном церковном пении, звучавшем в красноярских храмах, и в творческом подъёме красноярских композиторов, создавших яркие церковные партитуры.

УДК 82-1

Тарасенко Д. Ю.
магистрант
Красноярский государственный
педагогический университет
им. В. П. Астафьева
г. Красноярск
E-mail: tarasenko_diana97@mail.ru

Tarasenko Diana Yu.
master's student
Krasnoyarsk state pedagogical
university
Krasnoyarsk
E-mail: tarasenko_diana97@mail.ru

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ ЦВЕТКА РОЗЫ В ПОЭЗИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Symbolic meanings of a rose flower in Silver age's poetry

Аннотация: В статье рассматриваются символические значения цветка розы в поэзии А. А. Ахматовой и Н. С. Гумилёва. В ходе исследования установлено, что в творчестве каждого поэта роза приобретает свои устойчивые поэтические ассоциации, связанные с особенностями поэтических идиостилей каждого автора. Выявленные поэтические ассоциации были классифицированы по типам художественных смыслов в лингвопоэтике. В результате исследования установлено, что в творчестве А. А. Ахматовой и Н. С. Гумилёва эмотивная функция цветов напрямую связана с символической передачей различных оттенков и проявлений любовных чувств, с выражением символических значений, характеризующих внутренний мир лирического героя: жертвенность, трагизм отношений. Для поэзии Н. С. Гумилёва характерна реализация субстанциальной функции обозначений цветка розы как абстрактной сущности (совершенства, недосягаемости идеала и др.).

Abstract: The article deals with the symbolic meaning of a rose flower in the poetry of A. A. Akhmatova and N. S. Gumilyov. During the study, it was found that in the work of each poet, a rose acquires its own stable poetic associations associated with the peculiarities of poetic idiosyncrasies of each author. The revealed poetic associations were classified according to the types of artistic meanings in linguopoetics.

As a result of the study, it was found that in the works of A. A. Akhmatova and N. S. Gumilyov emotive function of flowers is directly connected with a symbolic transmission of various shades and manifestations of love feelings, with an expression of symbolic meanings that characterize the inner world of the lyrical hero: sacrifice, a tragedy of relationships. N. S. Gumilyov's poetry is characterized by the realization of substantial function of a rose flower designations as an abstract entity (perfection, unattainability of the ideal, etc.).

Ключевые слова: символ, идиостиль, русская поэзия, А. А. Ахматова, Н. С. Гумилёв, символическое значение.

Keywords: symbol, idiostyle, Russian poetry, A. A. Akhmatova, N. S. Gumilev, symbolic meaning.

Актуальность настоящего исследования обусловлена значимостью образов цветов в творчестве поэтов Серебряного века. Цветы — это не только объект художественного описания, но и отражение поиска духовных ценностей художников, предмет размышлений о сути поэтического творчества, отражение взаимоотношений и чувств лирических героев.

Цель данного исследования — определить символические значения розы в поэзии А. А. Ахматовой, Н. С. Гумилёва. Методологией исследования послужила знаковая теория символа В. П. Москвина [12], а также классификация символических значений Г. И. Климовской [10]. Материал для исследования: Ахматова А. А. «Стихотворения. Поэмы. Автобиографическая проза» [2], Николай Гумилёв «Полное собрание сочинений в десяти томах. Том 3–4» [4; 5], Гумилёв Н. С. «Собрание сочинений» [6] «Словарь символов» [14], являющийся источником сведений о традиционных (культурно-стереотипных) символических значениях различных видов цветов для выражения определенных идей, чувств.

С незапамятных времен роза является самым популярным цветком, воспетым многими писателями и поэтами. Происхождение и представление о данной цветке многообразно. Так, например, представления о розе в религиозном и мифо-

логическом мировоззрении связаны с символикой смерти. А. Н. Веселовский отмечает, что привычное наименование «роза» перешло к нам от южных славян, а вместе с ним и верование в то, что души усопших чувствовали жертвой из роз [3]. В эпоху христианства роза означала мученическую кровь, символ крови Христа.

Исследователь Н. Ф. Золотницкий отмечает, что впервые роза упоминается в древнеиндусских сказаниях, согласно которым, в древней Индии она обладала таким почётом, что даже существовал закон, в соответствии с которым любой, кто принесёт царю розу, мог просить у него всего, что душе угодно [8].

Стоит отметить известный античный миф о смерти Адониса, из крови которого и появились первые красные розы. В результате, данные цветы определяются как символ любви, которую не преодолет даже сама смерть.

В связи с множеством представлений о символе розы, возникает необходимость выделить также её символические значения. В данном исследовании мы ставим целью определить символические значения розы на материале стихотворений поэтов Серебряного века.

Под символическим значением в данной работе понимается предметный образ абстрактного понятия, то есть опредмечивание абстрактного понятия [12]. Одновременно с этим мы рассматриваем ассоциативный аспект данного понятия, согласно которому символ — «всегда устойчивое, строго дифференцированное по содержанию представление, вызывающее постоянный круг ассоциаций в определённой поэтической системе» [7].

По характеру ассоциаций, которые лежат в основе образования символа, всё множество символических значений можно распределить на следующие типы: субстанциальные, аксиологические, эмотивные и диалогические [10]. Субстанциальные смыслы содержат художественную конкретизацию повествований. Аксиологические смыслы выражают социальные и культурные интересы и взгляды автора. Эмотивные смыслы

отражают различные чувства и эмоции писателя и его персонажей. Диалогические смыслы основаны на взаимных отношениях автора с персонажами его произведения, с потенциальными читателями, с мировой культурой в целом и так далее.

Символические значения розы в поэзии А.А. Ахматовой передают преимущественно эмотивные ассоциации, связанные со следующими понятиями:

1) разновидности и оттенки любви:

«жертвенная любовь»;

«трагическая любовь».

Проанализируем поэтические контексты, в которых содержатся примеры словоупотреблений наименований розы в указанных символических значениях:

«жертвенная любовь»:

«Бывало, я с утра молчу, / О том, что сон мне пел. / Румяной розе и лучу, / И мне — один удел» [2].

В стихотворении «Бывало я с утра молчу» присутствует фитоним *роза*. Написанию данного стихотворения предшествует реальный факт из биографии А. А. Ахматовой. Н. С. Гумилёв несколько раз делал предложение руки и сердца поэтессе, из которых увенчался успехом только один. Каждый отказ развивал депрессию Н. С. Гумилёва, несколько раз он пытался покончить с жизнью [1]. А. А. Ахматова всё же приняла предложение Н. С. Гумилёва, но вскоре пожалела об этом, так как поняла, что замужество с поэтом стало «началом конца» их отношений [9]. Лирическая героиня отмечает, что жизнь её теперь полна трагизма и повседневности, но, несмотря на это, она всё ещё замечает прекрасное в обыденном. Эпитет «румяная», относящийся к розе, олицетворяет внутренний мир героини. А. А. Ахматова передаёт ранимость и противоречие души своей лирической героини [13]. Итак, мы предполагаем, что роза в данном стихотворении символизирует чувство, ради которого можно пожертвовать счастьем и личной свободой, как это сделала лирическая героиня.

«Трагическая любовь»:

«Высокие своды костёла / Синеи, чем небесная твердь... / Прости меня, мальчик весёлый, / Что я принесла тебе смерть. —/ За розы с площадки круглой, / За глупые письма твои, / За то, что, дерзкий и смуглый, / Мутно бледнел от любви» [2].

Истории стихотворения «Высокие своды костёла» предшествует автобиографический факт, который связывают с М. Линдбергом, молодым офицером, который застрелился 23 декабря 1911 года. А. А. Ахматова убедила себя в своей причастности к этой катастрофе. Поэтесса знала о любви юноши к ней, но не сделала ничего, чтобы предотвратить трагический финал. Можно предположить, что героиня тем самым просит у героя прощения за любовь, на которую не смогла ответить взаимностью. Итак, роза в данном контексте является знаком неразделённой любви. Традиционное символическое значение розы как основного символа любви трансформируется в творчестве поэта в смертельную символику [11].

В данных трансформациях символических значений можно отметить особенность авторской эстетической коммуникации с читателем, которого следует рассматривать не как стороннего наблюдателя, а, скорее, как друга, с которым можно поделиться своими эмоциональными переживаниями и получить некий отклик.

А. А. Ахматова точно задевает самые глубинные струны души. Особенность её лирики — ёмкость и сжатость изложения, переданные простым и понятным языком, с помощью которого поэтесса выражает драматизм человеческих взаимоотношений: внутренние переживания лирической героини отображаются посредством внешних жестов и поступков.

Символические значения цветка розы в поэзии Н. С. Гумилёва передают эмотивные, субстанциальные и аксиологические ассоциации, связанные со следующими понятиями:

а) эмотивные смыслы:

1) «многогранность любви» (*роза и лилия*);

б) субстанциальные смыслы:

2) «противопоставление стихии» (*роза*);

3) «совершенство» (роза);

Проанализируем поэтические контексты, содержащие примеры словоупотреблений наименований цветов в указанных символических значениях:

1) «цветок — многогранность любви»:

«А на высотах, столь совершенных, / Где чистых лилий сверкают слезы, / Я вижу страстных среди блаженных, / На горном снеге алеют розы» [6].

«Перед воротами Эдема / Две розы пышно расцвели, / Но роза — страстности эмблема, / А страстность — детище земли. / Одна так нежно розовеет, / Как дева, милым смущена, / Другая, пурпурная, рдеет, / Огнём любви обожжена. / А обе на Пороге Знанья... / Ужель Всевышний так судил / И тайну страстного сгоранья / К небесным тайнам приобщиц?!» [6].

В стихотворении «На мотивы Грига» представлены фитонимы «лилия» и «роза», культурно-стереотипные значения которых почти полностью совпадают с индивидуально-авторским. Например, лилия в первом отрывке является символом чистоты и непорочности, в то время как роза символизирует чувственную, пламенную страсть. Казалось бы, эти два разных цветка никак не могут быть взаимосвязаны, однако Н. С. Гумилёв поместил оба цветка на одно место — на вершину горы, тем самым говоря о том, что любовь заслуживает «места под солнцем», несмотря на то, какой бы разной она не была: страстная, или же напротив невинная. Главное, чтобы эта любовь была искренней, настоящей.

Второй фрагмент из стихотворения «Две розы» содержит фитоним «роза», символизирующий два противоположных чувства. Первая роза — невинная девушка, при помощи которой поэт передаёт зарождающееся чувство; вторая — порочная страсть. Каким образом два таких абсолютно противоположных цветка находятся у входа в Райские кущи? В процессе поиска ответа на данный вопрос Н. С. Гумилёв приходит к выводу о том, что за «Порогом Знанья» открывается тот самый механизм любви, который символизирует каждый из цветков, так

как любовь не однобока по природе своей, она многогранна: от радости и страсти, до боли и разочарования;

2) «цветок — противопоставление стихии»:

*«Как учитель среди шалунов, иногда / Океанский проходит
среди них пароход, / Под винтом снеговая клокочет вода, / А на
палубе — красные розы и лед» [5].*

В стихотворении «Красное море» воспеваются величие и мощь Красного моря, которое не в силах противостоять движущемуся по нему пароходу. Далее нашему взору предстаёт роза на палубе парохода, и её присутствие в данном фрагменте символично: являясь «царицей цветов», она представляет некую победу над морем, над самой стихией, указывая на величие парохода перед морской стихией;

3) «цветок — совершенство»:

*«Я, что мог быть лучшей из поэм, / Звонкой скрипкой или ро-
зой белой, / В этом мире сделался ничем, / Вот сижу и ничего не
делаю» [4].*

Согласно своему культурно-стереотипному значению, *белая роза* обозначает непорочность, однако в стихотворении «Я, что мог быть лучшей из поэм» она в корне меняет своё исконное символическое значение. В данном фрагменте белая роза противопоставлена творческой дееспособности лирического героя, потере его вдохновения. Она, напротив, обозначает некий идеал, благословенную жизнь;

Н. С. Гумилёв подвергает фитоним «роза» серьёзной трансформации, наделяя его новыми многозначными субстанциальными смыслами, заключающими глубокие философские вопросы. В своих стихотворениях поэт затрагивает вечные проблемы, такие как смысл жизни, идеала и действительности, противоречия души и тела [1].

Таким образом, цветок розы имеет множество символических значений, которые трансформируются в контексте стихотворений А. А. Ахматовой и Н. С. Гумилёва. Преобразуя культурно-стереотипные смыслы, наполняя их разнообразными коннотациями, поэты наделяют розу своими индивидуаль-

но-авторскими смыслами. Роза становится уже не просто символом любви, но имеет множество оттенков и разновидностей.

В индивидуально-авторских трансформациях символических значений наименований розы в поэзии А. А. Ахматовой проявляются особенности авторской эстетической коммуникации с читателем, с которым можно поделиться своими эмоциональными переживаниями и получить отклик.

Н. С. Гумилёв наделяет фитонимы новыми многозначными субстанциальными смыслами, заключающими глубокие философские вопросы: смысл жизни, идеал и действительность, противоречия души и тела.

Список литературы

1. Анализ литературного произведения: учебное-методическое пособие / составитель С. М. Заяц. — М.: ФЛИНТА. — 2018. — 79 с.
2. Ахматова А. А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. I : Стихотворения. 1904–1941. — М.: Эллис Лак, 1998. — 968 с.
3. Веселовский А. Н. Из поэтики розы // Привет. Художественно-литературный сборник. — Спб., 1898. С. 1–5.
4. Гумилёв Н. С. Полное собрание сочинений в 10 т. Т. III: Стихотворения. Поэмы (1914–1918). — М.: Воскресенье, 1999. — 464 с.
5. Гумилёв Н. С. Полное собрание сочинений в 10 т. Т. IV: Стихотворения. Поэмы (1918–1921). — М.: Воскресенье, 2001. — 394 с.
6. Гумилёв Н. С. Собрание сочинений. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. — 512 с.
7. Еремина В. И. Поэтический строй русской народной лирики. — Л.: Наука, 1978. — 184 с.
8. Золотницкий Н. Ф. Цветы в легендах и преданиях: Фиалка, лилия, тюльпан: Из кн. Н. Ф. Золотницкого. — М.: Фонд развития отечеств. книгоиздания, 1997. — 251 с.
9. Избранные имена. Русские поэты XX века: учебное посо-

- бие / под ред. Н. М. Малыгиной. — М.: ФЛИНТА, 2018. — 296 с.
10. Климовская Г. И. Лингвопоэтика: учебное пособие. — М.: ФЛИНТА, 2019. — 232 с.
 11. Лисина Е. Г. Образ-символ розы в ранней лирике А. А. Ахматовой / Е. Г. Лисина. — Текст: непосредственный // Филологические науки в России и за рубежом: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, декабрь 2016 г.). — СПб.: Своё издательство, 2016. — С. 23–25.
 12. Москвин В. П. Русская метафора: Очерк семиотической теории. — М.: ЛЕНАНД, 2006. — 184 с.
 13. Пугачева Э. В. Трансформация символа «розы» в поэзии Анны Ахматовой // Вестник ЧГУ. — 2014. — №10 (339). — С. 102–105.

УДК 82

Третьякова Е. В.
Магистрант
Филологический факультет,
Красноярский государственный
педагогический университет
им. В. П. Астафьева
г. Красноярск
e-mail: tretyakovaev24@yandex.ru

Tretyakova Ekaterina V.
master's student
philological faculty, Krasnoyarsk state
pedagogical university named after
V. P. Astafyev
Krasnoyarsk
e-mail: tretyakovaev24@yandex.ru

ИЗОБРАЖЕНИЕ И РАЗРЕШЕНИЕ ШКОЛЬНОГО КОНФЛИКТА В ПОДРОСТКОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Picture and resolution of a school conflict in adolescent literature

Аннотация: В статье рассматривается мотив прощения в художественных произведениях школьной тематики, позволяющий представить духовную эволюцию человека.

Abstract: The article deals with a motive of forgiveness in school-themed works of art, which allows us to picture a spiritual evolution of a person.

Ключевые слова: подростковая литература, современная литература, школьный конфликт, разрешение конфликта, мотив прощения.

Keywords: adolescent literature, contemporary literature, school conflict, conflict resolution, forgiveness motive.

Тема школьной жизни, изображение конфликтов в подростковой среде популярна в современном обществе. Зачастую эти конфликты приобретают массовый характер и приводят с одной стороны к вседозволенности и безнаказанности, с другой — к изгойству. Не случайно к изображению подростков и их школьной жизни обращались писатели разных эпох: А. Погорельский, Л. Чарская, А. Куприн, В. Железников, А. Богословский, А. Костюнин, О. Раин, И. Лукьянова, В. Ледерман и другие. В своих произведениях они отражали разные аспекты темы. Если в прошлых веках авторы делали акцент на изображении внешних недостатков ребёнка-изгоя и его унижении,

гонении, то в современной литературе наблюдается тенденция выхода из ситуации конфликта за счёт внешнего и внутреннего резерва подростка.

В описании разрешения школьных конфликтов реализуются различные христианские мотивы — раскаяния, преодоления гордыни, принятия другого человека, братства, прощения. Что показательно, ведь христианские мотивы неотделимы от русской литературы. Они входят в неё разными путями и получают разную художественную разработку. Однако всегда дают творчеству духовно восходящее направление, ориентируют его на абсолютную ценность [2]. Христианские мотивы принципиальны в произведениях детской и подростковой литературы, так как они отображают проблему нравственного выбора героя, путь его душевного становления и принятия себя и окружающего мира.

Со значимой долей жестокости школьный конфликт описан в психологической книге современной писательницы, педагога, журналиста Ирины Лукьяновой «Стеклянный шарик». Повесть «Стеклянный шарик» — история о детстве нынешних взрослых. Понятие «детство» носит в данной книге не биологическое, а мировоззренческое значение, детство, «которое продолжает жить в человеке и после того, как он покидает его возрастные границы» [3].

В основе произведения лежит история Аси Николаевой, девочки ранимой, тонкой душевной организации, для которой школьные годы стали настоящим кошмаром и искалечили её. Автор охватывает жизнь Аси от детского сада, показывает школу, студенчество и, в конце, изображает взрослую жизнь.

Исследователи выделяют в «Стеклянном шарике» две крупные проблемы — насилие в школах и непонимание между взрослыми и детьми [4]. Отметим, что обе темы актуальны для современного общества.

На третьем году обучения в класс Аси приходит новенькая — Галя Палей. Вокруг неё сразу образуется компания, которую влечёт к Гале её презрение к миру, презрение к взрослым,

независимость, ум. Галя умный ребёнок, но ум её испорчен несоответствующим возрасту цинизмом. В какой-то момент Галя начинает ненавидеть Асю за то, что «Ася Николаева была вся такая положительный герой не в себе» [3]. И вслед за Палей Асю начинает ненавидеть весь класс — не потому, что она сделала плохо лично им, а потому что с классным авторитетом нужно дружить, Лукьянова отчётливо здесь показывает закон толпы. Над девочкой начинают издеваться:

- Мочить Николаеву.
- В унитазе.
- Ага. Её унитазное величество.
- На трон!
- Николаеву — на трон!
- Держи её за руки [3].

Хотя проблемы Аси кроются не только в отношениях со сверстниками, но и со взрослыми. Уже в детском саду Ася сталкивается с тем, что взрослые её не понимают. Все её проблемы кажутся им неважными.

Все пережитые в детстве унижения, травмы и обиды Ася уносит тяжёлым грузом во взрослую жизнь. Она не может простить гонителей, злость копится в ней с каждым днём и не отпускает. Детские травмы перерастают в психологические проблемы: неуверенность в себе, тревожность и страх за судьбу собственных детей.

Однако в финале повести к героине приходит долгожданное освобождение, она начинает понимать, что таящаяся в ней злость разрушает её изнутри: «Я устала от ненависти, я вся перемазалась в ней и хочу отмыться» [3]. Неприятности сглаживаются в памяти, горечь отступает, мстить уже не хочется, наступает покой: «Взявшись за руки, они движутся цепочкой и уходят, уменьшаются, теряются в летней бирюзовой мути стеклянного шарика...» [3].

Одним из ведущих мотивов в русской литературе является мотив прощения. Не случаен мотив и для современной подростковой литературы об изгоях, мы встречаем его в текстах Раина,

Ледерман, Некрасовой и, конечно, Лукьяновой. Так, главный герой повести «Человек дейтерия» О. Раина, щуплый подросток-изгой Гришка, одноклассники из повести «Календарь ма(й)я» В. Ледерман, загнанная девочка-школьница из романа «Калечина-Малечина» находят в себе силы простить гонителей, жить дальше и дышать полной грудью. Героиня «Стеклянного шарика» на протяжении всего повествования тянула за собой обиды из детства, но, пройдя через многие испытания, посланные судьбой, Ася прощает гонителей и отпускает детские обиды.

Таким образом, современная литература уделяет особое внимание выходу из сложившихся тягостных жизненных обстоятельств, а также умению прощать. У каждого человека должен быть свой путь и свой опыт, как положительный, так и отрицательный. Главное, как гласят евангельские заповеди, — это осознание того, что нужно быть милосердными, относиться к ближним так, как к самим себе, и помнить о покаянии [1].

Список литературы

1. Евангельские заповеди [Электронный ресурс]. — URL: [http://uspenie-kamishin.prihod.ru/users/12/1101512/editor_files/file/Страницы%20из%20Катехизис%20\(1\)-2.pdf](http://uspenie-kamishin.prihod.ru/users/12/1101512/editor_files/file/Страницы%20из%20Катехизис%20(1)-2.pdf) (дата обращения: 14.01.2021).

2. Еремина И. В, Крицкая Л. И. Христианские сюжеты и образы в русской литературе [Электронный ресурс]. — URL: <https://kopilkaurokov.ru/literatura/prochee/khristianskiie-motivy-v-russkoi-litieraturie> (дата обращения: 14.01.2021).

3. Лукьянова И. В. Стеклянный шарик. — М.: ПРОЗАИК, 2012. — 224 с.

4. Псковская областная библиотека для детей и юношества имени В. А. Каверина: сайт [Электронный ресурс]. — URL.: <http://www.kaverin.ru/knizhnyj-farvater/bibliotekaryu-65ponravilas-kniga/1060-lukyanova-steklyannyj-sharik> (дата обращения: 17.01.2021).

Тюрина С. А.
магистрант
Институт филологии и языковой
коммуникации, Сибирский
федеральный университет
г. Красноярск
e-mail: palcentr24@mail.ru

Turina Svetlana A.
master's student
school of philology and language
communication, Siberian federal
university
Krasnoyarsk
e-mail: palcentr24@mail.ru

РЕЧЕВЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ В ПРОПОВЕДЯХ ИЕРЕЯ ГЕННАДИЯ ФАСТА

Communication strategies and tactics in the
sermons of priest Gennady Fast

Аннотация: *Статья посвящена описанию речевых стратегий и тактик в проповедях российского писателя-богослова священника Геннадия Фаста. Выявлено, что для его проповеднической речи характерны две основные стратегии: стратегия разъяснения и стратегия аргументации; первая реализуется с помощью тактики разъяснения понятий, объяснения мотивов и поступков людей в евангельских эпизодах; вторая – гипотипозиса, апелляции к авторитету Священного Писания, сопоставления евангельских событий и событий обыденной жизни и утверждения. Широко используются средства диалогизации монолога.*

Abstract: *The article is devoted to describing speech strategies and tactics in the sermons of Russian writer-theologian priest Gennady Fast. It was revealed that his preaching speech is characterized by two main strategies: a clarification strategy and an argumentation strategy; the first is implemented through tactics of explaining concepts, explaining motives and actions of people in gospel episodes; the second – hypotyposis, appealing to the authority of Holy Scriptures, comparing of gospel events and events of everyday life, and affirmation. Means of dialogizing the monologue are widely used.*

Ключевые слова: церковная проповедь, религиозная коммуникация, речевая стратегия, речевая тактика.

Keywords: preaching, religious communication, speech strategy, speech tactics.

Православной проповедью в теолингвистике называют текст, излагаемый православным священником, содержащий вероучительную доктрину и способный изменить сознание и поведение адресата. Усвоение проповеди верующими происходит в отсутствии критического восприятия, поскольку проповедник в христианском сознании — религиозный учитель по образу Христа, а Священное Писание наделено Божественным авторитетом, так как через него говорит Бог Духом Святым. По словам о. Геннадия Фаста, «принимая христианство, мы принимаем его в полноте — и учение о Святой Троице, и богодухновенность Писания, и агиографию, и всё-всё-всё, из чего и состоит наша вера».

Проповеди являются достаточно хорошо изученным жанром. Объектом исследования учёных становились: проповеди второй половины XX века [1], православные проповеди, произнесённые с III по XVIII вв. [6], проповеди в древнерусских рукописных и старопечатных сборниках [3]. Известно, что базовой основой проповеди, особенно приуроченной к христианским праздникам, является пересказ событий Нового Завета. Для слушателей, практикующих постоянное чтение Евангелия, это может быть привычный, знакомый сюжет. Большинство из историй Евангелия хорошо известны, и практически каждый христианин знает главные факты из земной жизни Иисуса Христа. Однако проповедник не только напоминает слушателям о событии, но и даёт разъяснение, касающееся обычаев и традиций иудеев времени Нового Завета, которые могут быть ключевыми для понимания источника современного праздника. Проповедь направлена на принятие слушающим вероучительной доктрины христианства и изменение его картины мира, модели поведения в соответствии этой доктрины. Это задача-максимум любой проповеди, начиная с Нагорной: донести смысл Слова Бога до сознания (ума и сердца) людей таким образом, чтобы оно изменилось, стало религиозным. И каким бы способом эта задача ни решалась, в основе её адаптация первичного Слова — Священного Писания к возможностям его принятия человеческим разумом.

Таким образом, суть любой проповеди составляют три стратегии религиозного дискурса, выделенные В. И. Карасиком: призывающая, утверждающая и разъясняющая [2]. Проповедь — это обращение священника к пастве с целью разъяснить Священное Писание, призвать слушателей к вере и покаянию, утвердить их в вере. Священнослужитель, произносящий проповедь, говорит не только в присутствии Бога, но и от лица Бога. Важен тот факт, что коммуникативный вектор проповеди направлен не в сторону Бога, а в сторону человека, чтобы побудить его к определенным действиям [4].

Проповеди иерея Геннадия Фаста, ныне здравствующего современника, известного проповедника, богослова, автора многих книг по христианской экзегетике и другим темам, насколько нам известно, ещё не становились объектом исследования. Предметом нашего внимания являются речевые стратегии и тактики, используемые им в жанре проповеди. Материалом исследования послужили проповеди протоиерея Геннадия Фаста, произнесённых им в 2018–2020 гг. прихожанам храма равноапостольных Константина и Елены, г. Абакан.

Прежде чем перейти к характеристике речевых стратегий и тактик в проповедях Г. Фаста, отметим, что понятия речевой (шире — коммуникативной) стратегии и тактики не являются открытием последнего десятилетия. С середины 80-х гг эти терминопонятия активно употребляются в прагматическом подходе к анализу лингвистических фактов. Стратегия — термин военной лексики, означающий с греческого «искусство войны», в XX веке стал применяться в теории управления, а сейчас и в других областях различных коммуникаций. Вслед за А. П. Сковородниковым речевую стратегию мы понимаем как общую линию речевого поведения, определяемую коммуникативной целью говорящего, который осознает сложившуюся коммуникативную ситуацию, а речевую тактику как речевое действие в реализации речевой стратегии [5].

Учёные отмечают, что общепринятых классификаций речевых стратегий и тактик нет ввиду их многообразия. Классифи-

кацию речевых стратегий и тактик примем с позиции их функциональных задач. Задача разъяснить Священное Писание реализуется через стратегию разъяснения, а задача призвать слушателей к вере, покаянию и утверждению их в вере реализуется через стратегию аргументации.

Стратегия разъяснения в проповедях о. Геннадия Фаста является генеральной (основной). Отсутствие необходимых контекстных знаний у слушателей может привести к непониманию самих евангельских сюжетов и поступков евангельских персонажей. Поэтому стратегия разъяснения реализуется с помощью тактик разъяснения понятий и объяснения мотивов действий и поступков.

Тактика разъяснения понятий, используемых в евангельском тексте, оформляется часто с помощью вопросно-ответных конструкций, например:

Но что значит вознести? Принести — это взять и нести. А вознести — это вот так вот. Вознести Кому? Всевышнему. Тот, кто Всевышний, Ему надо возносить. И вот этого младенца надо вознести Богу. И сказано, чтобы представить его. Что значит представить? Представить, более понятно для нас — это показать (проповедь на Сретение, 2020) — о. Геннадий разъясняет разницу между понятиями «принести» и «вознести», объясняет значение слова церковно-славянского происхождения «вознести»;

Вот под словом грешники Господь имел в виду не то, что православные прихожане на исповеди под этим словом понимают, там они очищают себя от пороков, страстей; нет, Он прямо на таком вульгарно-уличном уровне, на уголовном, можно сказать, уровне. Грешники, т. е. люди нечестивые, люди-злодеи. (проповедь «Золотое правило нравственности», 2019) — о. Геннадий раскрывает суть понятия «грешник» в церковной коммуникации, где оно возвышено. О. Андрей Кураев на лекции в Красноярске в 2003 году говорил, что от слов «Я великий грешник» пахнет ладаном — «скажи: я пёс и паразит».

Разъяснения даются не только непривычным словам из церковной лексики. Обращается внимание, что значение знакомо-

го слова в евангельском контексте может быть шире современного значения:

Конь в то время был символом воинской славы, могущества, силы, стремительности, необоримости. Конь не был в те времена, что мы называем, транспортным средством. Таковым был осёл. (проповедь на Вход Господень и Иерусалим, 2019) – использован приём смешения стилей: осёл назван «транспортным средством» (терминологическое словосочетание из официально-делового стиля).

О необходимости разъяснений проповедник может говорить прямо: *«О нём Господь однажды оборонил такие загадочные слова, что нет большего, среди рождённых жёнами, чем Иоанн, но меньший в Царстве Небесном больше его» (проповедь об Иоанне Крестителе, 2020).*

Тактика объяснения мотивов действий и поступков в евангельском эпизоде в проповедях протоиерея Геннадия Фаста также часто оформляется с использованием вопросно-ответных конструкций:

Что происходит в этот день? На 40 день по закону Моисея надо принести младенца мужского пола в храм. Для какой цели? Его надо, во-первых, выкупить, потому что все первенцы посвящены Богу (проповедь на Сретение, 2020);

В Вифлееме Он уничижился, став безгрешным младенцем. А на Иордане Он уничижился, став Агнцем, который взял на себя грех мира. Взять на Себя человеческую природу или взять на Себя грехи людские? И вот, это второе произошло здесь, в струях иорданских. Это великое и страшное таинство. Если мы крестимся для прощения грехов, для омытия, для очищения от грехов, для оставления их, то Он крестился для взятия на Себя грехов. Для взятия на Себя наших грехов. Вот это совершилось здесь, в Иордане (проповедь на Крещение 2020).

К стратегии аргументации относится переход от разъяснения текста Священного Писания к непосредственному влиянию на поведение или образ мыслей слушающего проповедь. Проповедник создаёт образ евангельского сюжета в сознании

слушателей, апеллирует к авторитету Священного Предания; с помощью оценочной тактики сопоставляет евангельские события и события обыденной жизни. Тактика утверждения обычно завершает проповедь, побуждая слушателей к принятию тезиса или совершению поступков в пределах религиозной парадигмы.

Тактика создания образов реализуется с помощью приёма гипотипозиса — наглядного описания объекта. Например: *Во что одевался Иоанн Креститель? Кожаные сандалии, кожаный пояс и из шкур какая-то накидка. Одежда, которая его защищала от солнца, от холода. А во что одевался Иисус? Сама Пречистая Дева соткала Ему хитон без шва, нешвен. Красиво одевался. У него был этот белый льняной хитон, у него были одежды в общем-то внешне красивые* (проповедь об Иоанне Крестителе);

Всё, что даёт Бог, это не без нашего труда, не без нашего участия, и потом на определённом этапе это Богу надо показать. Вот, например, урожай. Человек засеивает, Бог даёт дождь, Бог даёт солнце, тепло. Возрастает первый урожай. И этот первый урожай надо было принести в храм и не просто принести, чтобы отдать, а принести, чтобы показать Богу. Господи, смотри, вот эти колосья, которые выросли по Твоей милости, по Твоему благоволению. Их тоже надо было поднять. А что касается колосьев так ещё надо было потрясти, их ещё трясли так, чтоб аж зернышки выпадали. Вот, Господи, то, что ты дал (проповедь на Сретение, 2020).

Тактика апелляции к авторитету Священного Предания (в Предание входит и Писание, и творения Святых Отцов и пр.) используется, в частности, в таких высказываниях:

Отец, Сын и Святой Дух открылись в Крещении Христа, имя Святой Троицы нарекается на каждом из нас, когда следуем мы за Христом (проповедь на Крещение Господне, 2020) — тринитарное богословие раскрывается о. Геннадием, основываясь только на традиционном толковании Священного Писания;

И тут Господь говорит: меньший, т. е. Он, больше Иоанна, который больше всех, рождённых жёнами. Святые Отцы здесь обращают внимание — смотрите, как про Иоанна сказано —

наибольший из рождённых жёнами. А Иисус кем рождён? Девой. Таким образом, слова «наибольший из рождённых жёнами» не относится к Иисусу (проповедь об Иоанне Крестителе, 2020).

Тактика сопоставления евангельских событий и событий обыденной жизни. Эта эмоционально воздействующая тактика основана на образцовом поведении как примере для адресантов проповеди или на противопоставлении нежелательного поведения христианскому образцовому поведению.

Она возносит и показывает Господу. Это удивительный такой и своеобразный обычай. Для нас это означает, что и мы должны поступать ровным счётом также. (проповедь на Сретение, 2020).

А теперь чему же нам от него научится? Вот такая жизнь, есть чему. (проповедь об Иосифе Обручнике, 2020).

Вот и для всех нас, и для мужчин в особенности, это хороший урок. Быть охранником. А когда человек перестает быть охранником, тогда он кем становится? Тогда он становится разбойником. Поэтому всякий мужчина или охранник, или разбойник. И вот не хочешь стать разбойником — будь охранником (проповедь об Иосифе Обручнике, 2020).

В рамках этой тактики широко используется приём интимизации — создания эффекта единения адресанта и адресата коммуникации за счёт формирования «мы-дискурса», включение слушателей и себя, проповедника, в одно поле поступков. Широко используется в проповеди, как и в любом публичном выступлении: *Я сделал доброе дело тому, кто сделал доброе дело мне. И опять мы думаем, какие мы порядочные люди, как мы хорошо уживаемся вместе (проповедь «Золотое правило нравственности», 2018). До этого, по-русски говоря, мы были Богом забытая деревня. А теперь нас Бог увидел, и теперь у нас появилась Царь, и вот теперь Иисус помазанник (проповедь на Крещение Господне, 2020).*

Тактика утверждения используется, как правило, в начале или конце микротемы:

И вот мужчина, он должен ограждать, должен хвалить свою жену. Её честь. Он должен ограждать своего младенца, оберегать

его. А у нас мужчины и женщины страдают как в сериалах: любит — не любит, бьёт — не бьёт, быть — не быть, жить — не жить. Вот уровень нашего чувства. А если переключиться на другое? А ты начни охранять свою жену (проповедь об Иосифе Обручнике, 2020);

Мы должны вот эту немощь, это убожество принять своей немощью, вот тогда мы будем той закваской, которая заквасит всё, а так как оно часто в истории было, верили в одного Бога, потом поверили во Христа, а жили, как и раньше жили. То есть только сменили вывески. Мы уже не раз были с вами свидетелями, как и у нас в стране меняют вывески, при этом чаще всего ничего не менялось на деле. Дорогие, мы должны изменить на деле. И вот в этой немощи и только в ней действует Божия сила (проповедь «Жертва смирения»).

Языковой особенностью всех тактик является сохранение церковно-славянской лексики (именно лексики, а не языка: утверждение, что проповедь произносится на церковно-славянском языке — распространённая ошибка, в том числе некоторых экспертов-лингвистов). Широкое использование церковно-славянской лексики способствует возвышенности русского языка богообщения.

Разъясняющая и аргументативная стратегии проповедей о. Геннадия Фаста, если учитывать их дальнюю прагматику, направлены на создание крепкой общины с едиными ценностями. Они требуют от пастыря глубокого погружения в исторический евангельский контекст и знание патристической (святоотеческой) экзегезы.

Список литературы

1. Звездин Д. А. Православная проповедь как жанр церковно-религиозного стиля современного русского литературного языка: на примере текстов второй половины XX века: автореферат дис. кандидата филологических наук. — Челябинск, 2012. — 20 с.

2. Карасик В. И. Религиозный дискурс // Жанры речи. Вып. 3. — Саратов: Колледж, 2002. — С. 5–19.
3. Левжун Л. В. Проповедь как жанр средневековой литературы на материале проповедей в древнерусских рукописных и старопечатных сборниках: автореферат дис. кандидата филологических наук. — М., 1992. — 20 с.
4. Мечковская Н. Б. Язык и религия: пособие для студентов гуманитарных вузов. — М., 1998. — 352 с.
5. Сковородников А. П. О необходимости разграничения понятий «риторический прием», «стилистическая фигура», «речевая тактика», «речевой жанр» в практике терминологической лексикографии // Риторика ⇔ Лингвистика: сб. ст. Вып. 5. — Смоленск: СГПУ, 2004. — С. 5–11.
6. Шабанова З. Г. Лингвистические средства воздействия православной проповеди: В историческом аспекте: дис. кандидат филологических наук: 10.02.01 — Русский язык. — Махачкала, 2006. — 164 с.

УДК 372.882

Уминова Н. В.

кандидат педагогических наук,
доцент
кафедра мировой литературы
и методики её преподавания,
Красноярский государственный
педагогический университет
им. В. П. Астафьева
г. Красноярск
e-mail: umna2804@yandex.ru

Uminova Natalia V.
candidate of pedagogical sciences,
associate professor
department of world literature
and methods of its teaching,
Krasnoyarsk state pedagogical
university named after V. P. Astafiev
Krasnoyarsk
e-mail: umna2804@yandex.ru

ПРАВОСЛАВНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В СОВРЕМЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЯ-ПОДРОСТКА

Orthodox problems in contemporary works for a teenage reader

Аннотация: В статье представлен обзор современных художественных произведений православной тематики, рекомендованных для внеклассного чтения подростков. Автор выявляет идейно-художественное своеобразие текстов, опираясь на отзывы и рецензии, обращается к особенностям читательского восприятия обозначенных книг. Кроме того, даны методические рекомендации по включению анализируемых произведений в круг детского и подростково-юношеского чтения.

Abstract: The article presents an overview of contemporary works of art on orthodox subjects, recommended for extracurricular reading by teenagers. The author reveals the ideological and artistic originality of the texts; based on comments and reviews, addresses the peculiarities of a reader's perception of designated books. In addition, methodological recommendations are given for analyzed works inclusion in a circle of children's and adolescent-youth reading.

Ключевые слова: православная литература, детская литература, современная литература, внеклассное чтение, методика обучения литературе.

Keywords: orthodox literature, children's literature, contemporary literature, extracurricular reading, methods of teaching literature.

Современная подростковая литература характеризуется стематическим и жанровым богатством, преобладанием условных элементов в повествовании, стремлением авторов не приукрашать отражённую в произведениях жизнь, а подготовить формирующуюся личность к трудностям и реалиям взрослого существования. Как следствие, можно обозначить следующие тенденции современной подростковой литературы: проблематизация изображения окружающего мира, острая конфликтность человека с собой и социумом, мотивы одиночества и непонимания. О стирании границ между детской и взрослой литературой пишут многие исследователи: Бобина Т. О. [1], Минералова И. Г. [5], Черняк М. А. [8], Кутейникова Н. Е. [3] и др. Современные авторы исходят из позиции, что ребенка, а тем более подростка, можно посвящать во все взрослые проблемы, то есть не существует запретных тем. Они не учитывают особенности детской и подростковой психологии, которая требует веры в чудо, победу добра над злом. Вся правда о жизни, представленная часто в мрачных, пессимистичных и не оставляющих надежду тонах, формирует у читающего подобные тексты образ враждебного окружающего мира, наполненного злом и несправедливостью. Безусловно, выделяются на этом фоне художественные произведения христианской проблематики, адресованные подростку, призванные в образной форме иллюстрировать читателю вечные ценности. С целью популяризации отечественной подростковой литературы обозначим круг текстов православной направленности, определим их идейно-художественное своеобразие. При этом обратимся и к методическим аспектам, поскольку педагогами накоплен небольшой опыт включения таких произведений в круг внеклассного чтения подростка.

В начале 2000-х годов протоиереем Александром Ториком была написана сказочная повесть «Димон» [7]. Книга имеет подзаголовок «Сказка для детей от 14 до 114 лет» и эпиграф: «В каждой сказке есть доля сказки!» Произведение вызывает определённые литературные ассоциации: античный миф об

Орфее и Эвридике (в одном из интервью писатель даже назвал своё произведение ремейком этой знаменитой истории. Правда, с той разницей, что сюжет повествования отца Александра основывается на православном мировоззрении). Ещё в качестве литературных ассоциаций можно обозначить «Божественную комедию» Данте, «Фауста» Гёте. Кроме литературных ассоциаций, как отмечают читатели в своих отзывах, повесть напоминает и видеоигру («Супер Марио»). В ней нужно пройти череду сложных игровых уровней и на последнем из них спасти принцессу. То есть такая интертекстуальность в широком смысле характерна для современной подростковой литературы (обратим внимание, что одна из читательских рецензий называется «Православный постмодернизм для самых маленьких»).

При этом ассоциация с компьютерной игрой неслучайна. Главный герой одиннадцатиклассник Дима (или Димон), опытный геймер, безнадежно влюблён в первую красавицу школы. Девушка попадает в беду, находится в состоянии комы. Чтобы спасти её, главный герой отправляется в иной мир. Круги ада, который представлен в виде терминала, напоминают герою опасную компьютерную игру, уровни которой он проходит не с помощью клавиатуры и мыши, а с помощью веры и молитвы. Однако обретение веры и понимание силы молитвы происходит постепенно. Преодолевая испытания (в основном они связаны с искушениями славой, властью, богатством, вкусной едой и др.), герой понимает, что мысли и поступки в земной жизни могут изменить судьбу человека в Вечности, что страсти (они раньше казались герою вполне невинными) приводят к мучениям души. По сути, книга представляет художественное, сказочное, доступное детскому восприятию изложение святоотеческого учения о мытарствах. Интересный факт: афонские монашествующие на Святой Горе выразили личную благодарность автору после выхода книги, сказав: «Так о мытарствах никто не писал!» Приведём фрагменты читательских отзывов о книге: «Особая её ценность в простоте и понятности передачи самой сути мучений»; «Образно и доступно объясняются хри-

стианские заповеди»; «Ярко передана мысль об обманчивости искушений и о лжи, скрывающейся за заманчивыми предложениями дьявола». Не будем скрывать, что многих взрослых читателей смущает обилие молодёжного сленга в повести и разговорной лексики. (Такая языковая стихия — тоже тенденция современной подростковой прозы, и связана с желанием автора создать более правдоподобный образ подростка).

У Александра Торики есть сайт (atorik.ru), где можно познакомиться с интервью, беседами с протоиереем, размещена информация о книгах, видеоблог автора. На сайте мы увидели анонс новой книги Александра Торики, адресованной читателю-подростку, «Инфант Алешандре» (приключенческая сказка для детей и взрослых). Выход книги планируется в феврале 2021 года.

Воспитательный потенциал книги «Димон» уже воспринят педагогами-практиками. На образовательном сайте «Инфоурок» размещена разработка урока внеклассного чтения для 10-го класса [2], где в ролевой деятельности (учителем организована групповая работа — журналисты, биографы, художники, организаторы книжной выставки, критики) старшеклассники знакомятся с новым для них автором. Нам кажется уместней эту книгу рекомендовать для чтения не в 10–11 классах, а несколько раньше (7–8 классы). Большой интерес, мы думаем, повесть вызовет у девочек (в силу романтизированной обрисовки темы первой любви).

Автором серии книг для детей и юношества «Тайна рубинового креста» является ещё один священнослужитель монах Варнава (в миру Евгений Георгиевич Санин). Серия издаётся с 2005 года и включает 5 повестей [6]. По жанру это приключенческая литература. Объединены книги линией взросления главного героя: в первой повести он 12-летний подросток, в последней — студент. Начальная точка приключений Стаса Теплова (обычного московского подростка, в начале повествования далёкого от веры) — это приезд на летние каникулы в деревню Покровка. В чужом для него пространстве его ждёт много

встреч и испытаний, преодолевая которые он открывает для себя существование духовной жизни. Проблематика повестей достаточно широка и учитывает особенности подростковой аудитории: тема первой любви, взаимоотношений в семье, дружбы. От повести к повести наблюдается некоторое усложнение психологических портретов героев: они не столь односторонни, как в первой повести. Автор показывает, что даже человек, который обрёл веру, не лишён внутренних сомнений и противоречий. Писатель достаточно правдоподобно изображает борьбу со свойственными подростковому возрасту искушениями. Художественная особенность прозы Евгения Санина — это два параллельно развивающихся сюжета, то есть использование приёма «рассказ в рассказе». Так, в сюжет первой книги «Святая — святым» вплетена повесть, которая написана одним из героев — отцом Тихоном (его духовный путь: от учителя истории к священнослужителю будет представлен во второй книге серии). Эту повесть читает главный герой Стас Теплов. Она описывает события 249 года в Риме, времён гонений на христиан. Такой приём «рассказ в рассказе» позволяет писателю обращаться к теме исторической памяти (третья и четвёртая книги будут включать, наряду с событиями современной жизни, сюжеты о Древней Руси), связывать временные пласты, утверждать вечный характер христианских идей.

В методической литературе описано обращение к серии книг Евгения Санина «Тайна рубинового креста» на занятиях элективного курса. Так, в книге Н. Е. Кутейниковой «Навигатор по современной отечественной детско-подростковой и юношеской литературе» [3] представлена разработка элективного курса для 8–9 классов «Твой ровесник в мире современной художественной литературы», где знакомство с книгой Е. Санина предлагается в рамках общей темы «Поиск героя в современной православной прозе для детей и подростков». Кроме того, на авторском сайте Евгения Санина (монаха Варнавы) mvsan.ru размещена дипломная работа студентки филологического факультета Алтайского государственного гуманитарно-

педагогического университета им. Шукшина, в которой также представлена разработка элективного курса по литературе для профильных 9-х классов общеобразовательных школ [9].

Ещё одна приключенческая книга православной направленности принадлежит перу Анатолия Ивановича Лимонова. Это роман «Девочка Прасковья», написанный в 2010 году [4]. Произведение представляет собой своеобразную православную робинзонаду. В центре повествования 14-летние подростки, разные по характеру, социальному положению, мировоззрению. Московский успешный мальчик Жорка и провинциальная верующая девочка Прасковья, которая кажется герою более чем странной. После чудесного спасения подростки оказываются вдвоём в непроходимой тайге. Общая беда и единая цель их сближает. Проходя испытания, Жорка внутренне преобразуется: от неприязни — к уважению, от самодовольства и гордости — к терпению и смирению, от неверия — к вере и покаянию. Помимо увлекательного сюжета, в книге есть и познавательный элемент: читатель через рассказы Прасковьи узнаёт о подвигах святых Параскевы Пятницы и Георгия Победоносца. Книгу можно рекомендовать для внеклассного чтения с 6-го класса.

Все названные книги, раскрывая центральную проблему становления личности подростка, показывают преобразование его души в результате обретения веры. Может быть, эти книги несколько наивны и назидательны, предсказуемы в плане развязки историй (взрослый читатель, тем более филолог, наверняка найдёт в них изъяны и несовершенства). Важно, что душа подростка, судя по детским отзывам, откликается на тот свет и добро, которое они несут читателю.

Список литературы

1. Бобина Т. О. Современная детско-подростковая литература: жанрово-тематические поиски // От года литературы — к веку чтения: коллективная монография. — Челябинск, 2016. — С. 520–563.

2. Идеино-художественное своеобразие повести Александра Торика «Димон. Сказка для детей от 14 до 114 лет» (урок социокультурной компетенции на основе изучения повести Александра Торика «Димон») [Электронный ресурс]. — URL: <https://infourok.ru/ideynohudozhestvennoe-svoeobrazie-povesti-aleksandra-torika-dimon-skazka-dlya-detey-ot-do-let-1719717.html>.

3. Кутейникова Н. Е. Навигатор по современной отечественной детско-подростковой и юношеской литературе: методические рекомендации. — М.: «МАЭСТРО ПлаТинум», 2017. — 158 с.

4. Лиханов А. И. Девочка Прасковья [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.litmir.me/br/?b=172074&p=1>.

5. Минералова И. Г. Детская литература: учебное пособие для вузов. — М.: Владос, 2007. — 175 с.

6. Санин Е. Г. Тайна рубинового креста [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.litres.ru/evgeniy-sanin/taйна-rubinovogo-kresta/>.

7. Торик А. Димон. — М.: Флавиан-пресс, 2012. — 256 с.

8. Черняк М. А. Актуальная словесность XXI века. Приглашение к диалогу: учебное пособие для высших учебных заведений, ведущих подготовку по направлению 050100 «Педагогическое образование» / М. А. Черняк. — 3-е изд., стер. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. — 230 с.

9. Шангареева А. Художественный мир монаха Варнавы (Санина): элективный курс по литературе для профильных классов общеобразовательных школ [Электронный ресурс]. — URL: http://mvsan.ru/index.php?option=com_frontpage&Itemid=1.

УДК 82-311.1

Федосеева Е. Р.
магистрант
филологический факультет,
Красноярский государственный
педагогический университет
им. В. П. Астафьева
г. Красноярск
e-mail: gerasko17.12.1994@mail.ru

Fedoseeva Ekaterina R.
master's student
philological faculty, Krasnoyarsk state
pedagogical university named
after V. P. Astafiev
Krasnoyarsk
e-mail: gerasko17.12.1994@mail.ru

РЕБЁНОК И ВОЙНА: КРУШЕНИЕ ГУМАНИЗМА (ПО РОМАНУ В. СЁМИНА «НАГРУДНЫЙ ЗНАК „OST“»)

Child and war: the fall of humanism (on V. Syomin's novel "The 'OST' badge")

Аннотация: *Статья посвящена рассмотрению проблемы «ребёнок и война» на примере автобиографического романа В. Сёмина «Нагрудный знак „OST“». Литературоведческий анализ направлен на выявление различных психологических аспектов пребывания ребёнка-подростка в нацистском концентрационном лагере.*

Abstract: *The article is devoted to the "child and war" problem based on the example of autobiographical novel by V. Syomin "The 'OST' badge". Literary analysis is aimed at revealing various psychological aspects of adolescent child being held in a Nazi concentration camp.*

Ключевые слова: автобиографический роман, нон-фикшн, ребёнок и война, психология лагерника.

Keywords: autobiographical novel, non-fiction, child and war, psychology of camp prisoner.

В данной работе рассматривается проблема существования детей, во время войны попавших в концентрационные лагеря Третьего рейха.

Нелёгкая жизнь заключённых описывается многими деятелями русской литературы, но мало кто в лагерной теме обращается к судьбам детей в концлагерях.

Одним из первооткрывателей данной темы стал советский

писатель Виталий Николаевич Сёмин. Подростком он был угнан в Германию. Там его ждали три года каторжных работ. После освобождения Виталий Сёмин старался вести обычную, полноценную жизнь, но время не смогло заглушить пережитый в юности ужас, поэтому с 70-х годов автор начинает работу над автобиографическим романом «Нагрудный знак „OST“». В название вынесен отличительный знак восточного раба. Знак «OST» — это нашивка на грудь каторжников славянского округа, её носил и сам Виталий Сёмин. Чтобы написать эту книгу, автору понадобилось 30 лет внутренней подготовительной работы: «Мне потребовалось тридцать лет жизненного опыта, чтобы я сумел кое-что рассказать о своих главных жизненных переживаниях». Роман по праву считается лучшим произведением на эту тему.

Успех произведения обусловлен тем, что оно основано на уникальном опыте и не содержит вымысла. Благодаря своей автобиографичности, роман смог найти отклик во многих сердцах. Читателю открываются не выдуманные, а пережитые и осмысленные события. Принцип антропоцентризма, на котором построен весь роман, акцентирует внимание на внутреннем мире героя. Дальнейший анализ подтвердит это утверждение.

Роман описывает нарушение всех принципов гуманизма, на которых вырос советский подросток. Герой лишён свободы. Любые перемещения запрещены, личного пространства нет. Нельзя остаться даже наедине с собой. Кроме того, обстановка, где заключен герой, является абсолютно нездоровой. Весь лагерь — серое, бесцветное пространство. Все три года мальчик провёл в постоянной темноте и полумраке, а жёлтый свет электрических ламп полностью заменил солнечный: *«Ощущение, что дневной свет связан с опасностью, вырабатывается очень скоро... серость лагерная и серость фабричная сливаются, и, только когда над городом завоет сирена, у лагерника появляется нерасчётливая, самоуничтожительная надежда на бомбу прямо сюда»*. Жизнь в таком месте способна вызвать желание смерти даже у ребёнка. Пространство лагеря наполнено запахами,

полностью вытесняющими кислород и свежий, чистый воздух: *«От нестираных одеял пахнет фабрикой, литейкой, эфиром, карболкой, а от одежды по утрам зябко и голодно тянет соломой и грязными одеялами»*. Такая угнетающая обстановка кажется абсолютно непригодной для жизни, но она вынужденно заменила герою дом.

Жизнь в лагере чудовищна. Люди находятся в нечеловеческих условиях, царит атмосфера страха, слабости и болезни. В такой обстановке часто ломаются судьбы и характеры, к счастью, главный герой смог приспособиться. Он был высоким и худым, в силу постоянного недоедания, к тому же он плохо ориентировался в пространстве, был близорук. Герою часто не хватало сил для выполнения работ, а иногда не хватало смелости, злости и решительности. Он постоянно чувствовал свою неполноценность. Понимая свою слабость, сравнивая себя с другими заключенными, взрослыми и зрелыми мужчинами, ловкими и дерзкими, или мудрыми и уважаемыми, юный герой оценивает себя и размышляет о значении человека в общем: *«Истинное значение человека, думал я, определяется тем, что он может о себе и о жизни вспомнить. За два с половиной года я вырос и многого набрался, но недостатка довоенного опыта это никак не могло возместить. И я сильно чувствовал свою ущербленность»* [3, с. 375].

В произведении поднимается тема судьбы. Подросток задумывается над тем, почему он, с малых лет воспитанный на идеях интернационализма, верящий в единение и дружбу, видит только презрение одной нации к другой. Попав в Германию, герой ощутил внутренний разлом. Ежедневно он подвергался пыткам, и ощущал по отношению к себе только жестокость, хотя видимых причин на это не было. Стойко претерпевая все бедствия, мальчик делает вывод: *«Многие не ищут свою судьбу — она сама их находит»*.

Ни в чём не повинный детский организм дал ответную реакцию на происходящее. Теперь вся нация внушала страх. На любого представителя можно было смотреть только через

призму ненависти. Это отложилось в сознании навсегда. Так герой думает, глядя на главного инженера Шульца:

«Он был высок и, должно быть, красив. Говорю «должно быть» потому, что я физически не мог тогда подумать: „Этот немец высокий и красивый“. Раньше шло слово „немец“ и уничтожало другие слова. И это при том, что интернационализм был воздухом моего детства» [3, с. 97]. И действительно, всё, что было в детстве, потеряло свою актуальность. Детская жадность к познанию окружающего мира была почти уничтожена. Иногда, когда заключенных гнали на место проведения работ, герою удавалось выйти на улицы, увидеть городской быт, это вызывало не приступ детского любопытства, а страх и чувство пренебрежения: «... мне попадались газеты, издающиеся на русском языке. Я брал их со страхом, потому что боялся оскверниться, боялся, что какие-то строки вызовут у меня интерес, с чем-то я против воли соглашусь и тем самым совершу невольное предательство». Ненависть была безгранична и проявлялась на подсознательном уровне. Как-то на улицах герою повстречалась листовка: «В чёрной траурной рамке в столбик перечислялись уничтоженные дивизии. Внизу, под итоговой чертой, стояла цифра — 330 тысяч. Помню первое ощущение: „Мало...“ Не было в тот момент цифры, которая показалась бы моей ненависти достаточной» [3, с. 213].

Шла постоянная борьба с самим собой, с обстоятельствами и с людьми. Привычных мамы и папы больше не было, было только множество «своих» и «чужих», и роли их иногда менялись.

Сформировалась определенная иерархия, немцы были в начале «пищевой цепи», в то время как пленные занимали низшую позицию. Равенство было невозможным: *«Он говорил с нами сверху вниз, как взрослый с младшими, как немец с русскими».* Между заключёнными отношения были неоднозначными. Наличие общего врага объединило, но не сплотило окончательно. Разговоров было мало, и допускались до них не многие. Герой старался добиться того, чтобы «позвали» или хотя бы «замети-

ли». Это было сложно. Он соглашался на самые опасные поручения, пронёс на фабрику оружие, угнал велосипед, самовольно выходил из бомбоубежища. И добившись расположения, он часто разочаровывался, потому что несмотря ни на что, каждый был сам за себя. Никто из заключённых не был абсолютно своим, но и предателей не было. Люди были разные, хорошие и не очень, но все они перед лицом опасности, на обыске или допросе старались помочь или хотя бы молчали: *«За два с половиной года в двух лагерях мне не запомнилось ни одного случая добровольного доноса. И это, конечно, нужно отметить особо»* [3, с. 391].

Виктор Эмиль Франкл в своей книге «Психолог в концлагере» писал: *«Вполне понятно поэтому, что в состоянии такого психологического пресса и под давлением необходимости всецело концентрироваться на непосредственном выживании вся душевная жизнь сужалась до довольно примитивной ступени. Психоаналитически ориентированные коллеги из числа товарищей по несчастью часто говорили о „регрессии“ человека в лагере, о его возвращении к более примитивным формам душевной жизни»* [4, с. 63–64].

Действительно, заключённые жили по новым правилам. В лагере не было места искусству, любви и философии. Уровень жизненных притязаний значительно снизился: *«Я уже видел в лагере людей, у которых представление о счастье сжимается до самых жалких размеров: маргарин, сигарета, день на больничном листе. Появляется свой азарт: украсть картошки, игра в карты. Неимоверно возрастает значение вещей, в обычное время совершенно незаметных. Собственным здоровьем гордятся, как заслугой, доходяг ругают»* [3, с. 36]. Изменения происходили и в главном герое: *«И вот глазами, уже привычными искать хоть что-то похожее на пищу, я смотрел на сквозящие металлические ступени»* [3, с. 33].

В романе описана огромная конструкция подавления всего человеческого, механизм порабощения: концлагеря, где царил геноцид, фабрики, где как рабы были замкнуты люди разных

народностей. Всё это стало абсолютной нормой. Главный герой романа вовлечён в эту страшную жизнь, но в то же время он описывает происходящее с трезвостью наблюдателя. Помещённый в зверские условия ребёнок жаждал поддержки и опоры, хотел увидеть сострадание, опеку. Он был вырван из семьи в самый трудный период своей жизни, ему было всего 15 лет. Он вырос, и то, каким он вырастет, зависело от окружающей среды, круга общения, обстановки. Страшно, что его переход во взрослый мир проходил в лагере. Как и в любом ребёнке, в герое присутствовали вера в людей и зависимость от кого-то старшего. В лагере он всегда искал пример для подражания, по-детски цеплялся «хвостиком» к старшим, будь то Ванюша или Володя, он неотступно следовал и боялся быть отвергнутым. Он строит взаимоотношения с другими каторжниками, и несмотря на разницу в возрасте, старается проявить мудрость. Мальчик понимает, когда следует молчать, не пристаёт с вопросами. Герой не слепо старается быть взрослым, он прекрасно осознаёт процесс своего взросления, даёт себе оценку. Как и любой подросток, он находит себе кумиров и даже влюбляется в медсестру. Естественное течение жизни продолжается, просто спокойная семейная обстановка сменилась побоями и каторжным трудом. В этом и заключается весь ужас содеянного.

Элементарного сочувствия он наивно ждал и от немцев. Хоть чужие и ненавистные, но всё-таки взрослые, они, казалось, должны были пожалеть истощённого мальчика, но о жалости не было и речи: *«Не могу подавить надежду, что кто-то из немцев хоть в этот перерыв поделится хлебом. Это даже не надежда, а голодный спазм, с которым не совладать. Не дали ни разу. И сейчас, через много лет после войны, я испытываю страх и стыд: ведь все мы люди»* [3, с. 266].

В отношении надзирателей и полицаев к каторжникам не было ни единого оттенка доброты, и это разожгло настоящий огонь ненависти в ещё детском сердце. Это всеобъемлющее чувство не могло оставить В. Сёмина ещё многие годы. Ненавистны стали не только конкретные люди, лагеря или фашизм,

это чувство было обращено ко всей стране в целом: *«Это была страна, в которой дураки взяли верх над умными, жестокие и жадные — над добрыми»* [3, с. 275].

Но всё же лагерная жизнь источала не только боль и негатив. В романе даются два примера случайного добра. Дважды за годы заключения в жизни героя случалось и так называемое «хорошее». Одним из таких эпизодов была оставленная конфета, в малиновой обертке. Эта конфета осталась в воспоминаниях, как нечто яркое, она выделялась среди всего мира. Конфету разделили на пятерых и под смешки конвоира съели. Именно в этот момент герой испытал вкусовой шок, он понял, что совершенно забыл, что такое сладость. Сегодня сложно представить себе ребенка, не знающего вкуса конфет, но во времена фашизма таких детей было много.

Вторым случаем стала пачка сигарет, выданная хозяином фабрики. К тому времени герой страдал от астмы и задыхался от приступов кашля. Он обрадовался пачке, но, наученный новой, лагерной жизнью, сразу заподозрил подвох. Оказалось, сигареты были противоастматическими и табака в них не было. Пачкой герой так и не воспользовался. Не известно, было это проявление заботы, предосторожность или попытка избавить персонал от прослушивания затяжного кашля. В любом случае, эти обстоятельства путали и наводили героя/автора на размышления о природе фашизма: *«Доброта в этом государстве должна была прятаться, бояться быть узнанной. Однако не слишком ли хорошо она пряталась? Почему, на которой вырастает фашизм, надо исследовать тщательнее, чем само растение»* [3, с. 267].

Ближе к концу войны «доброты» стало чуть больше: передвижения стали более свободными, побои сошли на нет, а в глазах полицаев появились отблески доступности и нерешительности. Конец заключения настал неожиданно. Живя в лагере, герой постоянно ощущал потребность в осторожности, поэтому любые изменения воспринимались с опаской, не важно, хорошими они были или плохими. Так неоднозначно и тревожно было воспринято и освобождение:

«Но я ещё не мог понять, почему бегут, какие танки, почему в голове толпы возникло замешательство. Увидел незнакомые машины, десантников в непривычной форме на броне, увидел французов-военнопленных, окруживших танки, понял по их восторженным крикам, что это американцы, но никак не мог сообразить». Всё происходило как по наитию, герой, движимый общим сознанием победы, бежал за толпой. Итог: лагерь разбит, идёт долгожданное освобождение. *«Рушилось нечто такое, что с самого начала верило в свою бесконечность. Жестокости, не опасавшейся расплаты, самоуверенности, которая, казалось, сколько хотела раздвигала свои пределы, приходил конец»* [3, с. 379].

Конец настал 2 сентября 1945 г. Но, что удивительно, последствия геноцида не закончились. Освобождённым предстоял ещё долгий путь в качестве «угнанных».

Особенность романа «Нагрудный знак „OST“» заключается в том, что, несмотря на описываемую безжизненную обстановку и происходящие в лагере ужасы, всё внимание приковано к человеку. В произведении мало сцен физического насилия, психологическое напряжение создается описанием жизни-существования. А также, как пишет Масловская Т. Н., в романе дан аналитический авторский взгляд на всё пережитое: *«Сёмин — художник, из своих острых, автобиографических лагерных наблюдений создаёт своего рода анатомию бесчеловечности»* [2, с. 15].

Описанное в романе — это не только судьба одного человека, но и миллионов таких же мальчишек и девчонок, угнанных в Германию. Это страшные страницы нашей истории, о которых долго молчали. Ценно, что хоть кто-то из сотен тысяч побывавших там решился написать об этом. Подлинность фактов личной и общей судьбы бывших узников обуславливает читательское доверие к автору. Важнейшим смыслом повествования является не только установка на сострадание к единичной детской судьбе, но и попытка психологического анализа всех тех механизмов, которые приводят к крушению гуманистических идей в истории всего человечества.

Список литературы

1. Кононыхина В. Н. За строкой Нагрудного знака «OST» //Сёмин В. Н. Нагрудный знак «OST». — М.: АСТ, 2015. — С. 599–612.
2. Масловская Т. Н. Виталий Сёмин. Судьба и творческая индивидуальность в литературном процессе 60–70-х годов: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. — Ленинград, 1988.
3. Сёмин В. Н. Нагрудный знак «OST» — М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. — 631 [9] с. — (На краю войны).
4. Франкл В. «Сказать жизни „Да!“»: психолог в концлагере; Пер с нем. — М: Альпина нон-фикшн, 2009. — 239 с.

УДК 82-311.2

Федченко А. В.

магистрант

Красноярский государственный
педагогический университет

им. В. П. Астафьева

г. Красноярск

e-mail: anzhelika.bardakova.1996@
mail.ru

Fedchenko Angela V.

master's student

*Krasnoyarsk state pedagogical
university named after V. P. Astafiev*

Krasnoyarsk

e-mail: anzhelika.bardakova.1996@mail.ru

ГЕРОИ-ТРИКСТЕРЫ В РОМАНЕ

И. В. БОЯШОВА «ТАНКИСТ, ИЛИ БЕЛЫЙ ТИГР»

Trickster heroes in I. V. Boyashov's novel «The Tankman, or the White Tiger»

Аннотация: В статье рассмотрены образы героев-трикстеров в произведении Ильи Бояшова «Танкист, или Белый тигр», их поведенческие стратегии, особенности поэтики, символика. Сделан акцент на описании основных характеристик персонажей-трикстеров, сопровождающих главного героя — Ивана

Найденова.

Abstract: Hero-trickster, Boyashov, Yakut, Hook, modern military prose, deviance, Yerofeyev, vices, grotesque, myth.

Ключевые слова: Герой-трикстер, Бояшов, Якут, Крюк, современная военная проза, девиантность, Ерофеев, пороки, гротеск, миф.

Keywords: Hero-trickster, Boyashov, Yakut, Hook, modern military prose, deviance, Yerofeyev, vices, grotesque, myth.

Слово «трикстер» в буквальном переводе с английского означает «обманщик, хитрец, ловкач» и происходит от *trick* — трюк, хитрость, обман; шутка, шалость; глупый поступок; фокус, умение, сноровка. Производные формы: *tricksy* — ненадёжный, обманчивый, шаловливый, игривый, разодетый, нарядный; *tricky* — сложный, запутанный, мудрёный, хитрый, ловкий, находчивый, искусный — в зависимости от контекста. В современном русском языке для этого понятия есть множество синонимов или слов, близких по смыслу: шут, скоморох, плут, обманщик, лицедей, «дурак», или заимствованных — паяц. Все они в той или иной степени отражают особенности образа трикстера как фигуры, объединяющей их в себе [2, с. 5].

Трикстер представляет собой один из наиболее значимых образов, присутствующих в своих различных манифестациях на всех этапах человеческой культуры.

Одним из свойств, маркирующих образ трикстера, является способность к трюку, то есть рефлексивному предугадыванию действий партнера по коммуникативному акту, основанному на анализе поведенческих моделей антагониста. Трикстера отличают такие черты как пралогичное, интуитивистское мышление, асоциальное, девиантное поведение, нарушающие общественные эстетические и моральные нормы.

Трикстер — особая стратегия поведения, рассчитанная на победу космоса и социума над хаосом с помощью присущей этому же хаосу неупорядоченности. Функцией трикстера является использование различных дискурсивных практик и помещение их в иной контекст. В результате трикстер существует всегда

на границе семиотических полей, служит медиатором между ними, но одновременно создает новые смыслы путем сочетания различных парадигм. Трикстер воплощает в себе интертекстуальность, лишение тех образов, которые он принимает, привычных коннотаций, сформированных стереотипами восприятия, и привнесение новых [8, с. 54]

Трикстер остаётся далёким от человека, а его деятельность связана с решением конкретной, зачастую бытовой задачи и не несёт в себе никакого намёка на перспективу дальнейшего развития [2, с. 39–55], однако, как культурологическое явление, именно он обеспечивает резерв для развития массового сознания, так как сам по себе трикстер уже несет значительную архетипическую функцию для массового сознания. «Ибо основная функция Трикстера — быть точкой совмещения несовместимого, которая порождает новое» [9, с. 38].

Интерес к образу трикстера в границах традиционализма, прозы о войне — явление актуальной словесности [5, с. 65–81]. Здесь становится важным, как трикстер помогает найти ответы на трагические вопросы современности. Литература о Второй мировой войне подверглась сегодня и критической, и культурологической рефлексии. Суть её сформулирована И. Кукулиным: «...вся послевоенная история „военной темы“ в советской литературе до перестройки была историей адаптации эмоционально дискомфортного опыта для нового обоснования советской идентичности — и историей отвержения опыта, дискомфортного экзистенциально» [7, с.40–41].

С точки зрения строгой литературной теории, тематическое членение литературного материала подвергается сомнению. Однако в литературоведении тематический принцип в осмыслении литературы о войне остается главным: одна из первых диссертаций о новейшей военной прозе посвящена прозе о чеченской войне. Если мы продолжим ряд современных произведений о войне, то станет очевидным тот факт, что объединяет их не тематический принцип. Этот пласт прозы «нащупывает» сегодня во многом новое отношение к слову и апробирует но-

вые социальные модели: этические, политические, гендерные, социальные.

Молодая проза 2000-х жёстче отображает факты войны в вопросах этики и гуманизма, поэтому герои-трикстеры особенно актуальны. В частности, в романе И. Бояшова «Танкист, или Белый Тигр». Неслучайно эпиграфом романа является известная цитата из «Мастера и Маргариты» М. Булгакова (в последнем разговоре Воланда с Левием Матвеем): «Не будешь ли ты так добр подумать над вопросом: что бы делало твоё добро, если бы не существовало зла, и как бы выглядела земля, если бы с неё исчезли тени?». Вспомним эпиграф к роману Булгакова: «Так кто ж ты, наконец? — Я — часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо» (фраза Мефистофеля из «Фауста» Гёте). Данные параллели обоснованы: мы видим два мира, две сущности: добро и зло, свет и тень. Оттого образы обожжённого Ваньки, который мастерски управляет рычагами Т-34, и мифического танка-призрака выделяются на протяжении всего повествования.

Добро у Бояшова — это противостояние абсолютному злу; без страшного, inferнального противника команда Ванькиной «тридцатьчетверки» состояла бы из мародеров и насильников; борьба с чудовищным «Белым Тигром», или как его ещё называет автор: «бронтозавр, крышки саркофагов, призрак, монстр, белый убийца, проклятый призрак, полумифический враг, Летучий Голландец, чудовище, дьяволы в башне, дракон, белый дьявол, железнобокий негодяй», придаёт существованию главного героя смысл, а действиям — историческое оправдание (эту метафору вполне можно разворачивать и дальше, в более глобальном масштабе).

Битва становится бесконечной, отражающей трагизм истории человечества: погоня под прицелами советских зениток не заканчивается, но судьба старого чешского танка понятна. Иван Иваныч же по-прежнему слышит только «небесную музыку», призывающую героя жать на рычаги, чтобы догнать и добить врага. Бесконечная «своя война», идущая в сердце каждого че-

ловека между добром и злом, — классическая тема, вариацией на которую является роман Бояшова. Автор стремится передать сведения о военном прошлом, акцентируя внимание на отношении человека к трагическим событиям.

И. Бояшов включает в образ воина-героя символы мировой культуры/памяти [6], а сопровождающие его герои-трикстеры имеют не менее интересное наполнение. Его и рассмотрим.

Якут и Крюк сопровождают Ваньку-Смерть на протяжении всего пути до Победы, дальше их пути расходятся. Через три недели после окончания войны Ванька, находясь в освобождённой Чехословакии, угонит трофейный танк и уйдёт в горы на поиски Призрака. В Красной армии это расценят как мятеж и нацелят на него противотанковые орудия.

Образ Крюка связан с мародёрством, насилием, а образ Якута — с пьянством. Описание Крюка и Якута напоминает лубочное, поскольку Якут «мог выпить цистерну», не угорал во время самого длительного боя, когда от скопившихся в башне газов замертво валились командир с наводчиком, мог смешать алкоголь из любой подручной жидкости. Эти черты Якута позволяют сопоставить его с Венечкой из поэмы «Москва-Петушки» Венедикта Ерофеева, когда алкоголь есть способ выхода в иностранство.

«Якут жил в обнимку с двумя канистрами. В удобную, вместительную немецкую тару беспрестанно доливались то спирт, то шнапс, то польские ликёры, то неизменная в этих местах особая крепкая „сливовица“, от одного стакана которой любой, самый искушённый пехотинец мог бы замертво свалиться с копыт. Вся эта мешанина польских, немецких, французских вин, коньяков, шартрезов и водок постоянно бродила в канистрах, создавая невероятный по крепости ядреный „ёрш“, почему-то называемый Бердыевым „ашматкой“. <...> Прикладываясь к смеси, он восседал на башне „Валентайна“, <...>, словно китайский божок» [1, с.48].

Сравним:

«Даже сам рецепт „Слезы“ благовонен. А от готового коктей-

ля, от его пахучести, можно на минуту лишиться чувств и сознания. Я, например, лишился» [4, с. 191]

В повествование также включён лубочный элемент — чашушка, который характеризует Крюка:

«Фронтовые „фемины“ в любой момент готовы были отдаться домовитым, словно хомяки, тыловым майорам. <...> Гвардии сержант по этому поводу спел:

Что вы девушки стоите,

Губками алеете.

Люди головы кладут,

А вы ... жалеете» [1, с. 104].

Сержант Крюк до отвращения не любил боев и походов, но при всём при этом оказался талантливым совратителем попадавших в его руки медсестёр и колхозниц. Крюк — вор. По мере продвижения на запад он превратится в мародёра и насильника, будет даже — в показательном порядке — приговорён к расстрелу. Однако в последнюю минуту его помилуют и возвратят в танк к Найденову.

Ванька Смерть ощущает приближение врага по «смраду, знакомому ещё с Курской дуги» [1, с. 15]. Герои-трикстеры также имеют особые способности — найти в любом месте спиртное и женское общество:

«Не успевал притормозить на очередной площади славный найдёновский танк, наводчика след простывал. Стоило машине тронуться — гвардеец тут же выныривал, на ходу завязывая очередной узел. Вместе с „жуком“ сгорел плод почти месячных усилий и поисков в разорённых белорусских и еврейских местечках — Крюк удвоил усилия! <...> И горе было очередной служанке, которую хозяйева забывали вместе со своим барахлом — ей тут же с порога задирали подол» [1, с.76].

Иван выживает при любом бое, Крюк и Якут также остаются невредимыми, но до тех пор, пока воюют в связке с Найденовым, когда их союз оправдан особой целью — победой над злом!

Поведение Крюка и Якута соответствую канону героя-трикстера. Оно асоциально, описано через гротеск, не соотносится

с нравственными принципами советского героя — воина-освободителя, герои способны предугадать планы командира и совершают действия таким образом, чтобы не отвлекать Найденова от цели — уничтожение танка — Призрака.

Таким образом, на примере рассмотренного произведения мы видим, что фигура трикстера в современной литературе лишена того сакрального значения, каким он обладал в этиологических мифах. Одной из причин, по которой этот образ занимает значимое место в современном искусстве, является его способность к воспроизведению тех дискурсивных практик, которые являются актуальными для социума, в случае романа И. Бояшова — это вопрос культуры-памяти и конструирование иной реальности. Распространённость явления трикстерства — следствие природы трикстера, которое проявляется в способности к бесконечному числу трансформаций, наделяя каждую из них новым смыслом, находясь на грани между различными семиотическими пространствами. Крюк и Якут не только дополняют историю войны новыми деталями, но подчёркивают значимость идеи Ивана Найденова.

Архетип трикстера прочно занял своё место в мировой культуре и без осмысления и осознания его духовного феномена невозможно получить полной картины истории человечества.

Список литературы

1. Бояшов И. В. Танкист или «Белый тигр». — Москва: Лимбус-Пресс, 2008. — 170 с.
2. Гаврилов Д. А. Трикстер. Лицедей в евроазиатском фольклоре. — М.: Издательство «Социально-политическая мысль», Каф. истории соц.-полит. учений. филол. фак. МГУ им. М.В.Ломоносова, 2006. — 360 с.
3. Гаврилов Д. А. О функциональной роли Трикстера. Локи и Один как эддические трикстеры // Вестник традиционной культуры: статьи и документы. — 2005. — Вып. 3. — С. 33–59.

4. Ерофеев В. В. Москва — Петушки / с комментариями Э. Власова. — М.: Вагриус, 2002. — 576 с.
5. Ковтун Н. В. Трикстер в окрестностях поздней деревенской прозы // *Respectus Philologicus*. — 2011. — № 19 (24). — С. 65–81.
6. Ковтун Н. Тема памяти в современной прозе о Великой Отечественной войне // *Культура и текст*. — 2020. — № 4. — С. 6–24.
7. Кукулин И. Регулирование боли (Предварительные заметки о трансформации травматического опыта Великой Отечественной / Второй мировой войны в русской литературе 1940–70-х годов) [Электронный ресурс] // *Неприкосновенный запас*. — 2005. — № 2–3 (40–41). — URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ku37.html>.
8. Мелетинский Е. М. Аналитическая психология и проблема происхождения архетипических сюжетов. Бессознательное: Сборник. — Новочеркасск, 1994. — 379 с.
9. Чернявская Ю. В. Трикстер, или Путешествие в хаос // *Человек*. — 2004. — № 3. — С. 37–52.

УДК 7.046.3

Шаклеина Е. И.

старший научный сотрудник
Красноярский художественный
музей имени В. И. Сурикова
г. Красноярск
e-mail: elena-danilova@yandex.ru

Shakleina Elena I.

senior researcher
Krasnoyarsk art museum named
after V. I. Surikov
Krasnoyarsk
e-mail: elena-danilova@yandex.ru

ОБРАЗ СПАСА НЕРУКОТВОРНОГО В ПРИЕНИСЕЙСКОЙ ИКОНОПИСИ XVIII — НАЧАЛА XX ВЕКА

The image of Edessa in the icon painting of the Yenisey
Siberia region in 18th — beginning of the 20th century

Аннотация: В статье описаны особенности иконографии Спаса Нерукотворного на примерах икон Приенисейского письма XVIII — начала XX в. Проведён сравнительный анализ храмовых образов Спаса Нерукотворного, находящихся в Красноярских музеях и храмах Красноярского края. Рассмотрены различные иконографические типы, отмечены характерные для Приенисейского региона особенности. Выявлен наиболее распространённый тип изображения — Спас на убрусе, поддерживаемый двумя ангелами.

Abstract: The article describes iconographic features of the Image of Edessa iconography on the examples of icons from the Yenisei Siberia written in the 18th — early 20th centuries. A comparative analysis of the temple icons of the Image of Edessa from Krasnoyarsk museums and temples of Krasnoyarsk krai was carried out. The article draws attention to various iconographic types, noted characteristic features of the Yenisei Siberia region. The most common type of image is revealed — The Savior on the ubrus, supported by two angels.

Ключевые слова: приенисейская иконопись, иконография, Спас Нерукотворный, Красноярский край.

Keywords: icon painting of the Yenisei Siberia region, iconography, Image of Edessa, Krasnoyarsk krai.

Спас Нерукотворный является самым древним и одним из наиболее почитаемых образов в православной культуре. По восточному преданию Христос благоволил изобразить чудесным образом свой лик на плате и послал этот Нерукотворный образ к Эдесскому царю Авгарю для исцеления его от болезни. Авгарь богато украсил святой образ и поставил его в каменной нише над воротами Эдессы, чтобы всякий входящий в город мог поклониться ему.

Иконография Святого Лица традиционно содержит только оглавные изображения. Именно такой иконописный канон попал в X в. из Византии на Русь. На иконе «Спас на убрусе» изображение лица помещено на фоне плата, ткань которого собрана в складки, а верхние его концы завязаны узлами. По нижнему краю плата проходит кайма. Спасителя изображают человеком средних лет с тонкими одухотворенными чертами, с бородой, разделенной надвое, с длинными вьющимися на концах волосами, распадающимися на прямой пробор. Вокруг головы — золотой крещатый нимб. С XV в. получает распространение другой иконографический извод Нерукотворного Образа, где лик Христа изображается на драпированном плате, который за верхние концы поддерживают два ангела. В XVI в. появляется иконография Нерукотворного Образа Спасителя в чудесах. В клеймах, обрамляющих средник иконы, изложена история образа, от момента его чудесного создания Спасителем до перенесения в 944 году в Константинополь.

В Сибири первые изображения Нерукотворного образа встречаются начиная со времён её освоения. Традиционно образ размещали на хоругвях и стягах, уповая на защиту Господа от врагов во время военных походов. Образ Спаса Нерукотворного изображён на хоругвях в миниатюрах Сибирской (Кунгурской) лицевой летописи второй половины XVII столетия, рассказывающей о покорении Сибири Ермаком.

Нерукотворный образ пользовался в казачьей среде необыкновенно большим почитанием, многие деревянные храмы в Сибири в XVII в. освящали в Его честь [5, с. 142]. В 1624 г.

первым архиепископом Сибирским и Тобольским Киприаном в Таре основан монастырь Нерукотворного Образа. В 1664 г. по благословию архиепископа Симеона строится храм Спаса Нерукотворного в Якутске. В Иркутске в 1672 г. во имя Нерукотворного Спаса был освящён первый деревянный храм. В Илимском остроге, у начала «Ленского волока» (сухопутного пути от Ангары на Лену), первый храм был сооружён и освящён в 1645 г. также во имя Спаса Нерукотворного. В 1641 г. в Енисейске был основан монастырь Всемиловитого Спаса. В связи с интенсивным строительством новых церквей возрастал спрос на иконы этого образа.

Самый ранний из сохранившихся памятников на территории Сибири — хоругвь XVII в. с изображением с одной стороны Спаса Нерукотворного, с другой Крещения Господня, хранящаяся в Иркутском областном художественном музее им. В. П. Сукачева. Иконы с сюжетом Крещения в XVII в. также становятся особенно популярными в связи с просвещением и обращением в христианство коренных народов Сибири. Икона относится к типу выносных двусторонних хоругвей, которые носили во время крестных ходов во главе шествия.

Образ написан на тонкой деревянной доске, заключённой в металлическую рамку. В основе образа лежит древнерусская иконописная традиция. Лик Христа отличается суровостью, брови сдвинуты, чёткой белильной описью отмечены складки над переносицей. Маленький рот с поджатыми губами, придает образу сосредоточенность и некоторую сердитость. Крещатый нимб Христа по краю имеет зубчатый рисунок. Лик размещён на плате с холщовым переплетением, по краю плата проходит кайма, выполненная в виде насечки золотым ассистом по терракотовому фону. По сторонам плат поддерживают два ангела, складки одежд которых выполнены в золотопробельной технике. Икона имеет зеленоватый фон, карнация ликов Христа и ангелов серовато-серебристая с подрумянкой на щеках. Суровость лика объясняется назначением хоругви. До настоящего времени жители Илимска сохранили предание о том, что эта

икона-хоругвь была знаменем казаков, основавших в 1631 г. Илимский острог в 500 км от Иркутска.

Искусствовед Н. Н. Исаева высказывает предположение, что икона могла быть написана мастерами из Енисейска (первое упоминание об иконописцах в Енисейске относится к 1669 г.) [1, с. 10]. До 1682 г. Иркутский острог подчинялся Енисейску, который в тот период являлся главным городом Восточной Сибири. Енисейские иконописцы часто выполняли заказы на иконостасные работы в других городах. «Практика миграции мастеров, для изготовления крупных заказов, широко использовалась в Сибири» [3, с. 224]. Однако документальных источников, подтверждающих написание иконы в Енисейске, нет, вероятнее всего образ был написан приезжим мастером или был принесен в Сибирь.

Для Енисейска образ Спаса Нерукотворного был одной из самых значимых икон, на протяжении всей истории города. Сохранились материалы, по которым можно представить, как в 1641 г. выглядел вход в Енисейский острог: «Въ башнѣ над острожными воротами стоялъ Нерукотворенный образъ Иисуса Христа, а на другой сторонѣ Знаменія». Традиция размещать образ Спаса Нерукотворного над городскими воротами была устойчива по всей Руси. Почитание этих двух образов в Енисейске было столь высоко, что некто Шпилькин просил разрешения на строительство храма Нерукотворного Спаса и Знамения Божией Матери [4, с. 34].

Самым ранним из приенисейских образов Спаса Нерукотворного является икона из Успенского собора г. Енисейска, предположительно она относится к первой половине XVIII в. Образ имеет черты традиционной иконографии: лик размещён на серовато-белом платё, который держат по углам два ангела. Композиция иконы зеркальна. Общий цветовой строй и строгий провинциальный характер письма сближает образ с иконой «Успения Богородицы», расположенной в том же храме на противоположной стене, а также с образом святителя Николая Чудотворца первой половины XVIII в. из коллекции Краснояр-

ского краевого краеведческого музея, поступившим из с. Маковского Енисейского уезда (КККМ ЖИ 1141). Характер надписей, выполненных киноварью, с хорошим чувством ритма, даёт нам основание предполагать, что вышеперечисленные иконы были выполнены в одной иконописной мастерской. То же можно сказать и о колорите иконы. Образы сближают тёмные лики, зеленовато-голубой фон, умело расставленные цветовые акценты, в красных одеждах ангелов, в цвете губ Спасителя, красная полоса каймы по краю плата. Икону можно считать одним из характерных образцов местной Приенисейской иконописи XVIII в.

Следующим по времени создания памятником следует назвать хоругвь «Спас Нерукотворный» (КККМ ЖИ 1372). Образ, написанный на холсте масляными красками, происходит из богучанской Петропавловской церкви и относится ко второй половине XVIII в. Икона носит черты традиционной иконографии. Лик Христа показан на фоне нимба и обрамлён платом, жёсткие складки которого напоминают лепной картуш. В верхних углах помещены небольшие поясные фигуры ангелов, поддерживающих убрис. Близкий по композиции образ Спаса Нерукотворного, датированный второй половиной XVIII в., происходит из иркутского Знаменского монастыря. «Лик Христа с тонкими дугообразными бровями, с прямым, заострённым на конце носом, с растушёванной границей лика и волос напоминает по приёмам построения и моделировке лик Архангела Гавриила на иркутской иконе середины XVIII в.» [2, с. 235]. В отличие от иркутского мастера енисейский иконописец более контрастно передаёт тень на левой стороне носа и линейно очерчивает веки, отчего изображение выглядит более плоским и графически стилизованным. Миниатюрные лики ангелов, напротив, написаны более живописно, в полутонах, с растушёванными границами. Плат выглядит также более рельефно, как изображение гипсового слепка. Нимб по цвету и тону сливается с убрусом, крестчатая разделка нимба не выражена. Подобное решение драпировки и нимба можно встретить на образах Спаса Нерукотворного работы Симона Ушакова, одно-

го из ведущих иконописцев Оружейной палаты XVII в.

Иконостасный образ Спаса из Троицкой церкви села Казачинского предположительно можно отнести к первой половине XIX в. (рис. 1). По типу лика этот образ сходен с описанной ранее хоругвью. Образ написан на доске маслом. Лик Христа вписан в плоскость иконной доски так, что центром композиции становятся глаза, наделённые огромной выразительной силой. Взгляд направлен прямо на зрителя, брови высоко подняты. Пластика лика последовательно проработана: выделены округлые нижние веки, затенённые плоскости на щеках, использован иконописный прием белильных оживок, несмотря на то что образ в целом живоподобный. Особенностью этой иконы являются изображения по сторонам в клеймах патрональных святых. Вероятно, икона была написана для каменной Свято-Троицкой казачинской церкви, построенной в конце XVIII в. енисейскими мастерами. Судя по размеру иконы, она могла располагаться в местном ряду иконостаса в одном из пределов храма.

Рис. 1

Предположительно к первой трети XIX в. относится образ Спаса из иконостаса главного придела Успенского храма г. Енисейска (рис. 2). Его особенность в том, что плат поддерживается одним ангелом, размещённым по центру над образом Спасителя. Фон иконы имитирует Небеса, насыщенно синего цвета в нижней части, с облачными очертаниями и розовым цветом в верхней. В правом верхнем углу помещено изображение Бога-Отца. Живопись иконы выполнена масляными красками, в сглаженной манере, карнация лика тёплая, розоватая. Икона находится под частичной профилактической заклеивкой.

Рис. 2

Немного пухлые губы Спасителя, его утончённые черты, а также абрис крыльев ангела, изображённого в голубых одеждах со слегка склонённой головой, позволяет отнести это изображение к стилю сентиментализм, который был распростра-

нён в светском искусстве в начале XIX в. Это даёт возможность датировать данный памятник 1820–1830-ми гг. Лик Спасителя изображён без нимба — что противоречит иконописному канону. Однако подобные отступления от общепринятого канона нередко встречается в Приенисейской иконописи.

Описанная выше икона предположительно могла послужить прототипом для Нерукотворного образа из посёлка Анаш Новоселовского района (рис. 3). Икона находится в приходе Всемилостивого Спаса. Прежде она хранилась в новосёловском храме, который был затоплен в конце 1960-х гг. при создании Красноярского водохранилища. В постсоветский период икона пребывала в храме (деревянном приспособленном здании), который в начале 2000-х гг. сгорел. Образ был спасён из огня, правый край доски обгорел, на иконе имеются следы от тушения пожара.

Рис. 3

Композиция иконы довольно точно повторяет образ из Успенского собора. За исключением того, что в «Анашенском» образе отсутствует изображение Господа Саваофа. Лик Христа отличается большей человечностью, лиричностью, миловидностью, расположением к себе молящегося. Образ ангела, поддерживающего плат, напротив более прост по исполнению рисунка головы и крыльев, чем ангел в иконе из Успенского собора.

По датировке икону можно отнести к концу 1830-х — началу 1840-х гг. Рельефные поля, с процарапанными по сырому левкасу волнообразными орнаментами, относят предмет к памятникам Приенисейской церковной живописи. Голубовато-зеленоватый цвет фона, довольно хорошо сохранившийся, несмотря на копоть от пожара, также «каноничен» для Приенисейской иконы.

Рис. 4

Далее рассмотрим три иконостасных образа, находящихся в Спасском и Успенском храмах города Енисейска, написанные во второй половине XIX в. (рис. 4). Иконы объединяет живописная манера письма, зеленовато-голубой фон, иконографический извод «с двумя ангелами» и особый тип лика Христа. Для него

характерны низкие прямые брови, удлинённый нос, сильное притенение в неосвещённых местах, умиротворённое и немного отрешённое выражение лица. Нимб на перечисленных иконах изображён не крещатым, что является отклонением от канонического изображения.

Два из рассматриваемых образов были подогнаны под иконостас. Икона из иконостаса Успенского собора была уменьшена, по сторонам обрезаны изображенные в овальных клеймах предстоящие образу патрональные святые. Иконная доска из иконостаса Спасского мужского монастыря, напротив, была по трём сторонам наращена. Это свидетельствует о том, что иконы изначально находились не в этих храмах, или в других иконостасах.

Две храмовые иконы Спаса Нерукотворного конца XIX века из коллекции Красноярского художественного музея имени В. И. Сурикова, поступили в музей из экспедиции в Енисейский район Красноярского края в 1984 г. Иконы выполнены в живописной традиции местными мастерами и представляют два различных варианта иконографии Спаса на убрусе с ангелами, поддерживающими плат (КХМ НВФ 1804) и без ангелов (КХМ НВФ 1805) (рис. 5). Наиболее профессионально, живописно и тонко написан лик Спасителя на иконе, с процарапанными по левкасу орнаментальными полями и орнаментальным фоном. Процарапанный фон имитирует ромбовидный рисунок плата, который чаще встречается во фресковых росписях. Образ написан масляными красками, в живописной манере, придающей лику объём и портретность. Такой образ был характерен для рубежа XIX–XX вв., золотой орнаментальный фон и поля также были распространены в иконописи русско-византийского направления, начиная с 1860-х гг. Чаще всего фон покрывался сусальным золотом, а рисунок фона выполнялся цировкой. В данном случае фон покрыт золотой краской, а рисунок волнистыми линиями процарапан по левкасу. Такой метод процарапывания рельефного фона или полей по сырому левкасу был часто применен енисейскими мастерами.

Рис. 5

Среди рассматриваемых нами икон нет ни одного образа, который бы повторял распространённый тип лика, выработанный царским изографом Симоном Ушаковым. Его образы отличались помимо живоподобности некоторой рафинированностью и изысканностью, и чтобы воспроизвести подобный тип мастер должен был обладать хорошим образованием и незаурядными художественными способностями, чего нельзя сказать о приенисейских иконописцах, которые часто выходили из ремесленной среды. Не имея профессионального образования, им зачастую приходилось копировать образы с привозных икон, или сочинять образы на свой лад, за неимением иконописных подлинников. Возможно поэтому большинство приенисейских образов Спаса Нерукотворного отличаются простонародностью и не имеют утончённых черт.

Судя по размерам икон, чаще всего образ Спаса Нерукотворного находился в местном ряду иконостаса, как особо почитаемый. В качестве фона использовался зеленовато-синий, или голубовато-зелёный цвет, он присутствует практически на всех

рассмотренных выше иконах. Также иконописцы могли отступать от канонического изображения, заменяя крещатый нимб Христа на обычный, или вовсе отказываясь от изображения нимба. Лик Христа на местных иконах часто отличается грубоватостью и простонародностью. Что касается иконографии, наибольшее распространение в Приенисейской иконописи, как и по всей Сибири, получил извод с двумя ангелами, поддерживающими плат. Однако присутствует иконография с изображением одного ангела, или вовсе без них. Уровень мастерства иконописцев также разнится, среди описанных памятников есть как мастерски написанные иконы, так и образы, созданные менее профессиональными художниками-иконописцами. Безусловно, вопросы возникновения, распространения и развития иконографии и художественного языка приенисейских икон требуют своего дальнейшего изучения.

Список литературы

1. Исаева Н. Н. Художественное наследие Приенисейского региона (XVIII — начало XIX вв.): Проблемы иконографии и стиля: автореферат дис. доктора искусствоведения: 17.00.04; Гос. ин-т искусствознания. — Москва, 1997. — 44 с.
2. Исаева Н. Н. Церковная живопись Приенисейского края XVII — начала XIX века. Альбом-каталог. — Красноярск: Платина, 2008. — 288 с.
3. Крючкова Т. А. Иконы земли Иркутской // Сибирская икона. Альбом. — Омск: Иртыш-92, 1999. — 271 с.
4. Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии, 1594–1893 год / А. И. Кытманов; отв. ред. Л. П. Бердников; авт. предисл. В. Г. Дацышен. — Красноярск: СФУ, 2016. — 900 с.
5. Спас Нерукотворный в русской иконе / Авт.-сост. А. М. Евсеева, А. М. Лидов, Н. Н. Чугреева. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2008. — 440 с.

УДК 821.161.1.0
ГРНТИ 17.01.45

Шилова А. С.

учитель русского языка и литературы
средняя общеобразовательная
школа «Эврика-развитие»
г. Томск
e-mail: na4arova.lina@yandex.ru

Shilova Alina S.

Teacher of Russian language
and literature
Secondary school "Evrika-razvitie
(Eurika-development)"
Tomsk
e-mail: na4arova.lina@yandex.ru

ЖИТИЕ И АНТИЖИТИЕ В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»: ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВ СТАРЦА ЗОСИМЫ И ФЁДОРА ПАВЛОВИЧА

Living and anti-living in the novel by F. M. Dostoevsky «The Brothers Karamazov»: contrasting images of Starets Zosima and Fyodor Pavlovich

Аннотация: В данной статье предпринята попытка интерпретации житийных отражений в романе «Братья Карамазовы» на примере изучения образов старца Зосимы и Фёдора Павловича Карамазова с привлечением аксиологического подхода. Обзор понимания Достоевским православной традиции в культуре расширяет границы в понимании обращения писателя к житийному жанру, и поможет по-новому рассмотреть ценностный ресурс в теме изучения репрезентации агиографической традиции в романе.

Abstract: The article attempts to interpret hagiographic reflections in the novel «The Brothers Karamazov» on the example of studying the images of Starets Zosima and Fyodor Pavlovich Karamazov using axiological approach. An overview of Dostoevsky's understanding of Orthodox tradition in culture expands boundaries in understanding the writer's appeal to the hagiographic genre and will help to re-examine the value resource in the topic of studying the representation of hagiographic tradition in the novel.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, «Братья Карамазовы», агиография, святость, аксиологический подход, образ, ценность, антиценность, образец нравственности.

Keywords: F.M. Dostoevsky, «The Brothers Karamazov», hagiography, holiness, axiological approach, value, anti-value, a model of morality.

В обращении к изучению истории создания и поэтических особенностей романа «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского отдельное внимание сосредоточено вокруг темы репрезентации житийной традиции в этом произведении. Как правило, в большинстве исследований выявление отсылок к житийным произведениям выстраивается через использование методов компаративистики. В данной работе предпринята попытка интерпретации агиографической традиции в образах старца Зосимы и Фёдора Павловича Карамазова с привлечением аксиологического подхода.

Житие — это повествование о жизни святого, даёт образец христианского идеала благочестивой жизни. Жития святых являлись одним из ключевых разделов на протяжении всего периода древнерусской словесности. Начиная с XVIII в. в творчестве российских писателей сохраняется тенденция использования мотивов агиографического наследия. Образ святого раскрывает человеческие добродетели и является поведенческим образцом для читателей и слушателей. Благодаря своему ценностному содержанию, тексты, посвящённые описанию жизни и подвигов святых, становятся нравственным ориентиром.

В. В. Лепяхин уделяет особое внимание изучению жития как явления православной духовной культуры: «Важно в житии — прежде всего то, что ценил древнерусский автор и читатель, то, что ценит и современный православный человек: жития, по своему назначению, это, прежде всего хранилище и сокровищница тысячелетнего духовного опыта православного подвижничества, духовной культуры Православия...» [1]. Традиции русской православной культуры являются ценностными доминантами в системе мировоззрения и творчестве Ф. М. Достоевского, В «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевский оставляет запись о жизнеописании святых. Из чего становится ясно: писатель воспринимает памятники древнерусской словесности не только как исторические и литературные источники для написания произведений, а как мощный куль-

турный национальный код, способный произвести впечатление на слушателя или читателя: «Народ наш чтит память своих великих и смиренных отшельников и подвижников, любит рассказывать истории великих христианских мучеников своим детям. Эти истории он знает и заучил, и я сам их впервые от народа услышал, рассказанные с проникновением и благоговением и оставшиеся у меня на сердце» [2, с. 83].

Ф. М. Достоевский — один из немногих авторов мировой литературы, для кого проблема духовно-нравственного идеала имела принципиально важное значение [3, с. 151]. Определение ценностей, идеалов, смыслов человеческого бытия для писателя становятся вопросами неустанного поиска и имеют отражение в художественном наследии, в том числе в романе «Братья Карамазовы». Роман становится не только итогом творческой деятельности писателя, но и всего его жизненного пути: «три года длилось лишь художественное воплощение, духовно же Достоевский работал над романом всю жизнь» [4, с. 491]. Отдельное внимание отводится роману «Братья Карамазовы» как произведению, завершающему творческий путь писателя и отождествляющемуся в качестве констант религиозно-философских исканий писателя.

Говоря о применении аксиологического подхода при сопоставлении образов героев в художественном произведении, мы стремимся проследить выражение ценностных установок автора и, то, какую это мотивировку несет для ценностного ориентира читателя. Стоит отметить особую роль М. М. Бахтина в становлении аксиологического подхода в рамках литературоведения. Так, исследователь справедливо отмечает, что ценностный анализ произведения необходим, поскольку ценность сама по себе выражает позицию автора и его героя: «Автор в своём творчестве руководит теми самыми ценностями, которыми живёт его герой» [5].

А. Н. Кошечко, исследуя специфику сознания писателя, говорит следующее: «Достоевский не только отчётливо показывает полюс Абсурда, кризисное, „ломающееся“ созна-

ние, фиксирует процессы развоплощения и саморазрушения, он пытается выстроить систему ценностных, духовных противовесов, найти то „ядро“, которое составляет неистребимую основу бытия и позволяет в „мировом вихре“ сохранить „образ человека, образ народа и образ человечества для высшей творческой жизни“: он стремится восстановить в генетической и нравственной памяти людей Божий лик, поскольку мир без Бога неминуемо превращается в мир без человека» [3, с. 126]. Достоевский в течение жизни не раз обращался к вопросам познания человеческой души, поиска истины, смысла жизни, при этом категория духовности имела особое значение для писателя. Для понимания этих смыслов необходимо обратиться к работам русских религиозных философов рубежа XIX–XX веков о мировоззрении писателя. Н. О. Лосский дает следующую характеристику мировоззренческой позиции писателя: «Достоевский уже в молодости понимал, что высшие начала — „душа, Бог“ познаются „сердцем, а не умом“ <...> В конце жизни Достоевский ещё определеннее указал условия, освобождающие дух от суеты мимо текущей мелкой действительности и возводящие его к вечным началам» [6, с. 85]. А. И. Осипов выделяет особенность изображения писателем внутреннего мира человека: «сокровенных движений его души, его греха и падения и одновременно глубинной чистоты его и святости образа Божия. При этом никогда не чувствуется со стороны автора ни малейшего осуждения самого человека» [7].

Мировоззренческие установки Достоевского, несомненно, влияют на организацию образного мира героев в произведении. Духовное противоборство центральных героев, субъектность и самостоятельность являются отличительными признаками художественного мира героев, при этом огромная роль отводится выражению их самосознания [8, с. 60–61]. Поведение, эмоции, мысли старца Зосимы и Фёдора Павловича служат для нас ценностными ориентирами, олицетворяя пример и антипример нравственного поведения. Интерпретации через систему антиценностей, на наш взгляд, имеет важное

значение для целостного понимания вопроса. Если пример жития демонстрирует путь приближения человека к образу святого, то именно антижитие наглядно показывает, как не нужно поступать.

Фёдор Павлович Карамазов — олицетворение нравственного антипримера, хитрый и испорченный человек, он не имеет никакого понятия о нравственности и морали. Он обожает деньги, путём обманов и уловок обогащает своё финансовое положение, при этом оставаясь для окружающих жадным и скрытным. Его отличительной манерой общения являются низкопробные шутки, насмешки и издевательства над людьми. Н. О. Лосский утверждает, что в образах некоторых героев романа «Братья Карамазовы» Достоевский изобразил различные виды следствий утраты веры в Бога и бессмертие, с их отражениями мы сталкиваемся в том числе в образе Фёдора Павловича Карамазова [6, с. 88]. Образ старца Зосимы полностью противоположен в этом вопросе. Зосима не просто верующий человек, он посвящает себя служению Богу.

Старец Зосима — шестидесятипятилетний старик, понимает, что близок к смерти, оставляет поучения для потомков, записанные с его слов. В молодости старец — вспыльчивый офицер Зиновий, с которым однажды происходит духовное перерождение, после которого офицер уходит в отставку и становится монахом Зосимой. Мы не обнаруживаем у Зосимы прямых проявлений качеств святости, традиционных для агиографической традиции, к тому же ставится под сомнение та святость, которой наделяют при жизни старца окружающие герои. Достоевский не создаёт образ героя-святого в лице старца Зосимы, не следует агиографическому канону в описании его жизни. Однако, в отношении с близкими, в своих взглядах на окружающий мир, старец Зосима обладает рядом характерных черт, присущим святым. Добросердечность, всепрощение, желание помогать, всё это притягивает к старцу огромное количество разных людей. В нём есть особая прозорливость, он хорошо понимает и чувствует людей, что позволяет ему даже

помочь нуждающемуся. Старец Зосима не ведёт исключительно праведной жизни, но в помыслах и поступках своих стремится быть близким к нравственному идеалу, к чему и призывает других.

В таблице 1 представлены некоторые фрагменты романа «Братья Карамазовы», содержащие характеристику образов старца Зосимы и Фёдора Павловича при схожих ситуациях или обстоятельствах, которые наглядно демонстрируют диаметрально противоположное мировосприятие каждого из героев.

Таблица 1.

Характеристика образов героев романа «Братья Карамазовы»

Старец Зосима	Фёдор Павлович Карамазов
«Многие, почти все, входившие в первый раз к старцу на уединённую беседу, входили в страхе и беспокойстве, а выходили от него почти всегда светлыми и радостными , и самое мрачное лицо обращалось в счастливое » [9, с. 34]	«Он докучал всем своими слезами и жалобами , а дом свой обратил в развратный вертеп » [9, с. 11]
«...старец Зосима, спасавшийся в монастырском ските, произвёл на его „тихого мальчика“ особенное впечатление » «Без сомнения, он поразил Алёшу каким-нибудь особенным свойством души своей» [9, с. 27]	«Но на Фёдора Павловича этот маленький эпизод тоже произвел своё действие, и очень оригинальное » [9, с. 26]
«Алёшу необыкновенно поражало и то, что старец был вовсе не строг; напротив, был всегда почти весел в обхождении» [9, с. 34]	«... радостно хихикал он, усаживая Алёшу слушать» <...> «Фёдор Павлович допил рюмку и залился визгливым смехом » [9, с. 150]
«Из дома родительского вынес я лишь драгоценные воспоминания <...> Да и от самого дурного семейства могут сохраниться воспоминания драгоценные , если только сама душа твоя способна искать драгоценное» ¹ [9, с. 339]	«Фёдор Павлович, которому он множество раз уже досаждал напоминаниями об этой могилке, уехал наконец в Одессу, махнув рукой не только на могилы, но и на все свои воспоминания » [9, с. 26]
«Кто не верит в Бога, тот и в народ Божий не поверит»* [9, с. 344]	«Русский народ надо пороть-с , как правильно говорил вчера Фёдор Павлович» [9, с. 263]

1 Выдержки из предсмертной речи старца Зосимы, составленные Алёшей в житие

«Награды же никогда не ищи, ибо и без того уже велика тебе награда на сей земле: духовная радость твоя, которую лишь праведный обретает»* [9, с. 377]	«Фёдор Павлович вдруг ощущал в себе иной раз, пьяными минутами, духовный страх и нравственное сотрясение, почти, так сказать, даже физически отзывавшееся в душе его» [9, с. 109]
--	--

Первые три примера отображают рецепцию героев другими персонажами романа, а также особое внимание уделено интерпретации через сознание Алёши Карамазова, поскольку именно он как никто приближен к обоим героям. Общение со старцем Зосимой для окружающих приносит ощущение счастье и умиротворения, Фёдор Павлович, напротив, производит неприятное впечатление, он транслирует негативные эмоции, неприятное поведение, его общество зачастую в тягость. Описание состояния радости и веселья у героев несёт отпечаток особенностей характера, в случае с Зосимой краткое прилагательное «весел» противопоставлено строгости, и тем самым подчёркивает благоприятное расположение старца, спокойствие радости, умиротворённость. Однако радость Фёдора Павловича сопровождается визгливым смехом, «хихиканьем», что в очередной раз подчёркивает шутовство, балагурство в его поведении, балансирующее на грани с издевательством, высмеиванием.

Помимо этого, ценностные ориентиры обоих героев предстают перед читателем через изложение жизненной позиции взглядов на собственный внутренний мир. Например, для Зосимы воспоминания о собственной жизни, опыт прожитого, непременно, значимы и важны. В свою очередь Фёдор Павлович попросту отмахивается от воспоминаний, тем самым обозначает незначительность таких жизненных событий, как замужество, рождение детей и прочее. Глава семейства Карамазовых обесценивает собственное наследие, традиции семьи, рода; также в отношении к окружающим его людям Фёдор Павлович надменен и неуважителен. Противостоит ему в своих суждениях старец Зосима, который с благоговением относится к каждому человеку, в своих обращениях к людям призывает любить и уважать друг друга.

Подводя итог, важно отметить, как проявляется отношение каждого из героев к духовности, значимой категории Православия. Если старец Зосима призывает к духовной радости, то в душе Фёдора Павловича живёт лишь духовный страх, выраженный в неприятии к Богу и вере в Него.

В данном исследовании мы постарались представить некоторые наблюдения признаков житийной традиции в организации образного мира героев старца Зосимы и Фёдора Павловича. При сравнении образов двух героев основное внимание было устремлено на выявление ценностно-смысловых элементов в характеристиках героев через сопоставление с особенностями героев жития и антижития. Также стоит отметить, что для Ф. М. Достоевского ценности православной традиции, имеющие воплощение в древнерусской словесности, имеют важное значение в системе воззрений писателя о духовном развитии личности.

Таким образом, противопоставление образов представленных героев романа «Братья Карамазовы» имеет амбивалентную природу репрезентации — демонстрирует возможный путь человека к духовному возрастанию в образе старца Зосимы, и в образе Фёдора Павловича олицетворяет бездуховность, утрату нравственного идеала, что ведёт к саморазрушению.

Список литературы

1. Лепяхин В. В. Иконичная агиография [Электронный ресурс]. // Образовательный портал «Слово». — URL: <https://www.portal-slovo.ru/art/35902.php> (дата обращения: 10.11.2019).

2. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. В 2 т. / Вступ. ст. И. Волгина, коммент. А. Архиповой, А. Батюто, А. Березкина, В. Ветловской, Г. Галаган, Е. Кийко, В. Рака, Г. Степановой, В. Туниманова. — М.: Книжный Клуб 36.6, 2011. — Т. 2. — 752 с.

3. Кошечко А. Н. Формы экзистенциального сознания в творчестве Ф. М. Достоевского: дисс. ... доктора филологиче-

ских наук. — Томск, 2014. — 312 с.

4. Мочульский К. В. Достоевский : Жизнь и творчество. — Paris: YMCA-Press, 1980. — 561 с.

5. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1979. — 423 с.

6. Лосский Н. О. Достоевский и его христианское миропонимание. — Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. — 406 с.

7. Осипов А. И. Достоевский и христианство [Электронный ресурс]. — URL: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/kritika/osipov-dostoevskij-i-hristianstvo.htm> (дата обращения: 10.11.2019).

8. Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского. — М.: Советский писатель 1963. — 167 с.

9. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. — Л.: Изд-во «Художественная литература». — 900 с.

СЕКЦИЯ

« ФИЛОСОФИЯ И ТЕОЛОГИЯ »

УДК 141.8

Бармашова Т. И.
доктор философских наук,
профессор
кафедра философии, Краснояр-
ский государственный аграрный
университет
г. Красноярск
e-mail: tatibar910@mail.ru

Barmashova Tatiana I.
doctor of philosophical sciences,
professor
department of philosophy, Krasnoyarsk
state agrarian university
Krasnoyarsk
e-mail: tatibar910@mail.ru

«РУССКАЯ ИДЕЯ» КАК ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

«Russian idea» as theory and practice

Аннотация: *Анализируется понятие «русская идея», являющееся выражением национального самосознания, народного духа, патриотизма русского человека, ядром российской государственности. Подчёркивается особенная актуальность данного феномена в современный исторический период.*

Abstract: *The concept of “Russian idea” is analyzed, which is an expression of the national identity, national spirit, patriotism of Russian people, the core of Russian statehood. The special relevance of this phenomenon in the modern historical period is emphasized.*

Ключевые слова: русская идея, национальное самосознание, менталитет, нравственные ценности, духовность.

Keywords: Russian idea, national identity, mentality, moral values, spirituality

«Русская идея», как судьбоносная идея и ядро российской государственности, всегда интересовала наших соотечественников, а в сложный современный период становится ещё более актуальной и значимой, способствуя духовному возрождению Отечества. Русская идея связана с вопросом о специфических особенностях русского менталитета и предназначении русского народа и России во всемирной истории. Русская идея выступает идеологической основой русского мира и выражает его культурно-историческую идентичность [4].

Иногда понятие «русский мир» позиционируется как мо-

дернизированный вариант понятия «русская идея» [1]. Такая интерпретация не представляется бесспорной. Эти понятия связаны теснейшим образом, однако это не свидетельствует в пользу их полного тождества. Русская идея представляет собой рефлексию относительно национальных особенностей, неповторимости менталитета русского народа, что предопределяет его предназначение в мировой истории. Важно отметить, что «русская идея», будучи неразрывно связана с менталитетом русского человека, включает в себя не все национальные особенности русского народа, а лишь те, которые способствуют самосовершенствованию человека, развитию его нравственности и духовности. Русская идея аккумулирует в себя всё ценное, наработанное историческим опытом русского народа. Понятие «русский мир» со всеми его особенностями выражает весь реальный ход исторического развития Российского государства, в котором русская идея играет важную роль как детерминирующий фактор и направляющее начало.

Как известно, «русская идея» возникла ещё в XVI веке и связана с созданием доктрины «Москва — третий Рим» Филофеем. Но наиболее пристальное внимание русская идея получила в русской философии XIX–XX веков (славянофилы, В. С. Соловьёв, В. В. Розанов, Е. Н. Трубецкой, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, Л. П. Карсавин, И. А. Ильин, Г. П. Федотов и другие). Поскольку понятие «русская идея», на наш взгляд, наиболее полно и глубоко выражено в русской философии, в статье акцент делается на экспликации данного понятия русскими мыслителями.

Неотъемлемой составной частью русской идеи в дореволюционной России была доктрина идеологической и духовной основы, фундамента государственности, выражающаяся в постулатах — православие, самодержавие, народность. Не случайно в русской философии подчёркивается религиозность русского народа как одна из главных особенностей его национального духа. Н. А. Бердяев, в частности, считал, что в русском народе «сильна ... религия земли, которая заложена в очень глубоком слое русской души» [2, с. 18]. Мыслитель также подчёркивал,

что русские, в большей или меньшей степени, сознательно или бессознательно, являются хилиастами (приверженцами учения о наступлении тысячелетнего Царствия Божьего на земле). К бессознательным хилиастам философ относит даже русских революционеров, анархистов и социалистов. Поэтому он считает заблуждением мнение о том, что у русской революционной интеллигенции, использовавшей в большинстве случаев материалистическую идеологию, не может быть эсхатологии. Причину этого заблуждения он связывает с преувеличением значения сознательных идей, которые часто затрагивают лишь поверхностные стороны человеческой сущности. Мыслитель не сомневается в том, что русские атеизм, нигилизм, материализм имели религиозную окраску. «Даже у тех русских, которые не только не имеют православной веры, но даже воздвигают гонение на православную церковь, остаётся в глубине души слой, сформированный православием» [2, с. 245–246]. Русский народ религиозен по своему типу и по своей структуре. Как указывал философ: «В более глубоком слое, не нашедшем себе выражения в сознании, в русском нигилизме, социализме была эсхатологическая настроенность ..., обращённость к концу. Речь всегда шла о каком-то конечном совершенном состоянии, которое должно прийти на смену злему, несправедливому, рабьему миру» [2, с. 197].

Все лучшие начала русского народа и российской государственности в былые времена ассоциировались с понятием «Святая Русь». Не случайно в русском национальном сознании огромное значение имело почитание святости. Как подчёркивал В. В. Розанов, Россия держится на этом понятии. Все русские вообще и каждый в отдельности тревожится этим образом «святого человека», страдает из-за своего отступления от этого идеала и всегда стремится достигнуть его хотя бы частично и ненадолго. «Святой человек» погружается в глубины внутренней жизни, направляет усилия воли на искоренение в себе «нечистых помыслов», то есть на искоренение мыслей и желаний, связанных с различными человеческими страстями. Очищение

души от «нечистых помыслов» подготавливает её для принятия Бога. Как и все представители русской христианской традиции, Розанов считает молитву средством глубокого осознания своей греховности.

Русские святые признавались как глубоко народные святые. Беседуя с людьми, которые приходят к ним искать утешения и совета в несчастьях жизни, они помогают людям освободиться от груза давящих проблем. Имея большой опыт общения с разными людьми, душа и духовный взор такого «святого» до того утончается в постижении человеческой природы, что он становится «прозорливым», то есть способным прозреть до самого дна человеческую душу, видит эту душу в самых потаенных волнениях, в самых скрытых поползновениях и слабостях. В то же время святой видит в этой душе лучшие возможности, находит такие силы, которые сам человек в себе не сознавал [6, с. 359–363]. В. В. Розанов обращает внимание на великую задачу русского духовенства и Церкви, заключающуюся в выработке самого типа святости, стиля святости и благочестивой жизни.

Русские мыслители эксплицируют русскую идею в рамках историософского знания, в частности, в концепции всеединого сущего, как Божий замысел о России, подчёркивая её соборный, более того, всемирный характер. Русские мыслители не ограничивают роль русской идеи в жизни русского народа и в судьбе российской государственности, подчёркивая мессианскую роль русского человека и России в спасении мира. Русская идея, таким образом, имеет ярко выраженный трансцендентный характер.

В этом отношении показательно, что для русского человека важным является стремление к решению вопросов метафизического характера — к постижению смысла жизни, нахождению пути к Богу. При этом духовный опыт, который должен лежать в основе истинного Богопознания, признаётся не только индивидуальным, но и коллективным, соборным опытом, выступающим необходимым условием полноты Богопознания,

возносящим верующего на более высокую ступеньку веры. Так, Е. Н. Трубецкой уверен, что только здесь, в этой соборной жизни Церкви человек может найти подлинного Христа. Человек может познать его, только проверяя индивидуальную религиозную интуицию интуицией других членов Церкви и той соборной интуицией, которая выражается в общей жизни Церкви, в её молитвах, песнопениях, в архитектуре и живописи её храмов [7, с. 277–287].

Русская идея является духовной и национальной основой русского народа. При этом, являясь национальной идеей, она не является националистической. И этот момент хорошо прослеживается в творчестве И. А. Ильина. Подчёркивая самобытность русского человека, русская идея не противопоставляет его другим народам. И в этом её огромная заслуга. Патриотизму И. А. Ильин придает свойство целесообразности и жизненной полезности. Философ признаёт духовно осознанный, осмысленный, христиански облагороженный патриотизм, совмещающий любовь и чувство меры. Таким образом, патриотизм он понимает как чувство любви к Родине, уходящее корнями в глубину бессознательного, доступ к которому открывает духовный опыт и сила духовного видения. Истинный патриотизм он считает чуждым националистической гордыне и жажде завоеваний [3, с. 171–174].

И. А. Ильин далёк также от традиционной интерпретации национализма, лишая его того негативного оттенка, который обычно приписывается национализму вообще. Он трактует его высоко как национализм духовный, который идёт не только от инстинкта национального самосохранения, но и от духа, который любит не просто своё родное, но достойное, великое, священное родное. Подобное понимание национализма в определенной мере порождает его синонимичность с «патриотизмом».

Русские философы, ведя речь о самобытности России, подчёркивают противоречивость русской души, которая, в конечном счёте, определяет исторический ход развития и судьбу России. Согласно Н. А. Бердяеву, русский человек является во-

площением крайностей. Философ характеризует русские национальные особенности, используя приём «тезис — антитезис»: русская натура способна сочетать в себе милосердие и жестокость; религиозность и богохульство; коленапреклонность перед государством и анархизм; стремление к прекрасному и пошлость и многое другое. Н. А. Бердяев объясняет эту противоречивость синтезом западных и восточных начал в русском человеке.

В. В. Розанов также обращает внимание на неосознанную противоречивость, необъяснимую непоследовательность русского человека. Он различает две России: одна — Россия видимостей; другая — «Святая Русь», «матушка Русь», законов которой никто не знает, с неясными формами, неопределёнными течениями, конец которых не предвидим, начало безвестно, которая и является Россией существенностей. Эту потаённую, прикрытую Русь способен постичь не каждый, а лишь те, кто обладает даром внутреннего глубокого зрения.

Касаясь проблемы особенностей русской души, В. В. Розанов не в последнюю очередь связывает это с иррациональностью русского человека. Он не без достаточных оснований указывал, что русский народ с бесчисленными «задоринками» в душе может быть хорошим, но также и скверным. Подобно Н. А. Бердяеву, философ относит это на счёт чего-то неясного, темного, даже мистического, идущего от промежуточного положения между ясно расчленённой Европой и тёмной, запутанной Азией. Мистическое он связывает с бессознательными глубинами души, которые человек не может исследовать. Мистическим он называет то, в чём мы предполагаем отблеск Божественного луча, в чём отгадываем, смутно чувствуем первозданное по отношению ко всем вещам [5, с. 290].

Оценивая вклад русских философов в постижение национальной самобытности России, следует отметить несколько моментов. Во-первых, значимость подобных исследований не в последнюю очередь определяется тем, что они, являясь рефлексией наиболее просвещённой части населения, способствуют

ют развитию самосознания всего общества и формированию позитивных установок, способствующих устранению негативных особенностей социума и культивированию положительных черт. Во-вторых, российское своеобразие эксплицируется в контексте диалектики противоположных сторон. В-третьих, самобытность России, в значительной степени детерминированная противоречивостью русской души, ставится в непосредственную связь с особенностями исторического развития страны и спецификой русского менталитета.

Богатое наследие отечественных философов в рефлексии «русской идеи» должно активно использоваться современными исследователями, дополняться и обогащаться в соответствии с новыми реалиями жизни, с изменившимися историческими условиями. Важную роль в развитии русской идеи должна играть система образования на всех уровнях. Необходимо прививать интерес и формировать чувство любви к русскому языку, классической литературе. Недопустимо засилье иностранных слов, которые обедняют и коверкают один из самых богатых и выразительных языков мира — наш родной русский язык. Краеугольным камнем общества должно стать развитие нравственности и духовности личности. В этом отношении важнейшая роль должна отводиться воспитанию религиозной веры, причем не формальной, а той, которая формирует потребность жить по заповедям Христовым. Не меньшую роль играет возрождение национальных традиций, которые всегда отличали русского человека и составляли сущность понятия «русская душа» (милосердие, сострадание, гостеприимство, щедрость, бескорыстность и т. д.).

«Русская идея» выступает не только теорией, её положения являются основой для практического воплощения в культурно-историческом опыте России, духовным ориентиром в развитии общества. В трудные годы Российской истории, в частности, во времена войн, «русская идея» пробуждала лучшие национальные черты русских людей и помогала одержать победу над врагом, а затем из руин поднимать страну и восстанавливать

мирное общество. «Русская идея» — это мощный стимул прогрессивного развития государственности и движения общества вперёд.

Список литературы

1. Алейникова С. М. «Русский мир» как «русская идея»: ключевые признаки и императивы // Социология религии в обществе позднего модерна. — 2019. — Т. 8. — С. 6–15.
2. Бердяев Н. А. Самопознание. — М. 1999.
3. Ильин И. А. Путь духовного обновления: Собр. соч. Т. 1. — М., 1993.
4. Неронова М. Ю., Неронов А. В. Развитие русской идеи и русский мир // Kant. — 2019. — № 3 (32). — С. 213–224.
5. Розанов В. В. Религия и культура // Религия и культура: Сб. статей. — М. 1990. — С. 17–326.
6. Розанов В. В. Л. Н. Толстой и русская церковь // Религия и культура: Сб. статей. — М. 1990. — С. 355–368.
7. Трубецкой Е. Н. Смысл жизни // Избранные произведения. — Ростов-н/Д, 1998. — С. 17–336.

УДК 21

Круглова И. Н.

*доктор философских наук, доцент,
заведующая кафедрой
кафедра философии, Красноярский
государственный аграрный универ-
ситет
г. Красноярск
e-mail: inna_krug@mail.ru*

Kruglova Inna N.

*Doctor of philosophical sciences,
associate professor,
head of department
department of philosophy, Krasnoyarsk
state agrarian university
Krasnoyarsk
e-mail: inna_krug@mail.ru*

ТЕОЛОГИЯ КАК МЕТАДИСКУРС В СОВРЕМЕННОМ ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ: ВЫЗОВЫ ПОСТСЕКУЛЯРИЗМА

Theology as a meta-discourse in modern humanities:
challenges of post-secularism

Аннотация: *В статье даётся краткая характеристика философско-богословскому направлению ортодоксальной теологии. Последнее можно рассматривать как оппонента либеральной теологии, а также как критика самоочевидности секулярных принципов мышления в социально-гуманитарном знании. Обозначаются причины появления и признания ортодоксальной теологии в пространстве современной мысли. Показана направленность ортодоксальной теологии на разоблачение претензий социальной науки выступать метадискурсом в отношении исследования природы религиозных феноменов. Данное интеллектуальное движение репрезентирует современную эпоху как эпоху постсекуляризма.*

Abstract: *The article gives a brief description of the philosophical and theological direction of Orthodox theology. The latter can be seen as an opponent of liberal theology, as well as a critique of the self-evidence of secular principles of thinking in social and humanitarian knowledge. The reasons for the emergence and recognition of Orthodox theology in the space of modern thought are outlined. The focus of Orthodox theology on exposing the claims of social science to act as a meta-discourse in relation to the study of the nature of religious phenomena is*

shown. This intellectual movement represents the modern era as the era of post-secularism.

Ключевые слова: теология, ортодоксальная теология, метадискурс, социально-гуманитарное знание, постсекуляризм, Дж. Милбанк.

Keywords: theology, Orthodox theology, meta-discourse, social and humanitarian knowledge, post-secularism, J. Milbank.

Наша статья ставит, главным образом, информационную задачу: познакомить сибирских гуманитариев с теми новыми течениями, возникшими в начале нашего века в западной мысли, а также по возможности актуализировать не только новые труды философов, но и заявленную в них проблематику. Одной из таких проблем в современном гуманитарном знании стало обоснование теологической рациональности в качестве дискурса, не только описывающего самого себя, но и способного стать метанарративом и для других областей общественного знания.

В 1998 году в западной интеллектуальной культуре появилось движение, основателем которого стал Джон Милбанк — английский профессор кафедры теологии и религиоведения Ноттингемского университета. Импульсом развития данного движения стала книга Милбанка, вышедшая в 1990 году, «Теология и социальная теория: по ту сторону секулярного разума». Несмотря на теологический характер и принадлежность основателя к англиканской церкви, движение не стало узкоконфессиональным и объединило представителей других церквей — и католических, и протестантских, и православных. В том же 1998 году вышел в свет сборник английских и американских авторов, заявленный как своего рода манифест, под редакцией его трёх главных участников — Дж. Милбанка, К. Пиксток, Г. Ворда. В настоящее время центром движения является основанный Дж. Милбанком Centre of Theology and Philosophy при университете Ноттингема, задачей которого стало обоснование культурных процессов, меняющих сегодня направление и конфигурацию социально-гуманитарного знания.

В рамках этого движения речь идёт о богословском дискурсе, вознамерившемся противопоставить себя господствующему в западном христианстве направлению либеральной теологии. Поскольку последнее отождествляется с так называемой «теологией секуляризации», или — шире — «корреляционной» теологией, ставившей себе задачу снятия напряжения между современным гуманитарным знанием и христианским богословием, новоявленное движение приняло самоназвание «ортодоксальной теологии», подчёркивая противостояние принципам секуляризма и обращение к аутентичному теологическому знанию, применение которого в контексте гуманитарных наук стало центром обсуждения.

Что можно назвать в качестве причин не только рождения, но и признания ортодоксальной теологии? Бесспорно, в современной культуре произошло изменение в отношении к религии. Недаром конец XX в. и начало XXI в. называют «постсекулярной эпохой», поскольку ожидаемой и предсказанной социальными теориями смерти религии так и не произошло. Религиозный подъём 70-х гг. — это и Иранская революция, и расцвет не только исламского, но и христианского фундаментализма, и самые разнообразные религиозные движения (от протестантских до буддистских) — всё это позволило, например, отечественному исследователю социологии религии, Д. Узланеру, написать: «Значимость Иранской революции для осмысления секуляризации трудно переоценить. Во-первых, она доказала, что религиозный фундаментализм является реальной силой, способной оказывать серьёзное и, главное, продолжительное влияние на ход исторических процессов. Во-вторых, оказалось, что полноценная десекуляризация возможна и что модернизация вовсе не обязательно ведёт к превращению модернизирующегося общества в свой западный прототип. В-третьих, революция оказала отрезвляющее воздействие на многих западных интеллектуалов, понявших, что религия и, в частности, ислам — не архаичная сила, но мощная революционная идеология.

В каком-то смысле можно говорить, что мир после Иранской революции вступил в новую фазу» [4, с. 119].

Верно и то, что активизация в модернистских и постмодернистских типах мышления теологической проблематики — «это своеобразная реакция на десакрализацию, как субъекта, так и всей культуры, это — один из способов, благодаря которому „современность“ рефлектирует и преодолевает себя в качестве забытого Священного» [1, с. 109]. Культурный и философский постмодерн позволяет выйти из-под опеки идеи всеобщего разума, универсального и единого на все времена, самосуществующего в пространстве собственной рефлексии. Дойдя до пределов своих возможностей, абсолютный разум погружается в иное себе, реабилитируя миф, игру, бессознательное, а также феномен религиозного.

В своей нашумевшей книге Дж. Милбанк выступил не только с рациональным обоснованием тезиса о необходимости актуализации ортодоксальной теологии, но, как указывает А. Кырлежев, «продемонстрировал плодотворность самого что ни на есть современного исследовательского подхода: он предложил генеалогию (или «археологию»), вскрывающую процесс формирования современных понятий, и деконструировал фундаментальный для современной культуры и мысли концепт «секулярного» (или «светского»)» [2, с. 30].

Милбанк показывает, как в эпоху позднего Средневековья усилиями интеллектуалов происходит отказ от теологических понятий, секуляризованный вариант которых лёг в основание формирующегося научного знания, в результате чего последнее стало претендовать не только на самописание, но и на доказательство утраты религией и теологией своего потенциала как результата естественного процесса эволюции модернизирующегося общества.

Давая краткую аннотацию своего труда, Милбанк так характеризует его направленность: «Данная книга предназначена как для социальных теоретиков, так и для теологов. Что касается социальных теоретиков, то им я попытаюсь продемонстриро-

вать возможность скептической деконструкции современной светской социальной теории. Такая деконструкция будет произведена с позиций того мировоззрения, с которым эта теория находится в противоречии: в нашем случае — это христианство. Я попытаюсь показать, что все наиболее важные основополагающие допущения такой теории тесно связаны с модификацией или отречением от ортодоксальных христианских позиций. Я буду доказывать, что данные фундаментальные интеллектуальные сдвиги являются не более рационально „оправданными“, чем сами христианские позиции. <...> Что касается теологов, то им я предлагаю свою версию перспективного позитивного проекта. То, что последует далее, призвано преодолеть пафос современной теологии и восстановить в терминах постмодерна возможность существования теологии как метадискурса» [1, с. 30].

Рациональность постмодерна открыла возможность разрушения той непроницаемости, которая царила между объективистским мышлением общественных наук и теологическим подходом. Оказалось, что теология, будучи культурным и интеллектуальным конструктом с более чем тысячелетней историей, способна выработать собственное самопонимание.

Первое, на что обращает внимание Д. Милбанк: невозможность редукции религиозных феноменов к феноменам социальным. Именно такая редукция характерна для общественных наук, поставивших теологию под подозрение в качестве «не объясняющей функции» в поиске естественных причин естественного разума и наделивших принципы секулярного мышления презумпцией невиновности. Современная социальная наука, показывает Милбанк, стремится удерживать религию на периферии социального целого, отрицая за ней способность быть основополагающей для символического структурирования любого общества. Только в этом случае «социальное» может быть рассмотрено как «целое», частью которого является некий «религиозный феномен». Как настаивает Милбанк, из этого радикального подозрения к религии и родилась социаль-

ная наука в качестве притязания на метадискурс, способный описать все проявления «социального», включая религиозные феномены. В рамках секулярности религия представляется как некое неизбежное ирреальное, возвышающее индивидуума, за которым следует установить надзор.

В русском переводе одной из глав «Надзор за возвышенным: критика социологии религии» из книги «Теология и социальная теория: по ту сторону секулярного разума» мы подобрали пару примеров, при помощи которых Милбанк показывает характерную для социальных наук направленность исследовательского зрения видеть в «религиозном» только социальные коннотации [3].

Как известно, функционалистская социология настаивает на том, что ничего не добавляет метафизического, например, к историографии [3, с. 21]. Однако Милбанк показывает, как социологическое объяснение, допустим, библейских сюжетов, на самом деле превращается в еще одно повествовательное описание, то есть в метанарратив — не объясняющий, но предлагающий определенный «угол восприятия».

Довольно распространено среди современных библейских критиков доказывать, что поклонение Богу Яхве было, прежде всего, движением социальной направленности, которое легитимировало и определенные религиозные моменты. Действительно, соглашается Милбанк, трудно не признать того, что Израиль создал уникальные для своего времени социальные механизмы, способствовавшие развитию социального равенства и рассредоточения политической власти. Однако, настаивает Милбанк, сами иудеи всегда настаивали на соответствии теологических и политических аспектов своей истории: «почитание Яхве было неразрывно связано с вопросами справедливости и сакральной общности земли» [3, с. 22]. Милбанк справедливо замечает: «если поклонение Яхве было прежде всего социальной и политической функцией, то зачем тогда нужны вообще теологические представления?» [3, с. 23]. На самом деле: «имя „Яхве“ обнаруживает новый уровень „совести“, и без этого имени и связанной с ним веры остались бы лишь

идолопоклоннические культы власти и крови» [3, с. 23]. Получается, обобщает британский философ и богослов, в рамках функционалистской социологии религия истолковывается в духе Канта — как некий дополнительный уровень к нравственности, — на самом деле проецирующий на древний Израиль свойственное современному обществу разделение религии и морали.

Ещё один пример: очень распространено мнение — особенно, в марксизме — о том, что христианство выражало чаяния обездоленных и рабов, а также всех угнетённых социальных слоев населения. К примеру М. Вебер, напоминает Милбанк, смотрел на христианство как выражение упований, прежде всего, безместных средних классов городского населения, которые в отличие от оседлых крестьянских слоев и аристократических кругов были более всего готовы к принятию христианской веры. Исторические свидетельства, считает Милбанк, не подтверждают ни один из этих социологических выводов. Одновременно Милбанк настаивает и на том, что антисоциологический взгляд тоже не уместен. Безусловно, существует определённая корреляция между социальной принадлежностью и принадлежностью христианству. Книги Нового Завета показывают, что благая весть началась в провинциальной Галилее и только в последующие десятилетия, как уже церковное христианство, переходит в города.

Как альтернативная структура и локальное пространство общины в контексте пространства города, церковное христианство предложило городскому населению новые институциональные способы существования — радикальный отказ от захвата и перераспределения власти. Как выражается Милбанк: «архаичные и аграрные семена Евангелия укоренились в городах и взломали мостовые античного мира» [3, с. 29]. Да, первые христианские общины были похожи на существовавшие тогда институты Римской империи: средиземноморскому обществу поздней античности были свойственны структуры патронажа и дружбы, структуры «ойкоса» (домохозяйства), добровольных ассоциаций. Об этом очень хорошо пишет М. Фуко в своих поздних сочинениях,

посвящённых исследованию «заботы о себе», как парресиастических практик, показывая, как много берёт начинающее христианство из эллинистических форм публичного «говорения правды» [5]. Но, обращает наше внимание Милбанк, ни одна из этих структур не претендовала на охват всей полноты жизни человека, включая его повседневные заботы, и ни одна структура не понимала себя как «экклезия», что подчёркивает оригинальные черты первых церковных организаций, а также их самодостаточность и саморефлексивность, которые можно объяснить только теологическим содержанием благой вести.

В IV в. христианство стало культурной силой, задавшей новые координаты развития человеческого общества, в том числе радикально перестроившей интеллектуальные практики. В позднем Средневековье происходит отказ от христианства как метадискурса и переход к принципам секуляризма во всех областях, включая формирующееся научное знание. Движение ортодоксальной теологии можно рассматривать не только как одну из попыток «запустить» христианскую пайдею в гуманитарные науки, но и как вполне успешную форму существования теологии в парадигме современной философской мысли, активно меняющей конфигурацию социально-гуманитарного знания в сторону разоблачения секулярных принципов мышления как самоочевидных.

Список литературы

1. Круглова И. Н. Идея безумия и мистический дискурс как выражения христианского опыта веры // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2012. — № 2 (18). — с. 100–109.

2. Кырлежев А. Джон Милбанк: разум по ту сторону секулярного // Логос. — 2008. — 4 (67). — С. 28–32.

3. Милбанк Дж. Надзор за возвышенным: критика социологии религии // Государство. Религия. Церковь. — 2013. — № 3(31). — С. 210–284.

4. Узланер Д. А. Конец религии? История теории секуляризации. — М.: Изд. дом «Высшей школы экономики», 2019. — 240 с.

5. Фуко М. «Мужество истины. Управление собой и другими II. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983–1984 учебном году. — СПб.: Наука, 2014. — 358 с.

УДК 179.9

Кубасова Я. В.
старший преподаватель
кафедра философии, Красноярский
государственный аграрный университет
г. Красноярск
e-mail: gto11@mail.ru

Kubasova Yana V.
senior lecturer
department of philosophy,
Krasnoyarsk state agrarian university
Krasnoyarsk
e-mail: gto11@mail.ru

ДАРОВАНИЕ И ГЕНИАЛЬНОСТЬ

Talent and genius

Аннотация: В статье рассматривается сходство и различие понятий талант и гениальность, а также стадии, им предшествующие. В основе рассуждения лежит глава «Дарование и гениальность» из труда австрийского философа Отто Вейнингера «Пол и характер».

Abstract: The article examines the similarities and differences between the concepts of talent and genius, as well as the stages preceding them. The reasoning is based on the chapter “Talent and genius” from the work of the Austrian philosopher Otto Weininger “Gender and character”.

Ключевые слова: дар, гений, талант, способности, Отто Вейнингер, пол, характер.

Keywords: gift, genius, talent, ability, Otto Weininger, gender, character.

Прежде чем приступить к главным категориям статьи, а именно «талант» и «гений», стоит раскрыть такие понятия как «способность» и «одарённость», ведь большинство людей имеют способности (предрасположенность) к какой-либо сфере деятельности, или же обладая совокупностью каких-либо способностей для своей сферы, являются одарёнными в ней.

В случае со способностями можно говорить об индивидуальных особенностях личности, помогающих ей успешно заниматься той или иной деятельностью. Если посмотреть в истории философии, то можно выделить две противоположные точки зрения в отношении понимания и формирования способностей. Одну точку зрения выражают Р. Декарт и Г. В. Лейбниц, утверждая, что способности имеют врождённую природу и даны человеку в целостном, готовом виде. Другая точка зрения, идущая по стопам Дж. Локка, ставит на первое место внешние условия, в которых находится субъект, именно от этих условий будут зависеть его способности. Дж. Локк утверждал, что от рождения все люди одинаково стремятся к удовлетворению своих биологических, психологических потребностей. Так или иначе, каждый человек стремится быть счастливым, избегать несчастий, не оставаться голодным и т.д. Каждый человек наделен разумом. Но, последующие различия, наблюдаемые у людей в обществе, в большей степени будут зависеть от условий проживания, воспитания, окружения и т.д. То есть проявление тех или иных способностей будут зависеть от внешней среды.

Другое любопытное мнение в отношении способностей человека высказывал советский психолог Б. М. Теплов. Он утверждал, что способности не могут быть врождёнными, как и неверно сводить их к умениям, навыкам, знаниям, выработанным у субъекта. Способность он определял как «индивидуально-психологическую особенность человека», которая проявляется в лёгкости и быстроте приобретения определенных знаний, умений, навыков, но не сводящихся к ним. «Врождён-

ными могут быть лишь анатомо-физиологические особенности, т. е. задатки, которые лежат в основе развития способностей, сами же способности всегда являются результатом развития» [4, с. 9–20]. Здесь же можно сделать ремарку в отношении понятия «врождённый». Б. М. Теплов уточнял, что данное понятие не тождественно понятию «наследственный», то есть получаемый от родителей или предков. Здесь понятие «врождённый» исключает из себя социальный аспект, то есть субъект, обладающий врождёнными задатками = субъект, обладающий биологическими/физиологическими (особенностями организма) задатками.

Если обобщить вышесказанное, то способности являются начальной ступенью, которая обеспечивает человеку успех в той или иной деятельности, благодаря задаткам, присущим человеку на биологическом/физиологическом уровне. Приобретение тех или иных знаний, навыков, умений будет проходить легче, быстрее, если у человека есть способности к этому.

Соединив множество способностей, мы приблизимся к другому понятию — «одарённость». Последняя представляет собой совокупность способностей, позволяющих субъекту особенно успешно выполнять деятельность в какой-либо сфере, выделяясь среди конкурентов, но имея с ними одинаковые условия. Если раньше, в древности, одарённость представлялась исключительно божественным даром (божественным предопределением), то с развитием науки, с появлением специальных образовательных учреждений, было доказано, что одарённость базируется на задатках и способностях человека, которые имеют психофизиологические особенности развития личности. Хотя в Древней Греции, например, не исключался факт того, что способности можно развить в человеке, благодаря принятию и культивированию интеллектуальных, этических и др. добродетелей. Одним из первых, кто наиболее полно, обширно исследовал тему одарённости, считается испанский врач Хуан Уарте. Он указывал на природное происхождение способностей, не отрицая пользы воспитания и труда в их формировании. Х. Уарте

считал необходимым брать на государственную службу людей «великого ума и знания», которые способны распознать у молодого поколения предрасположенность к той или иной сфере, и соответственно направить их воспитание, обучение, труд в нужное русло. Таким образом, государственный аппарат будет иметь только одарённых, талантливых представителей, способных принимать адекватные, новаторские, перспективные решения.

Можно выделить специальную и общую одарённости, с той поправкой, что они не лишены взаимодействия друг с другом. Под общей понимается одарённость в нескольких сферах деятельности, в то время как специальная одарённость, указывает на успех только в одной сфере. Но история полна примеров, когда одарённость наиболее успешно проявляя себя в одной сфере, не лишает субъекта одарённости и способностей к совершенно другой сфере деятельности: М. В. Ломоносов, А. С. Пушкин, Фалес, Пифагор и др. Одарённость не является фактом достижения успеха, она является причиной, возможностью, реализуемой, благодаря полученным навыкам, умениям и знаниям. Вспоминая Плотина, ум людей, обладающих только способностями, можно обозначить как «утилитарно-практический». «Мудрость таких людей Плотин сравнивает с тяжёлыми птицами, слишком много взявшими с земли и потому не способными воспарить ввысь, хотя по природе они имеют крылья в виде ума, но ума самого низшего типа» [5, с. 63]. Ум людей талантливых можно отнести ко второму типу — «позитивно-изобретательному». «Люди этого рода обладают более живым, подвижным и развитым типом ума» [5, с. 63]. Это люди, движимые не только утилитарным интересом, но и тягой к прекрасному. Говоря о третьем типе ума, «созидательно-творческом», можно переходить к понятию «гениальность», ведь он присущ людям, «которые благодаря своим лучшим силам и острым глазам, как бы особой зоркости, видят горнюю славу и восходят Туда, как бы сверх облаков и здешней тьмы, и пребывают Там, видя поверх дольних вещей, наслаждаются в истинном месте, которое есть их собственное..» [3, с. 261].

Итак, в чём же отличие таланта от гениальности? Немецкий писатель Жан Поль определял так: «Односторонний талант даёт один тон, как струна клавира, когда её ударяет молоточек, — но гений подобен Эоловой арфе: одна и та же струна разыгрывается многообразием звучаний от многообразий дуновений ветра» [2, с. 86–87].

В качестве главной особенности таланта можно выделить уровень (степень) творчества. Талантливый человек обладает высокой степенью развития способностей. Этимология слова гласит, что «талант» в древности являлся мерой веса и денежной единицей. Но в раннехристианские времена приобретает иное значение — «способности». Считается, что переносное значение появилось в речевом обороте благодаря евангельской притче. Она повествует о господине, давшем перед отъездом своим трём рабам таланты. Одному пять, другому два, третьему один талант. По возвращении господина, первый раб приумножил свой талант, и стало у него не пять, а десять, второй тоже приумножил свой талант вдвое, а третий закопал в землю и лениво проводил время, за что господин отобрал у него единственный талант и передал его первому рабу. Мораль сей притчи гласит: всякому трудолюбивому дастся и преумножится, а у всякого праздного и ленивого отнимется не только данное, но и уже имеющееся.

Человек талантливый способен создавать нечто новое, творить, но делать это по уже имеющимся правилам, не выходя за рамки. Даже сегодня мы можем наблюдать огромное количество творческих личностей, художников, поэтов, писателей, экономистов и т. д., но гениев среди них мало, а то и вовсе нет.

С точки зрения Отто Вейнингера, между талантом и гениальностью нет ничего общего, это понятия противоположные. Талант, это то, что можно передать по наследству, здесь автор приводит яркий пример семьи Бахов, среди которых были талантливые композиторы и музыканты, но гений из этой семьи вышел только один — Иоганн Себастьян Бах. Гений не переходит по наследству, гениальность есть условие изобретатель-

ности, оригинальности и индивидуальности. Есть люди, сверкающие своим умом на публике для того, чтобы снискать славу, и обязательно думают о том, одобрит ли их общество — они могут быть одарёнными, талантливыми, но гениальность от них далека. Великий Сократ, по свидетельствам Платона, в своё время сказал: «Я знаю, что ничего не знаю, но другие не знают и этого». В этом и есть одно из главных отличий гениального человека от остальных. Он способен признать собственное незнание, ведь объять всё знание просто невозможно.

В попытке анализа понятия «гениальность» О. Вейнингер ставит чёткие рамки его изучения, а именно — никакого дробления на составные части, только целостное изучение феномена. Обобщая, он делает вывод, что сущность гениальности изучается двумя подходами: либо биологический, либо метафизический. И оба варианта не являются совершенными. Клинический вариант утверждает, что «незначительные познания в этой области могут дать нам ключ к открытию самых сложных психологических проблем», в то время как «метафизика с высоты своего величия взирает на гениальность, чтобы включить её в свою систему» [1, с. 135]. И каждый из этих подходов отказывался смотреть на гениальность комплексно.

В качестве примера О. Вейнингер часто обращается к писателям. Ведь чтобы изобразить человека (героя), его необходимо понять, познать. Чтобы понять — необходимо иметь схожие с ним черты. Понять — значит носить этого человека в себе, следовательно, автору необходимо познать самого себя. Но это невозможно, так как субъект познания должен стать объектом познания, а человек не способен выйти за рамки своего собственного духовного бытия, чтобы посмотреть на себя со стороны. «Мы можем быть поняты только другими <...>. Этот другой должен обладать некоторыми чертами сходства с нами. <...> Понять человека — значит быть этим человеком и вместе с тем, быть собой» [1, с. 137]. Об этом, в своё время, нам говорила диалектика и «закон единства и борьбы противоположностей». Противоречие как источник развития. Чем больше автор поме-

щает в своё понимание героев (людей), тем он более гениален. «Нет гениального человека, который не был бы великим знатком людей» [1, с. 143].

Сущность гения постоянно развивается. Гений ещё в детстве может определить себе проект, забросить его, и вернуться к нему только в зрелости. Тень гения задевает даже внешность человека, ведь в разный период, в зависимости от состояния, лицо гения различно, а подчас и неузнаваемо.

Но что может оградить гения от соблазна совершить какое-либо преступление? Ведь, если мы исходим из мысли наличия противоположностей (сущности иных людей) в сущности гения, то он может обладать не только положительными характеристиками, но и негативными, несущими угрозу обществу. В такие моменты гений становится как древнеримский бог Янус, который имел ключ от небесных врат и возможность их отпирать и замыкать. Всё существо гения, всё богатство его духовного мира противится деструктивным искушениям. Именно духовное богатство мы можем назвать тем самым ключом Януса от небесных врат.

Гений способен подмечать не только внутренние (духовные) особенности людей, но и вдохновляться природой, подмечать её утончённость, закономерности, восхищаться её исключительностью. Ничто не может ускользнуть от внимания гения. Он способен наиболее глубоко понять окружающую действительность лишь только потому, что может, в силу своей особенности, подметить самые мельчайшие детали вещей. И, подмечая их, создать целостную картину бытия.

Гений чувствителен по своей природе. Мерой же гениальности является духовная восприимчивость к различиям. И если в случае с теорией одаренности, мы выделяем два направления: общую и специальную, то О. Вейнингер полностью отрицает наличие гениальности в какой-то конкретной сфере деятельности. Гениальность может быть только универсальной. Гений — универсален. И философ даёт такое определение гения: «человек, который всё знает, не изучив ничего» [1, с. 145]. Только

самостоятельное размышление о различных вещах, предметах, характерах поможет выработать собственное к ним отношение. Талант в данном случае является медиумом, «с помощью которого раскрывается сущность человека» [1, с. 146], но играет он менее значимую роль.

В заключение хочется сказать, что гений — это личность, идущая в авангарде. Личность, создающая нечто уникальное, инновационное, прорывное, то, что покажет необходимый путь человечеству, его развитию. Неважно, будет ли это сфера промышленная, этическая, военная, художественная — гений создаст новую эпоху. Он не действует в заданных рамках, не создаёт по существующим правилам, он создаёт свои правила, по которым будут действовать остальные. Гений создает универсалии духовной культуры и бесконечно стремится к совершенству.

Список литературы

1. Вейнингер О. Пол и характер. — М.: Из-во «Астрель», 2012. — 509 с.
2. Жан Поль. Приготовительная школа эстетики. — М.: «Искусство», 1981. — 448 с.
3. Плотин. Об Уме, идеях и сущем. / Пер. с древнегреч. и послес. Т. Г. Сидаша. — СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2005. — 317 с.
4. Теплов Б. М. Проблемы индивидуальных различий. — М, 1961. — 536 с.
5. Чернов С. В. Триадиическая диалектика гениальности // Философская школа. — 2018. — № 6. — с. 61–73.

УДК 1 (091)

Ломанов П. В.
кандидат культурологии,
старший научный сотрудник
Красноярский художественный
музей имени В. И. Сурикова
г. Красноярск
e-mail: lpv79@mail.ru

Lomanov Pavel V.
candidate of cultural sciences,
senior researcher
Krasnoyarsk art museum named
after V. I. Surikov
Krasnoyarsk
e-mail: lpv79@mail.ru

ПОНИМАНИЕ РЕЛИГИИ В ФИЛОСОФСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ ВЯЧ. И. ИВАНОВА

Understanding of religion in philosophical journalism by V. I. Ivanov

Аннотация: *Статья посвящена проблеме понимания феномена религии выдающимся русским поэтом и мыслителем Вяч. И. Ивановым. Обращается внимание на близость концепции религии Иванова с отдельными положениями «философии диалога» М. Бубера, С. Л. Франка и других мыслителей XX века. Также в статье отмечается особенность интерпретации феномена религии Вяч. И. Ивановым — истоком религии он считает переживание эротического экстаза.*

Abstract: *The article is devoted to the problem of understanding the phenomenon of religion by outstanding Russian poet and thinker V. I. Ivanov. Attention is drawn to the closeness of Ivanov's concept of religion with certain provisions of the "philosophy of dialogue" by M. Buber, S. L. Frank, and other thinkers of the XX century. The article also notes the peculiarity of the interpretation of the phenomenon of religion by V. I. Ivanov — he considers the experience of erotic ecstasy to be the source of religion.*

Ключевые слова: культура, религия, экстаз, диалог, философия религии.

Keywords: culture, religion, ecstasy, dialogue, philosophy of religion.

«Серебряный век» безусловно одна из ключевых эпох для отечественной художественной культуры. Но она же одна из важнейших в истории российской философ-

ской традиции. С художественными течениями Серебряного века связано развитие русской религиозной философии конца XIX — первой половины XX вв., так, например, В. С. Соловьёв (1853–1900), имя которого стало центральным для отечественной философской традиции, стоял у истоков одного из главных эстетических течений Серебряного века — русского символизма. В России в этот период сформировался особый тип философа-поэта, к нему принадлежали Андрей Белый, А. А. Блок, С. М. Соловьёв, М. А. Волошин и многие другие отечественные литераторы. Но, наверное, главным мыслителем среди поэтов стал Вячеслав Иванович Иванов (1866–1949), публицист, литературный критик, переводчик, владевший многими современными и древними языками, автор блестящих философских, исторических, искусствоведческих трудов; это был настоящий интеллигент, совмещавший научный труд с поэтическим творчеством. Кроме того, Вяч. И. Иванов оказал огромное влияние на весь культурный процесс в России в начале XX века. Его петербургская квартира, так называемая «Башня», в которой регулярно проводились литературные вечера, философские и литературные дискуссии, даже театральные постановки, стала настоящей творческой лабораторией и духовным центром для русской художественной элиты начала XX века. Вяч. И. Иванов, как и другие философствующие поэты его эпохи, был представителем эстетического течения «Символизм», которое в России, особенно в творчестве так называемых «младших символистов» — сам Вяч. И. Иванов, Андрей Белый, А. А. Блок и др., — из чисто эстетического постепенно переродилось в философское (большая часть поэтов, писавших философскую публицистику, были именно символистами). Для характеристики роли Иванова, его влияния на символизм как течение, и вообще на мысль всего Серебряного века уместно привести слова М. М. Бахтина: «Как мыслитель и личность Вяч. Иванов имел колоссальное значение. Теория символизма сложилась так или иначе под его влиянием. Все его современники — только поэты, он же был и учителем. Если бы его не

было как мыслителя, то, вероятно, русский символизм пошёл бы по другому пути» [1, с. 394].

Философия русского символизма (если мы в праве выделять её как направление), без сомнения, была религиозной философией. И принципиальным был сам подход, само понимание феномена религии, а в философском понимании символистами феномена религии важную роль сыграли концептуальные положения Иванова. В известном очерке «Ты Еси» 1907 года, Вяч. И. Иванов писал о природе религиозного переживания:

«Религия начинается в мистическом переживании (каковым в древнейшие времена является оргиастическое исступление) в момент дифференциации этого переживания, представляющей его сознанию как «одержание», т. е. исполнение души божеством, в неё вселяющимся и ею овладевающим. Экстаз есть раскрытие антиномии личности; и только тогда мы вправе утверждать как совершившийся факт религию в смысле душевного события, когда нам предстоит наличность внутреннего опыта, раскалывающего наше я на сферы „я“ и „ты“» [2 с. 91–92]. То есть началом религии вообще, истоком любой религиозности Вяч. И. Иванов так или иначе считает экстатический опыт.

Сама возможность такого опыта обусловлена ситуацией диалога. В том же очерке, продолжая вышеприведённое рассуждение, Иванов пишет: «Доколе человек называл „ты“ существа, вне его „я“ сущие, могла быть — скажет отвлечённо мыслящий (хотя историк знает изначальность внутреннего переживания в происхождении вер) — могла быть только religio в исконном смысле италийского слова: в смысле боязливой почтительности по отношению к окружающим человека духам и осторожной „оглядки“ на их скрытое присутствие, на заповедные их области и на все права их, не нарушаемые безнаказанно. Но то, что есть религия воистину, родилось из „ты“, которое человек сказал в себе тому, кого ощутил внутри себя сущим, будь то временный гость или пребывающий владыка» [там же]. И мы можем провести в этих рассуждениях Вяч. И. Иванова о сущности религии параллели с диалогической философией религии Мартина Бу-

бера, некоторыми положениями Ойгена Розенштока-Хюсси. То есть Иванов, в определённой мере, стал предшественником того направления европейской мысли (прежде всего в Германии), которую очень обобщённо можно назвать «философией диалога». Причём, как и Бубер (и его современники и коллеги Ф. Розенцвейг, О. Розеншток-Хюсси), к диалогу, как некому экзистенциальному основанию человеческого бытия вообще, Вяч. И. Иванов подошёл через феномен религиозности. Из русских мыслителей во многом конгениальным Вяч. И. Иванову был С. Л. Франк, который в своей работе «Духовные основы общества. Введение в социальную философию» (1930) так же именно диалог рассматривает как некое духовное основание для религии и самого общества, социального бытия [4].

Но в трактовке религии Вяч. И. Ивановым есть одна особенность — основа религиозности, этот самый диалог раскрывается, по Иванову, прежде всего через эротический экстаз. Именно эротический экстаз — основа любой подлинной религиозности. Другие представители «философии диалога», М. Бубер, С. Л. Франк и др. не связывали жёстко ситуацию экзистенциального диалога с экстатическим опытом (чаще всего они его вообще не касались). И данной особенности взглядов на религию Иванова есть объяснение. Вяч. И. Иванов был ницшеанцем, на его творчество огромное влияние оказывали труды Ф. Ницше, в особенности «Рождение трагедии из духа музыки». Иванова увлекает идея дионисийского начала культуры. Но в интерпретации идей Ф. Ницше у Вяч. Иванова есть одна особенность, он — христианин. И он пытается христианизировать главную антиномию, выделенную в культуре последовательным антихристианином Ф. Ницше: Аполлон — Дионис.

Проблеме «дионисийства» Иванов посвятил два больших монографических исследования, «Эллинская религия страдающего бога» (1904) и «Дионис и прадионисийство» (1923), а также множество статей и очерков. «Дионисийская» тема постоянно также звучит в его поэзии.

Философия религии Вяч. И. Иванова тесно связана с его философией искусства. М. М. Бахтин так характеризует концепцию художественного творчества Иванова:

«...Вяч. Иванов усматривает три пути: путь восхождения, путь нисхождения и хаос — дионисийское начало. И он пытается доказать, что в зависимости от того, как автор относится к предмету, его можно отнести к одному из этих трёх начал; все явления искусства подходят к одному из них.

Восхождение — это гордость, жестокость, и не только к другим, но и к себе. И раз оно жестоко, оно страдально. Это трагический путь к высоте, разрыв с землёй, гибель. Если восхождение не влечёт за собой нисхождения, оно бесплодно, потому что надмирно. Нисхождение — это символ радуги, улыбки, любви к земле, сохранившей память о небе.

...Третье начало — хаотическое, или дионисийское. Это разрыв личности, раздвоение, растроение, расчетверение и т. д. ... Всякое переживание эстетического порядка исторгает дух из граней личного. Восторг восхождения утверждает сверхличное; нисхождение обращает дух к внеличному; хаотическое, которое раскрывается в психологической категории исступления, безлично. В хаосе уничтожается личность не ради чего ни будь: она распадается на лики. Поэтому хаос всегда многолик. Хаос, дионисийское начало, и есть основа искусства» [1, с. 394–396].

Возвращаясь к христианству Иванова, следует уяснить, что дионисийский культ он считал одним из источников христианства. Растерзанный менадами Дионис — прообраз Христа, а эротический экстаз вакханок есть проявление подлинной религиозности. Но с точки зрения православной аскетики этот путь очень противоречив.

Аскетические практики православия знают и эрос, и экстаз как пути (ярко об этих путях свидетельствует, например, поэзия Симеона Нового Богослова). Но экстатические переживания аскетов-исихастов, описанные в православной монашеской литературе, требуют очень высокой степени вовлечённости в специальные молитвенные практики, духовного руководства,

чистоты жизни и т. д. Подобные переживания у большинства верующих будут свидетельствами прелести, либо даже одержимости. Более того, христианская аскетика включает множество иных практик, не заканчивается на экстазе, и не его имеет своей целью. Тесно связанная с философией искусства философия религии Вяч. И. Иванова не может однозначно быть принята в рамках христианской традиции. Иванов попытался христианизировать некоторые воспринятые у Ф. Ницше интенции и установки, но его подход к религии заведомо представляется неполным, ограниченным. Другой русский мыслитель, Г. П. Федотов в статье «О Св. Духе в природе и культуре», опубликованной в журнале Путь, в 1932 году даёт другую интерпретацию антиномии Дионис — Аполлон Ф. Ницше. Федотов пишет:

«Есть два извечных начала в культуре: труд и вдохновение. Культура в латинском смысле слова двойственна: *Cultura agri* и *culture Dei*. Как труд, культура уходит в землю, родственна её смиренной, чёрной глубине. Как труд, она немислима без орудий и без рассудочного знания, на этом пути возвышаясь до науки и до её небесных корней — в мире Логоса. Как вдохновение, культура возникает впервые в искусстве — в хорее, т. е. песне и пляске, неразрывно связанных с молитвой и культом. Древние были исполнены верой в божественный характер художественного вдохновения» [3, с. 235–236]. И далее: «Философствуя о греческой культуре, Ницше обозначил два её противоположные и связанные начала именами Аполлона и Диониса. Не желая уступить демонам ни аполлонического Сократа, ни дионисического Эсхила, мы, христиане, можем дать истинные имена божественным силам, действовавшим, и по апостолу Павлу, в дохристианской культуре. Это имена Логоса и Духа. Одно знаменует порядок, стройность, гармонию, другое — вдохновение, восторг, творческий порыв. Оба начала неизбежно присутствуют во всяком деле культуры. И ремесло, и труды земледельца невозможны без некоторой творческой радости. Само происхождение латинского слова „культура“ в первую

очередь связано с земледелием, т. е. с культурой обработки земли... Муза есть то псевдонимическое имя, под которым древние поэты призывали вдохновляющую благодать неведомого им Св. Духа (Ruah). Поэты (vates), как, может быть, и сивиллы Аполлона, получали пророчества, подобно Валааму, от Духа «глаголющего пророки». Не от Вельзевула же пророчествовал Вергилий о рождении божественного младенца?

Лишь в христианстве нам даны и неистощимые источники Св. Духа, и вместе с тем возможность хранения их чистоты. По-видимому, для язычества рабствование стихиям неизбежно. Его духоносность с необходимостью закона падшего мира вырождается в оргийность. Усилия орфиков и Платона вернуть Дионису, Эросу их чистую божественную жизнь были обречены на бессилие» [там же].

Г. П. Федотов в работе «О Св. Духе в природе и культуре» делает то, что не удалось в многочисленных работах, посвящённых дионисийству Вяч. И. Иванова, он даёт христианскую интерпретацию антиномии Дионис — Аполлон Ф. Ницше. А Попытка Вяч. И. Иванова «охристианизировать» ницшианскую модель культуры выглядит именно с христианской точки зрения неудачно. Конечно, это не умаляет роли Вяч. И. Иванова как мыслителя, многие его философские прозрения в свете истории философии XX века выглядят почти пророчески, здесь речь идёт прежде всего о «философии диалога». Иванов останется в истории русской мысли одним из важнейших её представителей. Однако его своеобразная концепция религии выглядит неудачной.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Вячеслав Иванов. Из лекций по истории русской литературы // Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1986. — С. 394–403.
2. Иванов В. И. Ты еси // Иванов В. И. Родное и вселенское. — М.: Республика, 1994. — С. 91–95.

3. Федотов Г. П. О Св. Духе в природе и культуре // Федотов Г. П. Собрание сочинений в двенадцати томах. Том второй. Статьи 1920–30-х гг. из журналов «Путь», «Православная мысль» и «Вестник РХСД». — М.: Мартис, 1998. — С. 232–244.

4. Франк С. Л. Духовные основы общества. — М., Республика, 1992. — 512 с.

УДК 179.6

Подъяпольская А. В.
кандидат философских наук,
библиотекарь отдела читальных
залов, Государственная универ-
сальная научная библиотека
Красноярского края
г. Красноярск,
e-mail: koukhova@mail.ru

Podyapolskaya Anastasiya V.
candidate of philosophical sciences,
librarian of the department
of reading rooms
Krasnoyarsk regional State universal
scientific library
Krasnoyarsk
e-mail: koukhova@mail.ru

ВОИНСКАЯ ЭТИКА И ПРИНЦИП НЕНАСИЛИЯ В ЭПОХУ ПАНДЕМИИ

Military ethics and the nonviolence principle during the pandemic era

Аннотация: В любой культуре воину приписываются определённые качества и нравственные принципы. В данной статье анализируются особенности русской воинской этики, рассматривается совокупность представлений о том, каким должен быть православный воин. Постепенно раскрывается взаимосвязь воинской этики с принципом ненасилия в его широком понимании.

Проведённое исследование показывает, что в эпоху пандемии воинская этика приобрела особо актуальное звучание. На микроуровне, т. е. на уровне межличностных отношений, воинская этика необходима каждому человеку, особенно тому, кто борется со страстями и желает стать ответственным христианином.

На макроуровне, т. е. на уровне общества, гармоничное существование возможно только в случае наличия в социуме некоторого количества личностей, готовых к самопожертвованию и работе в опасных условиях. Воинская этика необходима для совершенствования общества в современном мире.

***Abstract:** There are prescribed qualities and moral principles for a warrior of any culture. This article analyzes the features of Russian military ethics, considers the set of views of what an Orthodox warrior should be. The relationship between military ethics and the nonviolence principle is gradually revealed in its broadest sense.*

The study shows that military ethics has acquired a particularly relevant sound in the pandemic era. At the micro level, i.e., at the level of interpersonal relations, military ethics is necessary for every person to fight against passions.

At the macro level, i.e., at the level of society, a harmonious existence is only possible if in society there are a certain number of individuals who are ready to sacrifice themselves and work in dangerous conditions. Military ethics are necessary for the improvement of society in the modern world.

Ключевые слова: воинская этика, ненасилие, насилие, христианство и воинское служение, святые воины.

Keywords: military ethics, violence, nonviolence, Christianity and military service, warrior saints.

Воинская этика всегда строилась на нравственных основаниях. Да, война — это зло. Если воссоздать картину войны, эта картина будет страшной, ужасной, кровавой, жестокой... Но если словесно и эстетически (а может быть, просто мысленно) представить портрет истинного воина, то даже его внешность будет отличаться благородностью и правильностью черт, а характер смелостью, сдержанностью, честностью, стремлением к справедливости. Иначе говоря, ясно, что в любой культуре воину приписываются определённые качества и нравственные принципы. В данной статье речь пойдёт о русской культуре и даже уже — о православной культуре, о том, каким

должен быть православный воин. Будет проведён анализ основ воинской этики в Православии и рассмотрена их взаимосвязь с принципом ненасилия в его широком понимании.

А. С. Капто пишет о воинской этике: «Воинская этика является концентрированным выражением моральных принципов, норм, определяющих отношение человека к воинскому долгу. Многогранная нравственная деятельность воина требует как теоретического её выражения, так и профессионально-нормативного понимания. Именно поэтому существует двойное истолкование воинской этики — теоретическое и практически-поведенческое» [5, с. 506].

Если открыть «Военный энциклопедический словарь онлайн», то можно найти такое определение: «Воинская этика — (от греч. *ethikos* — касающийся нравственности, выражающий нравственные убеждения) составная часть этики как науки, изучающая и теоретически обосновывающая нормы и принципы воинской морали, её влияние на формирование морально-психологических и боевых качеств военнослужащих. Воинская этика отражает содержание воинской морали посредством специальных военно-этических категорий (воинский долг, войсковое товарищество, воинская честь, мужество, отвага и др.); Развитие воинской этики осуществляется на идеях российского государственного патриотизма, верности воинскому долгу, готовности защищать интересы страны» [16].

Обращаясь к православной традиции, стоит подчеркнуть, что известные евангельские слова «нет больше той любви, как если кто положит душу за друзей своих (Ин. 15:13) [1, с. 1190] являются наиболее значимыми для жизни и нравственной позиции православного воина. Этические принципы православного воина базируются на вере и жертвенности.

Соответственно, парадоксально, но воинская этика действительно связана с принципом ненасилия. Конечно, не с принципом ненасилия в его узком, можно сказать, чисто «толстовском» понимании (который заключается в непротивлении злу силою всегда, даже при самых тяжких и жестоких обстоятельствах),

а в более широком смысле, в частности, который подразумевается у И. А. Ильина [4], принципе сохранения жизни и любви ко всему живому с возможностью борьбы за жизнь в случае нападения.

Именно верность Богу и Отечеству должны быть настолько сильными, чтобы в случае необходимости не побояться отдать за них свою жизнь.

Корни этого христианского подхода уходят очень глубоко. С первых страниц Ветхого Завета немало примеров битв, победы в которых дарует Бог. Одним из важнейших эпизодов для понимания этики воина является сражение Давида и Голиафа. «Ты идешь на меня с мечом, копьем и дротиком, а я иду на тебя с именем Господа Воинств, Бога израильских войск, которые ты бесчестил. Сегодня же Господь предаст тебя в мои руки» — так говорит Давид перед сражением (1Цар, 17:45–46) [1, с. 326]. В этом эпизоде подчёркивается твёрдость веры будущего царя Давида, а также его преданность своему народу — народу Богоизбранному. Твёрдость веры у Давида настолько сильна, что ведёт к бесстрашию. Но, следует отметить, не ведёт к отсутствию подготовки: ведь, вспоминая, что с Богом было по силам одолеть льва, Давид изобретает и стратегию борьбы с Голиафом. Важно рассмотреть данную ситуацию этически: сочетание твёрдости веры, патриотичности и смелости станет образцом и для будущих православных воинов. Это то, что лежит на поверхности. Если же рассмотреть ситуацию глубже, то эпизод, связанный с Давидом, демонстрирует возрастание духовной силы как таковой: приходит время царствования Давида, и за то, что он следовал заповедям Господа, Бог дарует ему многочисленные победы и укрепит его царство в дальнейшем, у Саула же царствование отнимется. Эта ситуация многогранна, она применима не только к любому воину, но и к христианину: если человек твёрд в Вере, следует заповедям, то его духовное царство будет процветать; если же он отступает, то вероятность падения если не для него самого, то для его потомков становится реальностью. И здесь стоит подчеркнуть, что этика воина яв-

ляется не просто профессиональной этикой, но этикой любого христианина, т. к., в конечном счёте, любой христианин ведёт внутреннюю борьбу с добром и злом и является христианским воином.

Что же касается убийства, то как нравственный поступок существенно различаются убийство на войне и убийство бытовое уже в Ветхом Завете. Возвращаясь к жизни царя Давида, стоит подчеркнуть, что ему не было дано построить храм из-за большого количества проведённых войн, но позже, в более мирное время, храм был воздвигнут его сыном Соломоном.

В отличие от убийства, битва всегда освещается Господом (Втор. 20:1–11) [1, с. 224].

Мысль о том, что именно верность Богу способствует мирному существованию израильского государства, красной нитью проходит через весь Ветхий Завет. Моменты, когда согрешивший народ и его вожди приходят к молитве и покаянию, обозначены чудодейственным избавлением от врагов. Вот их далеко неполный список: после семидневного обхода пала стена Иерихона (см. Нв. 6:1–19), гром с неба навёл ужас на врагов Израиля (см. 1Цар. 7:10), напуганные филистимляне сами истребили друг друга (см. 1Цар. 14:1–23); Аммонитяне, Моавитяне и обитатели горы Сеира, собравшиеся против евреев, из военного альянса превратились во врагов и погибли от рук собственных союзников (2Пар. 20:22–24); ослеплённая армия врагов Израиля сама пришла и сдалась в плен (см. 4Цар. 6:8–23); Гедеон с помощью трубного звука обратил в бегство полчище Маданитян (см. Суд. 7:1–23), Ангел Господень поразил в стане Ассирийском 185 000 человек (Ис. 37:36) [2].

Данные эпизоды подтверждают, что одна из важнейших комплексных составляющих этики воина — вера. Об этом говорится и в 126-м псалме: «Если Господь города не охраняет — стража напрасно бдит» (Пс. 126:1) [1, с. 681]. То есть, согласно Библии, решающий исход любой битвы решает сам Бог и твёрдая вера воина, а не численное превосходство или реальные физические силы. В применении же к отдельному человеку

сочетание веры, преданности и стремления защитить ближнего составляет неотъемлемую формулу успеха воина. Но именно такое сочетание, а не его видоизменения.

В Православии считается, что необходимо защитить слабого, который по каким-либо причинам подвергается нападению, и это не противоречит словам Иисуса Христа из Нагорной проповеди. Оставляя немощного человека, женщин или детей без защиты, мы предоставляем возможность злу бесчинствовать [4]. В православном подходе к данной проблеме отражено диалектическое взаимодействие этих противоположных начал, которое выражено иначе, чем в восточной традиции. Прежде всего — разрешением применить физическое насилие в случае защиты ближнего или самозащиты.

Военная служба в Православии считается благословенной от Бога. Необходимость защищаться — вынужденная, но необходимая мера, а вместе с защитой от врага обязательно защищать и свою веру. В отличие от западной католической Церкви, которая однажды стала объектом политики воинственной Римской империи, отношение Православной Церкви к войне строилось на принципах самозащиты [15]. История Русской Церкви знает немало примеров, когда сами священники становились воинами, в том числе участвовали в самых крупных отечественных войнах 1812 г. и 1941–1945 гг. Проявление милосердия друг к другу и к врагам — это та этическая планка, на которую обязан был подняться православный воин [3, с. 220].

«За Веру, Царя и Отечество» — известный лозунг, который давал разрешение использовать насилие лишь дозировано, в определённых пределах. Любовь к родной стране, желание её защитить оценивалось исключительно положительно. Есть немало православных воинов, причисленных к лику святых — святые Георгий Победоносец, Александр Невский, Дмитрий Донской, Александр Пересвет, Андрей Ослябя, Фёдор Ушаков и другие. Стоит подчеркнуть, что их жизнь наполнена не только героическими поступками, но и борьбой за веру. «Обстоятельства, влекущие церковное прославление, невозможно при-

знать за случайные. Евангелие и феноменология святости есть органичное целое. Так же, как Слово Божие даёт указание пути для подвижника, так его опыт, переживаемые обстоятельства и предпринимаемые усилия служат дальнейшему уточнению и раскрытию содержания новозаветного откровения. ...Однако же рамка пацифизма узка, и христианство в конечном итоге не является пленником отдельно взятого принципа, даже такого важного, как запрет на лишение жизни» [13]. Воины, ставшие святыми, были причислены к лику святых в соответствии со строгими религиозными канонами. Деяния, описанные в их житиях, были значимыми не только для защиты родного Отечества от врагов, но и являлись вкладом в распространение и укрепление православной веры в нашей стране.

В определенные периоды воинская этика становится навигатором не только для тех людей, которые оказываются в центре боевых действий, защищая Отечество и родных, но и для тех, кто остаётся в тылу — и для врачей, и для некоторых других профессий.

Так, общеизвестный факт, что во время Великой Отечественной войны огромный подвиг совершали люди, работающие на заводах. Если этот подвиг рассматривать подробно, то он действительно поражает с точки зрения пределов человеческой выносливости: так и в Красноярском крае люди ели минимум еды или даже голодали, но при этом выполняли либо даже перевыполняли рабочие нормы [6].

Подвиг совершали врачи, один из самых известных — подвиг святителя Луки (В. Ф. Войно-Ясенецкого). Нет сомнений, что главной частью его подвига было отстаивание веры в столь сложный временной период. В его жизни, этических установках и деятельности действительно были исполнены слова «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15:13). Он даёт толкование на данные слова из Евангелия, приводя пример жития святой Иулиании Лазаревской: «Жестокая моровая язва, повальная болезнь, страшно заразительная, от которой умирали люди тысячами, свирепство-

вала на Руси. В страхе и ужасе люди запирались в домах своих. Что же делает св. Иулиания? Она без всякого страха идёт туда, где умирают несчастные, она им служит. Она не боится заразиться и готова жизнь свою отдать, служа несчастным умирающим. Господь её сохранил, она продолжала жить в праведности и мире, скончалась святая Иулиания своей смертью. Вот пример того, как может каждый из нас отдать жизнь свою, чтобы опять принять её» [7]. Кроме того, святая Иулиания Лазаревская кормила людей в период голода, хотя и сама голодала, научила слуг готовить еду из лебеды (чтоб у них не было искушения съесть человеческое мясо).

Пример, приведённый св. Лукой, подчёркивает, что в разные времена и в разных точках пространства требовались люди, которые внутренне становятся воинами и готовы отдать жизнь за Веру и Отечество, отдать жизнь за друзей своих.

Одним из таких людей был и Н. И. Пирогов. Известный хирург выполнял огромное количество операций в военных условиях. В то время о стерильности — в том смысле, в котором понимают её нынешние современники — не приходилось и говорить. Но созданные хирургом методы сортировки раненых, способы наркоза и приёмы оперативного вмешательства помогли сохранить жизнь и здоровье огромному количеству людей. В процессе своей профессиональной деятельности, путём долгих исканий, Н. И. Пирогов пришёл к православной вере. Свои поиски и своё мировоззрение он отразил в произведении «Вопросы жизни», ныне популярном и выдержавшем уже несколько переизданий (в частности, если анализировать фонды Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края, это произведение не раз переиздавалось в последние десятилетия и является достаточно популярным). В 2020 году не раз говорилось о возможной канонизации Н. И. Пирогова, материалы к которой собраны в книге Президента Национального медико-хирургического Центра им. Н. И. Пирогова, академика РАН, доктора медицинских наук, доктора богословских наук, профессора Ю. Л. Шевченко (архимандрита Георгия) [11].

Также в ушедшем, 2020 году, президентом России В. В. Путиным был учреждён орден им. Н. И. Пирогова и медаль святого Луки Крымского для врачей за работу в особо тяжёлых и опасных условиях [12]. И, действительно, пандемия принесла с собой новые условия жизни, она похожа на войну, т. к. изменила сознание общества, заставила людей жить в постоянной опасности, а следовательно, требует постоянной духовной мобилизации от людей. Как неоднократно говорил Патриарх Кирилл, «Господь — Царь истории» [8], [14]. Данный подход имеет научное обоснование. Так, М. П. Погодин в своей книге «Простая речь о мудрёных вещах» приходит к выводу, что историю не может творить только народ и отдельные, высокостоящие личности, есть, несомненно, кто-то над всеми [10]. Конечно, это один из субъективных взглядов на исторический процесс, и, тем не менее, обоснованный и удивительно подходящий к нынешнему времени. Ведь именно сегодня в обществе происходит перемена сознания. Ситуации, выводящие общество из равновесия — а такой ситуацией стало возникновение нового вируса — не меняют радикально систему нравственных координат, но могут повернуть этический вектор в другую, более верную и нужную на данный момент сторону. Люди учатся по-другому мыслить, в большей степени заботиться о близких и ближних, взаимодействовать в дистанционной среде, по-новому организовывать свой труд. В эпоху пандемии обществу нужна собранность, сплочённость, соборность. Пандемию можно сравнить с вышеописанным военными временами, когда героизм требовался и всему народу, и отдельным личностям, а победа становилась достижением всего народа.

Любое захватническое нападение заставляет народ, выражаясь словами И. А. Ильина, «сопротивляться злу силою» [4], а нападение коронавируса — собрать силы общества для выживания в новых условиях с сохранением нравственных принципов, ценностей и идеалов. Несмотря на это, важно в различных сферах жизни организовать трудовую деятельность и досуг. Здесь на помощь приходят новые технологии, дистанционные

форматы. Но в тех сферах, где применение данных технологий и форматов возможно в меньшей степени, специалистам приходится подвергаться риску и идти на самопожертвование — и в наше время это жертва, действительно необходимая обществу, как на войне.

Неудивительно, что воинская этика в наше время приобрела особо актуальное звучание. На микроуровне, т. е. на уровне межличностных отношений воинская этика необходима каждому человеку, особенно тому, кто крещён в Православии и желает стать ответственным христианином — ибо каждый день, каждую минуту, каждую секунду ему необходимо сражаться со своим внутренним «Голиафом», то есть со своими греховными желаниями и устремлениями. В этом процессе происходит диалектическое взаимодействие насилия и ненасилия, ибо, несмотря на видимое, «ненасильственное» бездействие, внутренне происходит настоящая насильственная борьба, чтобы победить желания. Так рождаются силы, столь нужные личности для того, чтобы в случае необходимости пожертвовать чем-то, возможно, очень ценным (может быть, даже своей жизнью) из любви к кому-то другому или к целому коллективу людей.

На макроуровне, т. е. на уровне общества гармоничное существование возможно только в случае наличия в социуме некоторого количества тех самых личностей, готовых пожертвовать, если нужно, даже собственной жизнью.

В военную эпоху — это подвиги, когда кто-то ценой жизни спасает коллектив, в наше время — подвиги работающих в эпидемиологически опасных зонах, да и в более простые, мирные времена, всегда есть отдельные люди, определённые ситуации, требующие жертвования и героизма.

Таким образом, вне зависимости от времени, воинская этика необходима всему обществу для того, чтоб остановить агрессию и насилие, для мирного существования социума. В сознании русского общества, в архетипической памяти народа, живут представления о святых православных воинах, они передаются из поколения в поколения и влияют на поступки людей. И, сто-

ит подчеркнуть, что это не просто патриотизм, а то самое, коллективное «сопротивление злу силою» [4], которое является ключом к совершенствованию современного общества.

Список литературы

1. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета, канонические. — М.: Российское библейское общество, 2001. — 1230 с.

2. Библия о войнах, врагах и насилии // Апологетика [Электронный ресурс]. — URL: <https://apologetica.ru/video/Bibliia-o-voinah-vragah-nasilii-tolkovanie.html> (дата обращения 06.01.2021).

3. Григорьев А. Б. Вера и Верность: очерки из истории отношений Русской Православной Церкви и Российской армии. — Москва: Кучково поле, 2005. — 471 с.

4. Ильин И. А. О сопротивлении злу силою. — Москва: Айрис-Пресс, 2005. — 576 с.

5. Капто А. С. Профессиональная этика. — Москва: Ростов-на-Дону: СКАГС, 2006. — 799 с.

6. Красноярский край в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.krskstate.ru/about/history/0/id/14830/> (дата обращения 23.01.2021).

7. Свт. Лука Крымский. Толкования на Ин. 15:13 // Толкования священного писания [Электронный ресурс]. — URL: <http://bible.optina.ru/new:in:15:13> (дата обращения 24.12.2020).

8. Патриаршая проповедь в праздник Входа Господня в Иерусалим после Литургии в храме Христа Спасителя 12 апреля 2020 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5620978.html> (дата обращения 27.12.2020).

9. Пирогов Н. И. Вопросы жизни: дневник старого врача, писанный исключительно для самого себя, но не без задней мысли, что может быть когда-нибудь прочтет и кто другой, 5 ноября 1879 — 22 октября 1881. — М.: Книжный Клуб Книговек; СПб.: Северо-Запад, 2010. — 607 с.

10. Погодин М. П. Простая речь о мудреных вещах. — Москва: Бриз, 2009. — 511 с.

11. Под редакцией Ю. Л. Шевченко вышла в свет книга «Праведный и Чудесный доктор Николай Пирогов: врач, учёный, педагог, философ и религиозный мыслитель (материалы к канонизации)» [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.pirogov-center.ru/about/press-centre/news/detail.php?ID=5085> (дата обращения 29.11.2020).

12. Путин учредил орден Пирогова и медаль Луки Крымского [Электронный ресурс]. — URL: <https://tass.ru/obschestvo/8770815> (дата обращения 29.11.2020).

13. Рогозянский А. Сильная рука и кротость сердца [Электронный ресурс]. — URL: <https://pravoslavie.ru/98436.html> (дата обращения 17.01.2021).

14. Святейший патриарх Кирилл: дай Бог, чтобы главным уроком пандемии стало обновление веры [Электронный ресурс]. — URL: <https://pravoslavie.ru/132759.html> (дата обращения 29.12.2020).

15. Чаплин А. Святость воинского служения по учению Церкви // Москва, июль 2018 [Электронный ресурс]. — URL: http://moskvam.ru/publications/publication_1998.html (дата обращения 19.01.2021).

16. Этика воинская // Военный энциклопедический словарь. [Электронный ресурс]. — URL: https://1564.slovaronline.com/11980-этика_воинская (дата обращения 18.01.2021).

XXI КРАСНОЯРСКИЕ КРАЕВЫЕ РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ЧТЕНИЯ

Интернет-страница Чтений: kroc.kerpc.ru

Корректоры – Р. Е. Бобров, В. Г. Бурнышева
Вёрстка – Е. С. Проценко

Архиерейский образовательный центр
Красноярской епархии Русской Православной Церкви
660049, г. Красноярск, ул. Горького, 27, оф. 1–09
Тел. +7 (923)355-01-95
Эл. почта: kerpc@mail.ru

Красноярская региональная общественная организация
духовно-нравственного возрождения Сибири «Ладанка»
Тел. +7 (391)211-82-69
Эл. почта: kerpc@mail.ru

Допечатная подготовка:
Издательский дом «Восточная Сибирь»
660049, г. Красноярск, пр. Мира, 43, оф. 1
Тел. +7(391)232-50-84
Эл. почта: mira43@mail.ru

Подписано в печать 20.11.2021. Формат 60x90/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 25. Тираж 800 экз. Заказ № 77349

Отпечатано: ПК «Ситалл».
г. Красноярск, тел. 8 (391) 218-05-15, sitall@sitall.com.